

МАСТЕРА РУССКОГО
СТИХОТВОРНОГО
ПЕРЕВОДА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
Н. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

МАСТЕРА РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Е. Г. Эткинда*

КНИГА ВТОРАЯ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1968

PC (И)
Mac-3I

7-4-4
376-68

СТИХОТВОРЕНИЯ

Генри Лонгфелло

414. СОН НЕВОЛЬНИКА

У нивы рисовой он спал,
С серпом своим в руке;
Раскрыта грудь его была,
И волосы в песке;
И видел, сквозь неясный сон,
Родную землю он.

Привольно там свои валы
Могучий Нигр катил,
А он, по-прежнему, царем
Под пальмами ходил.
И караваны по горам,
Звеня, спускались там.

И видел он свою жену,
Своих детей опять:
Они бросались к нему,
Чтобы его обнять;
И слезы у него со щек
Скатились на песок.

А вот — он мчится на коне,
Там, у реки родной,
И повод сделан у него
Из цепи золотой,
И меч его стучит, звеня,
О бок его коня.

Вот гуси красные летят:
Следит он их полет
С утра до ночи, среди равнин,
Где тамаринд растет,
До хижин кафров и до стран,
Где виден океан.

Он слышал ночью вой гиен
И льва могучий рев,
В глухой реке гиппопотам
Шумел меж тростников;
Всё это в грезах пронеслось
И в чудный гул слилось.

Свободе пели гимн леса
Его родимых стран,
И резво мчался и шумел
Пустынный ураган.
И, вздрогнув, улыбнулся он
При звуках тех, сквозь сон.

Его уже не мучил зной,
Хлыста он не слышал:
Навеки дух его свои
Оковы разорвал,
И умер он среди сладких грез,
Без ропота и слез.

(1861)

Фрэнсис Брет Гарт

415. РЕЙНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Место: замок на вершине,
Обвиваемый плющом,
Стен громадная твердыня,
Из камней, покрытых мхом;
Флаг над башнею с зубцами,
И темница с вышины
Смотрит в бездну, над струями

Мрачно блещущей волны, —
Терем нежного создання
И разбойничий приют,
Где любовь, и злодеянье,
И насилие живут.

Лица: смелый кровопийца,
Презирающий закон,
Бигамист, отцеубийца,
В сталь закованный барон;
И томимая тоскою
Соблазненная краса,
Устремившая с мольбою
Слезный взор свой в небеса;
Воин, в битвах закаленный,
Менестрель, монах, солдат,
И пустынный изнуренный,
И откормленный аббат.

Факты: буйные потехи,
Безобразные пиры,
И тяжелые доспехи,
Пытки, плахи и костры;
И предсмертные мученья,
И секиры палачей,
Подземелья, привиденья
И зловещий звук цепей;
Клещи, дыбы и распятыя,
В полночь колокола звон,
И молитвы, и проклятыя,
И несчастной жертвы стон;
И глухой вассалов ропот,
Сёла в пламени, в крови,
И под липой страстный шепот,
Клятвы нежные любви;
Придорожные герои,
Ограбление купцов,
И убийства, и разбой
Благородных удальцов.

Вот вам рейнские сказанья!
Вы найдете в них всегда

Все возможные деянья,
Кроме честного труда.
Провиденье охраняет
Знатных рыцарей и дам,
А холопов присуждает
К скорби, гнету и слезам.
Сильным — блеск и ликованье,
Слабым — бедность и печаль:
Вот вам рейнские сказанья,
Их всегдашняя мораль!

(1896)

Шарль Бодлер

416. СУМЕРКИ

О скорбь моя, уймись, — не будь такой безумной;
Ты вечера ждала — смотри, он настает,
И, сумраком своим окутав город шумный,
Одним приносит мир, другим же тьму забот.

Безумные спешат на голос наслажденья:
Пусть этот злой палач их мучит без конца
И сеет семена для жатвы угрызенья,
Вливая сладкий яд в их слабые сердца.

Но ты уйди от них в спокойствие природы;
Смотри на небеса, в немую эту даль:
Отголь глядят на нас исчезнувшие годы
И улыбается минувшая печаль.

Взгляни, как солнца луч под аркой догорает;
В последний раз сверкнул он искрой золотой.
И звездный свой покров по небу расстилает
Ночь тихая, идя неслышною стопой. . .

(1896)

Генрих Гейне

417

Бог весть, где она сокрылась,
Сумасбродная моя!
С сердцем рыскал, в дождь и слякоть,
Всюду по городу я.

Все трактиры я обегал
За беглянкою моей
И спрашивал напрасно
Грубых кельнеров о ней.

Вдруг я вижу — мне кивает
С звонким смехом из окна.
Мог ли знать я, что попала
Во дворец такой она! . .

1857

418

От нас выступают гусары,
Я слышу их музыки звук,
И с розовым пышным букетом
К тебе прихожу я, мой друг.

Тут дикое было хозяйство, —
Толпа и погром боевой. . .
И даже, мой друг, в твоём сердце
Большой был военный постой.

1857

Пусть на землю снег валится,
 Вихрь крутит и буря злится,
 Пусть стучит ко мне в окно. . .
 Нужды нет. . . мне всё равно:
 Образ милой надо мною
 Веет тихую весною. . .

1857

Поутру встаю я с мыслью:
 Если б милая пришла!
 Вечеру ложусь с досадой:
 Нет, и нынче не была!

И в ночи с моей тоскою
 Я без сна лежу,
 И в мечтах, как полусонный.
 Целый день брожу.

1857

Ночь глухая была холодна и страшна,
 Я по лесу бродил всё с тоской и проклятьем;
 И деревья в лесу пробудил я от сна,
 И они головой покачали с участием. . .

1857

Джордж Гордон Байрон

422. EUTHANASIA ¹

Когда, свершив свое земное назначенье,
Скажу себе: «Пора почить безгрезным сном!» —
Ты осенй в тот час, о сладкое забвенье,
Мой смертный одр твоим ласкающим крылом!

Не надо мне ни тех, кому с моим наследством,
Ни даже тех, кому со мной расстаться жаль,
Ни дев с распушенной косою — жалким средством
Изображать свою обычную печаль.

Нет! пусть сольюсь я в тиши с земной скуделью,
Без общепринятых стенаний над собой,
Не став помехою чьему-нибудь веселью
И дружбы не смутив неожиданною слезой.

Но если бы любовь в подобный час остаться
Могла покойною и вздох унять в груди —
В последний раз вся власть ее могла б сказаться
В той, что живет, и в том, кто должен отойти.

Как сладко было б видеть мне, моя Психея,
Что смотришь до конца ты ясно и светло!
Само страдание забылось бы и, млея,
С улыбкой счастья в мир лучший отошло.

¹ Сон, в который погружают умирающего, желая избавить его от мучительной агонии (лат.). — *Ред.*

Но тщетно! красота уходит поневоле,
По мере как бежит дыхание от нас,
И слезы женщины, текущие по воле,
Лгут в жизни и дарят бессильем в смертный час.

Да будет же мое последнее дыханье
Не остановлено присутствием людским!
Для нас, людей, ведь смерть не есть уж ожиданье,
И скорбь земли давно неведома уж им. . .

Да! умереть, уйти навек и без возврата
Туда, куда уйдет и каждый из людей,
Стать снова тем «ничто», которым был когда-то,
Пред тем как в мир пришел для жизни и скорбей.

Сочти все радости, что на житейском пире
Из чаши счастья пришлось тебе испить,
И убедись, что, чем бы ни был ты в сем мире, —
Есть нечто более отрадное: не быть!

(1871)

Фридрих Шиллер

423. ОДИССЕЙ

Долго отчизны искал сын хитроумный Лаэрта;
Много земель обошел, много морей переплыл,
Много трудов перенес, много опасностей встретил;
Сцилле ревущей внимал, пасти Харибды прошел;
К темени гор восходил, в мрак преисподний спускался;
Тщетно! Нигде не обрел к родине милой пути.
Что же? когда у кормы сном опочил он глубоким, —
В пристань Итаки святой кормчий направил
корабль;
Бросили якорь пловцы; царственный странник проснулся,
Вежды открыл, но в тот миг родины он не узнал!

1861

424. КОЛУМБ

С богом, отважный пловец! Пусть раздаются насмешки!
Пусть из усталой руки руль непокорный скользит!
Смело на запад плыви: берег там ўзришь желанный. . .
Ты уж завидел его разумом вещим своим!
Вверься деснице творца, в путь тебя мощно подвигшей, —
Гений с природой, поверь, будут всегда заодно:
Всё, что предрек он толпе, строго исполнит природа.
Выдать дерзнет ли она черни любимца небес:
Ежели берега нет — там, где обещан он миру,
Чудом воспрянет он сам вдруг из пучины морской.

1861

425. ВОСТОК

Запад, Юг в крови дымятся,
Троны зыблются, валятся;
Я стремлюсь душой к Востоку;
Там в степях раздолье оку,
Там дышать вольнее груди,
Там любить умеют люди.

Там постиг бы я то время —
Век, когда людское племя
Первой жизнью дышало
И из уст творца вселенной
Чистым сердцем принимало
Тайны жизни сокровенной —
Веры чистое ученье,
Не томясь тоской сомненья.
Там бы ум мой освежился
Духом жизни первобытной
И тревожно не томился
Жаждой знанья ненасытной.
И жилось бы мне, как жили
Древле пастыри-народы:
Им шатром роскошным были
Лишь небес лазурных своды.
И холодного рассудка
Я смирил бы скучный ропот,
И внимал бы сердцем чутко
Я природы тайный шепот. . .

1870

Альфред Мюссе

426. СТРАДАНИЕ

Нет, не вотще благое провиденье
На землю к нам беду и горе шлет. . .
Страданье! . . В нем есть сила откровенья;

Лишь тот себя оценит и поймет,
Поймет свой долг и жизни назначенье,
Кто скорбный путь страдания пройдет:
Тогда лишь в нас не суетны желанья,
И мысль ясна, и воли власть сильна,
Когда душа в святом огне страданья —
В горниле бед и мук — закалена.

(1857)

Андре Шенье

427. РЕБЕНОК

Я был дитя; она уж в цвете лет была
И часто на руки к себе меня брала.
Я шел к ней весело, резвился и ласкался —
Вкруг стана стройного руками обвивался,
Иль складками одежд задумчиво играл,
Иль серьги вынимал и косу расплетал;
То, тихим притворясь и будто успокоясь,
Вдруг с звонким хохотом срывал с нее я пояс. . .
Всё с кротостью она сносила. . . Но порой,
Когда невинною, но дерзкою рукой
Я груди девственной в неведеньи касался, —
Мгновенно взор ее досадой разгорался:
Краснея и смеясь, она, полушутя,
Толкала от себя несносное дитя;
Когда ж ее толпа влюбленных окружала,
С какою нежностью она меня ласкала,
И часто (но увы, что ценят в те лета!)
Дарили поцелуй мне жаркие уста, —
И ропот слышался вокруг меня ревнивый:
«Несносный баловень, не по летам счастливый!»

(1874)

Пьер-Жан Беранже

428. КАК ЯБЛОЧКО РУМЯН

Как яблочко румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаюсь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то всё хохочет...
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад кромешный...
А он-то, многогрешный,
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

(1856)

429. ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел. . . Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою —
Как муж, и я туда попал.
Там, руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим! . .
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим. . .
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит. . .
«Что вы всё дома. . . без движенья? . .

Вам нужен воздух. . .» — говорит.
«Погода, граф, весьма дурная. . .»
— «Да мы карету вам дадим!»
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский;
Шампанское лилось рекой. . .
Жена уснула в спальне дамской. . .
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал,
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им. . .
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: ходят слухи. . .
Что будто, граф. . . моя жена. . .
Граф, говорю, приобретаю. . .
Трудясь. . . я должен быть слепым. . .
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!

В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

(1856)

430. БАБУШКА

Старушка под хмельком призналась,
Качая дряхлой головой:
«Как молодежь-то увивалась
В былые дни за мной!

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«Как, бабушка, ты позволяла?»
— «Э, детки! Красоте своей
В пятнадцать лет я цену знала —
И не спала ночей. . .

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«Ты, бабушка, сама влюблялась?»
— «На что же бог мне сердце дал?
Я скоро милого дождалась,
И он недолго ждал. . .

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«Ты нежно, бабушка, любила?»
— «Уж как нежна бывала с ним,
Но чаще время проводила —
Еще нежней — с другим. . .

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«С другим, родная, не краснее?»
— «Из них был каждый не дурак,
Но я, я их была умнее,
Вступив в законный брак.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«А страшно мужа было встретить?»
— «Уж больно был в меня влюблен.
Ведь мог бы многое заметить —
Да не заметил он.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«А мужу вы не изменяли?»
— «Ну, как подчас не быть греху!
Но я и батюшке едва ли
Откроюсь на духу.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«Вы мужа наконец лишились?»
— «Да, хоть не нов уже был храм,
Кумиру жертвы приносились
Еще усердней там.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?

Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

«Нам жить ли так, как вы прожили?»
— «Э, детки, женский наш удел!..
Уж если бабушки шалили —
Так вам и бог велел.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

(1857)

431. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Проживешься, смотри!» — старый дядя
Повторять мне готов целый век.
Как смеюсь я, на дядюшку глядя!
Положительный я человек.

Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

«Проложи себе в свете дорогу...»
Думал то же — да вышло не впрок;
Чище совесть, зато, слава богу,
Чище совести мой кошелек.

Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

Ведь в тарелке одной гастронома
Капитал его предков сидит;
Мне — прислуга в трактире знакома:
Сыт и пьян постоянно в кредит.

Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

Как подумаешь — золота сколько
Оставляет на карте игрок!
Я играю не хуже — да только
Там, где можно играть на мелок.
 Я истратить всего
 Не сумею —
 Так как я ничего
 Не имею.

На красавиц с искусственным жаром
Богачи разоряются в прах;
Лиза даром счастливит — и даром
Оставляет меня в дураках.
 Я истратить всего
 Не сумею —
 Так как я ничего
 Не имею.

(1858)

432. ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов —
 Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
 Добрый малый, весельчак,
Расстиляется, как кошка,
 Выгибается, как змей. . .
 Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
 И коробит нас, чуть-чуть
 Господин Искариотов,
 Патриот из патриотов —
 Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
 Он способен и готов
Самых рьяных либералов
 Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! Гласность!
 Проводник святых идей!»

Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Он поборник просвещения,
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:

Тише, тише, господа!
Господин Искаротов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

(1861)

Фридрих Шиллер

433. НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

Сокрушились старых форм основы,
Связь племен разорвалась; бог Нил,
Старый Рейн и океан суровый —
Кто из них войне преградой был?

Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят
И, дележ всемирный совершая,
Над свободой страшный суд творят.

Злато им, как дань, несут народы,
И, в слепой гордыне буйных сил,
Франк свой меч, как Бренн в былые годы,
На весы закона положил.

Как полип тысячерукий, бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают, как свой дом.

След до звезд полярных пролагая,
Захватили, смелые, везде
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдут нигде.

Нет на карте той страны счастливой,
Где цветет златой свободы век,
Зим не зная, зеленеют нивы,
Вечно свеж и молод человек.

Пред тобою мир необозримый!
Мореходу не объехать свет;
Но на всей земле неизмеримой
Десяти счастливцам места нет.

Заклучись в святом уединеньи,
В мире сердца, чуждом суеты!
Красота цветет лишь в песнопеньи,
А свобода — в области мечты.

(1857)

Генрих Гейне

434—437. *ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО*

* * *

Из слез моих выходит много
Благоухающих цветов,
И стоны сердца переходят
В хор сладкозвучных соловьев.

Люби меня, и подарю я,
Дитя, тебе цветы мои,
И под окошками твоими
Зальются звонко соловьи.

* * *

Неподвижные от века,
Звезды на небе стоят
И с любовною тоскою
Друг на друга всё глядят.

Говорят они прекрасным
И богатым языком,
Но язык их никакому
Филологу незнаком.

Я же тот язык прекрасный
В совершенстве изучил:
Дорогой подруги образ
Мне грамматикой служил.

* * *

Когда ты в суровой могиле,
В могиле уснешь навсегда,
Сойду я, моя дорогая,
Сойду за тобою туда.

К безмолвной, холодной и бледной
Я, пылко целуя, прижмусь,
Дрожа, и ликуя, и плача,
Я сам в мертвеца обращаюсь.

Встают мертвецы, кличет полночь,
И пляшет воздушный их рой,
Мы оба — недвижимы в могиле,
Лежу я, обнявшись с тобой.

И мертвых день судный сзывает
К блаженству, к мучениям злым;
А мы, ни о чем не горяя,
С тобою обнявшись лежим.

* * *

Филистеры, в праздничных платьях,
Гуляют в долинах, в лесу,
И прыгают, точно козлята,
И славят природы красу.

И смотрят, прищутив глазенки,
Как пышно природа цветет,
И слушают, вытянув уши,
Как птица на ветке поет.

В моем же покое все окна
Задернуты черным сукном,
Ночные мои привиденья
Меня посещают и днем.

Былая любовь, появляясь,
Из царства умерших встает,
Садится со мною, и плачет,
И сердце томительно жмет.

(1860)

Генри Лонгфелло

438. КЛЮЧ И ВОЛНА

Из родного утеса источник
Выбивается, тихо журча,
И бегут по песку золотому
Серебристые ножки ключа.

Далеко от него, в океане,
На просторе несется волна —
То вздымается с воем сердитым,
То печально ложится она.

Но, вперед и вперед подвигаясь,
Ключ сошелся с волною — и в ней
Успокоил мятежное сердце
Безмятежной прохладой своей!

(1874)

Эмануэль Гейбель

439. ДАНТЕ

По улицам тихой Вероны, печально чуждаясь людей,
Шел Данте, поэт флорентинский, изгнанник отчизны
своей.

Две девушки робко вперили в сурового странника взор;
Проходит он тихо и слышит таинственный их разговор:

«Ну, коли со мной не пляшешь — с этих пор всегда
За тобой пусть ходят следом немочь и беда».
И удар наносит в сердце белою рукой. . .
«Ах, как грудь моя заныла болью и тоской!»
Изнемогшего сажает эльфа на коня:
«Добрый путь! поклон невесте милой от меня!»

И домой вернулся Олоф, едет к воротам,
А уж мать-старушка сына ожидает там:
«Слушай, сын мой, что с тобою? отвечай скорей,
Что с тобою? отчего ты мертвеца бледней?»
— «Ах, родная, я заехал в царство дев лесных:
Оттого такая бледность на щеках моих!»

«Слушай, сын мой ненаглядный: что ж отвечу я,
Как придет сюда невеста милая твоя?»
— «Ты скажи ей, что поехал в лес ее жених —
Там испытывает лошадь и собак своих».
Застонал он и скончался. С наступленьем дня
Едут с песнями невеста и ее родня.

«Мать, ты плачешь! Что с тобою? Слезы отчего?
Где мой милый? — я не вижу здесь нигде его!»
— «Ах, дитя мое родное, в лесе твой жених —
Там испытывает лошадь и собак своих».
Тут она пурпурный полог быстро подняла
И желанного недвижимым мертвецом нашла.

(1877)

Огюст Барбье

441. ПРОЛОГ

Пусть риторы кричат, что резкий стих мой зол,
Что желчь вскипает в нем и ненависти пена,
Что пред кумирами увенчанными шел
Я без смущения, с бесстыдством Диогена,
Не ползал нищенски у золотых тельцов
И грязь бросал к подножью истукана, —
Я в вакханалии предателей-льстецов
Руки не оскверню трещоткой шарлатана.
Какое дело мне? Пусть, пафосом не раз
Торгуя по грошам, все плачут о развороте
И пляшут в мишуре, на поле звонких фраз,
В толпе, как гаеры на вздернутом канате...
Да, стих мой груб, и несдержим разбег
Слов проклинающих и слез негодованья, —
Но тем моим слезам рыданьем вторит век,
С моими воплями слились его страданья!..
Вот почему порой мутит так гнев и кровь
Мой желчный, резкий стих, все разорвавший узы.
А между тем — не злость, а кроткая любовь
Дрожит в рыданиях моей суровой Музы.

1861

442. ПОЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Мой друг, жить скучно без труда.
Нельзя же, в самом деле,
Куриль да песни петь всегда,
Не видя в жизни цели.
Труд нам девизом должен быть,
Чтоб лень нас не заела. . .
Чтоб людям пользу приносить,
Мой друг, возьмись за дело.

Трудись, и если мил обман,
Торгуй гнилым товаром,
Учись обмеривать граждан
По рынкам и базарам.
Умей повыгоднее сбыть
Романы и экспромты. . .
Ну, хочешь пользу приносить —
Так сделайся купцом ты.

Не то будь доктором, лечи:
Рецептов — тьма готовых;
Всех пациентов приучи
К визитам в пять целковых.
Пусть коновалом станут звать:
Больные все сердиты. . .
Ну, хочешь ближних исцелять —
Так поступай в врачи ты.

Не то — запутывай сирот,
Выигрывай процессы;
Кути, жуируя на счет
Беспечного повесы.
Тебя с поклоном будут звать
К наследникам богатым. . .
Ну, хочешь ближним помогать -
Так будь ты адвокатом.

Быть может, война наряд
Тебя пленяет в мире;

Солдатам нашим, говорят,
Не жизнь, а рай в Алжире...
Людей колоть и убивать
Привыкнешь без труда ты...
Ну, хочешь край свой защищать —
Так поступай в солдаты.

Еще есть роль одна у нас —
И роль почетна эта:
Куплеты стряпать на заказ,
И в должности поэта
В ливрею музу наряжать,
Петь голосом продажным...
Ну, хочешь лавры пожинать —
Так будь певцом присяжным.

Но нет, не сладок труд такой.
Уж лучше будь лентяем,
Люби поэзию, покой...
Мы одного желаем:
Чтоб справедливая хула
Тебя смутить не смела...
Чтобы не делать в мире зла,
Мой друг, живи без дела.

1866

Альфред Мюссе

443. БЕСПОЛЕЗНЫЕ ВОПЛИ

Я юн еще, но уж успел устать
И шаг за шагом молодость теряю,
А всё ж людей не в силах презирать,
Лишь самого себя я презираю.
Что сделал я? С чем выступил вперед?
А между тем летел за годом год...
Так мы детьми глядим на жизнь беспечно
И всё вдали, без темных, грозных туч,
Нам кажется светло и бесконечно, —

Но встретив на пути прозрачный ключ,
К нему нагнувшись, с видом отвращения
Мы видим в нем свое изображение —
Полуживой и старческий скелет. . .
Всё кончено! . . Назад возврата нет.
Кровь, в жилах закипавшая когда-то
Негодованием в прошлые года,
Могильным холодом объята,
В нас застывает навсегда.
К чему ж твой опыт, старость? Для чего же
Ты нас гнетешь, даешь нам чахлый вид?
Ведь смерть нема; мертвец в могильном ложе
Загадки смерти нам не разрешит. . .
О, если б тот, кто с жизнью кончил счеты,
В те дни, когда я в жизнь вступал,
Сказал бы мне: «Хлопочешь из чего ты?
Остановись — я проиграл!»

(1868)

Генрих Гейне

444. ГЕРМАНИЯ. ЗИМНЯЯ СКАЗКА

ГЛАВА XII

Темной ночью тащился по лесу рыдван,
Вдруг повозка, треща, закачалась:
Колесо соскочило. Мы стали. Беда
Мне забавной совсем не казалась.

Почтальон убежал деревеньку искать,
И один я в лесу оставался, —
Отовсюду кругом в эту самую ночь
Несмолкаемый вой раздавался.

Изморенные голодом, пасти раскрыв,
Это волки в лесу завывали.
И во мраке ночном их глаза, как огни,
Меж деревьев, порою, сверкали.

Вероятно, они, о прибытии моем
Услышав, поднимают тревогу,
Заливаются хором и сотнями глаз
Освещают прищельцу дорогу.

Серенаду такую я понял: они
Торжество мне устроить желали.
Я в позицию стал и приветствовал их,
И слова мои чувством дрожали:

«Сотоварищи волки! Я счастлив — меж вас,
Где встречаю радушия знаки,
Где так много прямых, благородных сердец
Мне сочувственно воют во мраке.

Слов не знаю, чтоб выразить чувства мои,
Благодарность моя бесконечна.
Для меня, о друзья, эта дивная ночь
Незабвенной останется вечно.

Я сочувствие ваше, поверьте, ценю, —
Вы его мне давно доказали
В дни иные моих испытаний и бед
И в годину глубокой печали.

Сотоварищи волки! Во мне никогда
Не могли вы еще сомневаться,
И словам негодяев не верили вы —
Будто я стал с собаками знаться,

Будто я изменил, и в овчарню войду
Я надворным советником скоро. . .
Отвечать на подобную гнусную ложь
Я считал всегда верхом позора.

Прикрывался порою я шкурой овцы
Лишь затем, что она согревала,
Но о счастье овечьем мечтать я не мог:
Это счастье меня не пленяло.

Я не пес, не надворный советник пока,
И овцой никому не казался.

Это сердце и зубы — закала волков,
Я был волком, и волком остался.

Я был волком, — и им остаюсь навсегда,
Буду выть я по-волчьи с волками.
Да, нам небо поможет! Лишь верьте в меня
Да себя защищайте клыками».

Так экспромтом с волками витийствовал я.
Эту речь, выражения эти
Озадаченный Кольб поспешил, не спросясь,
Напечатать в немецкой газете.

(1868)

Готфрид Август Бюргер

445. ТРУЖЕНИКУ

Пока ты можешь день-деньской
Трудиться ради пропитанья,
Стыдись с протянутой рукой
Просить, как нищий, подаанья.

Когда же будут от утрат,
От горя силы все убиты,
Тогда себя, мой гордый брат,
Голодной смертью умори ты.

(1877)

Генри Лонгфелло

446. МОСТ

В глубокую полночь я был на мосту
С своею тоскою всегдашней,
Над городом сонным всплывала луна
За темной церковною башней.

Луна отражалась внизу подо мной
В недвижимом водном просторе,
Как кубок червонный, который скользил
Ко дну темно-синего моря.

И в эту июльскую дивную ночь
На западе, в дымках тумана,
Краснее луны золотая заря
Была и тепла и румяна.

Меж двух берегов по теченью воды
Широкая тень трепетала,
С приливом морским набегала волна
И словно ту тень отгоняла.

Над тенью неслась и скользила река,
Журчала, как ласка привета,
И травы морские влекла за собой
В сиянии лунного света.

Как этот прозрачный поток водяной
Кипел под моими ногами,
Так был я охвачен потоками дум,
И очи сверкнули слезами.

Как часто, как часто в минувшие дни,
В давно невозвратные годы,
В глубокую полночь я с моста глядел
На синее небо и воды.

Как часто, как часто тогда я желал,
Чтоб волны отлива морского
Меня унесли бы с собой в океан,
Подальше от мира людского.

Изнеженный жизнью, тогда я был юн,
Кровь быстро бежала по жилам,
И тяжесть, давившая сердце мое,
Казалось, была не по силам.

Теперь эта тяжесть свалилась с души,
Исчезла и канула в море —
И нынче смущают лишь только меня
Собратьев страданье и горе.

Но всё же, когда я иду чрез реку
И с моста на волны взгляну я,
В уме моем прошлые думы встают,
Бессонную память волнуя.

И думаю я: сколько тысяч людей,
Которых страданье казнило
И тяжкою ношей давила печаль,
С тех пор через мост проходило.

Я вижу — проходят рядами они
То взад, то вперед предо мною,
Одни — молодые, с горячей душой,
Другие — блестя сединою.

И вечно, и вечно в полуночный час —
Так долго, как речки журчанье,
Так долго, как в сердце живущая страсть,
Так долго, как жизни страданье —

Луна с отраженьем в речной глубине
И тени здесь будут являться —
И станут небесным символом любви
На грешной земле отражаться.

1864

Из новогреческих народных песен

447

Отчего ты, сердце, ноешь,
Отчего болишь ты, сердце?
— Оттого, что край родимый
Терпит иго иноверца,

Оттого, что о свободе
Между нами нет помину,
Оттого, что наши братья
Рать собирают на чужбину —
И стоит над всей страной
Тучей черною кручина:
Муж прощается с женою,
Мать с слезами крестит сына,
И на месте, где прощались
Сестры с братьями, рыдая,
Никогда не брызнет снова
В поле зелень молодая.

448

«Белокурая голубка!
Отвори мне дверь в твой дом. . .»
— «Но скажи сперва мне — кто ты?
Я впущу тебя потом. . .»

«Под окном ждала, бывало,
Ты меня в вечерний час,
И к устам твоим устами
Прикасался я не раз. . .

Я к тебе вернулся снова
Из-за дальних, чуждых гор. . .»
— «Я впущу тебя, но прежде
Опиши, каков мой двор».

«Пред крыльцом твоим, на солнце,
Зреет куща белых роз,
На дворе твоём зеленом
Виноградных много лоз. . .»

«Кто тебе сказал об этом?
Я не верю ничему. . .
Нет, хитрец, скажи мне прежде,
Что стоит в моем дому?»

«В спальне лампа золотая
Блещет в сумраке ночном
Каждый раз, когда одежды
Ты снимаешь перед сном. . .»

«Лжешь, хитрец! Тебе — я вижу —
Незнаком в светлицу путь. . .
Рассказал тебе о доме
Из соседей кто-нибудь. . .

Если точно ты — мой милый,
Об одном спрошу теперь:
Расскажи мои приметы, —
Я сейчас открою дверь».

«На плече твоём и щечке
Два родимые пятна,
А меж персями твоими
Блещут звезды и луна. . .»

«Эй, служанки, двери настежь
Торопитесь отворять
И цветами увенчайте
Нашу брачную кровать».

(1868)

Из сербских народных песен

449. СОВЕТ ВИЛЫ ¹

На горе стояла рано утром Вила,
Облакам румяным Вила говорила:

«Вы куда летите и где были прежде?
Что с собой несете в пурпурной одежде?»

¹ Вилы — создание сербской народной поэзии, — нечто вроде нимф, живущих в горах, лесах и долинах.

«Мы в стране индейской были-побывали,
Где под жарким солнцем холода не знали,

Где благоуханья вечные курятся,
Где в земле алмазы царские роятся,

Где, волной целуем, взорам недоступный,
Под песком таится в море жемчуг крупный.

Индию покинув, мы несем оттуда
Людам три подарка дорогих, три чуда.

Первый дар — сердечко просто золотое,
Хоть и ярко блещет золото литое;

Дар второй — корона: нестерпим для глаза
На короне этой дивный блеск алмаза;

Третий дар — колечко — дорогой, заветный,
На кольце играет жемчуг самоцветный.

Первый дар — сердечко золотое наше —
Отдадим мы деве, что всех в мире краше.

Дар второй — корону — им, как королеву,
Княжеского рода мы украсим деву,

А колечко с перлом — нам отдать желанней
Той, кого скромнее нет и постоянней».

На горе, обвита утренним туманом,
Отвечала Вила облакам румяным:

«Первый дар гречанке вы отдайте: девы
Краше не найдете по свету нигде вы;

Дар второй снесите стройной франкистанке:
Знатны они родом, стройны по осанке;

А кольцо — славянке. . . Верьте слову Вилы:
Коль славянка любит — любит до могилы».

Виктор Гюго

450

Когда Тиверий и Нерон
Конями царской колесницы
Народ топтали — и на трон
Садился евнух в багрянице;
Когда мертвей, чем Вавилон,
Был древний Рим и ликовала
В нем гнусных хищников орда —
Грозящий голос Ювенала
Был казнью деспотов тогда.

Ты, жалкий цезарь дней иных,
Страшись: и пред твоим престолом
Стоит палач, и грозный стих
Звучит карающим глаголом!
Перед тобой твои рабы
Дрожат, и в суетной гордыне
Ты мыслишь: «Мировой судьбы
Властитель буду я отныне.
Истории, как дивный дар,
Свое я имя завещаю. . .»

Мечта напрасная! Фигляр,
Твое грядущее я знаю:
Нет, никогда, позорный шут,
Бытописания страницы
Великими не назовут
Деянья вора и убийцы!

Своей судьбы презренной, верь,
Не свяжешь ты с судьбой народной
И будешь выброшен за дверь
Истории, как сор негодный!

1853

Огюст Барбье

451. ПОБЕДИТЕЛЬ

Из поэмы «Варшава»

Был славный город. . . С диким гунном
Промчался я в его стенах
И раздробил огнем чугунным
Твердыни гордые во прах!
Я вскачь коней разгоряченных
Пустил по камням звонким плит,
И трупы женщин обнаженных
Хрустели под шипом копыт!
На прах, где кровь струей бежала,
Я зверски юных дев простер
И с волосатой груди сало
О перси нежные отер!
Я в город ввел пожар. . . И с ревом
Носился страшный исполин
И языком лизал багровым
Потоки крови меж руин! . .
Ура! Я смял мятеж ногами,
Я раздавил его чело!
Позор, наложенный веками,
Я смыл, меж мертвыми телами
В крови купаясь по седло!
Всё кончено! И меч мой ныне
Висит без пользы у бедра;
Хранят разбитые твердыни
Следы огня, следы ядра.
И воют псы худые всюду:
Им крови больше не лизать,

И мох покрыл развалин груду,
И степь кругом!.. О смерть, о мать!
Скажи мне, где теперь я буду
С мечом кровавым пировать?..

1867

Огюст Барбье

452. ЛЕВ

I

Я видел, как скакал и прыгал предо мной
В великом городе по звонкой мостовой
Три дня народный лев, великим полон гневом.
Я видел, как потом, с раскрытым страшно зевом,
Он бил себя хвостом и гриву разметал,
Как каждый нерв его от ярости дрожал,
Как раскалялся глаз, как жилы раздувались,
Как грозно он рычал, как когти простирались,
Как он утих потом среди толпы густой,
Там, где неслась картечь и дым пороховой —
У Луврского дворца. . . Облитый кровью алой,
Он тяжело дышал, от битвы той усталый;
Открыта пасть была, и красен был язык. . .
Гигантским телом он на бортах там приник
И завалил тогда своим величием рыжим
Весь трон, повергнутый взволнованным Парижем.

II

Потом нечаянно я видел: без числа
Толпа под сень его униженно ползла;
Я видел: карлики, которых заставляли
Дрожать его шаги, ручонки простирали —
И, бледные еще, его целуя шерсть,
Ласкаясь к нему, твердили нагло лесть,
И, лапы облизав и пав перед порогом,
Назвали львом его, царем и полубогом.

Когда ж, пресыщено и кровью и хвалой,
Надеясь потрясти последней грязи слой,
Проснувшись, чудище хотело кончить дело,
Когда, раскрыв свой зев и шевельнувши тело
И гриву жесткую — и встало, и пошло,
И мощно головой своею потрясло,
И, с гривой по ветру, по-царски зарычало —
Так цепь намордника могучий зев сковала!

1865

Ханс Кристиан Андерсен

453. ГОВОРЯТ, ГОВОРЯТ...

Вот за чайным столом дамы чинно сидят
 И без умолку всё говорят,
 Говорят, говорят. . .
 Тут про шелк и про банты идет разговор,
 Там над ближним суровый звучит приговор,
 Та старается ручку свою показать,
 Эта хочет творенья свои прочитать —
 Но куда! беспрестанно кругом говорят,
 Про политику, бал и про модный наряд
 Говорят, говорят. . .
 Нежный юноша робко словечко ввернет,
 В разговоре он редко участие берет —
 Не философ — краснеет и больше молчит.
 «Как к вам это идет!» — вдруг одна говорит,
 Он и пуще того — похвала невпопад!
 А кругом говорят,
 Говорят, говорят. . .
 Про театр. . . Но уж тут и кричат, и пищат,
 И без умолку всё говорят,
 Говорят, говорят. . .
 В окна темная ночь к ним глядит со двора,
 И давно по домам разъезжаться пора. . .
 Разъезжаться начнут, и уж тут. . . Боже мой!
 Унеси ты меня поскорее домой!
 На прощанье хоть ночь у дверей простоят
 И без умолку всё говорят,
 Говорят, говорят. . .

(1860)

Небо серей и серей становилось,
 Пыль дождевая стояла в холодных туманах.
 Однообразно тянулась дорога —
 Вереск один лишь темнел, пропадая в тумане,
 И волновался, как море;
 А можжевельник, как остров зеленый, вздымался,
 Радую взор утомленный:
 Так мореплаватель рад, увидав средь воды
 беспредельной

Зелень плавучую — травы морские.
 Тяжко взрывают песок колесо и подкова,
 Вереск трещит, ударяясь в железные оси.
 Девочка гонит навстречу овец по дороге,
 Тихо поет она чудные гимны
 Давида, царя-псалмопевца. . .
 А брат ее крошка идет, как утенок болтаясь,
 Надув свои щечки и светлые глазки раскрывши,
 Он свищет в зеленую дудку.
 За ними же, трудно ступая,
 Бледная женщина низко согнулась,
 Несет на спине колыбельку,
 И так бесконечно печальна!
 И я не могу разобрать хорошенько —
 Дождь омочил ее щеки худые
 Или из глаз замигавших закапали крупные слезы.
 Дождик всё чаще и чаще. . . Закутала девочка
 братца

И всё свою песенку тянет.
 Кто они? Что за великое горе
 Бедную душу наполнило дикою скорбью?
 Детям его не понять — да и лучше:
 Пусть распевают!
 Боже! Заблещет ли новое солнце,
 Или всё тем же рыданьям и стонам
 Будут внимать безответно
 Ночи сырые угрюмой, печальной пустыни? ..

(1862)

Данте

455. АД

Из песни V

Я был в краю, где смолкнул свет лучей,
Где воздух воеет, как в час бури море,
Когда сразятся ветры средь зыбей.

Подземный вихрь, бушуя на просторе,
С толпою душ кружится в царстве мглы:
Разя, вращая, умножает горе.

Когда ж примчит к окраине скалы,
Со всех сторон тут плач, и стон, и крики,
На промысел божественный хулы.

И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотские те слепцы,
Что разум свой затмили страстью дикой.

И как густой станицею скворцы
Летят, когда зимы приходит время,
Так буйный ветер несет во все концы,

Туда, сюда, вниз, кверху, злое племя;
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчается страданий бремя!

И как, крича печально, журавли
Несутся в небе длинною чертою,
Так поднята тем ветром от земли

Толпа теней, и нет конца их вою.
И я спросил: «Какой ужасный грех
Казнится здесь под темнотою ночью?»

И мне учитель: «Первая из тех,
О коих ты желаешь знать, когда-то
Владычица земных наречий всех,

Так сладострастием была объята,
Что, скрыть желая срам свой от граждан,
Решилась быть потворницей разврата.

Семирамиду видишь сквозь туман:
Наследовав от Нина силу власти,
Царила там, где злобствует султан.

Другая грудь пронзила в дикой страсти,
Сихею данный позабыв обет;
С ней Клеопатра, жертва сладострастий».

Елена здесь, причина стольких бед;
Здесь тот Ахилл, воитель быстроногий,
Что был сражен любовью среди побед;

Здесь и Парис, здесь и Тристан, и много
Мне указал и назвал он теней,
Низвергнутых в сей мир любовью строгой.

Пока мой вождь мне исчислял царей,
И рыцарей, и дев, мне стало больно,
И обморок мрачил мне свет очей.

«Поэт, — я начал, — мысль моя невольно
Устремлена к чете, царящей там,
С которой вихрь так мчится произвольно».

И он: «Дождись, когда примчатся к нам:
Тогда моли любовью, их ведущей, —
И прилетят они к твоим мольбам».

Как скоро к нам принес их ветер ревуший,
Я поднял глас: «Не скрой своей тоски,
Чета теней, коль то велит всесущий!»

Как, на призыв желанья, голубки
Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки,

Так, разлучась с толпою, где Дидона,
Сквозь мрак тлетворный к нам примчались вновь:
Так силен зов сердечного был стона!

«О существо, постигшее любовь!
О ты, который здесь во тьме кромешной
Увидел нас, проливших в мире кровь!

Когда б господь внимал молитве грешной,
Молили б мы послать тебе покой
За грусть о нашей скорби неутешной.

Что скажешь нам? что хочешь знать? открой:
Всё выскажем и выслушаем вскоре,
Пока замолк на время ветра вой.

Лежит страна, где я жила на горе,
У взморья, там, где мира колыбель
Находит По со спутниками в море.

Любовь, сердец прекрасных связь и цель,
Моей красой его обворожила,
И я, лишась ее, грущу досель.

Любовь любимому любить судила
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не разлюбила.

Любовь к одной нас смерти привела;
Того, кем мы убиты, ждут в Кайне!» —
Так нам одна из двух теней рекла.

Склонив чело, внимал я о причине
Мучений их, не подымал главы,
Пока мой вождь: «О чем ты мыслишь ныне?»

И, дав ответ, я продолжал: «Увы!
Как много сладких дум, какие грезы
Их низвели к мученьям сей толпы?»

И к ним потом: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой рассказ
В очах рождают сострадания слезы.

Но объясни: томлений в сладкий час
Чрез *что* и *как* неясные влеченья
Уразуметь страсть научила вас?»

И мне она: «Нет большего мученья,
Как о поре счастливой вспоминать
В несчастье: твой вождь того же мненья.

Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу, как тот, который весть печали
И говорит и должен сам рыдать.

Однажды мы, в миг счастья, читали,
Как Ланчелот в безумии любил:
Опасности быть вместе мы не знали.

Не раз в лице румянца гаснул пыл,
И взор его встречал мой взор беспечный;
Но злой роман в тот миг нас победил,

Когда прочли, как поцелуй сердечный
Был приманен улыбкою к устам,
И тот, с кем я уж не расстанусь вечно,

Затрепетав, к моим прикикнул сам. . .
Был Галеотто автор книги гнусной! . . .
В тот день мы дальше не читали там!»

Так дух один сказал, меж тем так грустно
Рыдал другой, что в скорби наконец
Я обомлел от повести изустной

И пал без чувств, как падает мертвец.

1855

Ни первый плеск пустынного бассейна,
Ни сам макон, багровый как рассвет,
Так после странствий, битв, любви и скуки
Не утолит, как он, в нас жажды муки.

Стремнины скал. . . Я, кажется, об них
Стал говорить? . . Так точно. Скал вершины,
Как небеса, безмолвны; ветер стих;
Пески не зыблются; молчат пучины.
Всё спит кругом; порой лишь птиц морских
Раздастся крик, да всплещутся дельфины,
Иль зашумит, ударившись о риф,
Немолчных струй чуть видимый прилив.

Они гуляют. Дома нет пирата:
Крейсировать пустился он на юг.
А у Гайде ни матери, ни брата —
Одна лишь Зоя делит с ней досуг;
Но, долг служанки исполняя свято,
Она при ней лишь только для услуг:
Плетет ей косы, вести ей приносит
Да за труды себе нарядов просит.

Был час, когда садится за холмом
Лазоревым круг солнца раскаленный,
Когда горит в пожаре заревом
Весь мир земной, затихший, усыпленный,
С одной страны обвит полувенцом
Далеких гор, с другой — холодной, сонной
Пучиной вод и розовой зарей
С сверкающей вечернею звездой.

По камышкам, в песках сверкавшим ярко,
Они идут вдоль усыпленных вод;
Друг другу руку жмут рукою жаркой
И, между скал найдя прохладный грот,
В мрак гулких зал с кристальной дивной аркой,
Воздвигнутой причудой непогод,
Они вступают и, обнявшись нежно,
Любуются зарею безмятежно.

Глядят на небо: там простерт шатер,
Как беспредельный океан пурпурный;

Глядят на волн сверкающих простор:
Там всходит месяц из волны лазурной;
Они друг в друга устремляют взор:
Взор их очей пылает страстью бурной,
И в трепете, при звонком плеске струй,
Они уста смыкают в поцелуй —

В горячий, долгий поцелуй, где младость
И пыл любви, как в фокусе одном
Лучи небес, в одну слилися радость,
В тот поцелуй, с чьим пламенем знаком
Лишь только тот, кто ведал жизни сладость,
Когда в нас кровь клокочет кипятком
И каждый пульс как молния трепещет,
И каждый взгляд огнем восторга блещет.

Забыв весь мир в порывах огневых,
Они минут блаженства не считали;
Но если б даже и считали их,
Всю сумму чувств они сочли б едва ли
За миг один, и в этот сладкий миг,
Когда они речей не обретали,
Какой-то демон влек уста к устам,
Как мед душистый пчел влечет к цветам.

(1875)

Вильям Вордсворт

459. СОНЕТ

Отшельницам не тесно жить по кельям;
В пещерах жизнь пустынною легка;
Весь день поэт не сходит с чердака;
Работница поет за рукодельем;

Ткач любит стан свой; в Форнер-Фелльс
к ущельям

Пчела с полей летит издалека,
Чтоб утонуть там в чашечке цветка;
И узники живут в тюрьме с весельем.

Вот почему так любо мне замкнуть,
В час отдыха, мысль вольную поэта
В размере трудном тесного сонета.

Я рад, когда он в сердце чье-нибудь,
Узнавшее излишней воли бремя,
Прольет отраду, как и мне, на время.

(1875)

Николаус Ленау

460

Вечер бурный и дождливый
Гаснет... Всё молчит кругом;
Только грустно шепчут ивы,
Наклоняясь над прудом.

Я покинул край счастливый...
Слезы жгучие тоски —
Лейтесь, лейтесь... Плачут ивы,
Ветер клонит тростники.

Ты одна сквозь мрак тоскливый
Светишь, друг, мне иногда,
Как сквозь плачущие ивы
Светит вечера звезда.

1858

Генрих Гейне

461

Три мудрых царя из полуденных стран
Кричали, шатаясь по свету:
«Скажите, ребята, нам путь в Вифлеем!» —
И шли, не дождавшись ответу.

Дороги в тот город не ведал никто,
Цари не смущались этим:
Звезда золотая их с неба вела
Назло непонятливым детям.

Над домом Иосифа стала звезда;
Цари туда тихо вступали;
Теленок ревел там, ребенок кричал,
Святые цари подпевали.

1858

462

Я каждую ночь тебя вижу во сне
В толпе незнакомых видений;
Приветливо ты улыбаешься мне,
Я плачу, упав на колени.

Ты грустно и долго глядишь на меня
И светлой качаешь головкой,
И капают слезы из глаз у меня,
И что-то твержу я неловко.

Ты тихое слово мне шепчешь в ответ,
Ты ветку даешь мне открыто.
Проснулся — и ветки твоей уже нет,
И слово твое позабыто.

1858

Альфред Мюссе

463. ПЕНИТЕ

Когда на землю ночь спустилась
И сад твой охватила мгла;
Когда ты с матерью простилась
И уж молиться начала;

В тот час, когда, в тревоги света
Смотря усталою душой,
У ночи просишь ты ответа,
И чепчик развязался твой;

Когда кругом всё тьмой покрыто,
А в небе теплится звезда, —
Скажи, мой друг, моя Пепита,
О чем ты думаешь тогда?

Кто знает детские мечтанья?
Быть может, мысль твоя летит
Туда, где сладки упованья
И где действительность молчит;

О героине ли романа,
Тобой оставленной в слезах;
Быть может, о дворцах султана,
О поцелуях, о мужьях;

О той, чья страсть тебе открыта
В обмене мыслей молодом;
Быть может, обо мне, Пепита...
Быть может, ровно ни о чем.

1865

Арман Сюлли-Прюдом

461. РАЗБИТАЯ ВАЗА

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,
Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок; ушла ее вода...
Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
 Рукою нежной и любимой, —
И с той поры на нем, как от обиды злой,
 Остался след неизгладимый.
Оно как прежде бьется и живет,
 От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет. . .
 Не тронь его: оно разбито.

(1883)

Виктор Гюго

465

Со дня на день живешь, шумишь под небесами,
По книгам держишь речь с былыми мудрецами —
С Вергилием и Дантом. Ну, а там
Поедешь погулять по избранным местам,
В трактире, посмеясь, готовишься к ночлегу,
А взгляды женщины в вас вносят мысль и негу;
Любимый искренно — безумно любишь сам!
Рад слушать песни птиц, скитаясь по лесам;
Проснешься поутру — семья давно одета;
Она целует вас и ждет от вас привета!
За завтраком журнал, и каждый божий день
С любовью — ненависть, с трудом мешаешь лень!
А там приходит жизнь, жизнь, полная волнений,
В собранья вносишь мысль и ждешь от них
решений;
Пред целью близкою, перед игрой судьбы
Мы слабы и сильны, мы деспоты-рабы.
Волна в семействе волн, дух в вечном колебании,
Всё, всё проносится то в смехе, то в рыданиях.
Идешь и пятишься, скользит, скользит нога...
А там загадка — смерть: безмолвна и строга.

1857

466. НОЧЬ

Безмолвна ночь; погас восток.
По смолкнувшим полям
Проходит путник, одинок,
И плачется к звездам:

«На сердце грусть — болеть ему!
Я одинок брожу;
Откуда я, куда, к чему
По миру прохожу?

Вы, звезды-огонечки
На лоне темной н^очки,
Вверяюсь сердцем вам,
Ночных небес звездам!»

И вдруг кругом него звучит —
Зашевелилась ночь,
К нему звездами говорит
И гонит горе прочь:

«О человек, ты близок нам!
И ты не одинок!
Будь тверд. Поверь, твоим очам
Засветит вновь восток!

А до зари, до света
С улыбкою привета
Прилежно будем мы
Светить тебе из тьмы».

(1877)

Альфред Мюссе

467. ПЕСНЯ ФОРТУНО

Название милой вы хотите,
Друзья, узнать, —
Не в силах я, хоть трон сулите,
Ее назвать.

Мы можем петь, что я ревниво
Отдался ей,
Что не светлее летом нива
Ее кудрей.

Мое блаженство и отрада
Лишь ей внимать,
И я готов, коль это надо,
Ей жизнь отдать.

Увы, любовью безнадежной
Душа полна;
Ее сгубил огонь мятежный,
Болит она.

Немая смерть под сень могилы
Меня зовет;
Пускай умру — название милой
Со мной умрет.

468. ДОН ЖУАН

Из песни IX

Герой моей поэмы (ваш он тоже,
Надеюсь я) отправлен в Петроград,
Что создал Петр Великий, силы множа,
Чтоб тьмою не был край его объят.
Хвалить Россию в моде, но за что же?
Мне жаль, что сам Вольтер кадить ей рад;
Но в этом брать пример с него не стану
И деспотизм карать не перестану.

Я выступать всегда готов бойцом,
Не только на словах, но и на деле,
За мысль и за свободу. С тяжким злом,
Что рабство создает, мириться мне ли?
Борьбу я увенчаю ль торжеством —
Не ведаю, — навряд достигну цели;
Но всё, что человечество гнетет,
Всегда во мне противника найдет.

Я вовсе не намерен льстить народу;
Найдутся демагоги без меня,
Готовые всегда, ему в угоду,
Всё разрушать, толпу к себе маня,
Чтоб властвовать над ней. Зову свободу,
Но к демагогам не пристану я;
Чтоб равные права имели все мы,
Веду борьбу. (Увы, теперь все немь!)

Я всяких партий враг, и оттого
Все партии озлоблю, без сомненья;
Но непритворны мнения того,
Кто держится противного теченья.
Ничем не связан я, и никого
Я не боюсь. Пусть, полны озлобленья,
Шакалы рабства поднимают вой, —
В их хоре не раздастся голос мой.

С шакалами, что близ руин Эфеса
Стадами мне встречались, я сравнил
Противников свободы и прогресса,
Которым голос лести только мил
(Они без власти не имеют веса);
Но я шакалов этим оскорбил:
Шакалы кормят льва, тогда как эти
Для пауков лишь расставляют сети.

Народ, очнись от сна! Не дай себя
Опутать их зловещей паутиной;
Иди вперед, тарантулов губя!
Бояться их не будет уж причины;
Борись со злом, свои права любя!
Когда ж протест раздастся хоть единый?
Теперь одно жужжанье тешит слух
Пчел Аттики и злобных шпанских мух.

(1888)

Пьер-Жан Беранже

469. БЕГСТВО МУЗЫ

8 ДЕКАБРЯ 1821 г.

Брось на время, Муза, лиру
И прочти со мной указ:
В преступленьях — на смех миру —
Обвиняют нынче нас.
Наступает час расправы,
И должны мы дать ответ.
Больше песен нет для славы!
Для любви их больше нет!
Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Мы идем. Лежит дорога
Мимо Луврского дворца:
Там в дни Фронды воли много
Было песенкам певца.¹
И на оклик часового:
«Кто идет?» — припев звучал:
«Это Франция!» Без слова
Сторож песню пропускал.
Муза! в суд!
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

¹ В эпоху Фронды куплетисты Бло и Мариньи не подвергались никаким преследованиям.

На другой конец столицы
Через мост изволь идти.
Буало лежит гробница,
Между прочим, на пути.
Из обители покоя
Что б воскреснуть вдруг ему?!
Верно, автора «Налоя»
Засадили бы в тюрьму!
Муза! в суд
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Над Жан-Жаком суд свершился —
И «Эмиль» сожжен был им;
Но, как феникс, возродился
Он из пепла невредим.
Наши песни — невелички;
Но ведь, Муза, враг хитер:
Он и в них отыщет спички,
Чтоб разжечь опять костер.
Муза! в суд
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Вот и зала заседаний...
Что ж ты, Муза? как, бежать
От напудренных созданий?
Ты же любишь их щелкать...
Возвратись: взгляни, вострушка,
Сколько смелости в глупцах,
Взявших весить погремушку
На Фемидиных весах.
Муза! в суд
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

Но бежит моя буянка...
Я один являюсь в суд.
Угадайте ж, где беглянка
Отыскать могла приют?
С председательской гризеткой,

Смело к столику подсев,
За вином и за котлеткой
Повторяет нараспев:
Муза! в суд
Нас зовут,
Нас обоих судьи ждут.

(1893)

470. НЕВОЛЬНИКИ И КУКЛЫ

В далекий край на пароходе
Купец рабов перевозил;
Но от кручины по свободе
Мор негров сотнями валил. . .
Пришлось приняться за лечение. . .
От скуки и от худобы
Одно лекарство — развлечение. . .
Потешьтесь, добрые рабы!

И капитан распорядился:
Театр в мгновение был готов;
Полишинель на нем явился
Для утешения рабов. . .
Сперва они, должно признаться,
Глядели мрачно, хмурия лбы. . .
Но вскоре стали улыбаться. . .
Потешьтесь, добрые рабы! . .

Вот полицейский выступает,
Грозит он палкой горбуну. . .
Но сам горбун с ним в бой вступает
И сносит голову ему. . .
Хохочут зрители как дети —
Их веселит исход борьбы, —
Забыли цепи. . . всё на свете. . .
Потешьтесь, добрые рабы! . .

Явился черт и цветом черным
Рабов симпатию привлек. . .

Он сразу, с хохотом задорным,
Всех белых кукол в ад увлек...
Увидев в кукольной забаве
Намек на милости судьбы,
Рабы задумались о славе...
Потешьтесь, добрые рабы!..

Так, бедных негров забавляя,
Негроторговец груз сберег
И, барыши свои считая,
Себя назвать гуманным мог...
Подобной тактики примеры
С тех пор плодятся как грибы...
К чему, зачем крутые меры?
Потешьтесь, добрые рабы!..
(1893)

471. ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ФРАНКОВ¹

Штраф в десять тысяч!.. Боги! да за что же?
В тюрьме квартиры, вижу я, в цене!..
А тут и хлеб становится дороже, —
Ужели впредь поститься надо мне?!
О строгий суд! Нельзя ль хоть малость сбавить?
«Нет, нет, — постись! Тяжка твоя вина:
Ты смел народ на наш же счет забавить —
И десять тысяч выплатишь сполна».

Извольте, вот: вот десять тысяч франков...
На что ж, увы, у вас они пойдут?
На пышный гроб для чьих-нибудь останков?
На приз тому, кто в ход пускает кнут?
Уж вижу я протянутую руку:
В ней держит счет тюремщик за тюрьму...

¹ 10-го декабря 1828 года Беранже был приговорен к уплате 10 000 франков штрафа и к девятимесячному заключению в тюрьму La Force за песни, направленные против Бурбонов; из числа этих песен наиболее преступными были признаны «Карл простоватый» и «Будущность Франции».

Он Музу сам отвел туда на муку, —
И — прежде всех — две тысячи ему!..

Хочу я сам раздать и остальные...
Как, например, певцов не оделить?
Заржавеют могут арфы покупные;
Настройте их, чтоб век наш восхвалить!..
Я пел не так; вы спойте так, как надо...
За лесть даются деньги и певцам!
Смотрите: вот готовая награда —
Кладу еще две тысячи льстецам.

А вот вдали — какие-то гиганты:
В ливреях все, все знатны на подбор!
Служа из чести, рады эти франты
Нести весь век какой угодно вздор.
Когда ж пирог дадут им за отличие,
То каждый съест успеет за троих;
Они утроят Франции величье!..
Кладу еще три тысячи для них.

А там мелькает, в блеске пышной свиты,
Особый штат блюстителей страны.
Я знаю их: они — иезуиты, —
Свой пай во всем иметь они должны.
Один из них мишенью обвинений
Избрал меня, — и вот уж я в аду!
Ощипан чертом там мой добрый гений...
За подвиг тот три тысячи кладу.

Проверим счет, — ведь стоит он проверки:
Тем — две да две, и три да три — другим,
Да, ровно десять тысяч, как по мерке.
Ах, Лафонтен без штрафов был гоним!..
В те времена я б не подвергся риску
Остаться впредь без хлеба и вина...
Ну-с, а теперь — позвольте мне расписку:
Вот десять тысяч франков вам сполна!

(1893)

472. КРЕСТИНЫ ВОЛЬТЕРА

Вся толпа в костел стремится,
Наступает час крестин:
Нынче должен там креститься
Казначей хилый сын.¹
Сам кюре распорядился,
Чтоб звонарь поторопился...
 Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Денег хватит, по расчету
Дальновидного ксендза,
С тех крестин на позолоту
Всех сосудов за глаза;
Может — если постараться —
И на колокол остаться!..
 Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Органист — и тот в волненьи,
В ожидании крестин,
И пророчит в умиленьи:
«По отцу пойдет и сын!
Будет старостой в костеле,
Ну, и с нами будет в доле...»
 Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Крестной матери прекрасной
Шепчет ксендз: «Как хороши
Ваши глазки! Свет их ясный —
Признак ангельской души.
Крестник ангела земного!
Вижу я в тебе святого...»
 Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

¹ Сын бывшего нотариуса, а после казначей Счетной Палаты, Аруэ, знаменитый под псевдонимом Вольтера, философ, был настолько хилым ребенком, что его долго не решались крестить; родившись в феврале 1694 года, он был окрещен только в ноябре.

А причетник добавляет:
«По уму пойдешь ты в мать,
В мать родную; всякий знает —
Ей ума не занимать!
Строгий нравом, — будешь, малый,
Инквизитором, пожалуй!»
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Вдруг с небес, как привиденье,
Тень насмешника Раблэ
Появилась на мгновенье
Над малюткой Аруэ —
И пошла сама пророчить,
В мудрецы ребенка прочить...
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

«Франсуа-Марией нами
Назван мальчик этот. . .» Нет!
Под такими именами
Знать его не будет свет;
Но ему — с поместьем пэра —
Слава имя даст Вольтера.
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

— Как философ и новатор
Скоро мир он поразит
И как смелый реформатор
Даже Лютера затмит.
Суждено ему, малютке,
С корнем вырвать предрассудки.
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Тут кюре прикрикнул строго:
«Взять под стражу тень Раблэ!
И крестины стóят много,
И обед уж на столе...»

Мы управимся с ребенком,
Будь он после хоть чертенком!..»
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Но Раблэ умчался быстро,
Крикнув: — Чур! меня не троны!
Бойтесь крошки: в нем есть искра,
Вас сожжет его огонь, —
Иль повеситесь вы сами
На ряду с колоколами.
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

(1893)

Николоз Бараташвили

473. КОНЬ (ПЕГАС)

Летит мой конь вперед, дорог не разбирая,
А черный ворон вслед зловеший крик свой шлет.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по ветру развеи печальной думы гнет!

Наперерыв ветрам, скачи чрез горы, воды,
И жизненный мой путь, молю, укороти!
Не бойся, о мой конь, жары и непогоды;
Не бойся утомить ты всадника в пути.

Пусть кину край родной, в душе по нем тоскуя,
И не увижу вновь ни милых, ни родных;
Где свет рассеет тьму — там родину найду я,
Там звездам расскажу все тайны чувств моих.

Стон сердца — след любви — поймут волна морская
И полный красоты безумный твой полет!..
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по ветру развеи печальной думы гнет!

Пусть труп мой не снесут на кладбище родное,
Пусть милая к нему не припадет в слезах,
Пусть ворон выклюет глаза мои, и, воя,
Пусть ветер занесет песком мой жалкий прах, —

Возлюбленной слезу — роса небес заменит,
А карканье ворон — заменит плач друзей.
Лети, мой конь, себе твой витязь не изменит:
Не быв рабом судьбы, он не изменит ей!

Пусть будет одинок твой всадник, умирая;
Навстречу смерти сам, бесстрашный, он пойдет!
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по ветру развеи печальной думы гнет!

Безумных сил твоих не пропадет затрата,
И не заглохнет путь, протоптанный тобой:
Им облегчу я путь грядущий для собрата,
Им облегчу борьбу грядущему с судьбой!..

Летит мой конь вперед, дорог не разбирая,
А черный ворон вслед зловещий крик свой шлет.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по ветру развеи печальной думы гнет!

(1897)

Джордж Гордон Байрон

474. К МОЛОДОМУ ДРУГУ

Не много лет с тех пор умчалось,
Как были мы друзья с тобой,
И детства искренность, казалось,
Скрепила тот союз святой.

Но знаешь ты, я знаю тоже,
Что в суете, среди утех,
Того, кто был нам всех дороже,
Мы забываем прежде всех.

И память сердца так ничтожна
В непрочной дружбе юных дней,
Что в месяц, в день один возможно
Иным отвыкнуть от друзей.

Что ж, если так — жалеть сердечно
Не стал бы я потери той,
И не твоя вина, конечно,
Коль по природе ты — пустой.

В морях приливы и отливы,
В душе людской то зыбь, то гладь;
Когда грозят страстей порывы,
Возможно ль сердцу доверять?

Хоть вместе мы росли с тобою,
Делили счастье детских лет, —
Простился я с моей весною,
Да и в тебе уж детства нет.

Когда мы с юностью расстались,
Влиянью светской лжи подпав,
Мы также с правдой распрощались:
Свет портит даже лучший нрав.

Но мне те годы незабвенны,
Когда лишь ложь внушала страх,
Все речи были откровенны,
Светились мысли все в глазах.

Совсем не то, когда мы зрелы,
Когда для выгоды везде
Мечтам и страхам есть пределы,
Любовь и гнев у нас в узде!

Глупцам, себе подобным, вторя,
Грехам мы учимся чужим,
И, дружбы имя лишь позоря,
Мы верим им — и только им.

Таков наш жребий; участь наша
Такая ль будет, как у всех?
Иль нас минует эта чаша
И не впадем мы в общий грех?

Чем ни грози мне рок, на силы
Свои надеюсь я вполне:
Мне свет и люди так немилы,
Что бросить их не страшно мне.

Тебя же ветреность толкает
Блеснуть, хотя б на краткий срок;
Так ночью блещет и сверкает,
А днем таится светлячок.

Увы, едва войдешь в обитель,
Где паразиты к принцам льнут
(Зал королевских посетитель
Найдет там ласковый приют), —

С тех пор, все ночи там блистая,
Ты рой умножишь светляков,
И будет млеть душа пустая
Меж суеты, средь гордецов.

От дамы к даме там порхая,
Улыбки строить будешь ты;
Так муха, мед едва вкушая,
Напрасно пачкает цветы.

Какой же нимфе будет лестно,
Что ей любовь предложит тот,
Кто лишь порхает повсеместно,
Как огонек среди болот?

Какой же друг тебя приблизит
К себе, хоть будь ему ты мил?
До дружбы кто себя унизит
С тем, кто с любимым глупцом дружил?

Пока еще небезысходно
Погряз ты в омуте таком, —
Опомнись, друг! Будь чем угодно,
Но только будь не пошляком!

(1905)

Иоганн Вольфганг Гете

475. ФАУСТ

Из части II

Большой двор перед дворцом. Факелы.

М е ф и с т о ф е л ь

(в качестве зрителя, впереди)

Сюда, сюда! Смелей, дружной,
Дрожащие лемуры,
Из жил, и связок, и костей
Сплетенные фигуры!

Лемуры

(хором)

Везде, всегда мы за тобой!
Велишь ты, без сомненья,
Расширить новою страной
Господские владенья?
С собой мы колья принесли,
И цепь для меры с нами.
Что делать нам? Зачем мы шли, —
О том забыли сами.

Мефистофель

Несложен будет труд на этот раз!
Себя самих за меру вы примите:
Пусть ляжет тот, кто всех длинней из вас,
А остальные дерн вокруг снимите
И, как отцам все делают своим,
В земле квадратик выройте под ним.
В дом тесный из дворца! Такою
Всегда кончают люди чепухою.

Лемуры

(роя, поют с ужимками)

Когда я юн и пылок был,
Мне всё казалось мило;
Где пир был, дым столбом ходил,
Туда меня манило.
Но старость злобная меня
Клюкой своейхватила, —
И вдруг о гроб споткнулся я.
Откуда ты, могила?

Фауст

(выходя из дворца ощупью, у дверных косяков)

Как звон лопат ласкает ухо мне!
Здесь вся толпа мой замысл исполняет:
Она кладет предел морской волне,
С самой собою землю примиряет,
Грань строгую для моря создает.

Мефистофель
(в сторону)

Лишь нам на пользу всё пойдет!
Напрасны здесь и мол и дюна:
Ты сам готовишь для Нептуна,
Морского черта, славный пир!
Как ни трудись — плоды плохие!
Ведь с нами заодно стихии,
Уничтоженья ждет весь мир.

Фауст

Смотритель!

Мефистофель
Здесь!

Фауст

Громаду за громадой
Рабочих здесь нагромождай;
Приманкой действуй, платой и наградой,
И поощряй и принуждай!
И каждый день являйся с донесеньем,
На сколько ров подвинут исполненьем.

Мефистофель
(вполголоса)

А мне доносят, что не ров,
А гроб скорей тебе готов.

Фауст

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле,
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветет среди моих полян,

А там, вдали, пусть яростно клокочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят мигом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смелó б веков теченье
Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Фауст падает. Лемуры подхватывают его и кладут на землю.

М е ф и с т о ф е л ь

Нигде, ни в чем он счастьем не владел, —
Влюблялся лишь в свое воображенье;
Последнее он удержать хотел,
Бедняк, пустое, жалкое мгновенье!
Но время — царь; пришел последний миг,
Боровшийся так долго пал старик,
Часы стоят!

Х о р

Стоят! Остановилась,
Упала стрелка их. Как мрак ночной,
Они молчат.

М е ф и с т о ф е л ь

Всё кончено. Свершилось!

(1910)

Шарль Бодлер

476. УЕДИНЕНИЕ

Будь мудрой, Скорбь моя! Не унывай без меры!
Ты вечер всё звала — и вот он настает.
Весь город полумрак окутывает серый,
Одним неся покой, другим — ярмо забот.
Но пусть толпа невежд, под плетью наслажденья,
На рабском празднике, в забвении тупом
Проводит эту ночь и копит угрызенья
На совести своей. . . Уйдем от них, уйдем! . .
Дай руку мне свою! Взгляни на свод небесный:
Не прошлые ль Года стоят там кучкой тесной
В одеждах старины, с поникшей головой?
Не Сожаление ль там, над рекой, всплывает
С улыбкой кроткою? Уж солнце умирает:
Взгляни — закат горит, как тяжелобольной. . .
И слушай, Скорбь моя, — о, слушай, дорогая, —
Как нежно сходит ночь, парчою гробовой
С востока дальнего таинственно сползая!

1880

477

Ты целый мир вместить могла бы в свой альков,
Исчадь похоти! От праздности ты злобна!
С зарею новою на жерновах зубов
Ты сердце новое измалывать способна.
Глаза твои блестят, как вывески купцов,
Как пламя факелов на торжествах публичных;

Для наглости твоей нарядов нет циничных,
На языке твоём нет заповедных слов.
Машина страшная, глухая и слепая,
Спасительный вампир, сосущий кровь земли!
Как не стыдишься ты? Как, зеркала встречая,
Не видишь прелести увядшие свои?
Иль вид могучий зла, что от тебя рождается,
Ни разу ужасом не поражал тебя?
Меж тем природа-мать, свои пути любя,
Тебя, о женщина, людских грехов царица,
Тебя, животное бездушное, берет,
Лепя и гения, которым мир гордится. . .
О, грязь блестящая! О, мерзостный почет!
(1909)

Арман Сюлли-Прюдом

478. ЗАТЕРЯВШИЙСЯ КРИК

Игрой мечты ушел я в глубь веков
И вижу юношу: болезненный, печальный,
Возводит он с толпой других рабов
Хеопсу мавзолей пирамидальный.

Вот он несет на согнутой спине
Чудовищный гранит. Дрожащая походка. . .
Глаза глядят страдальчески и кротко. . .
И страшный крик раздался в тишине!

Тот крик потряс весь воздух, строй эфира,
Дошел до звезд — и там, за гранью мира,
Всё вверх идет в пространстве вековом.

Он ищет божества и правды бесконечной. . .
Прошли века. Гигант остроконечный
Над деспотом стоит в величии немом!

1880

Его сочли бездушным мертвецом,
 Но он проснулся. Рот окостенелый
 Хотел кричать, но крик его несмелый
 Был заглушен каким-то потолком.

И в странной пустоте, холодной и бездонной,
 Без звуков, без лучей, лежит он одинок,
 Тревожно слушая... Испуганный зрачок
 Пронизывает мрак безжизненный и сонный.

Кругом царит загадочный покой...
 Вот хочет он привстать... и — ужас! — головой
 Ударился о доски гробовые!

Усни и ты, душа моя,
 Не плачь, не рвься в небесные края,
 Чтоб цепи не почувствовать земные!

1880

Фридрих Боденштедт

489. ИЗ «ПЕСЕН МИРЗЫ-ШАФИ»

Манифест собственноручно
 Написал персидский шах,
 А народ его дивился
 И шумел на площадях.
 Мудрость царскую, ликуя,
 До небес превознесли:
 «Слава, слава падишаху
 За пределами земли!»

Но Мирза-Шафи в сторонке
 Головой седой поник...
 «Неужели я как должно
 Понимаю этот крик?»

Глубоко же уваженье
К властелину здешних мест,
Если смотрят с изумленьем
На разумный манифест!..»

1879

Гомер

481. ИЛИАДА

Из песни IV

Боги собрались в совет, на помосте из золота сидя
Подле Зевеса-отца, а в середине почтенная Геба
Черпала нектар для них. И, друг друга приветствуя,
боги

Пили из чаш золотых и взирали на город троянцев.
Вдруг вознамерился Зевс рассердить волоокую Геру
Колкою речью своей и насмешливо так ей промолвил:
«Две есть защитницы между богинь у царя Менелая —
Гера Аргивская, с ней и Афина, заступница в битвах.
Но вдалеке они сели, довольствуясь зрелищем боя.
А между тем Афродита, сияя улыбкою нежной,
Всюду следит за Парисом, от парок его защищая.
Так и сегодня спасла уж близкого в мыслях от смерти.
Всё же в бою победил Менелай, любимец Арея.
Ныне давайте обсудим, как эти дела нам устроить:
Снова ль подыдем войну и смятение битвы жестокой,
Или же дружбу и мир учредим средь обоих народов.
Если одобрите все и покажется так вам приятным,
Город Приама-царя пусть останется впредь населенным,
Вместе же с тем Менелай пусть вернет аргивянку Елену».

Так он сказал. И в душе возроптали Афина и Гера.
Рядом сидели они и троянцам беды замышляли.
Но молчалива была и не молвила слова Афина:
Гнев против Зевса-отца и ярость ее обуяли.
Гера же злобы в душе не сдержала и так говорила:
«О жесточайший Кронид! Какое ты слово промолвил!

Хочешь ли сделать мой труд бесполезным? Ужели
напрасно
Пóтом, трудясь, обливалася я? Мои кони устали,
Во́йско ахейцев собирая на гóре Приаму и детям.
Делай. Но мы, остальные все боги, тебя не одобрим».

(1896)

Джордж Гордон Байрон

482

В час, когда расставались
Мы в слезах и без слов
И душой содрогались
Пред разлукой годов, —
Были льдом твои руки,
Поцелуй — холодной.
Предвещал миг разлуки
Горе будущих дней.

Утро льдистой росой
Мне кропило чело,
Угрожая бедою —
Тем, что ныне пришло.
Ты забыла обеты,
Твое имя — укор.
Грустно слышу наветы
И делю твой позор.

Пусть молва нас связала, —
Не она мне тяжка.
О, скажи: чем ты стала
Так душе дорога?
Нас не люди накажут,
Я лишь знаю тебя,
И слова не расскажут,
Как жалею, скорбя.

Мы сроднились душою,
И грущу в тишине,
Что ты стала чужою
Мне в чужой стороне.
Если ж вновь тебя встречу
После многих годов,
На привет твой отвечу
Вновь слезами без слов.

(1904)

483. СОНЕТ К ШИЛЬОНУ

Дух вечной мысли, ты, над кем владыки нет,
Всего светлей горишь во тьме темниц, свобода.
Там ты живешь в сердцах, столь любящих твой свет,
Что им с тобой мила тюремная невзгода.

Когда твоих сынов, хранящих твой завет,
Бросают скованных под сень глухого свода, —
В их муках торжество восходит для народа,
И клич свободы вмиг весь облетает свет.

Шильон! Твоя тюрьма — святыня. Пол гранитный —
Алтарь. Его топтал страдалец беззащитный
Так долго, что в скалу, как в дерн, вдавил следы.

Их не сотрет никто, клянусь я Бонниваром.
Пусть к богу вопиют они о рабстве старом,
Пусть возвещают смерть насилья и вражды.

(1904)

Поль Верлен

484. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Осенний стон —
Протяжный звон,
Звон похоронный —

В душе больной
Звучит струной
Неугомонной.

Томлюсь в бреду.
Бледнея, жду
Ударов ночи.
Твержу привет
Снам прежних лет,
И плачут очи.

Под бурей злой
Мчусь в мир былой
Невозвратимый,
В путь без следа —
Туда, сюда,
Как лист гонимый.

1903

Вильгельм Мюллер

485. ШАРМАНЩИК

В дальнем закоулке
Дед стоит седой
И шарманку вертит
Дряхлою рукой.

По снегу да босый
Еле бродит дед;
На его тарелке
Ни копейки нет.

Мимо идут люди,
Слушать не хотят —
Только псы лихие
Деда теребят.

Уж давно о счастье
Дед не ворожит,
Старую шарманку
Знай себе крутит...

Эй, старик! Не легче ль
Вместе нам терпеть...
Ты верти шарманку,
А я буду петь...

Генрих Гейне

486. ДВОЙНИК

Ночь, и давно спит закоулок;
Вот ее дом — никаких перемен,
Только жилицы не стало, и гулок
Шаг безответный меж каменных стен.

Тише... Там тень... руки ломает,
С неба безумных не сводит очей...
Месяц подкрался и маску снимает.
«Это — не я: ты лжешь, чародей!

Бледный товарищ, зачем обезьянить?
Или со мной и тогда заодно
Сердце себе приходил ты тиранить
Лунною ночью под это окно?»

(1904)

Шарль Бодлер

487. СОВЫ

Зеницей нацелясь багровой,
Рядами на черных березах,
Как идолы, старые совы
Застыли в мечтательных позах.

И с места не тронется птица,
Покуда, алея, могила
Не примет останков светила
И мрак над землей не сгустится.

А людям пример их — наука,
Что двигаться лишняя мука,
Что горшее зло — суета,

Что если гоняться за тенью
Кого и заставит мечта,
Безумца карает — *Движение*.

(1904)

488. СПЛНН

Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжел,
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает, с похмелья зол.

И целый мир для нас одна темница,
Где лишь мечта надломленным крылом
О грязный свод упрямо хочет биться,
Как нетопырь, в усердии слепом.

Тюремщик — дождь гигантского размера
Задумал нас решеткой окружить,
И пауков народ немой и серый
Под черепа к нам перебрался жить. . .

И вдруг удар сорвался как безумный, —
Колокола завывли и гудят,
И к облакам проклятья их летят
Ватагой злобною и шумной.

И вот. . . без музыки за серой пеленой
Ряды задвигались. . . Надежда унывает,
И над ее поникшей головой
Свой черный флаг Мученье развеивает. . .

(1904)

489. СЛЕПЫЕ

О, созерцай, душа: весь ужас жизни тут
Разыгран куклами, но в настоящей драме.
Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими шарами.

И странно: впадины, где искры жизни нет,
Всегда глядят наверх, и будто не проронит
Луча небесного внимательный лорнет,
Иль и раздумие слепцу чела не клонит?

А мне, когда их та ж сегодня, что вчера,
Молчанья вечного печальная сестра,
Немая ночь ведет по нашим стогам шумным

С их похотливою и наглою суетой,
Мне крикнуть хочется — безумному безумным:
«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»

(1904)

490. СТАРЫЙ КОЛОКОЛ

Я знаю сладкий яд, когда мгновенья тают
И пламя синее узор из дыма вьет,
А тени прошлого так тихо пролетают
Под вальс томительный, что вьюга им поет.

О, я не тот, увы! над кем бессильны годы,
Чье горло медное хранит могучий вой
И, рассекая им безмолвие природы,
Тревожит сон бойцов, как старый часовой.

В моей груди давно есть трещина, я знаю,
И если мрак меня порой не усыпит
И песни нежные слагать я начинаю —

Всё, насмерть раненный, там будто кто хрипит,
Гора кровавая над ним всё вырастает,
А он в сознании и недвижно умирает.

Пускай избитый зверь, влачась на цепочке,
Покорно топчет ваш презренный макадам,
Сердечных ран своих на суд ваш не отдам,
Принарядивши их в рифмованные строчки.

Чтоб оживить на миг огонь заплывших глаз,
Чтоб смех ваш вымолить, добиться сожаленья,
Я ризы светлые стыда и вдохновенья
Пред вами раздирать не стану напоказ.

В цепях молчания, в заброшенной могиле
Мне легче будет стать забвенной горстью пыли,
Чем вдохновением и мукой торговать.

Мне даже дальний гул восторгов ваших жуток, —
Ужель заставите меня вы танцевать
Средь размалеванных шутов и проституток?

492. ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Глаза открыты и не видят... Я — мертвец...
Я жил... Теперь я только падаю... Паденье,
Как мука, медленно, и тяжело, как свинец.

Воронка черная без жалоб, без боренья
Вбирает мертвого. Проходят дни... года...
И ночь, и только ночь, без звука, без движенья.

Я понимаю всё... Но сердце? И сюда
Схожу ли стариком иль пору молодую
Покинул... и любви сияла мне звезда?..

Я — груз, и медленно сползаю в ночь немую;
Растет, сгущается забвенье надо мной...
Но если это сон?.. О нет, и гробовую

Я помню тень, и крик, и язву раны злой...
Всё это было... и давно... Иль нет? Не знаю...
О ночь небытия! Возьми меня... я твой...

Там... сердце на куски... Припѣминаю.

(1904)

493. НАД УМЕРШИМ ПОЭТОМ

О ты, чей светлый взор на крыльях горней рати
Цветов неведомых за радугой искал
И тонких профилей в изгибах туч и скал,
Лежишь недвижим ты, — и на глазах печати.

Дышать — глядеть — внимать — лишь ветер,
пыль и гарь...
Любить? Фиал златой, увы! но желчи полный.
Как бог скучающий, покинул ты алтарь,
Чтобы волной войти туда, где только волны.

На безответный гроб и тронутый скелет
Слеза обрядная прольется или нет,
И будет ли тобой банальный век гордиться, —

Но я твоей, поэт, завидую судьбе:
Твой тих далекий дом, и не грозит тебе
Позора — понимать, и ужаса — родиться.

(1904)

Поль Верлен

494

Начертания ветхой триоди
Нежным шепотом будит аллея,
И, над сердцем усталым алея,
Загораются тени мелодий.

Их волшебный полет ощутив,
Сердце мечется в узах обмана,

Но навстречу ему из тумана
Выплывает банальный мотив.

О, развеяться в шепоте елей. . .
Или ждать, чтоб мечты и печали
Это сердце совсем закачали,
И, заснувши. . . скатиться с качелей?

(1904)

495. ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Сердце исходит слезами,
Словно холодная туча. . .
Сковано тяжкими снами,
Сердце исходит слезами.

Бьются мелодией ноты
Шелеста, шума, журчанья,
В сердце под игом дремоты
Льются дождливые ноты. . .

Только не горем томимо
Плачет, а жизнью наскуча,
Ядом измен не язвимо,
Мерным биеньем томимо.

Разве не хуже мучений
Эта тоска без названья?
Жить без борьбы и влечений
Разве не хуже мучений?

(1904)

496

Я долго был безумен и печален
От темных глаз ее, двух золотых миндалин.

И всё тоскую я, и всё люблю,
Хоть сердцу уж давно сказал: «Уйди, молю»,

Хотя от уз, от нежных уз печали
И ум и сердце вдаль, покорные, бежали.

Под игом дум, под игом новых дум,
Волнуясь, изнемог нетерпеливый ум,

И сердцу он сказал: «К чему ж разлука,
Когда она всё с нами, эта мука?»

А сердце, плача, молвило ему:
«Ты думаешь, я что-нибудь пойму?»

Не разберусь я даже в этой муке,
Да и бывают ли и вместе, и в разлуке?»

(1904)

497. ТОМЛЕНИЕ

Сонет

Я — бледный римлянин эпохи Апостата.
Покуда портик мой от гула бойни тих,
Я стилем золотым слагаю акростих,
Где умирает блеск пурпурного заката.

Не медью тяжкою, а скукой грудь объята,
И пусть кровавый стяг там веет на других,
Я не люблю трубы, мне дики стоны их,
И нестерпим венок, лишенный аромата.

Но яд или ланцет мне дней не прекратят.
Хоть кубки допиты, и паразит печальный
Не прочь бы был почтить нас речью
погребальной!

Пускай в огонь стихи банальные летят:
Я всё же не один: со мною раб нахальный
И скука желтая с усмешкой inferнальной.

(1904)

498. СОМНЕНИЕ

1

Белеет Истина на черном дне провала.
Зажмурьтесь, робкие, а вы, слепые, прочь!
Меня безумная любовь околдовала:
Я к ней хочу, туда, туда, в немую ночь.

Как долго эту цепь разматывать паденьем...
Вся наконец и цепь... И ничего... круги...
Я руки вытянул... Напрасно... Напряженьем
Кружим мучительно... Ни точки и ни зги...

А Истины меж тем я чувствую дыханье:
Вот мерным сделалось и цепи колыханье,
Но только пустоту пронзает мой размах...

И цепи, знаю я, на пядь не удлиниться, —
Сиянье где-то там, а здесь, вокруг — темница,
Я — только маятник, и в сердце — только страх.

(1904)

Артур Рембо

499. ФЕИ РАСЧЕСАННЫХ ГОЛОВ

На лобик розовый и влажный от мучений
Сзывая белый рой несознанных влечений,
К ребенку нежная ведет сестру сестра,
Их ногти — жемчуга с отливом серебра.
И, посадив дитя пред рамою открытой,
Где в синем воздухе купаются цветы,
Они в тяжелый лен, прохладую омытый,
Впускают грозные и нежные персты.
Над ним, мелодией дыханья слух балуя,
Незримо розовый их губы точат мед:

Когда же вздох порой его себе возьмет,
Он на губах журчит желаньем поцелуя.
Но черным веером ресниц их усыплен,
И ароматами, и властью пальцев нежных,
Послушно отдает ребенок сестрам лен,
И жемчуга щитов уносят прах мятежных.
Тогда истомы в нем подьется вино,
Как мех гармонии, когда она вздыхает...
И в ритме ласки их волшебной заодно
Всё время жажда слез, рождаясь, умирает.

Морис Роллина

500. БОГЕМА

Сонет

Последний мой приют — сей пошлый макадам,
Где столько лет влачу я старые мозоли
В безумных поисках моей пропавшей доли,
А голод, как клевет, за мною по пятам.

Твоих, о Вавилон, вертепов блеск и гам
Коробку старую мою не дразнят боле!
Душа там скорчилась от голода и боли,
И черви бледные гнездятся, верно, там.

Я призрак, зябнувший в зловонии отребий,
С которыми сравнивал меня завидный жребий,
И даже псов бежит передо мной орда;

Я струпьями покрыт, я стар, я гнил, я — парий,
Но ухмыляюсь я презрительно, когда
Помыслю, что ни с кем не хаживал я в паре.

(1904)

Тристан Корбьер

501—502. ДВА ПАРИЖА

НОЧЬЮ

Ты — море плоское в тот час, когда отбой
Валы гудящие угнал перед собой,
А уху чудится прибоя ропот слабый,
И тихо черные заворошились крабы.

Ты — Стикс, но высохший, откуда, кончив лов,
Уносит Диоген фонарь, на крюк надетый,
И где для удочек «проклятые» поэты
Живых червей берут из собственных голов.

Ты — щетка жнивника, где в грязных нитях рони
Прилежно роется зловонный рой вороний,
И от карманников, почуявших барыш,
Дрожа спасается облезлый житель крыш.

Ты — смерть. Полиция храпит, а вор устало
Рук жирно-розовых взасос целует сало.
И кольца красные от губ на них видны
В тот час единственный, когда ползут и сны.

Ты — жизнь, с ее волной певучей и живую
Над лакированной тритоньей головою,
А сам зеленый бог в мертвецкой и застыл,
Глаза стеклянные он широко раскрыл.

ДНЕМ

Гляди, на небесах, в котле из красной меди,
Неисчислимы для нас варятся снеди.
Хоть из остаточков состряпано, зато
Любовью сдобрено и потом полито!

Пред жаркой кухней толкутся побирашки,
Свежинка с запашком заманчиво бурлит,
И жадно пьяницы за водкой тянут чашки,
И холод нищего оттертого долит.

Не думаешь ли, брат, что, растопив червонцы,
Журчаще-жаркий жир для всех готовит солнце?
Собачьей мы и той похлебки подождем.

Не всем под солнцем быть, кому и под дождем.
С огня давно горшок наш черный в угол сдвинут,
И желчью мы живем, пока нас в яму кинут.

(1904)

Поль Верлен

503. СПЛИН

Алеют слишком эти розы,
И эти хмели так черны.

О дорогая, мне угрозы
В твоих движениях видны.

Прозрачность волн, и воздух сладкий,
И слишком нежная лазурь.

Мне страшно ждать за лаской краткой
Разлуки и жестоких бурь.

И остролист, как лоск эмали,
И букса слишком яркий куст,

И нивы беспредельной дали —
Всё скучно, кроме ваших уст.

1897

504

Я в черные дни
Не жду пробужденья.
Надежда, усни,
Усните, стремленья!

Спускается мгла
На взор и на совесть.
Ни блага, ни зла, —
О, грустная повесть!

Под чьей-то рукой
Я — зыбки качанье
В пещере пустой. . .
Молчанье, молчанье!

1897

505

Я не люблю тебя одетой, —
Лицо прикрывши вуалетой,
Затмишь ты небеса очей.
Как ненавистны мне турнюры,
Пародии, карикатуры
Столь пышной красоты твоей!

Глядеть на платье мне досадно —
Оно скрывает беспощадно
Всё, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхование колен.

А ну их, дам, одетых модно!
Спешу прекрасную свободно,
Сорочка милая, обнять,
Покров алтарный мессы нежной
И знамя битвы, где, прилежный,
Не уставал я побеждать.

1908

506. КАЛЕЙДОСКОП

В том городе в мучительной земле
Настанет вновь, как встарь жилось кому-то,
И страшная, и горькая минута.
О, это солнце, скрытое во мгле!

О, этот крик в морях! О, вопль дубравный!
Как в старину, проснется не спеша,
Перерожденья кончивши, душа
И мир найдет, былому миру равный,

В той улице средь города мечты,
Где в ночь орган сыграт плясовую,
Где будет музыка напропалую,
Где замурлычат в лавочках коты.

Всё неизбежно будет, как могила:
Вдоль щек смиренные потоки слез,
Рыданья смеха в трескотне колес,
И зовы: «Смерть, хоть ты б освободила!»

Букет увялый, древний перепев!
Народный бал опять назойлив станет.
Вдова повязкою свой лоб затянет,
Да и пойдет в среде продажных дев,

Что шляются с толпою развращенной
Мальчишек и поганых стариков,
И ротозеи треском бураков
Потешатся на площади зловонной.

И будет так, как будто кто заснул,
Едва проснувшись, — и опять он в этом
Волшебном мире, убаюкан летом
Под шум травы и пчел волнистый гул.

(1923)

Напет Кучак

507. ПЕСНИ ЛЮБВИ

По тебе, мой друг, тоскую, да и как не тосковать!
Кто тебя ко мне проводит, душу спросит — рад отдать.
Много муки, много горя мне пришлось испытать.
Что мне в долгой жизни, если без тебя мне вековать!

Пожалей меня, голубка, — верный раб твой одинок.
Горьким плачем изойду ли? неужель таков мой рок?
У тебя в саду есть розы: мне, рабу, пришли венок, —
Поцелую и надену, чтобы слез прервался ток.

Как красиво расцветали все кусты в бахче моей!
Но цветы похитил кто-то, льются слезы из очей.
Я мечусь, как перепелка, потерявшая детей.
Сеть свою скорей раскинь, чтоб запутался я в ней.

Сердце здесь пред жарким сердцем, как осенний лист,
дрожит.
Слезы льются, словно щеки мне весенний дождь кропит.
Только нежность белой груди исцеленье мне сулит!
С грудью грудь сомкнем, — но кто, кто, скажи, к тебе
спешит?

Ты сказала: «Я — твоя!» Неужели это — ложь?
Ты закаялась любить! Иль иного ты найдешь?
Мне такое будет горе, что к иному ты прильнешь
И к следам моих лобзаний ты уста его прижмешь!

«Высоко ты ходишь, — милой передай привет, луна!»
— «Передам привет я милой, но не знаю, где она».
— «Видишь дерево в саду, где высокая стена?
Пьет из чаши голубой там под деревом она
И армянской речью славит сладость ласки и вина».

Спорят с морем под Меорой эти очи глубиной,
Эти кудри разметались ветром зыблемой волной.
Возросла ты, точно ива, ты как яблок наливной.
Ты напоишь ароматом белой розы мир земной.

Шарль Бодлер

508. АЛЬБАТРОС

Во время плаванья, когда толпе матросов
Случается поймать над бездною морей
Огромных белых птиц, могучих альбатросов,
Беспечных спутников отважных кораблей, —

На доски их кладут; и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.

Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым, и жалким, и смешным,
Зажженной трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым.

Поэт — как альбатрос: отважно, без усилья,
Пока он в небесах, витает в бурной мгле,
Но исполинские, невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

(1912)

Эдгар По

509. ВОРОН

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною
думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук
раздался,
Будто кто-то постучался — постучался в дверь ко мне.
«Это, верно, — прошептал я, — гость в полночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета, как я тщетно ждал ответа
На страданье, без привета, на вопрос о ней, о ней,
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней,
О светилах прежних дней.

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Скорбный лепет, наполнявший темным чувством сердце
мне.
Непонятный страх смиряя, встал я с места, повторяя:
«Это только гость, блуждая, постучался в дверь ко мне,
Поздний гость приюта просит в полуночной тишине, —
Гость стучится в дверь ко мне».

подавив свои сомненья, победивши опасенья,
Я сказал: «Не осудите замедленья моего!
Этой полночью ненастной я вздремнул, и стук неясный,

Слишком тих был стук неясный, — и не слышал я его,
Я не слышал», — тут раскрыл я дверь жилища моего:
Тьма, и больше ничего.

Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным на земле ни для кого;
Но как прежде ночь молчала, тьма душе не отвечала,
Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца моего, —
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его, —
Эхо, больше ничего.

Вновь я в комнату вернулся — обернулся —
содрогнулся, —
Стук раздался, не слышнее, чем звучал он до того.
«Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь пошевелилось,
Там, за ставнями, забилося у окошка моего, —
Это ветер, усмирю я трепет сердца моего, —
Ветер, больше ничего».

Я толкнул окно с решеткой, — тотчас важною походкой
Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых дней,
Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошел спесиво,
И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности своей,
Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был моей,
Он взлетел — и сел над ней.

От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгие года.
«Твой хохол ощипан славно, и глядишь ты презабавно, —
Я промолвил, — но скажи мне: в царстве тьмы, где Ночь
всегда,
Как ты звался, гордый Ворон, там, где Ночь царит
всегда?»

Ворон крикнул: «Никогда».

Птица ясно отвечала, и хоть смысла было мало,
Подивился я всем сердцем на ответ ее тогда.
Да и кто не подивится, кто с такой мечтой сроднится,
Кто поверить согласится, чтобы где-нибудь когда
Сел над дверью говорящий без запинки, без труда
Ворон с кличкой: «Никогда».

И, взирая так сурово, лишь одно твердил он слово,
Точно всю он душу вылил в этом слове «никогда»,
И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул он;
Я шепнул: «Друзья сокрылись вот уж многие года,
Завтра он меня покинет, как Надежды, навсегда».

Ворон каркнул: «Никогда».

Услыхав ответ удачный, вздрогнул я в тревоге мрачной,
«Верно, был он, — я подумал, — у того, чья жизнь —
Беда,

У страдальца, чьи мученья возрастали, как течение
Рек весной, чье отречение от Надежды навсегда
В песне вылилось — о счастье, что, погибнув навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда».

Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинул против Ворона тогда,
И, склонясь на бархат нежный, я фантазии безбрежной
Отдался душой мятежной: «Это — Ворон, Ворон, да.
Но о чем твердит зловещий этим черным „Никогда“,
Страшным криком „Никогда“».

Я сидел, догадок полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда,
И, с печалью запоздалой, головой своей усталой
Я прильнул к подушке алой, и подумал я тогда:
«Я один, на бархат алый та, кого любил всегда,
Не прильнет уж никогда».

Но, постой, вокруг темнеет, и как будто кто-то веет,
То с кадилъницей небесной серафим пришел сюда?
В миг неясный упоенья я вскричал: «Прости, мученье!
Это бог послал забвенье о Леноре навсегда,
Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И вскричал я в скорби страстной: «Птица ты иль дух
ужасный,
Искусителем ли послан иль грозой прибит сюда, —
Ты пророк неустрашимый! В край печальный,
нелюдимый,

Я и нежная Аннабель-Ли.
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
В королевстве приморской земли:
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель-Ли;
И родные толпою печальной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг,
В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли, —
Оттого и случилось (как ведомо всем
В королевстве приморской земли):
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильней и полней
Тех, что старости бремя несли,
Тех, что мудростью нас превзошли, —
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И в мерцаньи ночей я всё с ней, я всё с ней,
С незабвенной — с невестой — с любовью
моей —
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

1894

Небеса были серого цвета,
 Были сухи и скорбны листы,
 Были сжаты и смяты листы.
 За огнем отгоревшего лета
 Ночь пришла, сон глухой черноты,
 Близ туманного озера Обер,
 Там, где сходятся ведьмы на пир,
 Где лесной заколдованный мир,
 Возле дымного озера Обер,
 В зачарованной области Вир.

Там однажды, в аллее Титанов,
 Я с моею Душою блуждал,
 Я с Психеей, с Душою блуждал.
 В эти дни трепетанья вулканов
 Я сердечным огнем побеждал,
 Я спешил, я горел, я блистал, —
 Точно серные токи на Яник,
 Бороздящие горный оплот,
 Возле полюса, токи, что Яник
 Покидают, струясь от высот.

Мы менялися лаской привета,
 Но в глазах затаилася мгла,
 Наша память неверной была,
 Мы забыли, что умерло лето,
 Что октябрьская полночь пришла,
 Мы забыли, что осень пришла,
 И не вспомнили озеро Обер,
 Где открылся нам некогда мир,
 Это дымное озеро Обер
 И излюбленный ведьмами Вир.

Но когда уже ночь постарела
 И на звездных небесных часах
 Был намек на рассвет в небесах, —
 Что-то облачным сном забелело
 Перед нами, в неясных лучах,

И внезапно предстал серебристый
Полумесяц, двурогой чертой,
Полумесяц Астарты лучистый,
Очевидный двойной красотой.

Я промолвил: «Астарта нежнее
И теплей, чем Диана, она —
В царстве вздохов, и вздохов полна;
Увидав, что, в тоске не слабея,
Здесь душа затомилась одна, —
Чрез созвездие Льва проникая,
Показала она в облаках
Путь к забвенной тиши в небесах,
И, чело перед Львом не склоняя,
С нежной лаской в горящих глазах,
Над берлогою Льва возникая,
Засветилась для нас в небесах».

Но Психея, свой перст поднимая,
«Я не верю, — промолвила, — в сны
Этой бледной богини Весны.
О, не медли, — в ней бледность больная!
О, бежим! Поспешим! Мы должны!»
И, в испуге, в истоме бессилья,
Не хотела, чтоб дальше мы шли,
И ее ослабевшие крылья
Опускались до самой земли —
И влачились — влачились в пыли.

Я ответил: «То страх лишь напрасный,
Устремимся на трепетный свет,
В нем кристальность, обмана в нем нет.
Сибиллически-ярко-прекрасный,
В нем Надежды манящий привет,
Он сквозь ночь нам роняет свой след.
О, увруем в это сиянье,
Так зовет оно вкрадчиво к снам,
Так правдивы его обещанья
Быть звездой путеводною нам,
Быть призывом, сквозь ночь, к Небесам!»

Так ласкал, утешал я Психею
Толкованием звездных судеб,
Зоркий страх в ней утих и ослеп.
И прошли до конца мы аллею,
И внезапно увидели склеп,
С круговым начертанием склеп.
«Что гласит эта надпись?» — сказал я,
И, как ветра осеннего шум,
Этот вздох, этот стон услышал я:
«Ты не знал? Улялюм — Улялюм —
Здесь могила твоей Улялюм».

И, сраженный словами ответа,
Задрожав, как на ветке листы,
Как сухие под ветром листы,
Я вскричал: «Значит, умерло лето,
Это осень и сон черноты,
Небсса потемневшего цвета,
Ровно — год, как на кладбище лета
Я здесь ночью октябрьской блуждал,
Я здесь с ношею мертвой блуждал.
Эта ночь была ночь без просвета,
Самый год в эту ночь умирал, —
Что за демон сюда нас зазвал?
О, я знаю теперь, это — Обер,
О, я знаю теперь, это — Вир,
Это — дымное озеро Обер
И излюбленный ведьмами Вир».

(1899)

512

Я не скорблю, что мой земной удел
Земного мало знал самозабвенья,
Что сон любви давнишней отлетел
Перед враждой единого мгновенья.
Скорблю я не о том, что в блеске дня
Меня счастливей нищий и убогий,
Но что жалесшь ты, мой друг, меня,
Идущего пустынною дорогой.

(1899)

513. ЭЛЬДОРАДО

Между гор и долин
Едет рыцарь, один,
Никого ему в мире не надо.
Он всё едет вперед,
Он всё песню поет,
Он замыслил найти Эльдорадо.

Но, в скитаньях — один,
Дожил он до седин,
И погасла былая отрада.
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде Эльдорадо.

И когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак — и шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:
«Расскажи, не пойму,
Укажи, где страна Эльдорадо?»

И ответила Тень:
«Где рождается день,
Лунных гор где чуть зрима громада.
Через ад, через рай,
Всё вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдорадо!»

(1899)

Шарль Бодлер

514. ПРОПАСТЬ

Паскаль носил в душе водоворот без дна.
— Всё пропасть алчная: слова, мечты, желанья.
Мне тайну ужаса открыла тишина,
И холодею я от черного сознания.

Вверху, внизу, везде — бездонность, глубина,
Пространство страшное с отравой молчанья.
Во тьме моих ночей встает уродство сна
Многообразного — кошмар без окончанья.

Мне чудится, что ночь — зияющий провал,
И кто в нее вступил, тот схвачен темнотою.
Сквозь каждое окно — бездонность предо мною.

Мой дух с отрадой бы в ничтожестве пропал,
Чтоб тьмой бесчувствия закрыть свои терзанья.
— Но никогда не быть вне Чисел, вне Сознанья!

1899

Эмиль Верхарн

515. ВЕТЕР

Вот, зыбля вереск вдоль дорог,
Ноябрьский ветер трубит в рог.
Вот ветер вереск шевелит,
Летит
По деревням и вдоль реки,
Дробится, рвется на куски, —
И дик и строг,
Над вересками трубит в рог.

И над колодцами бадьи,
Качаясь, жалобно звенят,
Кричат
Под ветром жалобы свои.
Под ветром ржавые бадьи
Скрипят
В тупом и тусклом забытьи.

Ноябрьский ветер вдоль реки
Нещадно гонит лепестки
И листья желтые с берез;
Поля, где пробежал мороз,
Метлой железною метет;
Вороньи гнезда с веток рвет;
Зовет,
Трубя в свой рог,
Ноябрьский ветер, дик и строг.

Вот старой рамой
Стучит упрямо;

Вот в крыше стонет, словно просит,
И молкнет с яростью бессилья.
А там, над красным краем рва,
Большие мельничные крылья
Летящий ветер косят, косят —
Раз-два, раз-два, раз-два, раз-два!

Вкруг церкви низкой и убогой
На корточки присев, дома
Дрожат и шепчутся с тревогой,
И церковь вторит им сама.
Раскинув распятые руки,
Кресты на кладбище глухом
Кричат от нестерпимой муки
И наземь падают ничком.

Дик и строг,
Ноябрьский ветер трубит в рог
На перекрестке ста дорог!

Встречался ль вам
Ноябрьский ветер здесь и там,
Трубач, насильник и бродяга,
От стужи зол и пьян отвагой?
Видали ль вы, как нынче в ночь
Он месяц с неба сбросил прочь,
Когда всё скудное село
От ужаса занемогло
И выло, как зверей ватага?

Слыхали ль вы, как, дик и строг,
По верескам и вдоль дорог
Ноябрьский ветер трубит в рог?

(1906)

516. НЕ ЗНАЮ, ГДЕ

Это где-то на севере, где — я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это — холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это — иней, что точит, морочит бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это — полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это — полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной, безвольной
Это — смолкнувший звон колокольный,
Это — убранный снегом и льдами собор.

Это — хор похоронный, с которым без слов я рыдаю,
Литургия Великого Холода в мире стальном.
Это где-то, — не в старом ли северном крае? — не знаю!
Это где-то, — не в старом ли северном сердце? — в моем!

(1906)

517. В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Пусть тот, кто некогда, в неведомых веках,
Склонив в вечерний час над этой книгой вежды,
Моих забвенных строк встревожит давний прах,
Чтоб наших дней понять желанья и надежды, —

О, пусть он ведает, с каким восторгом я,
Сквозь ярость и мятеж, борьбы внимая кличу,
Бросался в бой страстей и в буйство бытия,
Чтоб вывести из мук — Любовь, свою добычу!

Люблю свой острый мозг, огонь своих очей,
Стук сердца своего и кровь своих артерий,
Люблю себя и мир, хочу природе всей
И человечеству отдаться в полной мере!

Жить: это — взяв, отдать с весельем жизнь свою.
Со мною равны те, кто миром так же пьяны!

С бессонной жадностью пред жизнью я стою,
Стремлюсь в ее самум, в ее поток багряный!

Паденье и полет, величье и позор —
Преображает всё костер существованья.
О, только б, кругозор сменив на кругозор,
Всегда готовым быть на новые исканья!

Кто ищет, жаждет кто — сливает трепет свой
С мятущейся толпой, с таинственной вселенной.
Ум жаждет вечности, он дышит широтой,
И надобно любить, чтоб мыслить вдохновенно!

Безмерной Нежностью всеведение полно,
В ней — красота миров, в ней — зиждущая сила.
Причины тайные ей разгадать дано. . .
О ты, кого мечта в грядущем посетила,

Моих былых стихов тебе открыть ли смысл?
Я жду, что в дни твои пришедший мощный гений
Из неизбежного, из пасти мертвых числ
Исторгнет истину всемирных примирений!

(1923)

Поль Верлен

518

Небосвод над этой крышей
Так высок, так чист!
Темный вяз над этой крышей
Наклоняет лист.

В небе синем и высоком
Колокольный звон.
Чу! на дереве высоком —
Птицы тихий стон.

Боже! всё, как в песне птицы,
 Мирно предо мной,
Лишь вдали звучит столицы
 Яростный прибой. . .

— Что ж ты сделал, ты, что плачешь
 Много, много дней,
Что ж ты сделал, ты, что плачешь,
 С юностью своей?

1899, 1905

519. ПЕСНЯ К НЕЙ

Мне говорят, что ты — блондинка,
И что блондинка — неверна,
И добавляют: «как былинка. . .»
Но мне такая речь смешна!
Твой глаз — яснее, чем росинка,
До губ твоих — душа жадна!

Мне говорят, что ты — брюнетка,
Что взор брюнетки — как костер,
И что в огне его нередко
Сгорает сердце. . . Что за вздор!
Ты целовать умеешь метко,
И по душе мне твой задор!

Мне говорят: не будь с шатенкой, —
Она бледна, скучна чуть-чуть. . .
Смеюсь над дружеской оценкой!
Дай запах кос твоих вдохнуть,
Моя царица, — и коленкой
Стань, торжествуя, мне на грудь!

1907

520

Огромный, черный сон
Смежил мне тяжко вежды.
Замри, ненужный стон,
Усните, все надежды!

Кругом слепая мгла.
Теряю я сознание,
Где грань добра и зла...
О, грустное предание!

Я — колыбель. Слегка
Ее качает в нише
Незримая рука.
О, тише, тише, тише!

(1911)

Шарль Бодлер

521. КРАСОТА

О смертный! как мечта из камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит чередой,
Сердца художников томит любовью властно,
Подобной веществу, предвечной и немой.

В лазури царствую я сфинксом непостижным;
Как лебедь я бела и холодна как снег;
Презрев движение, люблюсь неподвижным;
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.

Я — строгий образец для гордых изваяний,
И, с тщетной жаждою насытить глад мечтаний,
Поэты предо мной склоняются во прах.

Но их ко мне влечет, покорных и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах бессонных,
Где всё прекраснее, как в чистых зеркалах.

(1909)

Шарль-Юбер Мильвуа

522. РЕКА ЗАБВЕНИЯ

Лета, ты, чей ропот клонит
В дрему элисейский мрак,
Ты, в чьих волнах равно тонет
Память бед и память благ, —

Прочь! жестоких утешений
Пусть не славит мне твой звук.
Я забвеньем наслаждений
Не куплю забвенья мук.

(1913)

Шарль Леконт де Лиль

523. ДРЕМОТА КОНДОРА

За лестницей крутой, что вздвигли Кордильеры,
За мглами дымными, куда летят орлы,
И выше всех вершин, где зевами скалы
С кровавой лавою выходит запах серы, —

Таков же грозностью, порою так же ал,
Громадный кондор, полн угрюмо-мощной лени,
На всю Америку, на дали — без движений
Глядит, и солнца луч, в его зрачках, — опал.

С Востока ночь плывет, где дикие пампасы
Простерлись без конца; уже находит сон
На Чили, на дома, на горные террасы,
На тихий океан, на дивный небосклон.

Материком немой ночью властно овладела;
С песков на берега, с ущелий к склонам гор,
По остриям вершин, скользит, темня простор
Взрастаньем царственным разлива без предела.

Как привиденье, он, на страшной высоте,
Омыт сиянием, что кровь струит по снегу,
Ждет жуткой темноты, готов к ее набегу:
И кроет, подойдя, она его вполне.

В бездонной глубине, с неведомого мыса,
Зажегся Южный Крест, маяк из крупных звезд;
Он шеей, в радости, мускулистой и лысой,
Трясет, и хохлится, и слышен хрип окрест.

Потом взлетает, снег взметая без усилия,
Он, с хриплым выкриком, ввысь, где всегда покой,
Прочь от комка теней, прочь от звезды живой, —
Спать, в льдистом воздухе, раскинув мощно
крылья.

(1913)

Стефан Малларме

524. ЛЕБЕДЬ

Бессмертный, девственный, властитель красоты,
Ликующим крылом ты разобьешь ли ныне
Былое озеро, где спит, окован в иней,
Полетов ясный лед, не знавших высоты!

О лебедь прошлых дней, ты помнишь: это ты!
Но тщетно, царственный, ты борешься с пустыней:
Уже блесит зима безжизненных уныний,
А стран, где жить тебе, не создали мечты.

Белеющую смерть твоя колеблет шея,
Пространство властное ты отрицаешь, но
В их ужасы крыло зажато, всё слабей.

О призрак, в этой мгле мерцающий давно!
Ты облакаешься презренья сном холодным
В своем изгнании — ненужном и бесплодном!

(1913)

Апри де Ренье

525. НА ОТМЕЛИ

Прилечь на отмели, двумя руками взять
(Чтоб за песчинкою песчинку высыпать)
Горсть белого песка, что золотит закат,
И, раньше чем глаза закроешь, бросить взгляд
На море стройное и в глубину небес;
Потом, почувствовав, что весь песок исчез
Из облегченных рук, что нет в них и крупички,
Подумать, прежде чем опять раскрыть ресницы,
О всем, что наша жизнь берет у нас, мешая
Летучий свой песок на отмели без края.
(1913)

Аршак Чобонян

526. МАРИНА

Над гладью моря вздохи ветерка
Лазурный шелк сгибают непривычно
И, в складки ровные согнув слегка,
Кладут запутанно, но симметрично.
И кажется: прозрачное шитье
Голубизной сияет углубленной,
Но зелень трав подводных сквозь него
Просвсчивает неопределенно.
(1916)

Аветик Исаакян

527

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.
Всё в мире — призрак, ложь и суета,

Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино, —
Я с радостью приму удар меча:
Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

(1916)

Степаннос

528. ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Нежная! милая! злая! скажи,
Черные очи, яр! черные очи!
Что, хоть бы раз, не придешь ты ко мне
В сумраке ночи, яр! в сумраке ночи!

Много тоски я и слез перенес,
Полон любви, яр! полон любви!
Лоб у тебя белоснежен, дугой
Черные брови, яр! черные брови!

Взоры твои — словно море! а я —
Кормщик несчастный, яр! кормщик
несчастный!

Вот я в тревоге путей не найду
К пристани ясной, яр! к пристани ясной!

Ночью и днем утомленных очей
Я не смыкаю, яр! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, как твой раб,
Я умоляю, яр! я умоляю!

Все говорят, ты — целитель души. . .
Вылечи раны, яр! вылечи раны!
Больше не в силах я этот сносить
Пламень багряный, яр! пламень багряный!

Ночью и днем от любви, всё — к тебе,
В горести слез я, яр! в горести слез я!
Злая, подумай: не камень же я!
Что перенес я, яр! что перенес я!

Сна не найти мне, напрасно хочу
Сном позабыться, яр! сном позабыться!
Плача брожу и назад прихожу —
Снова томиться, яр! снова томиться!

Ночью и днем от тоски по тебе
Горько вздыхаю, яр! горько вздыхаю,
Имя твое порываюсь назвать —
И замолкаю, яр! и замолкаю!

Более скрытно я жить не могу,
Произнесу я, яр! произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, яр! гибну, тоскуя!

Ах, Степаннос! думал ты, что умен, —
Всё же другим занялся ты, как видно!
Бога оставил и девой пленен. . .
Будет на Страшном суде тебе стыдно!

(1916)

Дживани

529

Как дни зимы, дни неудач недолго туг: придут — уйдут.
Всему есть свой конец, не плачь! — Что бег минут:
придут — уйдут.
Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь
на час:
Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут —
уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
Как караваны, что под звон в степи идут: придут —
уйдут.
Мир — сад, и люди в нем цветы! но много в нем
увидишь ты
Фналок, бальзаминов, роз, что день цветут: придут —
уйдут.

Шарль Бодлер

530. ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

Моей обителью был царственный затвор.
Как грот базальтовый, толпился лес великий
Столпов, по чьим стволам живые искрил блики
Сверкающих морей победный кругозор.

В катящихся валах, всех слав вечерних лики
Ко мне влачил прибой, и пел, как мощный хор;
Сливались радуги, слепившие мой взор,
С великолепием таинственной музыки.

Там годы долгие я в негах изнывал, —
Лазури солнц и волн на повседневном пире,
И сонм невольников нагих, омытых в мирре,

Вай легким веяньем чело мне овевал, —
И разгадать не мог той тайны, коей жало
Сжигало мысль мою и плоть уничтожало.

(1912)

Алкей

531. БУРЯ

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!
Валы катятся — этот отсюда, тот
Оттуда. . . В их мятежной свалке
Носимся мы с кораблем смоленным,

Едва противясь натиску злобных волн.
Уж захлестнула палубу сплошь вода;
Уже просвечивает парус,
Весь продырявлен. Ослабли скрепы.

Но — злейший недруг — голову выше всех
Гребней подъемля, новый чернеет вал,
Беду суля и труд великий,
Прежде чем в гавань спасут нас боги.

532. ЗАГОВОРЩИКАМ

Медью воинской весь блеснит,
Весь оружием убран дом —
Арею в честь!

Тут шеломы как жар горят,
И колышутся белые
На них хвосты.

Там медяные поножи
На гвоздях поразвешаны;
Кольчуги там.

Вот и панцири из холста;
Вот и полые, круглые
Лежат щиты.

Есть булаты халкидские,
Есть и пояс, и перевязь:
Готово всё!

Ничего не забыто здесь;
Не забудем и мы, друзья, —
За что взялись!

›

533. К САФО

Святая Сафо!
С нежной улыбкой Сафо!
С кудрями цвета
Темной фиалки, Сафо!

Слететь готово
С уст осмелевших слово...
Но стыд промолвить
Мне запрещает слово!

534

Черплет из кубков мы
Негу медвяную.
С негой медвяною
В сердце вселяются
Ярого бешенства
Оводы острые.

(1914)

Сафо

535. ГИМН АФРОДИТЕ

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжался, богиня!

Ринься с высей горних, — как прежде было:
Голос мой ты слышала издали;
Я звала — ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!

Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрым летом,
Крепкокрылая, над землею темной
 Стая голубок.

Так примчалась ты, предстояла взорам,
Улыбалась мне несказанным ликом. . .
«Сафо! — слышу: — вот я! О чем ты молишь?
 Чем ты болеешь?

Что тебя печалит и что безумит?
Всё скажи! Любовью ль томится сердце?
Кто ж он, твой обидчик? Кого склоню я
 Милой под иго?

Неотлучен станет беглец недавний;
Кто не принял дара, придет с дарами;
Кто не любит ныне, полюбит вскоре —
 И безответно. . .»

О, явись опять — по молитве тайной
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружась, в ратоборстве нежном
 Мне на подмогу!

536. ЛЮБОВЬ

Мнится мне: как боги, блажен и волен,
Кто с тобой сидит, говорит с тобою,
Милой в очи смотрит и слышит близко
 Лепет умильный

Нежных уст! . . Улыбчивых уст дыханье
Ловит он. . . А я — чуть вдали завижу
Образ твой — я сердца не чую в персях,
 Уст не раскрыть мне!

Бедный нем язык, а по жилам тонкий
Знойным холодком пробегает пламень;
Гул в ушах; темнеют, потухли очи;
 Ноги не держат. . .

Вся дрожу, мертвею; увлажнен по́том
Бледный лед чела: словно смерть подходит...
Шаг один — и я, бездыханным телом,
Сникну на землю.

537. МОЛЕНИЯ АФРОДИТЕ

Белую козу принесу я в жертву,
И на твой алтарь возлиять я стану...

Я твои дела величала лирой,
Слава дел твоих мне хвалу стяжала...

Дай, златовенечная Афродита,
По сердцу мне вынуть желанный жребий!

538

Я негу люблю,
Юность люблю,
Радость люблю
И солнце.

Жребий мой — быть
В солнечный свет
И в красоту
Влюбленной.

(1914)

Франческо Петрарка

539—542. СОНЕТЫ НА ЖИЗНЬ ЛАУРЫ

* * *

Мгновенья счастья на подъем ленивы,
Когда зовет их алчный зов тоски;
Но, чтоб уйти, мелькнув, — как тигр, легки.
Я сны ловить устал. Надежды лживы.

Скорей снега согреются, разливы
Морей иссохнут, невод рыбаки
В горах закинут — там, где две реки,
Евфрат и Тигр, влачат свои извивы

Из одного истока, Феб зайдет, —
Чем я покой найду иль от врагини,
С которой ковы на меня кует

Амур, мой бог, дождуся благостыни,
И мед скупой — устам, огонь полыни
Изведавшим, — не сладок, поздний мед!

* * *

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны —
Дум золотых о ней, единой, сплав!

* * *

Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он — любовь, то что же
Любовь? Добро ль? .. Но эти муки, боже! ..
Так злой огонь? .. А сладость этих мук! ..

На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,

Что в жизни смерть, — любовь. На боль похоже
Блаженство. «Страсть», «страданье» — тот же звук.

Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть? . . . Блуждает разум мой.
Я — утлый челн в стихийном произволе,

И кормщика над праздной нет кормой.
Чего хочу, — с самим собой в расколе, —
Не знаю. В зной — дрожу; горю — зимой.

* * *

Прекрасная рука! Разжалась ты
И держишь сердце на ладони тесной.
Я на тебя гляжу, дивясь небесной
Художнице столь строгой красоты.

Продолговато-нежные персты,
Прозрачней перлов Индии чудесной,
Вершители моей судьбины крестной,
Я вижу вас в сияньи наготы.

Я завладел ревнивою перчаткой!
Кто, победитель, лучший взял трофей?
Хвала, Амур! А ныне ты ж украдкой

Фату похитить иль облаком развей! . . .
Вотще! Настал конец услады краткой:
Вернуть добычу должен лиходей.

(1915)

543—544. СОНЕТЫ НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

* * *

Повержен Лавр зеленый. Столп мой стройный
Обрушился. Дух обнищал и сир.
Чем он владел, вернуть не может мир
От Индии до Мавра. В полдень знойный

Где тень найду, скиталец беспокойный?
Отраду где? Где сердца гордый мир?
Всё смерть взяла. Ни злато, ни сапфир,
Ни царский трон — мздой не были б достойной

За дар двойной былого. Рок постиг!
Что делать мне? Повить чело кручиной —
И так нести тягчайшее из иг.

Прекрасна жизнь — на вид. Но день единый,
Что долгих лет усилием ты воздвиг,
Вдруг по ветру развеет паутиной.

* * *

Ни ясных звезд блуждающие станы,
Ни полные на взморье паруса,
Ни с пестрым зверем темные леса,
Ни всадники в доспехах средь поляны,

Ни гости, с вестью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны, —

Ничто не тронет сердца моего.
Всё погребло с собой мое светило,
Что сердцу было зеркалом всего.

Жизнь однозвучна. Зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.

(1915)

С посохом в руке дрожащей, удручен, согбен, уныл,
После долгих лет, скиталец, я завидел милый дол.
Перешел семь гор высоких, семь морей я переплыл,
Всё утратил, нищий странник, но до родины добрел.

Подходя к селенью, с сердцем, переполненным тоской,
За околицею, в поле, друга детства повстречал.
«Старина, — вскричал, — бог помочь. Узнаешь, кто я
такой?
Изменился?» Мой товарищ поглядел и промолчал.

Мерю улицу клюкою. Вот и милый частокол,
И сама, с душистой розой, показалась у крыльца.
«Здравствуй, — молвил я, — сестрица! Бог нам
свидеться привел».
Отвернулась, отмахнулась от бродяги-пришлеца.

Никну ниже я. Родную вижу хижину, и тын,
И старуху мать. «Хозяйка, гостю на ночь дай приют!»
Содрогнулась и всплеснула мать руками: «Как ты тут?»
И ко мне в слезах прильнула: «Сын мой милый. Бедный
сын!»

(1916)

Ованес Туманян

546. ПАХАРЬ

Плуг, забирай! Ну, ну, волы!
Дотянем понемногу
К полудню вон до той скалы, —
Господь нам будь в подмогу!

Дай силы, боже, их плечам! . .
Свернем-ка глыбу, ну же!
Хлестни их, мальчик! . . Черным дням
Конца нет. Жить всё туже.

Не выйти из долгов по гроб:
Сосед пошел судиться;
Задаром пел молебен поп, —
Проклясть теперь грозитя.

Да недоимки не малы;
Намедни тож раскладку
Затеяли. . . Ну, ну, волы!
Дерите землю-матку! . .

Долги плати, семью корми,
Повинность справь. . . А хата
(Эй, парень!) — голыми детьми
Да голодом богата.

Плуг, забирай! Ну, ну, волы!
Дотянем понемногу
К полудню вон до той скалы, —
Господь нам будь в подмогу!

(1916)

Хаим-Нахман Бялик

547. ИСТИННО, И ЭТО — КАРА БОЖЬЯ

И горшую кару пошлет Элоим:
Вы лгать изощритесь — пред сердцем своим,

Ронять свои слезы в чужие озера,
Низать их на нити любого убора.

В кумир иноверца и мрамор чужой
Вдохнете свой пламень с душою живой.

Что плоть вашу ели, — еще ль не довольно?
Вы дух отдадите во снедь добровольно!

И, строя гордыни египетской град,
В кирпич превратите возлюбленных чад.

Когда ж из темницы возропщут их души,
Крадясь под стенами, заткнете вы уши.

И, если бы в роде был зачат орел,
Он, крылья расправив, гнезда б не обрел:

От дома далече б он взмыл к поднебесью,
Не стал бы ширяться над вашею весью.

Прорезал бы тучи лучистой тропой,
Но луч не скользнул бы над весью слепой,

И отклик нагорный на клекот орлиный
Расслышан бы не был могильной долиной.

Так, лучших отринув потомков своих,
Вы будете сиры в селеньях глухих.

Краса не смеется в округе бездетной;
Повиснет лохмотьем шатер многоцветный,

И светочи будут мерцать вам темно,
И милость господня не стукнет в окно;

Когда ж в запустеньи потщитесь молиться,
Слезам утешенья из глаз не пролиться:

Иссохшее сердце — как выжатый грозд,
Сметенный в давилъне на грязный помост, —

Из сморщенных ягод живительной дани
Не высосать жажде палимой гортани.

Очаг развалился, мяучит во мгле
Голодная кошка в остылой золе.

Застлалось ли небо завесою пепла?
Потухло ли солнце? Душа ли ослепла?

Лишь крупные мухи ползут по стеклу,
Да ткёт паутину Забвеньё в углу.

В трубе с Нищетою Тоска завывает,
И ветер лачугу трясёт и срывает.

(1918)

Архилох

548

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретить их грудью, и ударим на врагов! 0
Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи.
Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

(1915)

549

Можно ждать чего угодно, можно верить всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень почь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Всё должны отныне люди вероятным признавать
И возможным! Удивляться вам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

(1915)

550. ГИМН АФРОДИТЕ

Пестрым троном славная Афродита,
Зевса дочь, искусная в хитрых ковах!
Я молю тебя — не круши мне горем
Сердца, благая!

Но приди ко мне, как и раньше часто
Откликалась ты на мой зов далекий
И, дворец покинув отца, всходила
На колесницу

Золотую. Мчала тебя от неба
Над землей воробушков милых стая;
Трепетали быстрые крылья птичек
В далях эфира.

И, представ с улыбкой на вечном лице,
Ты меня, блаженная, вопрошала, —
В чем моя печаль, и зачем богиню
Я призываю,

И чего хочу для души смятенной.
«В чьей должна груди, укажи мне, Пейто
Страсть к тебе зажечь? Пренебрег тобою
Кто, моя Псапфа?»

Прочь бежит? — Начнет за тобой гоняться.
Не берет даров? — Поспешит с дарами.
Страсти нет к тебе? — Загорится страстью,
Хочет не хочет».

О, приди ж ко мне и теперь! От горькой
Скорби дух избавь и, чего так страстно
Я хочу, сверши, и союзницей верной
Будь мне, богиня!

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу — уж я не в силах
Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.

Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.

(1915)

Генри Лонгфелло

552. ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

ПИРОГА ГАЙАВАТЫ

«Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю,
И в воде он будет плавать,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка!

Скинь свой белый плащ, Береза!
Скинь свой плащ из белой кожи:
Скоро лето к нам вернется,
Жарко светит солнце в небе,
Белый плащ тебе не нужен!»

Так над быстрой Таквамино,
В глубине лесов дремучих,
Воскликнул мой Гайавата
В час, когда все птицы пели,
Воспевали Месяц Листьев,
И, от сна восставши, солнце
Говорило: «Вот я — Гизис,
Я, великий Гизис, солнце!»

До корней затрепетала
Каждым листиком береза,

Говоря с покорным вздохом:
«Скинь мой плащ, о Гайавата!»

И ножом кору березы
Опоясал Гайавата
Ниже веток, выше корня,
Так, что брызнул сок наружу;
По стволу, с вершины к корню,
Он потом кору разрезал,
Деревянным клином поднял,
Осторожно снял с березы.

«Дай, о Кедр, ветвей зеленых,
Дай мне гибких, крепких сучьев,
Помоги пирогу сделать
И надежней и прочнее!»

По вершине кедра шумно
Ропот ужаса пронесся,
Стон и крик сопротивленья;
Но, склоняясь, прошептал он:
«На, руби, о Гайавата!»

И, срубивши сучья кедра,
Он связал из сучьев раму,
Как два лука, он согнул их,
Как два лука, он связал их.

«Дай корней своих, о Тэмрак,
Дай корней мне волокнистых:
Я свяжу свою пирогу,
Так свяжу ее корнями,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилась в пирогу!»

В свежем воздухе до корня
Задрожал, затрясся Тэмрак,
Но, склоняясь к Гайавате,
Он одним печальным вздохом,
Долгим вздохом отозвался:
«Все возьми, о Гайавата!»

Из земли он вырвал корни,
Вырвал, вытянул волокна,
Плотно сшил кору березы,
Плотно к ней приладил раму.

«Дай мне, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы в пироге,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилась в пирогу!»

Как шуршит песок прибрежный,
Зашуршали ветви ели,
И, в своем уборе черном,
Отвечала ель со стоном,
Отвечала со слезами:
«Собери, о Гайавата!»

И собрал он слезы ели,
Взял смолы ее тягучей,
Засмолил все швы в пироге,
Защитил от волн пирогу.

«Дай мне, Еж, колючих игол,
Все, о Еж, отдай мне иглы:
Я украшу ожерельем,
Уберу двумя звездами
Грудь красавицы пироги!»

Сонно глянул Еж угрюмый
Из дупла на Гайавату,
Словно блестящие стрелы,
Из дупла метнул он иглы,
Бормоча в усы лениво:
«Подбери их, Гайавата!»

По земле собрал он иглы,
Что блестели, точно стрелы;
Соком ягод их окрасил,
Соком желтым, красным, синим,
И пирогу в них оправил,
Сделал ей блестящий пояс,

Ожерелье дорогое,
Грудь убрал двумя звездами.

Так построил он пирогу
Над рекою, среди долины,
В глубине лесов дремучих,
И вся жизнь лесов была в ней,
Все их тайны, все их чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крепость мощных сучьев кедра
И березы стройной легкость;
На воде она качалась,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка.

Весел не было на лодке,
В веслах он и не нуждался:
Мысль ему веслом служила,
А рулем служила воля;
Обогнать он мог хоть ветер,
Путь держать — куда хотелось...

1898

Адам Мицкевич

553—555. **КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ**

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Выходим на простор степного океана.
Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод.
Меж заводей цветов, в волнах травы плывет,
Минуя острова багряного бурьяна.

Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
То за стальным Днестром маяк у Аккермана.

Как тихо! Постоим. Далёко в стороне
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колышет,
Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян ползет.

Так ухо звука ждет, что можно бы расслышать
И зов с Литвы. . . Но в путь! Никто не позовет.

1901

ЧАТЫРДАГ

Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни,
Великий Чатырдаг, могучий хан Яйлы.
О мачта крымских гор! О минарет Аллы!
До туч вознесся ты в лазурные пустыни

И там стоишь один, у врат надзвездных стран,
Как грозный Гавриил у врат святого рая.
Зеленый лес — твой плащ, а тучи — твой тюрбан,
И молнии на нем узоры ткут, блистая.

Печет ли солнце нас, плывет ли мгла, как дым,
Летит ли саранча, иль жжет гяур селенья, —
Ты, Чатырдаг, всегда и нем и недвижим.

Бесстрастный драгоман всемирного творенья,
Поправ весь дольний мир подножием своим,
Ты внемлешь лишь творца предвечные веленья!

1901

АЛУШТА НОЧЬЮ

Повеял ветерок, прохладую лаская.
Светильник мира пал с небес на Чатырдаг,
Разбился, расточил багрянец на скалах
И гаснет. Тьма растет, молчанием пугая.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,
Как будто в полусне, журчат ручьи впотьмах;
Ночная песнь цветов — дыханье роз в садах —
Беззвучной музыкой плывет, благоухая.

Дремлю под темными крылами тишины.
Вдруг метеор блеснул — и, ослепляя взоры,
Потопом золота залил леса и горы.

Ночь! одалиска ночь! Ты навеваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнет —
Твой искрометный взор тотчас же снова вспыхнет!

1901

Альфред Теннисон

556. ГОДИВА

Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь
В толпе народа по мосту, смотрел
На три высоких башни — и в поэму
Облек одну из древних местных былей.

Не мы одни — плод новых дней, последний
Посев Времен, в своем нетерпеливом
Стремленьи вдаль злословящий Былое, —
Не мы одни, с чьих праздных уст не сходят
Добро и Зло, сказать имеем право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правил
Назад тому почти тысячелетье,
Любила свой народ и претерпела
Не меньше нас. Когда налогом тяжким
Граф обложил свой город, и пред замком
С детьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: «Подать нам грозит
Голодной смертью!» — в графские покои,
Где граф, с своей аршинной бородой

И полсаженной гривую, по залу
Шагал среди собак, пошла Годива
И, рассказав о воплях, повторила
Мольбу народа: «Подати грозят
Голодной смертью!» Граф от изумленья
Раскрыл глаза. — «Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!» — сказал он.
«Я умереть согласна!» — возразила
Ему Годива. Граф захохотал,
Петром и Павлом громко побожился,
Потом по бриллиантовой сережке
Годиве щелкнул: «Росказни!» — «Но чем же
Мне доказать?» — ответила Годива.
И жесткое, как длань Исава, сердце
Не дрогнуло: «Ступайте, — молвил граф, —
По городу нагая — и налоги
Я отменю», — насмешливо кивнул ей
И зашагал среди собак из залы.

Такой ответ сразил Годиву. Мысли,
Как вихри, закружились в ней и долго
Вели борьбу, пока не победило
Их Состраданье. В Ковентри герольда
Тогда она отправила, чтоб город
Узнал при трубных звуках о позоре,
Назначенном Годиве: только этой
Ценою облегчить могла Годива
Его удел. Годиву любят, — пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступит за порог и ни единый
Не взглянет глаз на улицу: пусть все
Затворят двери, спустят в окна ставни
И в час ее проезда будут дома.

Потом она поспешно поднялась
Наверх, в свои покои, расстегнула
Орлов на пряжке пояса — подарок
Сурового супруга — и на миг
Замедлилась, бледна, как летний месяц,
Полузакрытый облачком. . . Но тотчас
Тряхнула головой и, уронивши

Почти до пят волну волос тяжелых,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Вниз по дубовым лестницам — и вышла,
Скользя, как луч, среди колонн, к воротам,
Где уж стоял ее любимый конь,
Весь в пурпуре, с червонными гербами.

На нем она пустилась в путь — как Ева,
Как гений целомудрия. И замер,
Едва дыша от страха, даже воздух
В тех улицах, где ехала она.
Разинув пасть, лукаво вслед за нею
Косился желоб. Тявканье дворняжки
Ее кидало в краску. Звук подков
Пугал, как грохот грома. Каждый ставень
Был полон дыр. Причудливой толпою
Шпили домов глазели. Но Годива,
Крепясь, всё дальше ехала, пока
В готические арки укреплений
Не засияли цветом белоснежным
Кусты густой цветущей бузины.

Тогда назад поехала Годива —
Как гений целомудрия. Был некто,
Чья низость в этот день дала начало
Пословице: он сделал в ставне щелку
И уж хотел, весь трепеща, прильнуть к ней,
Как у него глаза оделись мраком
И вытекли, — да торжествует вечно
Добро над Злом. Годива же достигла
В неведении замка — и лишь только
Вошла в свои покои, как ударил
И загудел со всех несметных башен
Стозвучный полдень. В мантии, в короне
Она супруга встретила, сняла
С народа тяжесть податей — и стала
С тех пор бессмертной в памяти народа.

1906

557. ВОЗМЕЗДИЕ

Ужели это сон? — Какой ужасный сон!
О, эти мертвецы! Несметными толпами,
С горящими огнем, недвижимыми очами
Из глубины могил восстал их легион,
Вращая дикими зрачками.

Иезекиил-пророк! Не так же ль твой глагол
Пресекло ужасом виденье роковое,
Когда они текли, покинувши Хеол,
Когда они, кружась, спускались в страшный Дол,
К гробницам вечного покоя? . .

В цепях я видел их. . . И дыбом поднялись
Все волосы мои при Голосе могучем. . .
Его слова с небес грохочущих неслись,
Из глубины небес, где молнии вились
По содрогающимся тучам.

И Голос говорил: — Безумные князья!
Вы, волки жадные, коварные и злые!
Века своим путем к вам приближаюсь я,
Теперь я недалек. . . И я сломлю шутя
Голодных ртов клыки стальные!

День гнева моего — он вспыхнул наконец!
Я жажду утолю — мои оковы сняты. . .
Я как поток ворвусь в палаты и дворец,
Смертельный луч, огонь, веревка и свинец —
Вот все орудия расплаты!

Нет времени теперь стенаньям и мольбам,
Содеянных грехов ничто не умаляет,
Жестокие сердца я вырываю вам,
Рать мертвецов к моим всевидящим очам
Народ из гроба подымает.

Уж под парчой теперь вам не лежать в земле
В могилах вековых, где предки обитают,
Где строгий сон царит в прохладной полумгле...
Не спать с мечом в руке, с венками на челе,
Как доблестные почивают!

Нет, стая тесная разгневанных орлов
Наестся досыта нечистым вашим телом,
В лохмотья изорвет на тысячу кусков,
И, озираясь, псы потащат их с холмов
В овраги — радостно и смело.

Я сотворю сие, я, Судия живой!
Всё ваше прошлое передо мной воскресло:
Средь воплей и молитв, звучавших над землей,
Для новых гнусных дел вы с каждою зарей
Вновь опоясывали чресла.

И кровь рекой лилась, и долгий ряд веков
На ваших площадях замученные люди,
От женщин и детей до дряхлых стариков,
Как мясо свежее на лавках мясников,
Лежали, сваленные в гряде.

Но час настал, пора, пылай, о факел мой,
Зубами скрежещи, о Ненависть и Злоба,
Возмездие! скорей свой яркий флаг раскрой,
Замолкни, крик тоски, предсмертный и глухой,
Перед отверстой дверью гроба!

Пуускай они хрипят под грудами домов,
А вы, погибшие, вы, жертвы истязаний,
Вы их преследуйте проклятием грехов,
Чтоб черный мрак дрожал от зарева костров,
От ваших лютых завываний.

Моя душа объята тьмой полночной.
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свет
С моей души ночные чары сна.

И день и ночь ее прихода жду я, —
Вот-вот она покинет небосклон,
Рассеет ночь души — и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон!

1907

Пьер-Жан Беранже

559. ПРЕДСКАЗАНИЕ НОСТРАДАМА НА 2000 ГОД

Свидетель Генриха Четвертого рожденья,
Великий Нострадам, ученый астролог,
Однажды предсказал: «Большие превращения
В двухтысячном году покажет людям рок.
В Париже в этот год, близ Луврского чертога,
Раздастся жалкий стон среди радостных людей:
„Французы добрые, подайте ради бога,
Подайте правнуку французских королей!“

Так у толпы, к его страданьям равнодушной,
Попросит милости больной, без башмаков,
Изгнанник с юности, худой и золотушный,
Отрепанный старик — потеха школяров.
И скажет гражданин: „Эй, человек с сумою!
Ведь нищих всех изгнал закон страны моей!“
— „Простите, господин! Мой род умрет со мною,
Подайте что-нибудь потомку королей!“

„Ты что толкуешь там о королевском сане?“
— „Да! — гордо скажет он, скрывая в сердце

страх. —

На царство прадед мой венчался в Ватикане,
С короной на челе, со скипетром в руках.
Он продал их потом, платя толпе безбожной
Газетных крикунов, шпионов и вралей.
Взгляните — вот мой жезл. То посох мой дорожный.
Подайте что-нибудь потомку королей!

Скончался мой отец в долгах, в тюрьме холодной.
К труду я не привык. . . И, нищих жизнь влача,
Изведать мне пришлось, что чувствует голодный
И как безжалостна десница богача.

Я вновь пришел в твои прекрасные владенья,
О ты, моих отцов изгнавшая земля!
Из сострадания к безмерности паденья,
Подайте что-нибудь потомку короля!“

И скажет гражданин: „Иди, бедняк, за мною,
Жилища моего переступи порог.
Мы больше королей не чтим своей враждою, —
Остатки их родов лежат у наших ног.

Покуда наш сенат в торжественном собраньи
Решение судьбы произнесет твоей,
Я, внук цареубийц, не откажу в даяньи
Тебе, последнему потомку королей!“»

И дальше говорит великий предсказатель:
«Республика решит назначить королю
Сто луидоров в год. Потом, как избиратель,
В парламент он войдет от города Saint-Cloud.¹
В двухтысячном году, в эпоху процветанья
Науки и труда, узнают средь людей
О том, как Франция свершила подаянье
Последнему потомку королей».

(1917)

¹ Сен-Клу (франц.). — *Ред.*

Эжен Потье

560. ИНТЕРНАЦИОНАЛ

*Гражданину Густаву Лефрансе,
члену Коммуны*

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разруем
До основания, а затем —
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой:
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Довольно кровь сосать, вампиры,
Тюрьмой, налогом, нищетой!
У вас — вся власть, все блага мира,
А наше право — звук пустой!
Мы жизнь построим по-иному,
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть — народу трудовому,
А дармоедов всех — долой!

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Презренны вы в своем богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты —
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Довольно, королям в угоду,
Дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам! Мир народу!
Бастуйте, армии сыны!
Когда ж тираны нас заставят
В бою геройски пасть за них, —
Убийцы! В вас тогда направим
Мы жерла пушек боевых.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

1902, 1937

561. ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС

Сказать: «Прощай, о милый прах!» —
К нему пришел Париж угрюмо
Со словом гнева на устах
И с глубоко сокрытой думой. . .
Запечатлев его черты,
Сто тысяч шли за тем, кто смело
Был депутатом жертв расстрела,
Был кандидатом бедноты. . .

Храня Коммуны идеал
И веру в своего трибуна,
Народ героя провожал,
Крича: «Да здравствует Коммуна!»
Подняв кровавые листы
Своих знамен, толпа гудела
Над депутатом жертв расстрела,
Над кандидатом бедноты. . .

Любви твоей предела нет,
Народ в простой рабочей блузе,
К борцам за мысль, за правды свет,
Ко всем, кто жил с тобой в союзе!
В тюрьме, во мраке темноты,
Для нас как солнце пламенела

Жизнь депутата жертв расстрела,
Жизнь кандидата бедноты. . .

Он был во всем наш депутат:
Прорвался фронт от канонады. . .
Больницы в пламени горят. . .
Бьют коммунаров без пощады. . .
С Варленом — ты, с Дювалем — ты,
Повсюду жизнь твоя кипела,
Наш депутат от жертв расстрела,
Наш кандидат от бедноты. . .

А вы, страдальцы-малыши,
Вы, жертвы мертвой дисциплины,
Тиранов школы и семьи,
Постройтесь здесь в кортеж единый!
Тиранов гнусные хребты
Он, как бичом, хлестал умело —
Наш депутат от жертв расстрела,
Наш кандидат от бедноты. . .

Пытливый глаз, глубокий ум. . .
Он был высокий мастер слова,
Даря плоды высоких дум,
Творя правдиво и сурово. . .
Он всё познал: обман мечты,
И гнев, и радость без предела, —
Он, депутат от жертв расстрела,
Наш кандидат от бедноты. . .

Но жив Интернационал
Назло немецким властелинам!
И гроб Валлеса увенчал
Венок рабочих из Берлина.
Лишь вас он, буржуа-плуты,
Громил нещадно — и за дело! —
Наш депутат от жертв расстрела,
Наш кандидат от бедноты. . .

Настанет день, придет черед,
Услышит мир буржуазии

Твой, Революция, приход,
Дыханье огненной стихии.
Зажжен рукою нищеты,
Свети, как факел, воин смелый,
Наш депутат от жертв расстрела,
Наш кандидат от бедноты!

(1938)

Конрад Фердинанд Мейер

562. ПЕРЕД НИДЕРЛАНДСКИМ ПОЛОТНОМ

Художник пишет нежную картину.
Откинулся и оглядел любовно.
Стучат. . . «Войдите. . .» И богач фламандец
С тяжелой разодетою девицей
Вошли. . . У той от сочности едва
Не лопнут щеки. Шелестит шелками,
Блестит цепочками. «Скорее, мастер,
Торопимся: один красивый малый, —
Шельмец, — увозит от меня дочурку
Едва из-под венца. Ее портрет
Мне нужен». — «Тотчас, мингер, полминуты,
Лишь два мазка». И весело подходят
Они к мольберту. На подушках белых
Лежит изящная головка. Дремлет,
И мастер на венке цветок добавил,
Склонившийся ей на чело бутон.
«С натуры?» — «Да, мингер, с натуры.
Мое дитя. . . Вчера похоронил.
Теперь, мингер, я весь к услугам вашим».

1920

Камоэнс, любимец музыки,
 Захворав, лежал в больнице.
 И в одной с ним был палате
 Студиозус из Коимбры,
 Сокращавший болтовнею
 Скуку дней, ползущих серо.

«Сударь и поэт великий,
 Всё ли правду вы писали?
 Например, что будто в море,
 Где-то близ Короманделя,
 Ваш корабль разбился бурей —
 Недостойное вас судно —
 И что будто бы, в бореньи
 С морем, правою рукою
 Вы гребли, подняв высоко
 Над волнами вашу шуйцу
 И держа в ней ваши песни?
 Трудно этому поверить.
 Сударь, я иной порою —
 Коль влюблен — стихи кропаю,
 Но когда дойдет до жизни —
 Я стихи пушу по ветру. . .
 Для спасенья жизни милой
 Нужны, сударь, обе руки».

И поэт с улыбкой молвил:
 «Правда, друг, так поступал я,
 На житейском бурном море.
 Против злобы, лжи и козней
 Защищал существованье
 Лишь одной моей рукою.
 А другой моей рукою
 Над пучиной черной смерти
 Под лучами бога солнца
 Я держал Луизиаду.
 И для вечности созрела
 Торжествующая песня».

1920

564. СОБАЧЬЯ ПЕСНЯ

День, как волчиха, сер,
И ветер воет зло,
Льет дождь, а вместе с тем
И снегу намело.

А нам-то что: лежим
В тепле у очага,
Куда толкнула нас
Хозяйская нога.

И сыты будем всласть:
Хозяин, да и гость,
Всего ведь не съедят —
Собакам бросят кость.

Конечно, иногда
Зловеще свистнет хлыст —
Ой, больно бьет он! — что ж,
Ведь пес не пессимист.

За гневом ласки ждем.
Вот кликнул нас наш бог, —
Как весело лизать
Хозяину сапог!

(1930)

565. ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

День, как волчиха, сер,
И ветер воет зло,
Льет дождь, а вместе с тем
И снегу намело.

Пуста степная ширь:
Вот наш унылый дом.
Пристанища нам нет,
Ни кустика кругом.

Снаружи мучит лед
И голод изнутри,
И так страдаем мы
С зари и до зари.

А вот и третий враг —
Коварный ствол ружья,
Окрашен кровью снег,
И это кровь моя.

И голод, и мороз,
И в ребрах злой свинец,
И всё ж свободен волк,
Глухих степей жилец!

(1930)

Эдмон Ростан

566. < БАЛЛАДА О ПОЕДИНКЕ >

ИЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК»

С и р а н о

(закрывая на минуту глаза)

Позвольте... рифмы... так! К услугам вашим я;
Баллада началась моя.

(Делает то, что говорит в балладе.)

Свой фетр бросая грациозно,
Спускаю плащ на землю я,
Теперь же — появляйся грозно,
О шпага верная моя!
Мои движенья ловки, пылки,
Рука верна и верен глаз.
Предупреждаю честно вас,
Что попаду в конце посылки!

Обмены ударами.

Мне жаль вас! Где вам воевать!
Зачем вы приняли мой вызов!
Куда же вас пошпиговать,
Прелестнейший из всех маркизов?
Бедро? Иль крылышка кусок?
Что подцепить на кончик вилки?..
Так решено — сюда вот, в бок,
Я попаду в конце посылки.
Вы отступаете... Вот как!
Белее полотна вы стали?

Мой друг! Какой же вы чужак:
Ужель вы так боитесь стали!
Куда девался прежний жар?
Да вы грустней пустой бутылки!
Я отражаю ваш удар
И попаду в конце посылки.

(Торжественно заявляет)

«Посылка»: Молитесь, принц! Конец вас ждет.
Ага! У вас дрожат все жилки?
Раз... два... пресек... три... финта.

(Попадая)

Вот!

Вальвер пошатывается. Сирано раскланивается.

И я попал в конце посылки!

1898

567. МОНОЛОГ ГЕРЦОГА РЕЙХШТАДТСКОГО

ИЗ ДРАМЫ «ОРЛЕНОК»

В моей душе теперь величье храма:
Пусть перед ним преклонится народ...
Я силы пью здесь, в воздухе Ваграма,
Мне двадцать лет, меня корона ждет!..
Корона, власть... Движением десницы,
Как по волшебству, открывать темницы
И узникам свободу даровать,
Кормить голодных, облегчать страданья,
Вносить улыбки, осушать рыданья,
Любить, прощать и счастье разливать...
О мой народ! Своей святою кровью
Ты заплатил бессмертие отца,
Но сын его воздаст тебе любовью
И мир внесет во все сердца!
Я сам страдал... Страдания народа
Понятны мне, и я их искуплю!
Я был в плену... Не бойся же, свобода,
Я прав твоих не оскорблю!

К трофеям всем родной моей державы,
К названиям Ваграма, Ровиго
Прибавлю я иной названье славы
И герцогом я сделаю Гюго! . .
Слетела грез счастливых вереница,
С души моей исчез тяжелый гнет,
Лечу к тебе, лечу, моя столица,
Мне двадцать лет, меня корона ждет!
Париж, Париж! . . Я вижу волны Сены,
И слышу я твои колокола . . .
Вы здесь, друзья, не знавшие измены,
Вас тень отца и к сыну привела . . .
Уж вижу я несчетные знамена,
Уж вижу я и лавры и цветы,
Мне двадцать лет, и ждет меня корона . . .
Париж, Париж, ее отдашь мне ты! . .

(1914)

568. ОПЯТЬ «СИЗЫЙ НОС»

Его увидел я в таверне за столом;
Он перелистывал Гюго старинный том . . .
Он был всегда из тех, чей завтрак — кружка пива,
И часто весь обед — какой-нибудь сухарь.
Он показался мне еще худей, чем встарь,
Но речь его была — как прежде тороплива.
Я вместе с ним ушел. И вот открылся шлюз.
Глубокий Люксембург свои раскрыл нам сени . . .
Сгущались вечера сиреневые тени,
Пока он эстетизм громил и тайных муз . . .
Я слышу как сейчас, как крикнул «черт возьми!»
Он удивленному прохожему свирепо:
«Мы петь должны для всех, — живем мы меж людьми.
Искусство меньшинства? Для избранных? Нелепо!
Когда вы пишете уж больно мудро,
Так, что нельзя понять, чего бы вы хотели,
Любезные друзья, сдается вам ужели,
Что вам любить одним поэзию дано? . .
Да, плоской пошлости страшна, конечно, шутка,
Но бойтесь с ней смешать, но бойтесь как-нибудь

Вы с нею те сердца случайно оттолкнуть,
В которых чувство есть: оно важней рассудка.
Люби тех, кто молчит, кого презренье ждет,
Кто, выслушав стихи, не скажет громко мненья,
Но в чьих глазах слеза горячего волнения:
Так мысли царственной воспринял он полет.
Люби ты простоту, в ней часто справедливость;
Люби всех тех, кому обман ваш неместим.
Пойми: быть может, то, что непонятно им,
Есть только фокусы, искусственность и лживость.
Не лучше ли весам экспертов предпочесть,
Что весят тонкости искусства на караты,
Те души звучные, пространствами богаты,
В которых для стихов прекрасных место есть!»

(1914)

569. УПРАЖНЕНИЯ

Встряхнем сонливую усталость,
Что всё позабывать склонна,
И летаргического сна
Прогоним тягостную вялость.
Хотеть! Научимся хотеть!
При этом волею железной.
Для нас спасение одно:
Хотеть! Чего? Не всё ль равно?
Хотеть сорвать цветок над бездной,
Хотеть искусным стать стрелком, —
Иль брать барьеры напролом.
Пусть развлеченье! Пусть забава!
Спектакль устроить иль пикник;
Восстать за поправное право;
Нубийский изучить язык;
Преодолеть наречье курдов;
Хотеть нелепостей, абсурдов,
Чего угодно, чтоб уметь
По-настоящему хотеть!
Пускай в душе не будет мира.
Жизнь, жизнь! Не всё ль равно нам — в чем?
Ведь учит легкая рапира

Тяжелым овладеть мечом.
Сперва попробуем несмело,
С смирением ученика,
Хотеть чего-нибудь слегка;
Потом — сильней, потом — всецело!
Бросая камни у реки,
Чтоб приобрести размах руки,
Не будем начинать тяжелым!
Начавши с маленьких камней,
Возможно легче и скорей
Стать самым лучшим дискоболом.
Пусть добрым знаком будет нам,
Когда мы *так* хотеть устали. . .
Ведь, утомясь от скучных гамм,
Мы всё же время не теряли,
Коль упражнялись на рояли.
Так честолюбец и герой
Всё время детскою игрой
Как будто на смех развлекался. . .
И в бильбоке ему попался
В конце концов весь шар земной!

(1914)

Джордж Гордон Байрон

570. ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

О, только б огонь этих глаз целовать, —
Я тысячи раз не устал бы желать!
Всегда погружать мои губы в их свет,
В одном поцелуе прошло бы сто лет!
Но разве душа утолится, любя?
Всё льнул бы к тебе, целовал бы тебя,
Ничто б не могло губ от губ оторвать;
Мы всё б целовались опять и опять;
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке — не стоит труда,
Могу ль изменить? — Никогда, никогда!

1905

571. ОТРЫВОК

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Аннслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
День долгий коротать:
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблестать.

1905

572. ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон — могу ли спать?
Тираны дают мир — я ль уступлю?
Созрела жатва — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце. . .

1906

573. ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить иль пасть с тобой в крови,
И, если б пробил час, — делить с тобой, любимой,
Всё, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремлял в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил, и, бдением истомлен,
Прильнул к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И всё, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря — последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд — любить всё вновь и вновь.

1906

574—582. *О П Я Т Ь Н А Р О Д И Н Е*

* * *

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь,
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.

(1910)

* * *

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор;
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотой
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.

Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пеньи
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
И всякий так погибает
От песен Лорелей.

(1911)

* * *

Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один среди шумящих деревьев,
Молча, бреду сквозь леса.

Светик далекий кажется
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.

Там бабушка в кожаном кресле,
Как изваянье страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.

Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед,
То яростным смехом зальется,
То в стену винтовку швырнет.

Там плачет красавица-пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жметя отцовский пес.

(1911)

* * *

Играет буря танец,
В нем свист и рев и вой:
Эй! Прыгает кораблик!
Веселый пляс ночной.

Вздымает гулкое море
Живые горы из вод;
Здесь пропасти чернеют,
Там белая башня растет.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны из каюты в дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

(1911)

* * *

Вечер пришел безмолвный,
Над морем туманы свились,
Таинственно ропщут волны,
Кто-то белый тянется ввысь.

Из волн встает Водяница,
Садится на берег со мной;
Белая грудь серебрится
За ее прозрачной фатой.

Стесняет объятия, душит
Всё крепче, всё больней, —

Ты слишком больно душишь,
Краса подводных фей!

«Душú тебя с силою нежной,
Обнимаю сильной рукой;
Этот вечер слишком свежий,
Хочу согреться тобой».

Лик месяца бледнеет,
И пасмурны небеса;
Твой сумрачный взор влажнеет,
Подводных фей краса!

«Всегда он влажен и мутен,
Не сумрачней, не влажней:
Когда я вставала из глуби,
В нем застыла капля морей».

Чайки стонут, море туманно,
Глухо бьет прибой меж камней, —
Твое сердце трепещет странно,
Краса подводных фей!

«Мое сердце дико и странно,
Его трепет странен и дик,
Я люблю тебя несказáнно,
Человеческий милый лик».

(1911)

* * *

На дальнем горизонте,
Как сумеречный обман,
Закатный город и башни
Плывут в вечерний туман.

Играет влажный ветер
На серой быстрине;

Траурно плещут весла
Гребца на моем челне.

В последний проглянуло
Над морем солнце в крови,
И я узнал то место —
Могилу моей любви.

(1911)

* * *

Тихая ночь, на улицах дрема,
В этом доме жила моя звезда;
Она ушла из этого дома,
А он стоит, как стоял всегда.

Там стоит человек, заломивший руки,
Не сводит глаз с высоты ночной;
Мне страшен лик, полный смертной муки, —
Мои черты под неверной луной.

Двойник! Ты, призрак! Иль не довольно
Ломаться в муках тех страстей?
От них давно мне было больно
На этом месте столько ночей!

(1911)

* * *

Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.

Только раз бы тебя мне увидеть,
Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
Я вас люблю, madame!

(1911)

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду, иду, — и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.

Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.

Иду, иду, — широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрыты окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожделья и гнева,
И тело и лапы — как у льва,
Лицом и грудью — дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумием взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей — и у меня
К борьбе не стало силы; —
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целуя образ милый.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне, —
Насытись до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как та страсть, беспредельна!
Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

1920

Анджело Полиццано

583. ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ¹

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный.
Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.

¹ Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел голосом бога смутить.

Даже природа сама, на мои заглядевшись создания,
Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня успокоил Лаврентий
Медичи, прежде чем я в низменный прах обращаюсь.

1914

Аветик Исаакян

584

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша.

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

1915

585

Во долине, в долине Сално́ боевой,
Ранен в грудь, умирает гайдук.
Рана — розы раскрытой цветок огневой,
Ствол ружья выпадает из рук.

183

Запеваает кузнечик в кровавых полях,
И, в объятых предсмертного сна,
Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
Что свободна родная страна. . .

Снится нива — колосья под ветром звенят,
Снится — звякая, блещет коса,
Мирно девушки сено гребут — и звучат,
Всё о нем их звенят голоса. . .

Над долиной Сално́ туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел. . .

1915

586

Словно молнии луч, словно гром из туч,
Омрачен душой, я на бой пошел.
Словно стая туч над зубцами круч,
Милый друг сестра, брат твой в бой пошел.

А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей,
Ты ищи, сестра, воронá коня,
Он копытом бьет в тишине полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка
На хмельном пиру, средь товарищей.
Взвоят горный ветер, кинет горсть песка
В твоего дружка на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будет слезы лить над могилою,
Не моя сестра — горевать, рыдать,
Рассыпать цветы над могилою. . .

1915

Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных скал.

Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл несмолкаемый плеск.

1915

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране,
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым. . .

1915

Закрис Топелиус

589. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна,
На памяти моей встают былые времена,
Плывут сказанья в вышине, как перья облаков,
И в сердце странно и светло, печально и легко.

И звезды ясно смотрят вниз, блаженствуя в ночи,
Как будто смерти в мире нет, спокойны их лучи.

Ты понял их язык без слов? Легенда есть одна,
Я научился ей у звезд, послушай, вот она:

Далёко, на звезде одной, в величьи зорь он жил,
И на звезде другой — она, среди иных светил.
И Салами звалась она, и Зуламит был он,
И их любовь была чиста, как звездный небосклон.

Они любили на земле в минувшие года,
Но грех и горе, ночь и смерть их развели тогда.
В покое смерти крылья им прозрачные даны,
И жить на разных двух звездах они осуждены.

Сны друг о друге в голубой пустыне снились им,
Меж ними — солнечный простор сиял, неизмерим;
Неисчислимые миры, созданье рук творца,
Горели между ним и ей в сияньи без конца.

И Зуламит в вечерний час, сжигаемый тоской,
От мира к миру кинуть мост задумал световой;
И Салами в тоске, как он, — и стала строить мост
От берега своей звезды — к нему, чрез бездну звезд.

С горячей верой сотни лет упорный длился труд,
И вот — сияет Млечный Путь, и звездный мост сомкнут;
Весь охватив небесный свод, в зенит уходит он,
И берег с берегом другим теперь соединен.

И херувимов страх объял; они к творцу летят:
«О господи, что Салами и Зуламит творят!»
Но всемогущий им в ответ улыбкой просиял:
«Я не хочу крушить того, что жар любви сковал».

А Салами и Зуламит, едва окончен мост,
Спешат в объятия любви, — светлейшая из звезд,
Куда ни ступят, заблестит на радостном пути,
Так после долгих бед душа готова вновь цвести.

И всё, что радостью любви горело на земле,
Что горем, смертью и грехом разлучено во мгле, —
От мира к миру кинуть мост пусть только сил найдет, —
Верь, обретет свою любовь, его тоска пройдет.

590. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В КАНГАСАЛА

Качаюсь на верхней ветке
И вижу с высоких гор,
Насколько хватает зренья,
Сиянье синих озер.
В заливах Лэнгельмэнвеси
Блестит полоса, как сталь,
И нежные волны Ройнэ,
Целуясь, уходят вдаль.

Ясна, как совесть ребенка,
Как небо в детстве, синя́,
Волнуется Весиэрви
В ласкающем свете дня.
На лоне ее широком —
Цветущие острова,
Как мысли зеленой природы,
Их нежит волн синева.

Но сосны сумрачным кругом
Обстали берег крутой,
На резвую детскую пляску
Так смотрит мудрец седой.
Созревшие нивы клонят
Лицо к озерным зыбям,
Цветы луговые дышат
Навстречу летним ветрам.

Финляндия, как печален,
А всё красив твой простор!
И золотом и сталью блещет
Вода голубых озер!
Звучит и печаль и радость
В напевах финской струны,
И в мерном качаньи песен —
Игра зыбучей волны.

Я — только слабая птичка,
Малы у меня крыла.
Была б я орлом могучим
И к небу взлететь могла, —

Летела бы выше, выше,
К престолу бога-отца,
К ногам его припадая,
Молила бы так творца:

«Могучий владыка неба,
Молитве птички внимли:
Ты создал дивное небо!
Ты создал прелесть земли!
Сиять родимым озерам
В огне любви нашей дай!
Учи нас, великий боже,
Учи нас любить наш край!»

1916

Жозе-Мария Эредиа

591. БЕГСТВО КЕНТАВРОВ

Сорвавшись с дальних гор гудящею лавиной,
Бегут в бреду борьбы, в безумьи мятежа.
Над ними ужасы проносятся, кружа,
Бичами хлещет смерть, им слышен запах львиный...

Чрез рощи, через рвы, минуя горный склон,
Пугая гидр и змей... И вот вдали миражем
Встают уж в темноте гигантским горным кряжем
И Осса, и Олимп, и черный Пелион...

Порой один из них задержит бег свой звонкий,
Вдруг остановится, и ловит запах тонкий,
И снова мчится вслед родного табуна.

Вдали, по руслам рек, где влага вся иссякла,
Где тени бросила блестящая луна, —
Гигантским ужасом несется тень Геракла...

1904

Эмиль Верхарн

592. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

В дикой скачке тучи скачут,
Тучи в пляске завились.

Эй, Луна, берегись!

Мгла гудит и разрывается,
И деревья на полях
То застонут, то заплачут,

Выгибаются. . .

Эй, Луна, берегись!

Желтый лик больной Луны
Мертвый пал в зеркальность пруда,
Раздробясь о грань волны,
Окруженный бледной просинью, —
Это ветер свадьбу правит с Осенью.

Эй, Луна, берегись!

Как тяжелый всадник, рвется ураган,
В двери бьет размашисто и хлестко,
И гуляет, буйный, распален и пьян,
С рыжей Осенью по дальним перекресткам.

Эй, Луна, берегись!

Этот лик святой и чистый,
Звезд лампы, нимб лучистый
Здесь не к месту средь разгула
Пьяного, тяжелого,
Там, где Осень с Ветром потеряли голову. . .
В судоргах объятий
Вздохи всё короче.

Беспредельность ночи. . .

Да лишь лес кричит из вихря и тумана
Под ударами ночного урагана.

Эй, Луна, берегись!

Рыщут псы, и липнет грязь на лапах.
От полей идет сырой и пьяный запах.
И на юг, на север, на восток — повсюду
Разлилось дыханье похоти и блуда,
Как кошмар прерывистый и рдяный.
Ветер с Осенью распутною и пьяной
В буйных судоргах упали и сплелись.

Эй, Луна, берегись!

И собаки воют, точно волки.

1905

593. УЖАС

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей —
Свой клич к стадам давно похороненных.

Кошара из камней тоски моей бывлой
В полях моей страны унылой и проклятой,
Где вьется ручеек, поросший бледной мягой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.

И овцы черные с пурпурными крестами
Идут послушные, и огненный баран,
Как скучные грехи, тоскливыми рядами.

Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряха?
Мне жизнь глядит в глаза, и пятится от страха. . .

(1910)

594. НА СЕВЕР

С темными бурями споря
Возле утесистых стен,
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьею сирен.

Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды.
Ветер попутный, серый и усталый,
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданьи
С берега молча глядела. . .
В море, сквозь сумерки синие,
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы,
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.

В бледном мерцаньи тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело. . .
Море шумело. . .

Ширились белые крылья
Царственной пены. . .

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти. . .

Мерцали их лиры,
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя, дрожали
Высокие груди. . .
Но в море глядевшие люди
Их не видали. . .

И мимо прошел торжествующий сон,
Корабли, подобные лилиям,
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

(1910)

595. НОЯБРЬ

Большие дороги лучатся крестами
В бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
В бесконечность между равнинами.
Большие дороги скрестились в излучины
В дали холодной, где ветер измученный,
Сыростью вея,
Ходит и плачет по голым аллеям.

Деревья, шатаясь, идут по равнинам,
В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествиях длинных,
На север уходят процессии их.

О, эти дни «Всех Святых»...
«Всех Мертвых»...

Вот он — Ноябрь — сидит у огня,
Грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
С веток срывают убранство
И улетают, звеня и стена,
В мглу, в бесконечность, в пространство.

Деревья, мертвые... все в памяти слились.
Как звенья, в пеньи, в вечном повтореньи
Ряды имен жужжат в богослуженьи.
Деревья в цепи длинные сплелись.
Кружатся, кружатся, верны заклатью.
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простертые ввысь,
Бог весть к какому распятью!

Вот он — Ноябрь — в дождливой одежде
В страхе забился в углу у огня.
Робко глядит он, а в поле, как прежде,
Ветры, деревья, звеня и стена,
В сумраке тусклом, сыром и дождливом
Кружатся, вьются, несутся по нивам.

Ветры и деревья, мертвые, святые,
Кружатся и кружатся цепью безнадежною
В вечерах, подернутых серой мглою снежною.
Ветры и деревья... мертвые... святые...

И Ноябрь дрожащими руками
Зажигает лампу зимних вечеров
И смягчить пытается слезами
Ровный ход безжалостных часов.

А в полях всё то же. Мгла всё тяжелее...
Мертвые деревья... ветер и туман.
И идут на север длинные аллеи,
И в ветвах безумных виснет ураган.

Серые дороги вдаль ушли крестами
В бесконечность тусклых, дремлющих полей.
Серые дороги и лучи аллей —
По полям. . . по скатам. . . вдаль. . . между лесами. . .

(1910)

596. СТАТУЯ

(МОНАХ)

Он крест здесь некогда воздвигнул на утесах
И город основал, придя, как пилигрим,
Из дальних южных стран, в руках пастуший посох,
Великий под плащом монашеским своим.
Он чудеса творил. Народ внимал и плакал
На светлых просеках, в таинственных лесах,
Где прорицал языческий оракул
И руны древние чернели на камнях.
Он стал потом, как сон, невозвратимым,
И был он весь — печаль и красота,
Что некогда сползла с позорного креста
К скорбящим и гонимым.
Он бережно хранил их хрупкие сердца,
Разбитые безжалостной рукою;
Он обещал им счастье без конца
И убаюкивал евангельской мечтою.
Потом король, палач и судия
Его слова, принявши, исказили,
И тексты древние явились в новой силе,
Как меч карающий законов бытия.
И против милости, которую с любовью
На обездоленных он призывал,
Восстала жизнь, внезапная, как шквал,
Безумная и залитая кровью.
Но он в сердцах растопленных пребыл,
Как солнце кроткое смиренья и прощенья,
И черпало народное терпенье
В его лучах источник новых сил.
И празднуют его весною, в мае, рано —
Целителя болезней и скорбей.
И матери несут детей
Омыть в струе старинного фонтана.

Звучит в конце печальных литаний
Широкое и благостное имя
В сияньи свеч, в колеблющемся дыме,
В мерцаньи риз, крестов и панагий.
На фоне старого романского портала
Встает его годами стертый лик,
И камень весь дрожит, когда несется зык
С высот зовущего металла.

(1919)

Редьярд Киплинг

597. ЗАПОВЕДЬ

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен всё воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело,
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;

Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

(1923)

Марселлина Деборд-Вальмор

598. ПИСЬМО ЖЕНЩИНЫ

Раз ты опять о том, что невозвратно,
Жалеешь вдруг,
Раз ты опять зовешь меня обратно; —
Послушай, друг:
Пространных клятв, где и мольбы, и грезы,
И стон души,
Когда за них расплатой будут слезы,
Ты не пиши.

Раз дол и рощи после непогоды
Горят светло,
Осушим взор и отметем невзгоды,
Подняв чело.
Хоть мне звучит еще твой голос милый,
Не говори,
Не говори мне больше: «До могилы!» —
А: «До зари!»

Мы знали дни, мелькнувшие привольно
Среди цветов,
Мы знали дни, израненные больно
Кольцом оков;
От мыслей этих, тяготящих разум,
Уклоним взор,
И всё, как дети, позабудем разом,
Вдохнув простор!

О, если может как бы жизнь вторая
Начать свой круг

И протекать, другой себя вверяя,
 Без лишних мук,
Услышь мой зов, из глубины идущий:
 На склоне дня
Приди ко мне, мечтающий и ждущий,
 Возьми меня!

1929

Шарль Леконт де Лиль

599. СМЕРТЬ ВАЛЬМИКИ

Вальмики, царь певцов, бессмертный, очень стар.

Его очам предтек мир мимолетных чар,
Мгновенней, чем прыжок проворной антилопы.
Ему сто лет. Ему земные скучны тропы.
Как, синей вечности предошущая зной,
Бьет крыльями орел над темной крутизной,
Так заточенный дух, томясь в оковах тлена,
Стремится вырваться из призрачного плена.
Вот почему Певец героев старины
Зовет спокойствие и сладость тишины,
Неизреченный мир, где больше нет сознанья,
Предел всех помыслов, разлада и страданья,
Верховный сон без грез и череды времен,
Который царственным Забвеньем осенен.

Дни льются, жизнь полна, увенчан подвиг трудный.

До гребня он взошел на Гимават безлюдный.
Кровь обнаженных стоп пятнала тяжкий путь,
Вихрь ледяных ночей ему измучил грудь,
Но, мыслей и лица назад не обращая,
Он шаг остановил лишь у земного края.
В тени смоковницы, чью зелень бережет
И лето знойное, и зимних выюг полет,
Руками опершись о посох путеводный,
Одеян бородой густой и благородной,
Он видит, недвижим, последний раз, вдали,

Потоки, и леса, и города земли,
Столпы предвечных гор и гулких волн границы,
Откуда взносится, весь в розах, Куст денницы.

Бесстрастен, молчалив, всё это видит он.

Священные лучи объемлют небосклон.
От трав до синих сфер, от пропасти до тучи
Трепещет, и плывет, и льется свет летучий,
Целуя ласково, прозрачный, золотой,
И насекомое, и в заросли густой
Задумчивых слонов, что вздрагивают вяло,
Звенящих шпанских мух отмахивая жало,
Раджей и париев, собак и мудрецов,
И Гималайский кряж, и выводок птенцов.
Смех ослепительный горит над мирозданьем.
Несякнущая жизнь поит благоуханьем
Неизмеримость сна, где Брама, полный сил,
Себя узрел, узнал и, светлый, возлюбил.

Вальмики погружен в великолепье света.

Что вас развеяло, целительные лета?
Виденье давних дней, откуда всходишь ты?
О мощный гимн любви, добра и чистоты,
Лелеющий в веках, как ветер тихокрылый,
И Раму сильного, и Лилию Митхилы,
Бойцов, и девушек, и мудрых, и богов,
И ослепительное шествие веков,
Зачем, дыханьем роз овейанный широко,
Ты возникаешь вновь из дивного истока?
О Рамаяна! Дух, что встарь тебя пропел,
Следит твой вольный лет в безоблачный предел
И, в упоении гармоний вдохновенных,
Сливается, кружась, с полетом душ блаженных.

Шар солнца вырос, всплыл и мирно запылал.

Густой, беззвучный зной, струя за валом вал,
Спадает, пламенный, и поглощает, властный,

Цвета, и образы, и запахи, и страстный
Порыв живого, молвь людей и дальний гул
Прибоя, что дышал всё глуше и уснул.
Везде всё смолкло. Мир пылает, истомленный.
И вот из-под земли, сухой и раскаленной,
Белесый муравей, притянутый жарой;
Их сто, их тысячи и тысячи; ордой
Неисчислимою, они сплошным движеньем
Идут на старика, который взят виденьем
И, прислонясь к стволу, окутанному мхом,
Уничтожается в создании своем.

Он отрешен от чувств, он отрешен от духа.

Большие муравьи, влача седые брюха,
Волнами близятся к замершему, киша,
Спадая, шевелясь, вздымаясь и шурша,
Как накипание встающей в море пены.
Покрыли бедра, грудь, обволокли все члены,
Кусают, гложут плоть, в глазах ища проход
Туда, где черепа изогнут мощный свод,
Толпами лезут в рот, разверстый и лиловый,
И вот на высоте стоит костяк суровый,
Над дольной мглой, как бог над ладаном жрецов,
Тот, кто был некогда Вальмики, царь певцов,
Чья звучная душа живет земные тени
И будет вечно петь устами поколений.

1919

600. ПОКАЗЧИКИ

Как изможденный зверь, в густой пыли вечерней,
Который на цепи ревет в базарный час,
Кто хочет, пусть несет кровь сердца напоказ
По торжищам твоим, о стадо хищной черни!

Чтобы зажечь на миг твой оступелый глаз,
Чтоб выклянуть венки из жалких роз иль терний,
Кто хочет, пусть влачит, топча, как ризу, в скверне,
И стыд божественный, и золотой экстаз.

В безмолвной гордости, в могиле безыменной
Пускай меня навек поглотит мрак вселенной,
Тебе я не продам моих блаженств и ран,

Я не хочу просить твоих свистков и вздохов,
Я не пойду плясать в открытый балаган
Среди твоих блудниц и буйных скоморохов.

1923

601. SOLVET SECLUM¹.

Ты смолкнешь, темный гул, о голос бытия!

Кошунства, черные, как стая воронья,
Стенанья ужаса, и бешенства, и мщенья,
Тысячеустый вопль извечного крушенья,
Мученья, злоба, скорбь, плач боли и стыда,
И дух, и плоть людей умолкнут навсегда!
Всё смолкнет: и цари, и боги, и народы,
Пещеры каторги и храмовые своды,
Всё, что живет в лесах, в горах, в воде, на льду,
Летает, прыгает и ползает в аду,
Всё то, что прячется, всё то, что настигает,
От смятого червя, который издыхает,
До молний, рыщущих в неисследимой мгле!
В одно мгновение всё смолкнет на земле.
И то не будет вновь, в лучах иного края,
Воскресшая заря утраченного рая,
Беседа тихая Адама и Лилит,
Не сон божественный, который всё целит;
То будет в час, когда наш шар, еще насытый,
Сорвавшись со своей чудовищной орбиты,
Бессмысленный, слепой, в последний раз рыча,
Свой непомерный груз всё исступленней мча,
Об мир какой-нибудь, огромный сгусток праха,
Несчастной скорлупой ударится с размаха
И, проливая в ночь из неисчетных ран
Воды и пламени кипящий океан,
Своею мерзостью в пустотах безыменных
Вспоит незримые зародыши вселенных.

1923

¹ Разрушается век (лат.). — *Ред.*

602. ВИЛАНЕЛЛА

Черной ночью, в безветрие, под Экватором
Пространство, Время и Число
Упали тихо с тверди черной
В морей безлунное жерло.

Молчанье тьмы заволокло,
Как некий саван необорный,
Пространство, Время и Число.

Немым обломком, тяжело,
Дух погружается, покорный,
В морей безлунное жерло.

И с ним всё гибнет, всё ушло —
Мысль, память, гений животворный,
Пространство, Время и Число —
В морей безлунное жерло.

1926

603. БАГРОВОЕ СВЕТИЛО

В небесной бездне будет великое
багровое светило, именем Сагил.
Рабби Абен-Эзра

Над мертвой сушею громады волн безгласных,
В которых вздрогнул мир и навсегда угас,
Встают в безмерности, где вечен каждый час;
И рдеющий Сагил, из недр ночей ужасных,
Вперяет в глубину окровавленный глаз.

Над беспредельностью, безмолвием объятый,
Над косой пропасти глухим небытием,
Мрача завесы туч и водный оком,
Сагил, угрюмый шар, пустынный соглядатай,
Раскрыв кровавый глаз, вселенским грезит сном.

Любви, отчаянья, слез, гнева, вдохновений,
Всего, что радует, как драгоценный бред,
Ни неба, ни земли, ни жизни больше нет.

Над давним маревом забытых сновидений
Сагила рдяный глаз льет крованистый свет.
1939

Генрих Гейне

604. ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД

Крепкий, черный, челн просторный
Мрачно режет лоно вод.
В нем с угрюмой, тихой думой
Стража смертная плывет.

Бледный ликом, в сне великом,
Недвижим лежит поэт.
Голубые, как живые,
Смотрят очи в горний свет.

Словно жалкий клич русалки,
Звонко стонет глубина.
Это волны, скорбью полны,
Мерно плещут вокруг челна.

(1931)

605. ЦАРЬ ДАВИД

Угасает мирно царь,
Ибо знает: как и встарь,
Самовластье на престоле
Будет чернь держать в неволе.

Раб, как лошадь или бык,
К вечной упряжи привык,
И сломает шею мигом
Не смирившийся под игом.

Соломону царь Давид,
Умирая, говорит:

«Кстати, вспомни, для начала,
Иоава, генерала.

Этот храбрый генерал
Много лет мне докучал,
Но ни разу злого гада
Не пощупал я как надо.

Ты, мой милый сын, умен,
Веришь в бога и силен,
И твое святое право
Уничтожить Иоава».

(1931)

Николоз Бараташвили

606. СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

Моя Мтацминда, гора святая! О, как прекрасны,
Как нелюдимы и полны думы твои откосы,
Когда их тихо оденет небо в живые росы
И дышат негой летучий ветер и вечер ясный!

Какая тайна тогда объемлет и дол окрестный и небосвод!
Какие дали тогда чаруют того, кто смотрит с твоих
высот!

Ковер долины повит цветами, как драгоценный
престольный плат,
И фимиамом благодаренья к тебе клубится их аромат.

Я помню время, бывшее время, когда, унылый,
Я пробирался среди утесов, над сонным лугом,
И тихий вечер со мной был ласков и был мне другом,
Как я, печальный, как я, безмолвный и сердцу милый.

Как вся природа в минуты эти была устала и хороша!
О небо, небо, твой образ вечный запечатленным хранит
душа;
Чуть я увижу кусок лазури, к тебе мгновенно летят
мечты,
Но погибают в пути воздушном, не достигая до высоты.

Я забываю темницу мира, к тебе взирая.
К тебе стремлюсь я из этой жизни, для сердца
тесной...
Расстаться с прахом, взнестись высоко, в обитель
рая...
Но непостижен тому, кто смертен, закон небесный.
Я над стремниной стоял, задумчив, любуюсь небом,
там, надо мной.
Был вечер мая, кругом — ущелья дышали тенью
и тишиной.
И лишь порою чуть слышный ветер отрадно веял
в небес тиши.
Вечерний воздух свое безмолвье сливал с печалью моей
души.
Гора живая, то в блеске смеха, то в ризе слезной,
Какую радость и утешенье ты даришь взгляду!
Усталым душам, в часы печали, ты шлешь отраду,
Друг вековечный сердец замкнутых, немой и грозный!
Всё было тихо. Сгущался сумрак. Лучи померкли
и синева.
Вслед за луною, томясь влюбленно, звезда спешила,
лишь ей жива.
Как тихо светит душа младая, молитвой жаркой
утомлена,
Так в темном небе туманным диском, струя сиянье,
плыла луна.
И этот вечер, мтацминдский вечер, был мой когда-то!
О край заветный, я помню, помню, какие думы
Ты мне наваял, как озарил ты мой дух угрюмый!
Великим счастьем, тобою данным, душа богата.
О тихий вечер, о вечер чудный, ты вечно светел
в моей судьбе!
Когда нет силы бороться с горем, я, беззащитный,
зову к тебе,
И ты спасаешь, ты шлешь надежду томленью сердца,
тоске ума,
Что встанет солнце, что будет утро, что озарится
ночная тьма.

1937

Несись, Мерани, мой конь крылатый, умчимся вместе
за грань судьбы!
Твой всадник не был пленником рока и с ним,
как прежде, жаждет борьбы!

Пусть погибну я, роком проклятый, им сраженный, —
Меч о меч, как враг, буду биться с ним, непреклонный.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрямя,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто ведал, что
обречен,
И в диких высях твой след, Мерани, пребудет вечно для
всех времен:
Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет, смелый,
быстрее меня
И, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь обгонит
ее коня.

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрямя,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

1937

Фридрих Шиллер

608. К РАДОСТИ

Радость, чудный отблеск рая,
Дочь милая богам,
Мы вступаем, неземная,
Огнемельные, в твой храм.
Власть твоя связует свято
Всё, что в мире врозь живет:
Каждый в каждом видит брата
Там, где веет твой полет.

Х о р

Обнимитесь, миллионы!
В поцелуе слейся, свет!
Братья, над шатром планет
Есть отец, к сынам склоненный.

Кто изведаль жребий ясный
С другом встретиться как друг,
Кто подругой горд прекрасной,
Влейся весело в наш круг!
Кто своей, в земных просторах,
Душу назвал хоть одну!
Кто не мог, — с тоской во взорах
Пусть отыдет в тишину!

Х о р

Всё, что дышит в бездне зримой,
Будь союзом дружных сил!
Это — путь к огням светил,
Где царит Непостижимый.

Радость все уста земные
Из груди Природы пьют;
К ней и добрые, и злые
Легким следом притекут.
В ней — и гроздь, и лобзанья,
Друг, в беде неколебим;
Утоляет червь алканья,
Бога видит херувим.

Х о р

Вы простерлись, миллионы?
Ты творца провидишь, свет?
Там он, над шатром планет,
Миру ставящий законы.

Радость, двигатель всесущий
Нескончаемых веков,

Радость, маятник, ведущий
Ход космических часов,
Из семян, из мглы небесной
Манит солнца и цветы,
Мчит миры среди безвестной
Звездочетам пустоты.

Х о р

Как миры, за нею следом,
Мчатся огненным дождем,
Бодро, братья, в путь идем,
Как герой идет к победам!

В ярком зеркале познания
Нас ее улыбка ждет.
Путь ее на холм венчанья
Страстотерпца приведет.
В лучезарных высях веры
Водружая знамена,
Светит в смертные пещеры
В сонме ангелов она.

Х о р

Претерпите, миллионы!
Уготован лучший свет!
Где-то над шатром планет
Властный бог воздаст за стоны.

Не нужна богам отплата;
Счастлив, кто подобен им.
Опечаленного брата
К ликованью приобщим.
Мечь и ненависть отложим,
Смертный недруг будь прощен,
Сожаленьем не тревожим
И слезой не отягчен.

Х о р

Должникам своим забудем!
Примирен да будет свет!
Братья, над шатром планет
Судит бог, как здесь мы судим.

Брызжут радостью бокалы:
В пене гроздьев золотой
Черплют кротость каннибалы,
Храбрость — падшие душой.
Братья, встаньте, лейте брагу
Круговую до краев!
Выше искристую влагу:
Этот ковш — отцу миров!

Х о р

Вторя гимнам сил бесплотных,
Хорам звездных голосов,
Этот ковш — отцу миров
Над шатром планет несчетных!

Непреклонность в тяжелой муке,
Помощь скорбному в нужде,
Верность клятвенной поруке,
Правда в дружбе и вражде,
Гордость мужа перед тронем
И бестрепетность сердец,
Смерть неправедным законам,
Делу правому венец!

Х о р

Станьте в круг кольцом железным
И клянитесь, братья, в том
Этим золотым вином,
Судией клянитесь звездным!

1937

609. ПЕРСТЕНЬ ПОЛИКРАТА

Он на дворце стоял высокою,
Он озирает довольным оком
Порабощенный им Самос.
«Здесь всё — мое, — гордыни полон,
К царю Египта речь повел он: —
Не дивно ль рок меня вознес?»

«Твой жребий знаменит и славен!
Все те, которым был ты равен,
Склонили пред тобой главу.
Но их отмститель жив поныне;
Пока он дышит на чужбине,
Тебя счастливым не зову».

Царь не успел докончить речи,
Как из Милета, с поля сечи,
Гонец тирану предстает:
«Пусть жертв восходит дым обильный,
И пусть чело твое, всеильный,
Венец лавровый обовьет!

Твой враг сражен копьем нещадным;
Меня с известьем шлет отрядным
Твой полководец Полидор».
И он в бадье, от крови красной,
Подносит князю дар ужасный.
Князь узнает померкший взор.

Царь отступает с содроганьем.
«Не верь судьбы очарованьям, —
Он молвит, омрачен и тих. —
Плывет в обманчивой лазури —
Как знать, добыча первой бури —
Удача кораблей твоих».

Но, прерывая речь владыки,
Толпы ликующие клики
Гремят от взморья до небес.
Сокровищ чужеземных полный,

К родному берегу пенит волны
Судов тысячествольный лес.

Дается диву гость державный:
«Сегодня ты счастливец явный,
Но счастье ветрено всегда.
Критян воинственных отряды
Тебе грозить разгромом рады;
Они уж близятся сюда».

Он не успел домолвить слова,
Как с моря клич несется снова,
И весть стоустая слышна:
«Победа! Враг опасный сломлен,
Флот Крита бурей разгромлен.
Забыта, кончена война!»

Гость внемлет, трепетом объятый:
«Не спорю, ты счастлив трикраты!
Но жребий наш сокрыт во мгле.
Мне страшно зависти незримых;
Блаженств, ничем не омрачимых,
Никто не ведал на земле.

Немало дней я прожил славных,
Во всех моих делах державных
Я помощь неба находил;
Но у меня был отпрыск милый,
И он погиб, он взят могилой,
Я счастьем долг свой уплатил.

И ты, да избежишь печали,
Моли, чтоб боги примешали
Страданье к радостям твоим.
Нет, ни один еще беспечно
Не отошел из тех, кто вечно
Богами был благотворим.

А если безучастны боги,
То внемли голосу тревоги
И призови несчастье сам;
И из всего, чем ты владеешь,

То, что всем сердцем ты лелеешь,
Возьми и в жертву брось волнам!»

И тот, смущенный страхом тоже:
«Мне этот перстень мой дороже
Всего, чем этот остров полн.
Его эринниям назначу, 55
Чтоб искупить свою удачу».
И мечет перстень в бездну волн.

И вот наутро, с солнцем рано,
Рыбак приветствует тирана,
Приходит, весело смеясь:
«Сегодня рыба мне попалась,
Какой на свете не встречалось;
Прими ее в подарок, князь».

Но вот уже, под общий говор,
Спешит ошеломленный повар,
Глаза испуганно раскрыв:
«Князь, перстень, что ты в море кинул.
Я из утробы рыбьей вынул.
О, беспредельно ты счастлив!»

Гость подымается, смятенный:
«Мне страшен этот дом блаженный,
Отныне дружба наша — прах.
Тебе куют погибель боги,
Я прочь бегу с твоей дороги».
Сказал и отплыл второпях.

1937

Саят-Нова

619

Ты ярче сбруи золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
Но розе — месяц жить, а ты живешь в веках, красавица.

213

Хвалить тебя — конца не знать, всего не перечесть
добра;
Убранство стен твоих — парча, ковер чудеснее ковра,
И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь
из серебра,
Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах,
красавица.

Ты Искандеров царский лал, жемчужин вереница ты,
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.

Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,
Возможно дорогой наряд заткать жемчужною волной,
Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем
и луной, —
Ты превосходишь всё, что есть в земных краях,
красавица.

Тебя одел небесный снег, ты пахнешь, как весна,
мой друг,
Кто сядет рядом, — опален, ты так чудес полна,
мой друг.
Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?
Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.

1938

611

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчевая,
нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.
Ты — дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба
купить тебя.
Не пожалеет, кто найдет, но горе — обронить тебя.

Увы, в блаженном свете та, чей жребий был родить
тебя;
Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая,
нежная.

Лицо твое, — сказал бы перс, — второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Восстав, ты — Раш, а сев, — затмишь блеск попугая,
нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть
дом.

Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать
твоим?

Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать
с таким огнем?

На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

1938

612

Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу.
От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.
Как озабоченный векил, о всей округе плачу.
Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет
властелин!

Когда бы врач Лохман воскрес, помог бы мне лишь он
один.

На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин.
Разлив унес мое бревно — по легком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелят теперь.
Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад
теперь!

Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!
Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет.
Всех слов не высказать зараз, как вечной мудрости завет.
Как в затонувший монастырь, к моей душе потерян след.
Ушел мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан,
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой шушан.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан.
Себя не жаль мне, жаль народ: о нем, о друге, плачу.

1938

Данте

613. АД

Из песни XXII

Мы шли с десятком бесов; вот уж в милом
Сообществе! Но в церкви, говорят,
Почет святым, а в кабачке — кутилам.

Лишь на смолу я обращал свой взгляд,
Чтоб видеть свойства этой котловины
И что за люди там внутри горят.

Как мореходам знак дают дельфины,
Чтоб те успели уберечь свой струг,
И над волнами изгибают спины, —

Так иногда, для облегченья мук,
Иной всплывал, лопатки выставляя,
И, молнии быстрей, скрывался вдруг.

И как во рву, расположась вдоль края,
Торчат лягушки рыльцем из воды,
Брюшко и лапки ниже укрывая, —

Так грешники торчали в две гряды,
Но, увидав, что Борода крадется,
Ныряли в кипь, спасаясь от беды.

Один — как вспомню, сердце ужаснется —
Заждался; так одна лягушка, всплыв,
Нырнет назад, другая остается.

Собачий Зуд, всех ближе, зацепив
Багром за космы, слипшиеся туго,
Втащил его, как выдру, на обрыв.

Я помнил прозвища всего их круга:
С тех пор, как их избрали, я в пути
Следил, как бесы кликали друг друга.

«Эй, Рыжий, забирай его, когти, —
Наперебой проклятые кричали, —
Так, чтоб ему и шкуры не найти!»

И я сказал: «Учитель мой, нельзя ли
Узнать, кто этот жалкий лиходей,
Которого враги к рукам прибрали?»

Мой вождь к нему подвинулся плотней,
И тот сказал, в ответ на обращенье:
«Я был наваррец. Матерью моей

Я отдан был вельможе в услуженье,
Затем что мой отец был дрянь и голь,
Себя сгубивший и свое именье.

Меня приблизил добрый мой король,
Тебальд; я взятки брал, достигнув власти,
И вот плачусь, окунут в эту смоль».

Тут Боров, у которого из пасти
Торчали бивни, как у кабана,
Одним из них стал рвать его на части.

Увидели коты, чтомышь вкусна;
Но Борода, обвив его руками,
Сказал: «Оставьте, помощь не нужна».

Редъярд Киплинг

614. ТОМЛИНСОН

На Берклей-сквере Томлинсон скончался в два часа.
Явился Призрак и схватил его за волоса,
Схватил его за волоса, чтоб далеко нести,
И он услышал шум воды, шум Млечного Пути;
Шум Млечного Пути затих, рассеялся в ночи,
Они стояли у Ворот, где Петр хранит ключи.
«Восстань, восстань же, Томлинсон, и говори скорей,
Какие добрые дела ты сделал для людей,
Творил ли добрые дела для ближних ты иль нет?»
И стала голая душа белее, чем скелет.

«О, — так сказал он, — у меня был друг любимый там,
И если б был он здесь сейчас, он отвечал бы вам».
— «Что ты любил своих друзей — прекрасная черта,
Но только здесь не Берклей-сквер, а Райские врата.
Хоть с ложа вызван твой друг сюда — не скажет он
ничего.
Ведь каждый на гонках бежит за себя, а не двое
за одного».
И Томлинсон взглянул вокруг, но выигрыш был
небольшой,
Смеялись звезды в высоте над голой его душой,
А буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про добрые дела.
«О, это читал я, — он сказал, — а это был голос молвы,
А это я думал, что думал другой про графа из Москвы».
Столпились стаи добрых душ, совсем как голубки,
И загремел ключами Петр от гнева и тоски.

«Ты читал, ты слышал, ты думал, — он рек, — но толку
в сказе нет!

Во имя плоти, что ты имел, о делах твоих дай ответ!»
И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул назад, —
Был сзади мрак, а впереди — створки небесных врат.
«Я так ощущал, я так заключил, а это слышал потом,
А так писали, что кто-то писал о грубом норвежце

одном».

— «Ты читал, заключал, ощущал, добро! Но в райской
тишине,

Среди высоких, ясных звезд, не место болтовне.

О, не тому, кто у друзей взял речи напрокат

И в долг у ближних все дела, от бога ждать наград.

Ступай, ступай к Владыке зла, ты мраку обречен,

Да будет вера Берклей-сквера с тобою, Томлинсон!»

Его от солнца к солнцу вниз та же рука несла

До пояса Печальных звезд, близ Адского жерла.

Одни как молоко белы, другие красны как кровь,

Иным от черного греха не загореться вновь.

Держат ли путь, изменяют ли путь, никто не отметит

никак,

Горящих во тьме и замерзших давно, поглотил их

Великий мрак,

А буря мировых пространств леденила насквозь сго,

И он стремился на Адский огонь, как на свет очага

своего.

Дьявол сидел среди толпы погибших темных сил,

И Томлинсона он поймал и дальше не пустил.

«Не знаешь, видно, ты, — он рек, — цены на уголь, брат,

Что, пропуск у меня не взяв, ты лезешь прямо в Ад.

С родом Адама я в близком родстве, не презирай меня,

Я дрался с богом из-за него с первого же дня.

Садись, садись сюда на шлак и расскажи скорей,

Что злого, пока еще был жив, ты сделал для людей».

И Томлинсон взглянул наверх и увидел в глубокой мгле

Кроваво-красное чрево звезды, терзаемой в адском

жерле.

И Томлинсон взглянул к ногам, пылало внизу светло

Терзаемой в адском жерле звезды молочное чело.

«Я любил одну женщину, — он сказал, — от нее пошла
вся беда,
Она бы вам рассказала всё, если вызвать ее сюда».
— «Что ты вкушал запретный плод — прекрасная черта,
Но только здесь не Берклей-сквер, но Адские врата.
Хоть мы и свистнули ее, и она пришла, любя,
Но каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает сам
за себя».

И буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про скверные дела:
«Раз я смеялся над силой любви, дважды — над
смертным концом,
Трижды давал я богу пинков, чтобы прослыть
храбрецом».

На кипящую душу Дьявол подул и поставил остыть
слегка:
«Неужели свой уголь потрачу я на безмозглого дурака?
Гроша не стоит шутка твоя, и нелепы твои дела!
Я не стану своих джентльменов будить, охраняющих
вертела».

И Томлинсон взглянул вперед, потом взглянул назад:
Легион бездомных душ в тоске толпился близ Адских
врат.
«Это я слышал, — сказал Томлинсон, — за границу
прошлый год,
А это в бельгийской книге прочел покойный
французский лорд».

— «Ты читал, ты слышал, ты знал, добро! Но начни
сначала рассказ —
Из гордыни очей, из желаний плотских согрешил ли ты
хоть раз?»

За решетку схватился Томлинсон и завопил: «Пусти!
Мне кажется, я чужую жену сбил с праведного пути!»
Дьявол громко захохотал и жару в топку поддал.
«Ты в книге прочел этот грех?» — он спросил,
и Томлинсон молвил: «Да!»

А Дьявол на ногти себе подул, и явился взвод дьяволят:
«Пускай замолчит этот ноющий вор, что украд
человечий наряд.
Просейте его между звезд, чтоб узнать, что стоит
этот урод,

Если он вправду отродье земли, то в упадке Адамов
 род».

В аду малыши — совсем голыши, от жары им легко
 пропасть,

Льют потоки слез, что малый рост не дает грешить им
 всласть, —

По угольям гнали душу они и рылись в ней без конца.
 Так дети шарят в вороньем гнезде или в шкапулке отца.
 В клочьях они привели его, как после игр и драк,
 Крича: «Он душу потерял, не знаем, где и как!
 Мы просеяли много газет и книг, и ураган речей,
 И много душ, у которых он крал, но нет в нем души
 своей.

Мы качали его, мы терзали его, мы прожгли его
 насквозь,

И если зубы и ногти не врут, души у него не нашлось».

Дьявол главу склонил на грудь и начал воркотню:
 «С родом Адама я в близком родстве, я ли его прогоню?
 Мы лежим глубоко, мы лежим далеко, но когда он
 останется тут,

Мои джентльмены, что так горды, совсем меня засмеют.
 Скажут, что я — хозяин плохой, что мой дом —
 общежитье старух,

И уж, конечно, не стоит того какой-то никчемный дух».

И Дьявол глядел, как отрепья души пытались в огонь
 пролезть,

О милосерды думал он, но берег свое имя и честь:
 «Я, пожалуй, могу не жалеть углей и жарить тебя
 всегда,

Если сам до кражи додумался ты?» — и Томлинсон
 молвил: «Да!»

И Дьявол тогда облегченно вздохнул, и мысль его стала
 светла:

«Душа блохи у него, — он сказал, — но я вижу в ней
 корни зла.

Будь я один здесь властелин, я бы впустил его,
 Но Гордыни закон изнутри силен, и он сильнее моего.
 Где сидят проклятые Разум и Честь, — при каждом
 Блудница и Жрец,

Бываю там я редко сам, тебе же там конец.

Ты не дух, — он сказал, — и ты не гном, ты не книга,
 и ты не зверь,

Не позорь же доброй славы людей, воплотись еще раз
теперь.
С родом Адама я в близком родстве, не стал бы тебя я
гнать,
Но припаси получше грехов, когда придешь опять.
Ступай отсюда! Черный конь заждался твоей души.
Сегодня они закопают твой гроб. Не опоздай! Спеши!
Живи на земле и уст не смыкай, не закрывай очей
И отнеси Сынам Земли мудрость моих речей:
Что каждый грех, совершенный двумя, и тому и другому
вменен,
И... бог, что ты вычитал из книг, да будет с тобой,
Томлинсон!»

1922

615. ПЫЛЬ (ПЕХОТНЫЕ КОЛОННЫ)

День — ночь — день — ночь — мы идем по Африке,
День — ночь — день — ночь — всё по той же Африке —
(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Восемь — шесть — двенадцать — пять — двадцать миль
на этот раз,
Три — двенадцать — двадцать две — восемнадцать миль
вчера —
(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Брось — брось — брось — брось — видеть то, что
впереди.
(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)
Все — все — все — все — от нее сойдут с ума,
И отпуска нет на войне!

Ты — ты — ты — ты — пробуй думать о другом,
Бог — мой — дай — сил — обезуметь не совсем!
(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Счет — счет — счет — счет — пулям в кушаке веде,
Чуть — сон — взял — верх — задние тебя сомнут,
(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Для — нас — всё — вздор — голод, жажда, длинный путь,
Но — нет — нет — нет — хуже, чем всегда одно —
Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!

Днем — все — мы — тут — и не так уж тяжело,
Но — чуть — лег — мрак — снова только каблучки.
(Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!

Я — шел — сквозь — ад — шесть недель, и я клянусь,
Там — нет — ни — тьмы — ни жаровен, ни чертей,
Но — пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!

1922

Александр Чавчавадзе

616. МУХАМБАЗИ

Открывает март свой весенний сад,
Что закрыт стоял столько дней подряд,
Страстью нежною целый мир объят,
Полной радостью все сердца горят.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Вы, чей светел был горделивый взор,
Что вы в горестный облеклись убор?
Или час судьбы так суров и скор?

Ароматами напоив простор,
Вам несет весна многоцветный клад.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Замела зима всякий след весны,
Отцвели цветы, и стволы черны,
Но придет пора, и они должны
Принести плоды, что, как мед, сочны.
Этот бег времен повторим стократ.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Верь незыблемо в торжество чудес,
И опять придет синева небес,
Сладколикая будет роза цвель;
Коль шипов ее перетерпишь месть,
Дерзновения обретешь в них яд,
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Если розою изукрашен луг,
Не томись вдали, не броди вокруг,
Сразу сердце ей подари, мой друг.
Если смерть тебя не похитит вдруг,
Ты своей судьбы прочитаешь взгляд!
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

1940

Артур Рембо

617. РОМАН

1

Нет рассудительных людей в семнадцать лет!
Июнь. Вечерний час. В стаканах лимонады.
Шумливые кафе. Кричаще-яркий свет.
Вы направляетесь под липы эспланады.

Они теперь в цвету и запахом томят.
Вам хочется дремать блаженно и лениво.
Прохладный ветерок доносит аромат
И виноградных лоз и мюнхенского пива.

2

Вот замечаете сквозь ветку над собой
Обрывок голубой тряпицы, с неумело
Приколотой к нему мизерною звездой,
Дрожащей, маленькой и совершенно белой.

Июнь! Семнадцать лет! Сильнее крепких вин
Пьянит такая ночь. . . Как будто бы спросонок,
Вы смотрите вокруг, шатаетесь один,
А поцелуй у губ трепещет, как мышонок.

3

В сороковой роман мечта уносит вас. . .
Вдруг — в свете фонаря, — прервав виденья ваши,
Проходит девушка, закутанная в газ,
Под сенью страшного воротника папаши,

И, находя, что так растерянно, как вы,
Смешно бежать за ней без видимой причины,
Оглядывает вас. . . И замерли, увы,
На трепетных губах все ваши каватины.

3

4

Вы влюблены в нее. До августа она
Внимает весело восторженным сонетам.
Друзья ушли от вас: влюбленность им смешна.
Но вдруг. . . ее письмо с насмешливым ответом.

В тот вечер. . . вас опять влекут толпа и свет. . .
Вы входите в кафе, спросивши лимонаду. . .
Нет рассудительных людей в семнадцать лет
Среди шлифующих усердно эспланаду!

1910

618. ОЩУЩЕНИЕ

В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росюю.

Не буду говорить и думать ни о чем —
Пусть бесконечная любовь владеет мною —
И побреду, куда глаза глядят, путем
Природы — счастлив с ней, как с женщиной
земною.

1910

Тристан Корбьер

619. СКВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Песок и прах. Волна хрипит и тает,
Как дальний звон. Волна. Еще волна.

Зловонное болото, где глотает
Больших червей голодная луна.

Здесь медленно варится лихорадка,
Изнемогает бледный огонек,
Колдует заяц и трепещет сладко
В гнилой траве, готовый наутек.

На волчьем солнце расстиляет прачка
Белье умерших — грязное тряпье,
И, все грибы за вечер перепачкав

Холодной слизью, вечное свое
Несчастье оплакивают жабы
Размеренно-лирическим «когда бы».

1910

Виктор Гюго

620. НАДПИСЬ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

Однажды вечером, переходя дорогу,
Я встретил путника: он в консульскую тогу,
Казалось, был одет; в лучах последних дня
Он замер призраком и, бросив на меня
Блестящий взор, чья глубь, я чувствовал, бездонна,
Сказал мне: «Знаешь ли, я был во время оно
Высокой, горизонт заполнившей горой;
Затем, преодолев сей пленной жизни строй,
По лестнице существ пройдя еще ступень, я
Священным дубом стал; в час жертвоприношенья
Я шумы странные струил в немую синь;
Потом родился львом, мечтал среди пустынь,
И ночи сумрачной я слал свой рев из прерий;
Теперь — я человек; я — Данте Алигьери».

(1934)

Шарль Бодлер

621. ИДЕАЛ

Нет, ни красотками с зализанных картинок —
Столетия пошлого разлитый всюду яд! —
Ни ножкой, втиснутой в шнурованный ботинок,
Ни ручкой с веером меня не соблазнят.

Пускай восторженно поет свои хлорозы,
Больничной красотой прельщаясь, Гаварни.
Противны мне его чахоточные розы:
Мой красный идеал никак им не сродни!

Нет, сердцу моему, повисшему над бездной,
Лишь, леди Макбет, вы близки душой железной,
Вы, воплощенная Эсхилова мечта,

Да ты, о Ночь, пленить еще способна взор мой,
Дочь Микеланджело, обязанная формой
Титанам, лишь тобой насытившим уста!

(1934)

Поль Верлен

622

В трактирах пьяный гул, на тротуарах грязь,
В промозглом воздухе платанов голых вязь,
Скрипучий омнибус, чьи грузные колеса
Враждуют с кузовом, сидящим как-то косо
И в ночь вперяющим два тусклых фонаря,
Рабочие, гурьбой бредущие, куря
У полицейского под носом носогрейки,
Дырявых крыш капель, осклизлые скамейки,
Канавы, полные навозом через край, —
Вот какова она, моя дорога в рай!

(1934)

Полю Валери

623. ПОГИБШЕЕ ВИНО

Когда я пролил в океан —
Не жертва ли небытию? —
Под небом позабытых стран
Вина душистую струю,

Кто мной тогда руководил?
Быть может, голос вещуна,
Иль, думая о крови, лил
Я драгоценный ток вина?

Но, розоватым вспыхнув дымом,
Законам непоколебимым
Своей прозрачности верна,

Уже трезвея в пьяной пене,
На воздух подняла волна
Непостижимый рой видений.

(1934)

Шарль Вильдрак

624. ПЕСНЬ ПЕХОТИНЦА

Я хотел бы на дороге
Старым быть каменотесом;
Он сидит на солнцепеке
И булыжники дробит,
Широко расставив ноги.

Кроме этого труда,
Нет с него иного спроса.
В полдень, удаляясь в тень,
Он съедает корку хлеба.

Знаю я глубокий лог,
Где укрылась в дикой чаще
Старая каменоломня,
Позабывтая людьми.

Там и солнца луч не светит,
Не накрапывает дождик,
Там залетная лишь птица
Вопрошает тишину.

Это — древняя морщина
На лице земли суровом,
Небом проклятая щель.

Съезжившись под ежевикой,
Я хотел бы там лежать!

Я хотел бы быть слепцом,
Что стоит у входа в церковь:
Звучной ночью окружен,
Он поет, в себе лелея
Время, плещущее в нем,
Как под сводом чистый воздух,

Потому что он на берег
Выброшен рекой угрюмой,
И его уж не увлечь
Мутной ненависти волнам.

Я хотел бы быть солдатом,
Наповал убитым первой
Пулей в первый день войны.

(1934)

Жан Жироду

625

Я вижу Бельфора.
Пруды, силуэт
Печальный собора,
Которого нет;

И осень, как рок,
Чья поступь всё губит,
Трубящую в рог,
Который не трубит;

И тётку Селест,
Что, рдея от злости,
Убила бы гостя,
Который не ест, —

Всю юность мою
В тупом захолустье;
И желчи и грусти
Я слез не таю.

(1934)

Георгий Леонидзе

626. НОРСКАЯ НОЧЬ

Нескончаемые вздохи,
Липой шелестит луна,
Удальцом в обновке-чохе
Всплыл рассвет с ночного дна.

Кто, луны средь небосклона
Став портным, скроил ее?
Кто, как мяч неугомонный,
Сердце выхватил мое?

Ты меня качала, Иора,
Брызгами кропя еля,
Выменем стиха вскормив, —
И чудесней нет узора,
Чем процеженный твоею
Сетью берегов извив.

В буйном тонут винограде
Бубны и столы со мцвади.

Ты своих форелей в ситцы
Не напрасно облекла,

Не напрасно тащат птицы
Клювом утро из дупла:

Мельницу ли на канаве,
Мощь ли глыб иль древний храм —
Всё, что ты дала мне въяве,
Я в стихах тебе отдам.

Не во мне ли беспрестанно
Сок кипит твоих запруд?
Покупателем я стану,
Если Иору продадут.

Нескончаемые вздохи,
Липой шелестит луна.
Удальцом в обновке-чохе
Всплыл рассвет с ночного дна.

Спотыкнулся о Гомбори
Месяц, молоко разлил. . .
С ивами пою на Иоре,
Сам одна из этих ив.

1936

Карло Каладзе

627. В ГОРАХ, ПОКИНУТЫХ МОРЕМ

Схлынули воды давно. На пустынных
Скалах ущелий их путь узнаю.
Черное море, в глубоких притинах
Памяти поступь я слышу твою.

Реки несутся по долам, сквозь горы,
Словно желают бывшее настичь.
Им, как соратникам, полный задора
Победоносный кидаю я клич.

Знаю: клокочет уже в многоустье,
Говоре воля мятежная их,
И по проложенным заново руслам
Реки и люди прорвутся, как стих.

1936

Генрих Гейне

628. ПЕСНЬ МАРКИТАНТКИ

(ИЗ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ)

А ведь гусаров я люблю,
Я очень к гусарам склонна.
И синих, и желтых люблю я, всех,
Любого эскадрона.

И кирасиров я люблю,
Я так люблю кирасиров;
Пусть он рекрут, пусть ветеран,
Простой, из командиров.

Кавалерист, артиллерист,
Я всех люблю до отвала,
И тоже в инфантерии я
Довольно ночей продремала.

Люблю я немца, француза люблю,
Люблю я чеха и грека,
Я шведа, испанца люблю, поляка, —
Я в них люблю человека.

Мне всё равно, из какой страны,
И веры он старой иль новой,
Мне люб и мил любой человек,
Когда человек он здоровый.

Отечество их и религия их,
Ведь всё это только платья —
Тряпье долой! Чтоб его к груди
Нагого могла прижать я!

Я — человек, человечеству я
Отдаюсь душой и телом;
А кто не может уплатить,
Записываю мелом.

Смеются над шатром моим
Зеленые веночки.
Сейчас мадеру я даю
Из самой свежей бочки!

(1925)

629

А ведь кастраты плачут,
Лишь песня сорвется с губ;
И плачут, и судачат,
Что голос мой слишком груб.

И нежно поют хоралы
Малые голоски,
Колокольчики, кристаллы, —
Они высоки и легки.

Поют о любовных муках,
Любви, наитии грез;
Дамы при этих звуках
Плавают в море слез.

(1925)

630

Не верую я в Небо,
Ни в Новый, ни в Ветхий Завет.
Я только в глаза твои верю,
В них мой небесный свет.

Не верю я в господа бога,
Ни в Ветхий, ни в Новый Завет.
Я в сердце твое лишь верю,
Иного бога нет.

Не верю я в духа злого,
В геенну и муки ее.
Я только в глаза твои верю,
В злое сердце твое.

(1927)

631

Мне снился сон, что я господь,
Сижу на небе, правя,
И ангелы сидят кругом,
Мои поэмы славя.

Я ем конфеты, ем пирог,
И это всё без денег,
Бенедиктин при этом пью,
А долгу ни на пфенниг.

Но скука мучает меня,
Не лезет чаша ко рту,
И если б не был я господь,
Так я пошел бы к черту.

Эй, длинный ангел Гавриил,
Лети, поворачивай пятки,
И милого друга Эугена ко мне
Доставь сюда без оглядки.
Его в деканской не ищи,

Ищи за рюмкой рома,
И в церкви Девы не ищи,
А у мамзели, дома.

Расправил крылья Гавриил
И на землю слетает,
За ворот хватать, и в небо, глядь,
Эугена доставляет.

Ну, братец, я, как видишь, бог,
И вот — землю правлю.
Я говорил ведь, что себя
Я уважать заставляю.

Что день, то чудо я творю, —
Привычка, друг, господня, —
И осчастливить, например,
Хочу Берлин сегодня.

И камень должен на куски
Распасться тротуарный,
И в каждом камне пусть лежит
По устрице янтарной.

Да окропит лимонный сок
Ее живой росой,
Да растекается рейнвейн
По улицам рекою.

И как берлинцы веселы,
И все спешат на ужин;
И члены земского суда
Припали ртами к лужам.

И как поэты веселы,
Найдя жратву святую!
Поручики и фендрики
Оближут мостовую,

Поручики и фендрики
Умнее всех на свете,
И думают: не каждый день
Творятся дива эти.

(1927)

632

Девушка, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд —
Такое внушал ей горе
Солнечный закат.

Девушка, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать;
Вот здесь оно спереди тонет
И всходит сзади опять.

(1927)

Сам суперкарго мейнгер ван Кук
Сидит, считая, в каюте;
Он сличает верный приход
С убылью в нетте и брутте.

«И гумми хорош, и перец хорош,
Мешков и бочек тыща;
Песок золотой, слоновая кость —
Но черный товар почище.

Четыреста негров за сущий пустяк
Я выменял у Сенегала.
Тугое мясо, и жила тверда, —
Как брус литого металла.

Для меня сталь была у меня,
Стеклянные бусы и вина;
Семьсот процентов я наживу,
Если дойдет половина.

Двести негров останься в живых
До гавани Рио-Жанейро,
И сотню дукатов даст с головы
Мне дом Гонзалес-Перейро».

Но в этот миг мейнгер ван Кук
Оторван от этих чисел;
Входит в двери морской хирург,
Доктор ван дер Смиссен.

Морской хирург и тощ и прям,
А нос в угрях багровых.
«Ну, водный лекарь, — воскликнул ван Кук, —
А как арапчата здоровы?»

Хирург благодарен ему за вопрос:
«Я шел доложить мейнгеру,
Что смертность за нынешнюю ночь
Слегка превысила меру.

В среднем мрут ежедневно три,
Но нынче умерло восемь,
Мужчин и женщин. — Убыль мы
Немедля в журнал заносим.

Я тщательно все эти трупы вскрыл,
Я знаю эту породу:
Они симулируют часто смерть,
Чтобы их бросили в воду.

Засим я цепи с мертвых снял,
И, как всегда при этом,
Я в море бросить их велел
За час перед рассветом.

И тотчас целая стая акул
Стрелою к ним юркнула, —
Любители черного мяса они,
Столуется здесь акула.

Они за нами стадом шли,
Когда мы плыли заливом:
Чует, бестия, мертвый дух
Нюхом своим похотливым.

Весьма забавно на них смотреть,
Как мертвых они обступят:
Та голову цап, та за ногу хватъ,
А эта лохмотья лупит.

А всё проглотят — улягутся в ряд,
Довольные, и оттуда
Пялятся вверх, как будто хотят
Сказать спасибо за блюдо».

Но тут прерывает хирургову речь
Мейнгер ван Кук, вздыхая:
«Скажите, как нам зло пресечь,
Откуда напасть такая?»

Хирург возразил: «По своей вине
Процент значительный умер:
Своим дурным дыханьем они
Испортили воздух в трюме.

От меланхолии тоже мрут, —
Они смертельно скучают;
Танцы, музыка, вольный дух
При этом всегда помогают».

И крикнул тогда мейнгер ван Кук:
«Другого такого найдете ль!
Какой совет! Мой милый хирург
Умен как Аристотель.

Хотя председатель Лиги Друзей
Улучшенья Тюльпанной Культуры
И очень ловок, — но нет у него
И трети вашей натуры.

Эй, музыки! музыки! Негры должны
Плясать и резвиться как дети;
А кто, танцуя, станет скучать,
Того подгонят плети».

2

Высоко с синего свода небес
Тысячи звезд сладострастных,
Большие и умные, глядят
Глазами женщин прекрасных.

Они на море сверху глядят,
А море во всю круговую
Фосфорноблещущим сжато кольцом;
Сладостно волны воркуют.

Ни паруса. Весь невольничий бриг
Как будто растакелажен;
Но ярко на мачте горят фонари,
На палубе бал налажен.

На старой скрипиче боцман пилит,
И повар на флейте играет,
Юнга бьет в такт в барабан,
А доктор в трубу задувает.

И сотни негров — женщин, мужчин —
Прыгают, вьются, взлетают,
Как полоумные; с каждым прыжком
Мерно цепи бряцают.

Яростно топчут доски они,
И девушка полунагая
К нагому товарищу страстно льнет
И с ним кружится, вздыхая.

Надсмотрщик — maître des plaisirs,¹
И плеть его воловья
Бодрит ленивых танцовщиков, —
Пускай прибавляют здоровья.

И дидельдумдей, и шнеддереденг,
И шум морского бала
Морскую нечисть разбудил,
Которая тупо дремала.

И, сонные, тупо всплывают из волн
Акулы, за стаей стая,
И плятятся вверх на светлый дек,
Смущаясь, не понимая.

Они замечают, что завтрака час
Еще не настал, и рядами
Зевают, выгнув спину; а пасть
Усажена зубами.

И дидельдумдей, и шнеддереденг,
И шум не умолкает.
От нетерпенья ряд акул
Свой собственный хвост кусает.

¹ Распорядитель танцев (франц.). — *Ред.*

Не любят музыки, верно, они,
Как все из акульего мира.
«Неверен не любящий музыки зверь», —
Гласит изречение Шекспира.

И шнеддереденг, и дидельдумдей,
И шум не умолкает.
У мачты стоит мейнгер ван Кук
И руки, молясь, воздевает:

«Сих грешников черных помилуй, спаси,
Исус Христос распятый!
Не гневайся, боже, на них: они
Глупее, чем скот рогатый.

Спаси их жизнь, Исус Христос,
За мир отдавший тело!
Ведь если двести штук не дойдет,
Погибло всё мое дело».

(1927)

634. ЮДОЛЬ ПЛАЧА

Сквозь щели ветер ночной свистит,
А на чердачном ложе
Две бедных тени улеглись;
Их лица — кости да кожа.

Первая бедная тень говорит:
«Меня обойми рукою,
Ко рту моему прижми свой рот,
Хочу согреться тобою».

Вторая бедная тень говорит:
«Когда я гляжу в твои очи,
Скрывается голод, и бедность, и боль,
И холод этой ночи».

Целовались они, рыдали они,
Друг другу руки сжимали,

Смеялись порой, даже спели раз,
И вот под конец замолчали.

Наутро с комиссаром пришел
Лекарь, который, пощупав
Пульс, на месте установил
Отсутствие жизни у трупов.

«Полый желудок, — он пояснил, —
Вместе с диетой строгой
Здесь дали летальный исход, — верней,
Приблизили намного.

Всегда при морозах, — прибавил он, —
Нужно топить жилище
До теплоты и — вообще —
Питаться здоровой пищей».

(1927)

635. К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Поешь, как некогда Тиртей
Пел своего героя,
Но плохо выбрал публику,
И время не такое.

Усердно слушают тебя
И хвалят дружным хором,
Как благородна мысль твоя,
Какой ты мастер форм.

И за твое здоровье пить
Вошло уже в обычай,
И боевую песнь твою
Подтягивать мурлыча.

Раб о свободе любит петь
Под вечер, в заведеньи.
От этого питье вкусней,
Живей пищеваренье.

(1927)

«Да не будет он помянут!»
Это сказано когда-то
Эстер Вольф, старухой-нищей,
И слова я помню свято.

Пусть его забудут люди,
И следы земные канут,
Это высшее проклятье —
Да не будет он помянут!

Сердце, сердце, эти пени
Кровью течь не перестанут;
Но о нем — о нем ни слова:
Да не будет он помянут!

Да не будет он помянут,
Да в стихе исчезнет имя, —
Темный пес, в могиле темной
Тлей с проклятьями моими!

Даже в утро воскресенья,
Когда звук фанфар разбудит
Мертвецов, и поплетутся
На судилище, где судят,

И когда прокличет ангел
Оглашенных, что предстанут
Пред небесными властями, —
Да не будет он помянут!

(1934)

Катулл

637. К ЛЕСБИИ

Будем жить и любить, моя подруга!
Воркотню стариков ожесточенных
Будем в ломаный грош с тобою ставить!
В небе солнце зайдет и снова вспыхнет,
А для нас, лишь погаснет свет мгновенный,
Непробудная наступает полночь.
Так целуй же меня, раз сто и двести,
Больше, тысячу раз и снова сотню,
Снова тысячу раз и сотню снова.
Много сотен и тысяч насчитаем,
Всё смешаем потом и счет забудем,
Чтобы злобой завистников не мучить,
Подглядывших так много поцелуев!

⟨1927⟩

638. СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

Обнял Акму, любовь свою, Септимий.
Нежно к сердцу прижал. Сказал ей: «Акма!
Если крепко в тебя я не влюбился,
Если вечно любить тебя не буду,
Как пропащие любят и безумцы,
Пусть в пустыне ливийской иль индийской
Кровожадного льва я повстречаю!»
Так сказал. И Амур ему ответил:
Тотчас справа чихнул ему на счастье.
Акма голову тихо наклонила
И коснулась пурпурными губами
Глаз любимца, желаньем опьяненных.

И сказала: «О жизнь моя, Септимий!
Пусть любовь нами правит безраздельно!
Знай, двойное во мне пылает пламя,
Знай, двойная меня сжигает ласка!»
Так сказала. Амур и ей ответил:
Тотчас справа чихнул на счастье Акме.
И сбылись на диковину приметы.
И любовники связаны любовью.
Все сокровища Сирии и бриттов
Не возьмет за свою Септимий Акму.
Акма, верная одному лишь другу,
Лишь Септимию дарит страсть и нежность.
Кто же видел счастливее влюбленных?
Кто Венеру видал такую вещей?

(1927)

639. ДЕРЕВЕНСКАЯ КРАСАВИЦА

Добрый день, долгоногая девчонка,
Колченогая, с хрипотою в глотке,
Большерукая, с глазом как у жабы,
С деревенским, нескладным разговором,
Казнокрада формийского подружка!
И тебя-то расславили красивой?
И тебя с нашей Лесбией сравнили?
О, бессмысленный век и бестолковый!

(1927)

640. СОПЕРНИКУ

Что за черная желчь, Равид злосчастный,
В сети ямбов моих тебя погнала?
Что за мстительный бог тебя подвигнул
На губительный этот спор и страшный?
Или хочешь ты стать молвы игрушкой?
Иль, какой ни на есть, ты славы жаждешь?
Что ж, бессмертным ты будешь! У Катулла
Отбивать ты осмелился подружку.

(1927)

641. ЖЕНСКИЕ КЛЯТВЫ

Милая мне говорит: лишь твоею хочу быть женою,
Даже Юпитер желать стал бы напрасно меня.
Так говорит. Но что женщина в страсти любовнику
шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!

(1927)

642. ИГРА

Друг Лициний! Вчера, в часы досуга,
Мы табличками долго забавлялись,
Превосходно и весело играли.
Мы писали стихи поочередно,
Подбирали размеры и меняли.
Пили, шуткой на шутку отвечали.
И ушел я, твоим, Лициний, блеском
И твоим остроумием зажженный.
И еда не могла меня утешить,
Глаз бессонных в дремоте не смыкал я,
Словно пьяный, ворочался в постели,
Поджидая желанного рассвета,
Чтоб с тобой говорить, побыть с тобою.
И когда, треволнением утомленный,
Полумертвый, застыл я на кровати,
Эти строчки тебе, мой самый милый,
Написал, чтоб мою тоску ты понял.
Берегись же, и просьб моих не вздумай
Осмеять, и не будь высокомерным,
Чтоб тебе не отмстила Немезида!
В гневе страшна она. Не богохульствуй!

(1927)

643. ЗАБАВЫ ФЛАВИЯ

Флавий милый! Давно бы показал ты
Мне подружку свою, — ведь ты не скрытень, —
Безобразной не будь она и грубой.
Вижу, вижу, в распутную девчонку
Ты влюбился, и совестно признаться.

Не проводишь ты ночи в одиночку.
Молча, спальня твоя вопит об этом,
Вся в цветах и пропахшая бальзамом,
И подушка, помятая изрядно,
И кровати расшатанной, на ножках
Не стоящей, скрипенье и дрожанье.
Не поможет молчать и отпираться.
Ты таким не ходил бы утомленным,
Если б втайне греху не предавался.
Расскажи же про радость мне и горе,
И тебя, и любовь твою до неба
Я прославлю крылатыми стихами.

(1927)

Виктор Гюго

644—646. ВОЗМЕЗДИЕ

НОЧ¹

Срок замыслов твоих настал. Не трать минуты,
О принц! Пора кончать: и ночь, и холод лютый.
Вставай, иди! Во тьме почуявший воров,
Дог Вольности, рыча, клыки вонзить готов;
На цепь посаженный, он всё же лает грозно;
Пора на промысел, — иначе будет поздно.
Гляди, какой густой туман декабрьский пал;
Как затаившийся разбойник-феодал,
Прыжком свали врага, метнувшись из засады.
Смелей! Солдаты ждут в казармах, водке рады;
Тупое бешенство у них в сердцах гудит,
И — в роли Цезаря — им нужен ты, бандит!
Прикрой фонарь рукой, скользи неслышной тенью,
Вынь нож, — удобный миг! — республика под сенью
Доверчивости спит, твоих не видя глаз:
Твоя присяга, принц, подушкой ей сейчас.
Солдаты, выходи! Вперед, орда! Припрятав
Поглубже стыд, вяжи народных депутатов
И маршалов кидай в подвал, с ворами в ряд!
Прикладом по спине в Мазас гони Сенат!
Бей саблями плашмя судей, с глумленьем низким
Стань, войско Франции, убийцей калабрийским!
Глядите, буржуа презренные стада:
Взвился переворот, что в горне зрел года,
Как черным демоном подъятый меч кровавый!

¹ Ночь (лат.). — *Ред.*

Нож в горло смельчакам, что борются за право!
Грабитель, кондотьер, наймит бесчестный, — бей!
Бей всех! Бодену смерть! Дюссубу смерть! Смелей!
Что это за толпа на улицах, за толочь?
А ну, картечью в них, солдаты, в эту сволочь!
Пли!.. Власть народу? Вздор! Проголосует он
Потом. Рубите честь! Рубите долг, закон!
Пусть по бульварам кровь течет рекой! Бутылки
Полны вином! Полны убитыми носилки!
Кто водки хочет? Ночь, и стужа жестока;
Хлебнуть неплохо. Эй, убить мне старика,
Солдаты! Девочку на штык! Что там за крики?
Мать? Саблей! Пусть народ, сброд этот полудикий,
Дрожит, на мостовой кровавая каблуки!
Париж осмелился протестовать? В штыки!
Пусть наше мрачное узнает он презренье:
Мы ведь — кулак, а он — лишь ум и вдохновенье!
Народы чтут его? Старо! Нам быть умней:
Помчим его в грязи, четверкою коней!
Пусть дóхнет! Пусть его сотрут с лица земного!
О пушки, харкните в него картечью снова!

(1935)

ИСКУПЛЕНИЕ

Шел снег. Стал гибелью недавний путь победный.
Впервые голову орел понурил медный.
Рок! Император брел и грезил наяву,
Покинув позади горящую Москву.
Шел снег. Зима на мир обрушилась лавиной:
Равнина белая за белою равниной.
Ни командиров там не видно, ни знамен.
Уже ни центра нет, ни флангов, ни колонн.
Вчера лишь — армия, сегодня — стадо. В брюхо
Убитых лошадей вползали греться. Глухо
Шел снег. На брошенных биваках ледяных
Порою видели горнистов постовых,
Замерзших и немых, — в чьи каменные губы
Заиндевелые навеки вмерзли трубы.
Сквозь хлопья сыпались то бомбы, то картечь.

И, с удивлением почуя дрожь меж плеч,
Кусая длинный ус, шли гренадеры мимо.
А снег валил, валил. Свистал неумолимо
Полярный ветер. По льду шагали день за днем —
В местах неведомых, без хлеба, босиком.
То не были бойцы, идущие походом,
То призраки брели под черным небосводом —
Заблудшая во тьме процессия теней.
И снеговой простор тянулся перед ней,
Без края, без конца, как мститель беспощадный.
А непрерывный снег, слетая с выси холодной,
Огромным саваном на армию налег,
И каждый чуял смерть, и знал, что одинок.
Удастся ли кому уйти из царства ночи?
Враги — мороз и царь. И первый был жесточе.
Орудия — долой: лафеты шли в костер.
Кто лег — погиб. Толпой, вперив безумный взор,
Бежали. Снежная жрала полки утроба:
То здесь, то там рука торчала из сугроба,
Маня измученных под снеговую сень.
О Ганнибалов рок! Аттилы судный день!
Фургоны, беглецы, носилок строй кровавый
Сшибались давкою в минуты переправы.
Ложились тысячи, вставало сто теней.
Когда-то армии преследовавший Ней
Спасал часы и жизнь: за ним гнались казаки.
И еженочно — в бой! Готовиться к атаке!..
И тени, вновь ружье притиснув у плеча,
Смыкались, — и на них, как ястребы крича,
Наскоком яростным, безумной лавой дикой,
Летели казаки, размахивая пикой!
Да, гибла армия: ее снедала ночь.
Был император там, — и он не мог помочь.
Он был как мощный дуб, секире обреченный,
Гигант, со славою еще неомраченной.
Но вот Несчастье, зловещий лесоруб,
К нему приблизилось, и оскорбленный дуб,
Томимый призраком какой-то мести горней,
Топор почувствовал, врезающийся в корни.
Все гибли в свой черед — солдат и генерал;
К шатру вождя сошлись те, кто еще шагал;
С любовью тень его бессонную встречали,

Клялись его звездой, в кощунстве уличали
Судьбу, дерзнувшую на счастье посягнуть.
А он — страх ощутил, к нему заползший в грудь.
Ошеломлен бедой, воитель величавый
Взор к богу обратил. Теперь избранник славы
Дрожал; он понял вдруг, что искупает здесь
Какой-то тяжкий грех, и, потрясенный весь,
Пред легионами, не снесшими удара,
Воскликнул: «Боже Сил! Ужели это — кара?»
И громом прозвучал таинственный ответ, —
Из мрака тяжкого сказал Незримый: «Нет».

(1935)

ПЕСЕНКА

Его величие блистало
Пятнадцать лет;
Его победа поднимала
На свой лафет;
Сверкал в его глубоком взгляде
Рок королей.
Ты ж обезьяной скачешь сзади,
Пигмей, пигмей!

Наполеон, спокойно-бледный,
Сам в битву шел;
За ним сквозь канонаду медный
Летел орел;
И он ступил на мост Арколе
Пятой своей.
Вот деньги, — грабь их, да поболе,
Пигмей, пигмей!

Столицы с ним от страсти млели;
Рукой побед
Он разрывал их цитадели —
Как бы корсет.
Сдались его веселой силе
Сто крепостей!
А у тебя лишь девки были,
Пигмей, пигмей!

Он шел, таинственный прохожий,
Сквозь гул времен,
Держа и гром, и лавр, и вожжи
Земных племен.
Он пьян был небывалой славой
Под звон мечей.
Вот кровь: мочи твой рот кровавый,
Пигмей, пигмей!

Когда он пал и отдал миру
Былой покой,
Сам океан в его порфиру
Плеснул волной,
И он исчез, как дух громадный
Среди зыбей.
А ты в грязи утонешь смрадной,
Пигмей, пигмей!

(1935)

Шарль Бодлер

647. ПЛАВАНЬЕ

1

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль — и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть
К отчизне,
Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеинных ресниц оставивших полжизни —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

В Цирцеинных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепенении чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст.

Но истые пловцы — те, что плывут без цели:
Плывущие — чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!

На облако взгляни: вот облик их желаний!
Как отроку — любовь, как рекруту — картечь,
Так край желанен им, которому названья
Доселе не нашла еще людская речь.

2

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет — как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.

О, странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть — везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде. . .

Душа наша — корабль, идущий в Эльдorado.
В блаженную страну ведет — какой пролив?
Вдруг среди гор, и бездн, и гидр морского ада —
Крик вахтенного: — Рай! Любовь! Блаженство! — Риф.

Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землей с плодами янтаря,
Лазоревой водой и изумрудным дерном.
Базальтовый утес являет нам зарю.

О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег!
Скормить его зыбям, иль в цепи заковать, —
Безвинного лгуна, выдумщика Америк,
От вымысла чьего еще серее гладь.

Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.
Достаточно ему, чтоб Рай увидеть въяве,
Мигающей свечи на вышке чердака.

8

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз — бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.

Умчите нас вперед — без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин
Так некогда рука очам являла чару) —
Видения свои, обрамленные в синь.

Что видели вы, что?

4

— Созвездия. И зыби,
И желтые пески, нас жгущие поднесь.
Но, несмотря на бурь удары, рифов глыбы, —
Ах, нечего скрывать! — сучали мы, как здесь.

Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей
Рождали в нас тоску, надежнее отравы,
Как воин опочить на поле славы — сей.

Стройнейшие мосты, славнейшие строенья —
Увы! хотя бы раз сравнились с градом — тем,
Что из небесных туч возводит Случай-Гений...
И тупились глаза, узревшие Эдем.

От сладостей земных — Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.

Докуда дорастешь, о древо — кипариса
Живучее?..

Для вас мы привезли с морей
Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса, —
Всем вам, которым вещь чем дальше — тем милей!

Приветствовали мы кумиров с хоботами,
С порфировых столпов взирающих на мир,
Резьбы такой — дворцы, такого взлету — камень,
Что от одной мечты — банкротом бы — банкир... .

Надежнее вина пьянящие наряды,
Жен, выкрашенных в хну — до ноготка ноги,
И бронзовых мужей в зеленых кольцах гада... .

Бесплодна и горька наука дальних странствий.
 Сегодня как вчера, до гробовой доски —
 Всё наше же лицо встречает нас в пространстве:
 Оазис ужаса в песчаности тоски.

Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя —
 Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
 Чтоб только обмануть лихого старца — Время.
 Есть племя бегунов. Оно — как Вечный Жид.

И, как апостолы, по всем морям и сушам
 Проносится. Убить зовущееся днем —
 Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
 И в четырех стенах справляются с врагом.

В тот миг, когда злодей настигнет нас — вся вера
 Вернется нам, и вновь воскликнем мы: вперед! —
 Как на заре веков мы отплывали в Перу,
 Авророю лица приветствуя восход.

Чернильной водой — морями глаже лака —
 Мы весело пойдем между подземных скал.
 О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
 Взывающие: — К нам! — О, каждый, кто взалкал

Лотосова плода! Сюда! В любую пору
 Здесь собирают плод и отжимают сок.
 Сюда, где круглый год — день лотосова сбора,
 Где лотосову сну вовек не минет срок!

О, вкрадчивая речь! Нездешней лести нектар!..
 К нам руки тянет друг — чрез черный водоем.
 — Чтоб сердце освежить — плыви к своей Электре! —
 Нам некая поет — нас жегшая огнем.

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
 Нам скучен этот край! О Смерть, скорее в путь!
 Пусть небо и вода — куда черней чернила,
 Знай — тысячами солнц сияет наша грудь!

Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
 Мы жаждем, обозрев под солнцем всё, что есть,
 На дно твое нырнуть — Ад или Рай — едино! —
 В неведомую глубь — чтоб *новое* обрести!

1940

Из английских народных баллад

648. РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ

Двенадцать месяцев в году,
 Не веришь — посчитай.
 Но всех двенадцати милей
 Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
 Весел люд, весел гусь, вссел пес...
 Стоит старуха на пути,
 Вся сморщилась от слез.

«Что нового, старуха?» — «Сэр,
 Злы новости у нас!
 Сегодня трем младым стрелкам
 Объявлен смертный час».

«Как видно, резали святых
 Отцов и церкви жгли?
 Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
 С чужой женой легли?»

«Не резали они отцов
 Святых, не жгли церквей,

Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей».

«За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?»
— «С оленем встретились в лесу...
Лес королевский был».

«Однажды я в твоём дому
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль».

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз...
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.

«Какие новости, старик?»
— «О сэ́р, грустнее нет:
Сегодня трех младых стрелков
Казнят во цвете лет».

«Старик, сьмай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром».

«Ваш — мая месяца новей,
Сему же много зим...
О сэ́р! Нигде и никогда
Не смейтесь над седым!»

«Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!»

Надел он шляпу старика, —
Чуть-чуть пониже крыш.
«Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!»

И стариков он плащ надел —
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!

Влез в стариковы он штаны.
«Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!»

Влез в стариковы он чулки.
«Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!»

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
«„Одежда делает господ“.
Готов. Неплох я — граф!»

Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингэм!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп!»
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

«О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?»

«Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,
Еще — тринадцать пенсов дам
И званье палача».

Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень — прыг!
«Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!»

«Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том — мясо, в том — муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди — горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд».

«Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!»

Был рога первый зов как гром!
И — молнией к нему —
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.

Был следующий зов — то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.

«Но кто же вы? — спросил шериф,
Чуть жив. — Отколь взялись?»
— «Они — мои, а я Робин,
А ты, шериф, молись!»

На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка.

1940

649. ПЕЙЗАЖ

Масличная равнина
распахивает веер,
запахивает веер.
Над порослью масличной
склонилось небо низко,
и льются темным ливнем
холодные светила.
На берегу канала
дрожит тростник и сумрак,
а третий — серый ветер.
Полным-полны маслины
тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
их длинными хвостами.

1941

650. ГИТАРА

Начинается
плач гитары.
Разбивается
чаша утра.
Начинается
плач гитары.
О, не жди от нее
молчапья,
не проси у нее
молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по наклонам — плачет,
как ветра над снегами — плачет,

не моли ее
о молчаньи!

Так плачет закат о рассвете,
так плачет стрела без цели,
так песок раскаленный плачет
о прохладной красе камелий,
так прощается с жизнью птица
под угрозой змеиного жала.
О гитара,
бедная жертва
пяти проворных кинжалов!

1941

651. А ПОТОМ...

Прорытые временем
лабиринты —
исчезли.
Пустыня —
осталась.

Немолчное сердце —
источник желаний —
иссякло.
Пустыня —
осталась.

Защитное марево
и поцелуи —
пропали.
Пустыня —
осталась.

Умолкло, заглохло,
остыло, иссякло,
исчезло.
Пустыня —
осталась.

1941

Жан Расин

652. НАЧАЛО «ФЕДРЫ»

— Решение принято, час перемены пробил!
Узор Трезенских стен всегда меня коробил,
В смертельной праздности на медленном огне
Я до корней волос краснею в тишине:
Шесть месяцев терплю отцовское безвестье,
И дальше для меня тревога и бесчестье
Не знать урочища, где он окончил путь.

— Куда же, государь, намерены взглянуть?
Я первый поспешил унять ваш страх законный
И переплыл залив, Коринфом рассеченный.
Тезея требовал у жителей холмов,
Где глохнет Ахерон в жилище мертвцев.
Элиду посетил, не мешкал на Тенаре,
Мне рассказала зыбь о рухнувшем Икаре.
Надежды ль новой луч укажет нам тропы
В блаженный край, куда направил он стопы?
Быть может, государь свое решение взвесил
И с умыслом уход свой тайной занавесил,
И между тем как мы следим его побег,
Сей хладнокровный муж, искатель новых нег,
Ждет лишь любовницы, что, тая и робея...

— Довольно, Терамен, не оскорбляй Тезея...

(1923)

653. МЯТЕЖ

Как будто ураган верхи дерев нагнул,
Летит предместьями глухой и низкий гул:
Дверные молотки бьют в бронзовые доски,
Страх бьет без промаху. И женщин, и детей
Простоволосый плач до старческих ушей
Добрался. Все дрожат. Еще одна минута,
И каждый добежит до своего закута.
Попрятались, и вдруг колючая метла
Весь многолюдный сор на улице смела.
Тогда мятеж, мятеж на каблуках дерзанья
Народный гонит вал, в ладоши бьет восстанье.
В щетине криков весь, сам тысяча голов,
Сверяет мощь своих набухнувших рядов
И набережных вдоль, на каменной постели,
Кричит, как женщина, тяжелая от хмеля.

1924

Франческо Петрарка

654—655. СОНЕТЫ

* * *

Река, разбухшая от слез соленых,
Лесные птицы рассказать могли бы,
Чуткие звери и немые рыбы,
В двух берегах зажатые зеленых...

Дол, полный клятв и шепотов каленых,
Тропинок промуравленных изгибы,
Силой любви затверженные глыбы
И трещины земли на трудных склонах.

Незыблемое зыблется на месте,
И зыблюсь я. Как бы внутри гранита,
Зернится скорбь в гнезде былых веселнь,

Где я ищу следов красы и чести,
Исчезнувшей, как сокол после мыта,
Оставив тело в земляной постели.

* * *

Как соловей сиротствующий славит
Своих пернатых близких ночью синей
И деревенское молчанье плавит
По-над холмами или в котловине,

И всю-то ночь щекочет и муравит,
И провожает он один отныне —
Меня, меня — силки и сети ставит
И нудит помнить смертный пот богини.

О, радужная оболочка страха!
Эфир очей, глядевших в глубь эфира,
Взяла земля в слепую люльку праха —

Исполнилось твоё желанье, пряха!
И, плачучи, твержу: вся прелесть мира
Ресничного не долговечней взмаха.

1934

Рафаэль Альберти

656. ЭЛЬ-НАРДО

Столько солнца на фронте; в контрасте
С синевой тишина так резка;
Так надменно небес безучастье,
Снисходящее так свысока;

Так полянам до смерти нет дела;
Ход часов так собой поглощен;
Снег такую горячкою белой
Смотрит с гор вне пространств и времен, —

Что от боли валюсь я и слепну,
И лазурь, превратясь в динамит,
Темнотой осыпается склепной
И расколотой тишью гремит.

(1938)

Полю Верлен

657. НОЧНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Ночь. Дождь. Вдали неясный очерк выбит:
В дождливом небе старый город зыбит
Разводы крыш и башенных зубцов.
Пустырь. Костыль с телами мертвецов,
Без угомону пляшущих чакону,

Когда с налету их клюют вороны,
Меж тем как волки пятки им грызут.
Кой-где терновый куст, и там и тут
На черном поле измороси мгlistой —
Колючие отливы остролиста.
И шествие: три узника по ней
Под пешей стражей в двести бердышей,
Смыкающей еще лишь неизбывней
Железо пик в железной сетке ливня.

(1938)

658. ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

За музыкую только дело.
Итак, не размеряй пути.
Почти бесплотность предпочти
Всему, что слишком плоть и тело.

Не церемонься с языком,
Но отбирай слова с оплошкой.
Всех лучше песни, где немножко
И точность точно под хмельком.

Так смотрят из-за покрывала.
Так зыблет полдни южный зной.
Так осень небосвод ночной
Вызвежживает как попало.

Всего милее полутон.
Не полный тон, но лишь полтона.
Лишь он венчает по закону
Мечту с мечтою, альт, басон.

Нет ничего острот коварней
И смеха ради шутовства:
Слезами плачет синева
От чесноку такой поварни.

Хребет риторике сверни.
О, если б в бунте против правил
Ты рифмам совести прибавил!
Не ты — куда зайдут они?

Кто смерит вред от их подрыва?
Какой глухой или дикарь
Всучил нам побрякушек ларь
И весь их пустозвон фальшивый?

Так музыки же вновь и вновь!
Пускай в твоём стихе с разгону
Блеснут в дали преображенной
Другое небо и любовь.

Пускай он выболтает сдуру
Всё, что впотьмах, чудотворя,
Наворочит ему заря...
Всё прочее — литература.

(1938)

659. ТОМЛЕНЬЕ

Я — римский мир периода упадка,
Когда, встречая варваров рои,
Акrostихи слагают в забыты
Уже, как вечер, сдавшего порядка.

Душе со скуки нестерпимо гадко,
А говорят, на рубежах бои.
О, не уметь сломить лета свои!
О, не хотеть прожечь их без остатка!

О, не хотеть, о, не уметь уйти!
Всё выпито! Что тут, Батилл, смешного?
Всё выпито, всё съедено! Ни слова!

Лишь стих смешной, уже в огне почти,
Лишь раб дрянной, уже почти без дела,
Лишь грусть без объяснения и предела.

(1940)

660. ХАНДРА

И в сердце растрava,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?

О дождик желанный,
Твой шорох — предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.

Откуда ж кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего.

Хандра ниоткуда,
Но та и хандра,
Когда не от худа
И не от добра.

(1940)

Джордж Гордон Байрон

661. СТАНСЫ К АВГУСТЕ

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передряги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.

Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привете не чаю подлога
И в улыбке тебя узнаю.

Когда ж вихри с пучиной воюют,
Точно души в изгнаныи скорбя,
Тем-то волны меня и волнуют,
Что несут меня прочь от тебя.

И хоть рухнула счастья твердыня
И обломки надежды на дне,
Всё равно, и в тоске и уныньи,
Не бывать их невольником мне.
Сколько б бед ни нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета,
Ты любви не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета.
Ты от слова не ступишь ни шагу,
Ты в отъезде — разлуки как нет,
Ты на страже, но дружбе во благо,
Ты беспечна, но свету во вред.

Я ничуть его низко не ставлю,
Но в борьбе одного против всех
Навлекать на себя его травлю
Так же глупо, как верить в успех.
Слишком поздно узнав ему цену,
Излечился я от слепоты:
Мало даже утраты вссленной,
Если в горе наградою — ты.

Гибель прошлого, всё уничтожа,
Кое в чем принесла торжество:
То, что было всего мне дороже,
По заслугам дороже всего.
Есть в пустыне родник, чтоб напиться,
Деревцо есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

(1938)

662. КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

В свой час своя поэзия в природе:
Когда в зените день и жар томит
Притихших птиц, чей голосок звенит
Вдоль изгородей скошенных угодий?
Кузнечик, вот виновник тех мелодий,
Певун и лодырь, потерявший стыд,
Пока и сам, по горло пеньем сыт,
Не свалится последним в хороводе.
В свой час во всем поэзия своя:
Зимой, морозной ночью молчаливой
Пронзительны за печкой переливы
Сверчка во славу теплого жилья.
И словно летом, кажется сквозь дрему,
Что слышишь треск кузнечика знакомый.

(1938)

663. ОДА К ОСЕНИ

Пора плодоношенья и дождей!
Ты вместе с солнцем огибаешь мызу,
Советуясь, во сколько штук гроздей
Одеть лозу, обвившую карнизы;
Как яблоками отягченный ствол
У входа к дому опереть на колья,
И вспучить тыкву, и напыжить шейки
Лесных орехов, и как можно доле
Растить последние цветы для пчел,
Чтоб думали, что час их не прошел
И ломится в их клейкие ячейки.

Кто не видал тебя в воротах риг?
Забравшись на задворки экономий,
На сквозняке, раскинув воротник,
Ты, сидя, отдыхаешь на соломе;
Или, лицом упавши наперед

И бросив серп средь маков недожатых,
На полосе храпишь, подобно жнице;
Иль со снопом одоньев от богатых,
Подняв охапку, переходишь брод;
Или тисков подвертываешь гнет
И смотришь, как из яблок сидр сочится.

Где песни дней весенних, где они?
Не вспоминай, твои ничуть не хуже,
Когда зарею облака в тени
И пламенеет жнивий полукружье,
Звеня, роятся мошки у прудов,
Вытягиваясь в воздухе бессонном
То веретенами, то вереницей;
Как вдруг заблеют овцы по загонам;
Засвиристит кузнечик; из садов
Ударит крупной трелью реполов;
И ласточка с чириканьем промчится.

(1939)

Вильям Шекспир

664. СОНЕТ 66

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живетса богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

(1940)

Шандор Петефи

665. КАБАКИ НЕ РЕДКОСТЬ

Кабаки не редкость здесь в стране,
Но из множества известных мне
Свет того не видел искони,
Что под вывескою: «Заверни».
Раскачнувшись, чтобы сделать шаг,
Как гуляка, падает кабак,
Точно сползший на ухо картуз,
Съехал набок потолочный брус.

(1940)

Иоганн Вольфганг Гете

666—669. МИНЬОНА

* * *

Ты знаешь край лимонных рощ в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заморожен?
Ты там бывал?

Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:
Кто эту боль, дитя, тебе нанес?
Ты там бывал?

Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.

Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взбирается сквозь них с усилием мул,

Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?

Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда!

* * *

Сдержись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Будь это роком суждено.

Расходится ночная мгла
При виде солнца у порога,
И размыкается скала,
Чтоб дать источнику дорогу.

Но есть у любящих предлог
Всю душу изливать в признаньи,
А я молчу, и только бог
Разжать уста мне в состояньи.

* * *

Кто знал тоску, поймет
Мои страданья!
Гляжу на небосвод,
И душу ранит.
В той стороне живет,
Кто всех желанней:
Ушел за поворот
По той поляне.
Шалею от невзгод,
Глаза туманит. . .
Кто знал тоску, поймет
Мои страданья.

* * *

Я покрасуюсь в платье белом,
Покамест сроки не пришли,
Покамест я к другим пределам
Под землю не ушла с земли.

Свою недолгую отсрочку
Я там спокойно пролежу
И сброшу эту оболочку,
Венок и пояс развяжу.

И, встав, глазами мир окину,
Где силам неба всё равно,
Ты женщина или мужчина,
Но тело всё просветлено.

Беспечно дни мои бежали,
Но оставлял следы их бег.
Теперь, состарясь от печали,
Хочу помолодеть навек.

(1950)

670—671. А Р Ф И С Т

* * *

Кто одинок, того звезда
Горит особняком.
Все любят жизнь, кому нужна
Общаться с чудачком?
Оставьте боль мучений мне.
С тоской наедине
Я одинок, но не один
В кругу своих кручин.

Как любящий исподтишка
К любимой входит в дом,
Так крадется ко мне тоска
Днем и при свете ночника,

При свете ночника и днем,
На цыпочках, тайком.
И лишь в могиле под землей
Она мне даст покой.

(1950)

* * *

Подойду к дверям с котомкой,
Кротко всякий дар приму,
Поблагодарю негромко,
Вскину на плечи суму.
В сердце каждого — заноза
Молчаливый мой приход:
С силой сдерживает слезы
Всякий, кто мне подает.

(1950)

Райнер Мария Рильке

672. ЗА КНИГОЙ

Я зачитался. Я читал давно.
С тех пор как дождь пошел хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
Не слышал я дождя.

Я вглядывался в строки, как в морщины
Задумчивости, и часы подряд
Стояло время или шло назад.
Как вдруг я вижу, краскою карминной
В них набрано: закат, закат, закат.

Как нитки ожерелья, строки рвутся,
И буквы катятся, куда хотят.
Я знаю, солнце, покидая сад,
Должно еще раз было оглянуться
Из-за охваченных зарей оград.

А вот как будто ночь по всем приметам.
Деревья жмутся по краям дорог,
И люди собираются в кружок
И тихо рассуждают, каждый слог
Дороже золота цена при этом.

И если я от книги подыму
Глаза и за окно уставлюсь взглядом,
Как будет близко всё, как станет рядом,
Сродни и впору сердцу моему!

Но надо глубже вжиться в полутьму
И глаз приоровить к ночным громадам,
И я увижу, что земле мала
Околица, она переросла
Себя и стала больше небосвода,
И крайняя звезда в конце села
Как свет в последнем домике прихода.

1958

673. СОЗЕРЦАНИЕ

Деревья складками коры
Мне говорят об ураганах,
И я их сообщений странных
Не в силах слышать среди неожиданных
Невзгод, в скитаньях постоянных,
Один, без друга и сестры.

Сквозь рощу рвется непогода,
Сквозь изгороди и дома,
И вновь без возраста природа,
И дни, и вещи обихода,
И даль пространств — как стих псалма.

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас!
Когда б мы поддались напору
Стихий, ищущей простора,
Мы выросли бы во сто раз.

Всё, что мы побеждаем, — малость,
Нас унижает наш успех.
Необычайность, небывалость
Совет борцов совсем не тех.

Так ангел Ветхого Завета
Нашел соперника под стать.
Как арфу он сжимал атлета,
Которого любая жила
Струною ангелу служила,
Чтоб схваткой гимн на нем сыграть.

Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,
Выходит из такого боя
В сознании и расцвете сил.
Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб высшее начало
Его всё чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ.

1958

Юлиуш Словацкий

674. КУЛИГ

Праздничный поезд мчится стрелою.
В вооружении, вереницей
Мчатся на место жаркого боя
Радостнее, чем в отпуск с позиций.
К дому лесному в чаще нагрянем,
Спящих без платья стащим с кроватей.
Поторопитесь с приодеваньем!
Едемте с нами, время не тратьа!
Сядемте в сани в чем вас застали.
Топают кони, кличут возницы.
Это гулянье на карнавале.
Дальше и дальше, к самой границе!

Двор при дороге. Кóней заслыша,
Ночь отзывается тьявканьем пёсьим.

Не нарушая сна и затишья,
Мигом в безмолвии ноги уносим.

Кони что птицы. В мыле подпруги.
Снежную кромку режут полозья.
В небе ни тучки. В призрачном круге
Месяц свечою стал на морозе.
Редкому спится. Встречные с нами.
Кто б ни попался, тот в хороводе.
Над ездовыми факелов пламя.
Кони что птицы. В мыле поводья.
Если ж нельзя вам за нездоровьем,
Да не смутит вас пенье петушье.
Мы полукровок не остановим.
Мимо промчимся, сна не наруша.
Нечего думать нам о привале.
Редко какому дома сидится.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте! Постройка. Отсвет кенкетов.
В воздух стреляю вместо пароля.
Тотчас ответный треск пистолетов.
Шляхта справляет свадьбу на воле.
Едемте с нами, шафер и сваты!
Где новобрачный? Кланяйся тестю.
Просим прощенья. Не виноваты.
Наше почтенье милой невесте.
Долгие сборы — лишние слезы.
Без разговоров разом в дорогу!
Ставь жениховы сани к обозу.
Вышли, махнули шапкой, и трогай!
Едемте с нами в чем вас застали.
Вихрем несутся кони, как птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте тут, стойте! Снова именье.
Выстрелить, что ли? Тише. Отставить.
Лучше повергнем в недоуменье.
Всюду нахрапом тоже нельзя ведь.

Молча проходим мы по аллеям.
Дом. Занавески черного штофа.
Мы соболезуем и сожалеем.
В доме какая-то катастрофа.
Сборище в зале на панихиде.
Отрок у гроба. Зал в позолоте.
Ах, в опустевшей вотчине сидя,
Сударь бесценный, вы пропадете.
Мы вас увозим. Слушайте слепо.
Всех вас, собравшихся к отпеванью,
В траурных лентах черного крепа,
Просим покорно в парные сани.
Едемте с нами в чем вас застали.
Свищут полозья. Кони что птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе!

Стойте. Усадьба. Память о предках,
Кажется, реет где-то незримо.
Дверь кабинета. Свечи в розетках.
Ломберный столик. Облако дыма.
Карты! К лицу ль это, судари, шляхте
В час, когда зреют судьбы народа?
Цепью стрелковой в поле залягте!
К дьяволу карты! К черту колоды!
Вооружайтесь! Вон из трущобы!
Пусть в короли и валеты и дамы
Лишь коронованные особы
Мастью играют тою же самой.
Пусть венценосцы и фаворитки,
Лишь доверяя равным и близким,
Мечут упавшие вдвое кредитки
С Карлом Десятым, с беем тунисским.
Едемте с нами в чем вас застали.
К дьяволу карты! Кони что птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте. Старинный замок вельможи.
Залпы в ответ на залпы отряда.
В окнах личины. Странные рожи.

Бальные платья. Шум маскарада.
Черти, монахи, рыцари, турки,
Старый бродяга с бурым медведем!
Не доплясавши первой мазурки,
К нам выходите, вместе поедем!
Едемте с нами в чем вас застали,
Мавры, испанцы и сицилийцы!
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте тут, стойте! Новое зданье.
Света в окошках нет и в помине.
В воздух стреляю. Тихо. Молчанье.
Тьма и безмолвье сна и пустыни.
В двери стучитесь. Спать по-мертвецки?!
Нет, не перечьте нашей забаве.
С лампой выходит старый дворецкий.
«Спит твой хозяин? Вот добронравье!»
— «Нет, он не спит. Господин мой и дети,
Только узнали о возмущенье
В ночь декабря со второго на третье,
Вышли с отрядом в вооруженье.
Вот почему опустели аллеи».
— «Твой господин молодчина! А мы-то!
Думали, дрыхнет, — вот дуралеи!
Больше таких бы Польше в защиту».
Едемте дальше, раз не застали.
Свищут полозья, кони что птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Месяц сияет. В мыле буланый.
Полоз дорогу санную режет.
Сыплются искры. Блещут поляны.
И постепенно утро уж брезжит.
Мы подъезжаем. Стало виднее.
Вот и граница. Мы на кургане.
Заговорили все батареи.
Это на масленой наше катанье.

(1942)

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи;

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованием вдалеке:
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике;

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло;
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом всё зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе.
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей —
Без солнца, без цветов, без птиц и звезд.

Но с этим ты сама в противоречье,
И далеко не так уже проста
Твоя растущая от встречи к встрече
Нечеловеческая красота.

(1946)

676. ГОЛУБОЙ ЦВЕТ

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
С детства он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

(1949)

Вильям Блейк

677. ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь

И ягненка сотворила
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

(1915)

678

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

(1943)

Редьярд Киплинг

679

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

(1923)

680

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,

Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

(1923)

681. О ВСАДНИКЕ И КОНЕ

Ни шпорой, ни плетью коня не тронь,
Не надо вступать с ним в спор.
Но может в пути минута прийти —
И почувствует взнузданный конь
Хлыста остроту, и железо во рту,
И стальные колесики шпор.

(1946)

682. ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк, и вина пьют,
И всё такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом —
Таких зову я знатю!

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,

Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И всё такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

(1938)

683. ЗАСТОЛЬНАЯ

Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней. . .

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

(1938)

684. ФИНДЛЕЙ

«Кто там стучится в поздний час?»
— «Конечно, я — Финдлей!»
— «Ступай домой. Все спят у нас!»
— «Не все!» — сказал Финдлей.

«Как ты прийти ко мне посмел?»
— «Посмел!» — сказал Финдлей.
«Небось наделаешь ты дел. . .»
— «Могу!» — сказал Финдлей.

«Тебе калитку отвори. . .»
— «А ну!» — сказал Финдлей.

«Ты спать не дашь мне до зари!»
— «Не дам!» — сказал Финдлей.

«Попробуй в дом тебя впустить. . .»
— «Впусти!» — сказал Финдлей.
«Всю ночь ты можешь прѣгостить».
— «Всю ночь!» — сказал Финдлей.

«С тобою ночь одну побудь. . .»
— «Побудь!» — сказал Финдлей.
«Ко мне опять найдешь ты путь».
— «Найду!» — сказал Финдлей.

«О том, что буду я с тобой. . .»
— «Со мной!» — сказал Финдлей.
«Молчи до крышки гробовой!»
— «Идет!» — сказал Финдлей.

(1939)

685

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил, —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

(1941)

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
 Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
 Пусть будут браниться отец мой и мать,
 Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
 Найди ты лазейку в садовой стене,
 Найди три ступеньки в саду при луне.
 Иди, но как будто идешь не ко мне,
 Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
 С подругой моей, не со мной говори,
 Украдкой мне ласковый взгляд подари,
 А больше — смотри! — на меня не смотри,
 А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
 Что нет тебе дела совсем до меня.
 Но, даже шутя, берегись, как огня,
 Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
 И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
 Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
 Пусть сходят с ума отец мой и мать,
 Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

(1946)

687. ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть что есть — те подчас не могут есть.
 А другие могут есть, да сидят без хлеба.
 А у нас тут есть что есть, да при этом есть чем есть, —
 Значит, нам благодарить остается небо!

(1946)

Вильям Шекспир

688—691. С О Н Е Т Ы

* * *

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

(1947)

* * *

Уж если ты разлюбишь — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.

Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

(1947)

* * *

Ты — музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, —
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.

Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

(1948)

* * *

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Всё это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Всё то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной!

(1949)

Генрих Гейне

692

Рокочут трубы оркестра,
И барабаны бьют.
Это мою невесту
Замуж выдают.

Гремят литавры лихо,
И гулко гудит контрабас.
А в паузах ангелы тихо
Вздыхают и плачут о нас.

(1951)

693

Как ты поступила со мною,
Пусть будет неведомо свету.
Об этом у берега моря
Я рыбам сказал по секрету.

Пятнать твое доброе имя
На твердой земле я не стану,
Но слух о твоём вероломстве
Пойдет по всему океану!

(1951)

Не подтрунивай над чертом, —
 Годы жизни коротки,
 И загробные мученья,
 Милый друг, не пустяки.

А долги плати исправно.
 Жизнь не так уж коротка, —
 Занимать еще придется
 Из чужого кошелька!

(1951)

Материю песни, ее вещество
 Не высосет автор из пальца.
 Сам бог не сумел бы создать ничего,
 Не будь у него матерьяльца.

Из пыли и гнили древнейших миров
 Он создал мужчину — Адама.
 Потом из мужского ребра и жиров
 Была изготовлена дама.

Из праха возник у него небосвод,
 Из женщины — ангел кроткий.
 А ценность материи придает
 Искусная обработка.

(1951)

Илья Чавчавадзе

636. БАЗАЛЕТСКОЕ ОЗЕРО

Слышал я, по селам блуждая,
Что в озере близ Базалет
На дне колыбель золотая
Стоит с незапамятных лет.

Ее обнимают купавы,
Ее омывает вода,
И вечнозеленые травы
Не вянут над ней никогда.

Кристалльно прозрачные воды
Теплы здесь и в холод и в зной,
Как будто законы природы
Не властны над этой водой.

Но в глубь этой чистой криницы,
В подводные эти сады
Никто из картвелов спуститься
Не мог, опасаясь беды.

Одни лишь наяды, играя,
Вокруг колыбели плывут
И, сладкие сны навевая,
Волшебные песни поют.

Преданье гласит, что Тамара,
Царица грузинских земель,
На дне Базалетского яра
Поставила ту колыбель.

И слезы народной печали,
Из множества падая глаз,
Сверкающим озером стали
И скрыли святыню от нас.

Кого положила царица
В прекрасную ту колыбель,
Над кем эта влага струится —
Увы, неизвестно досель.

Но может быть, там подрастает
Дитя для невиданных дел,
О ком дни и ночи мечтает,
Тая его имя, картвел.

Коль эти мечты не напрасны —
Да будет прославлен герой,
Кто первый в пучине прекрасной
Коснется святыни рукой!

Коль это случится на деле —
Да будет прославлена мать,
Пришедшая к той колыбели
Дитя молоком напитать!

(1947)

Важа Пшавела

697. ГОРЫ СНЯТ

В ущелиях сгрудилась мгла.
Как братья, заполнив просторы,
К телам прижимают тела
Вечерние темные горы.
Луны опечаленный лик
Глядит из нахмуренной тучи,
И плещет в ущелье родник
И плачет о чем-то певуче.
Вот всхлипнул он, тяжело дыша,

Откликнулся эхом несмелым
И смолк. . . И как будто душа
Рассталась с измученным телом.

Росой освежая листья,
Дохнула прохлада тумана
И вниз потекла с высоты,
Скитаясь в горах неустанно.
И в этих извилинах мглы
Укрылись орлы и орлицы,
И с ними на ложе скалы
Замолкли и прочие птицы.
Сидят они, клюв опустив,
Безжизненны, серы, понуры. . .
С высокой горы под обрыв
Бесшумно спускаются туры.
Здесь черною шалью ночей
Закутано горное горло,
И отблеск последних лучей
Туманное небо простерло.

Погасли пастушьи огни,
Ни конь не мелькнет, ни прохожий,
Лишь дикие звери одни
У каменных воют подножий.
На башнях дозорных застав
Нигде не видать караула.
Не виден по вмятинам трав
Разбойничий след из аула.
Один только звездный хорал
Доносит напев колыбельный:
«Привет вам, скопления скал!
Да сгинет ваш недруг смертельный!
Когда бы погибли и вы
В години суровые эти,
До нас не дошло бы молвы
О том, что творится на свете!»

Вот слева глядит в небосвод
Гергети, могучий владыка.
Вот Борбала справа встает,
И плачет она, горемыка.

Вот души усопших земли
Сквозь горные движутся щели.
И звезды померкли вдали,
И горы вокруг потемнели.
Найду ль я дорогу? Навряд!
В горах по ночам страшновато.
Они же без просыпу спят,
И в мире им нет супостата.

(1957)

698. ПЕСНЯ

Ты на том берегу, я на этом.
Между нами бушует река.
Друг на друга мы с каждым рассветом
Не посмотримся издалека.
Как теперь я тебя поцелую?
Только вижу смеющийся рот.
Перейти сквозь пучину такую
Человеку немислимо вброд.

Не пловцы мы с тобой, горемыки,
Нет ни лодки у нас, ни руля,
Не ответит нам небо на крики,
Не поможет нам в горе земля.
Целый день ожидая друг друга,
Мы смеемся сквозь слезы с тобой.
Я кричу, но не слышно ни звука —
Всюду грохот и яростный вой.

Умирает мой голос тревожный,
Утопающий в бурной реке. . .
Как теперь я в тоске безнадежной
Проживу от тебя вдалеке?
И не лучше ли смерть, чем томленье,
Чем бессильные эти слова?
Нет, пока ты видна в отдаленье,
До тех пор и надежда жива!

(1957)

699. СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.

Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас.
Уж тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней черных глаз.

Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны.
Крылами ветры помавали,
Зловещих шорохов полны.

Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, несся конь.
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пылал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел.

И вот — конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять, опять со мной. О боги,
Чем заслужил я рай земной?

Но, ах, лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты целовала,
С какой тоской смотрела ты!

Я встал, душа рвалась на части,
И ты одна осталась вновь.
И всё ж любить — какое счастье,
Какой восторг — твоя любовь!

(1950)

Фридрих Шиллер

700. РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Вы одна моя отрада,
Славный рыцарь мой,
Но просить меня не надо
О любви земной.
Вы со мной иль не со мною —
В сердце нет огня.
Что ж вы смотрите с мольбою,
Рыцарь, на меня?»

И отводит рыцарь взоры
От ее ланит,
И, в коня вонзая шпоры,
В замок свой летит.
И, собрав свою дружину,
Из родной страны
Мчится рыцарь в Палестину,
На поля войны.

Горе, горе мусульманам!
В кованой броне
Он летит на поле бранном
На лихом коне.
И бежит, бежит в испуге
Вражеская рать.
Но томится, полон муки,
Тогенбург опять.

Год прошел в тоске напрасной,
И не стало сил:
Без ее любви страстной
Свет ему не мил.
Только парус показался,
И на корабле,
Полон радости, помчался
Он к родной земле.

Вот в знакомые ворота
Входит пилигрим.
Ах, один слуга у входа
Предстает пред ним.
«Опоздали вы немного,
Девы в замке нет.
Отреклась она для бога
От мирских сует».

Тут покинул он навеки
Свой родимый дом,
Боевые снял доспехи,
Панцирь и шелом.
И, покрытый власяницей,
В цвете юных лет
Рыцарь следом за девицей
Бросил грешный свет.

В чаще лип стоит обитель,
Сад угрюм и дик.
Молодой пустынножитель
Келью там воздвиг.
На окно уставив очи,
Истомлен постом,
Бога он с утра до ночи
Молит об одном.

Одного душой унылой
Просит он давно —
Чтоб в обители у милой
Стукнуло окно.

Чтоб, как ангел безмятежный,
В тишине ночной
Дева лик склонила нежный
В сад пустынный свой.

Увидав ее, от счастья
Падал он без сил.
Годы шли, но, полон страсти,
Бога он молил.
Каждый день, больной и хилый,
Он просил одно —
Чтоб в обители у милой
Стукнуло окно.

Чтоб, как ангел безмятежный,
В тишине ночной
Дева лик склонила нежный
В сад пустынный свой.
Так однажды в день ненастный
Мертвый он сидел
И в окно с мольбой безгласной,
Как живой, глядел.

(1957)

Мария Павликовская-Ясножевская

701. НИКА

Как схожа ты с Самофракийской Никой,
Любовь отвергнутая и глухая!
Ты вслед бежишь с такой же страстью дикой,
Обрубленные руки простирая.

(1963)

Владислав Броневский

702. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Может, любила ты... Но не так,
не с той силою.
Вместе мы шли с тобой, но не в такт...
Прости, милая!

Год буду помнить... Еще год...
Боль притупится.
Справим же тризну, пока трясет
огневица.

Нет, ты стиха поминальный звон
слышишь едва ли!
Мелкое чувство — из сердца вон!
Идешь далее.

Что мне осталось с этого дня,
если тебя нет? ..
Только — поэзия. Та меня
не обманет.

Что мне осталось? .. Грусть за двоих...
Твой след потерян.
Только лишь грусть. Только мой стих...
Он мне верен.

(1963)

Юлиан Тувим

703. ТЕМНАЯ НОЧЬ

Человек, согбенный ношей,
Сядь со мною.
Помолчим в ночи, объятый
Тишиною.

Скинь с плеча
Сундук дубовый,
Сядем рядом,
Глянем в ночь по-человечьи —
Долгим взглядом.

Груз тяжел. И хлеб что камень.
Дышим трудно.
Помолчим вдвоем. Два камня
В тьме безлюдной.

(1965)

704. СЧАСТЬЕ

Мне стали безразличны
Большие города:
Они не больше скажут,
Чем эта лебеда.

Мне безразличны люди
С их тысячью наук:
Годится первый встречный,
Чтоб с ним делить досуг.

Мне безразличны книги —
Хоть смейтесь надо мной, —
Я и без книг дознался,
Что значит путь земной.

В тенистой тихой чаще
Я понял счастье жить.
О боже, как за это
Тебя благодарить!

(1965)

Элисавета Багряна

705. ВЕЧНАЯ

Бесплотная уже, и как бескровна,
безмолвна, неподвижна, бездыханна.
Так вот она как вытянулась ровно,
Мария это, или это Анна?
Теперь молитесь, плачьте до денницы,
не дрогнут больше, не взлетят ресницы,
и рот, что крепко сжат, не шевельнется —
последний стон к покойной не вернется.
И гладкое кольцо как бы готово
скользнуть на грудь ей с пальца воскового.
Но слышите ль вы голосок ребенка,
который в колыбельке плачет звонко? . .
Где мать? В могилу опустили тело,
душа усопшей в вечность улетела.
Минуют дни, столетия минуют,
вновь губы милого восторжествуют
и вновь шепнут «Мария» или «Анна»

в безмолвьи полночи благоуханной,
и внучка оживит неотвратимо
глаза и губы той, что нам незрима.

(1959)

Александр Герсэ

706. ДЕНЬ

Тобою полон день, твоею сутью,
и этот день так долог, так велик,
что время всё с его бескрайней жутью
теперь ничтожно для меня, как миг.

Сверкающие звезды в отдаленье
на небе вышивают плащ ночной.
Благодарю, о вечное мгновенье,
за день, когда она была со мной.

(1965)

Тудор Аргези

707. ПОТЕРЯННЫЕ ЛИСТЫ

Уж полстолетья ты тревожишь неустанно
Чернила и слова; перо томишь в руках,
И всё ж, как и тогда, победы нет желанной:
Они всегда с тобой — сомнение и страх.

И для тебя опять как тягостная мука
Страница белая и вид строки твоей,
И первого в душе опять боишься звука,
И буквы для тебя опять всего страшней.

Когда же вновь листки исписаны тобою,
Они уже летят поверх озерных вод,

Летят из сада прочь, как листья под грозою,
Так что и персик сам их проглядел уход.

И в каждом слове ты вновь чувствуешь содроганье,
Сомненье горькое чернит твои мечты,
Живешь ты, как во сне, в своих воспоминаньях.
Кто диктовал тебе — уже не знаешь ты.

(1964)

Из сербского эпоса

708. ХАСАНАГИНИЦА

Что белеет среди зеленой чаши?
Снег ли это, лебедей ли стая?
Был бы снег там, он давно бы стоял,
Лебеди бы в небо улетели;
Нет, не снег там, не лебяжья стая:
Хасан-ага там лежит в палатке.
Там страдает он от ран жестоких;
Навещают мать его с сестрою,
А любимой стыдно показалось.
Затянулись раны и закрылись,
И тогда он передал любимой:
«В белом доме ждать меня не нужно,
Ты в семье моей не оставайся».
Услыхала любя речь такую,
Горьких мыслей отогнать не может.
Топот конский слышен возле дома;
Побежала женщина на башню,
И прильнула там она к окошку;
Вслед за нею бросились две дочки:
«Что ты, наша матушка родная,
Не отец наш на коне приехал,
А приехал дядя Пинторович».
Воротилась женщина на землю,
Крепко брата обняла и плачет:
«Ой, мой братец, срамота какая!
Прогоняют от пяти малюток!»

Бег спокоен, не сказал ни слова,
Лишь в кармане шелковом пошарил
И дает ей запись о разводе,
Чтобы всё свое взяла с собою,
Чтоб немедля к матери вернулась.
Прочитала женщина посланье,
Двух сыночков в лоб поцеловала,
А двух дочек в розовые щеки,
Но с меньшим сынком, что в колыбельке,
Слишком трудно было расставаться.
За руки ее взял брат суровый
И едва лишь оттащил от сына,
Посадил он на коня сестрицу
И поехал в белое подворье.
Долго дома жить не удалось ей,
Лишь неделю пробыла спокойно.
Род хороший, женщина красива,
А такую сразу едут сватать.
Всех упорней был имоский кадий.
Просит брата женщина, тоскует:
«Милый братец, пожалей сестрицу,
Новой свадьбы мне совсем не надо,
Чтобы сердце с горя не разбилось
От разлуки с детками моими».
Бег спокоен, ничему не внемлет,
Принимает кадиевых сватов.
Просит брата женщина вторично,
Чтоб послал он белое посланье,
Написал бы просьбу от невесты:
«Поздравленье шлет тебе невеста,
Только просьбу выполни такую:
Как поедешь к ней ты на подворье
С господами сватами своими,
Привези ей длинную накидку,
Чтоб она свои закрыла очи,
Не видала бедных сиротинок».
Кадий принял белое посланье,
Собирает он нарядных сватов,
Едет с ними за своей невестой.
Сваты ладно встретили невесту
И счастливо возвращались с нею,
Проезжали мимо башни аги,

Увидали девочек в оконце,
А два сына вышли им навстречу
И сказали матери с поклоном:
«Дорогая матушка, зайди к нам,
Вместе с нами нынче пообедай».
Услыхала Хасанагиница,
Обратилась к старшему из сватов:
«Старший сват, прошу я, ради бога,
Возле дома сделай остановку,
Чтоб могла я одарить сироток».
Кони стали у подворья аги,
Матушка одаривает деток:
Двум сыночкам — с золотом кинжалы,
Милым дочкам — дорогие сукна,
А дитяти малому послала
Одеяльце — колыбель закутать.
Это видит храбрый Хасан-ага,
И зовет он сыновей обратно:
«Возвратитесь, милые сиротки!
Злая мать не сжалится над вами,
Сердце у нее подобно камню».
Услыхала Хасанагиница,
Белой грудью на землю упала
И рассталась со своей душою
От печали по своим сиротам.

(1963)

709. МОЛОДАЯ МИЛОШЕВКА И МАТЬ ЮГОВИЧЕЙ

Милошевка юная сидела
В горнице прохладной и вязала.
Два прохожих стали у оконца,
Помощи ей божьей пожелали:
«Милошевка, бог тебе на помощь,
Для кого ты там рубашку вяжешь?
Вяжешь ли ее родному брату,
Своему ли вяжешь господину,
Милому ль рубашку вяжешь сыну?»
Милошевка им в ответ сказала:
«Бог спаси вас, путники, за ласку,
Что спросили, для кого вязанье.

Я вяжу рубашку не для мужа,
Я вяжу рубашку не для сына,
Я вяжу ее родному брату».
Путники ей тихо отвечали:
«Милошевка, не вяжи вязанья,
Брось рубашку: ни один из близких
Твоего вязанья не износит,
Выйди вон из горницы скорее,
Белый двор свой осмотри немедля,
Там найдешь ты головы любимых:
В первой — своего узнаешь мужа,
Во второй — единственного сына,
В третьей — брата своего родного».
Милошевка на ноги вскочила,
Бросила она свое вязанье,
Выбсжала, бедная, из дома,
Но когда она на двор ступила,
Во дворе ей крови по колено,
И в крови той — головы любимых:
Первая — возлюбленного мужа,
А вторая — дорогого сына,
Третья голова — родного брата.
Замерла младая Милошевка
И не знает, как ей быть, что делать.
И от горя тут и от печали
Белые свои отсекала руки
И хотела оба ока вынуть.
Тут случилась древняя старушка,
Юг-Богдана милая вдовица,
И сказала Милошевке юной:
«Как ты, Милошевка, неразумна,
Для чего ты руки отрубила?
Большее перенесла я горе,
Юг-Богдан мой господин любимый,
Девять милых сыновей имела,
Юговичей девять я растила,
Время всем пришло в поход собираться;
У кого есть сын — его собирает,
Кто бездетен — сам идет в отряды.
Господина старого Богдана
И девятерых сынов любимых,

Юговичей милых, снарядила,
В Косово пошли они на битву.
И немного времени минуло,
С поля Косова пришло посланье:
Старый муж мой пал в кровавой сече,
Девять милых сыновей погибли,
Девять пало Юговичей милых,
И остались девять снох на свете,
И у каждой-то снохи по внуку.
Как минула первая неделя,
Я взяла с собой вина две чаши,
Повела я девять снох с собою,
И на Косово пошли мы поле
Сыновей искать моих любимых.
Как на Косово пришла я поле,
Не нашла я там сыночков милых,
А нашла могил там черных девять,
У могил тех копья в землю вбиты,
И привязаны у копий кони,
Ни овса не надо им, ни сена.
От могилы я иду к могиле,
Лью вино на них, а их целую».

(1965)

Сон Кан (Чон Чхоль)

710

На яркой пестроте цветов
Две бабочки всегда вдвоем;

Средь зелени плакучих ив
Две иволги всегда вдвоем.

Живое всё всегда вдвоем,
Лишь я на свете одинок.

(1958)

711

Ты у дороги для чего
Стоишь, моя сосна?

Как я хотел бы скрыть тебя
Подальше от людей,

Уже идущих с топором,
Чтобы тебя срубить.

(1958)

712

Эй, дед, что ты несешь на голове?
Сними-ка тяжесть и отдай мне в руки.

Ведь у меня еще так много сил,
Что мне легка и каменная глыба.

Уж грустно то, что ты так слаб и стар,
А тут еще возиться с тяжелой ношей!

(1958)

713

Когда болеет дерево, никто
Под ним не отдыхает у дороги.

А под здоровым деревом всегда
Прохожий ищет тени и приюта.

Но вот оно без веток, без листвы,
И на него теперь не сядет птица.

(1958)

Недугов, что меня терзают тяжко,
Не сосчитать — их не один, не два.
Глаза глядят, но лучше б не глядели.
И слышат уши — лучше быть глухим
И ноздри лучше бы не обоняли,
И разучились говорить уста.
А то, что мне порой суставы ломит,
Болит нутро, а иногда тошнит,
Так это всё неважно. . .

(1958)

Джакомо Леопарди

715. ПАЛИНОДИЯ

Маркизу Джино Каппони

И в воздыханьи вечном нет спасенья.

Петрарка

Я заблуждался, добрый Джино; я
Давно и тяжко заблуждался. Жалкой
И суетной мне жизнь казалась, век же
Наш мнился мне особенно нелепым. . .
Невыносимой речь моя была
Ушам блаженных смертных, если можно
И следует звать человека смертным.
Но из благоухающего рая
Стал слышен изумленный, возмущенный
Смех племени иного. И они
Сказали, что, неловкий неудачник,
Неопытный в уладах, неспособный
К веселью, я считаю жребий свой
Единственный — уделом всех, что все
Несчастливы, точно я. И вот средь дыма

Сигар, хрустения бисквитов, крика
Разносчиков напитков и сладостей,
Средь движущихся чашек, среди ложек
Мелькающих, блеснул моим глазам
Недолговечный свет газеты. Тотчас
Мне стало ясно общее довольство
И радость жизни смертного. Я понял
Смысл высший и значение земных
Вещей, узнал, что путь людей усыпан
Цветами, что ничто не досаждаёт
Нам и ничто не огорчает нас
Здесь, на земле. Познал я также разум
И добродетель века моего,
Его науки и труды, его
Высокую ученость. Я увидел,
Как от Марокко до стены Китайской,
От Полюса до Нила, от Бостона
До Гоа все державы, королевства,
Все герцогства бегут не чуя ног
За счастьем и уже его схватили
За гриву дикую или за кончик
Хвоста. Всё это видя, размышляя
И о себе, и о своей огромной
Ошибке давней, устыдился я.

.
Один твой друг, о досточтимый Джино,
Маэстро опытный стихосложенья,
Знаток наук, искусства критик тонкий,
Талант, да и мыслитель из таких,
Что были, есть и будут, мне сказал:
«Забудь о чувстве. Никому в наш век,
Который интерес нашёл лишь в том,
Что обществу полезно, и который
Лишь экономикой серьёзно занят,
До чувства нету дела. Так зачем
Исследовать сердца свои? Не надо
В себе самом искать для песен тему!
Пой о заботах века своего
И о надежде зрелой!» Наставленья,
Столь памятное мне! Я засмеялся,
Когда комичный чем-то голос этот
Сказал мне слово странное «надежда» —

Похожее на звуки языка,
Забывтого в младенчестве. Сейчас
Я возвращаюсь вспять, иду к былому
Иным путем — согласен я с суждением,
Что, если хочешь заслужить у века
Хвалу и славу, — не противоречь
Ему, с ним не борись, а повинуйся,
Заискивая: так легко и просто
Окажешься средь звезд. И всё же я,
Стремящийся со страстью к звездам, делать
Предметом песнопений нужды века
Не стану — ведь о них и так всё больше
Заботятся заводы. Но сказать
Хочу я о надежде, той надежде,
Залог которой очевидный боги
Уже нам даровали: новым счастьем
Сияют губы юношей и щеки,
Покрытые густыми волосами.

Привет тебе, привет, о первый луч
Грядущего во славе века. Видишь,
Как радуются небо и земля,
Сверкают взоры женские, летает
По балам и пирам героев слава.
Расти, расти для родины, о племя
Могучее. В тени твоих бород
Италия заблещет и Европа,
И наконец весь мир вздохнет спокойно.
И вы, смеясь, привет пошлите, дети,
Родителям колючим и не бойтесь
Слегка при этом поцарапать щеки.
Ликуйте, милые потомки, — вам
Заветный уготован плод — о нем
Давно мечтали: суждено увидеть
Вам, как повсюду воцарится радость,
Как старость будет юности счастливей,
Как в локоны завьется борода,
Которая сейчас короче ногтя.

Артур Рембо

716. ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Те, что мной управляли, попали впросак:
Их индейская меткость избрала мишенью,
Той порою как я, без нужды в парусах,
Уходил, подчиняясь речному теченью.

Вслед за тем, как дала мне понять тишина,
Что уже экипажа не существовало,
Я, голландец, под грузом шелков и зерна
В океан был отброшен порывами шквала.

С быстротою планеты, возникшей едва,
То ныряя на дно, то над бездной воспрянув,
Я летел, обгоняя полуострова
По спиральям сменяющихся ураганов.

Черт возьми! Это было триумфом погонь!
Девять суток как девять кругов преисподней!
Я бы руганью встретил маячный огонь,
Если б он просиял мне во имя господне!

И как детям вкуснее всего в их года
Говорит кислота созревающих яблок,
В мой расшатанный трюм прососалась вода,
Руль со скрепов сорвав, заржавелых и дряблых.

С той поры я не чувствовал больше ветров —
Я всецело ушел, окунувшись, назло им,
В композицию великолепнейших строф,
Отдающих озоном и звездным настоем.

И вначале была мне поверхность видна,
Где утопленник — набожно подняты брови —
Меж блевотины, желчи и пленок вина
Проплывал, — иногда с ватерлинией вровень,

Где сливались, дробились, меняли места
Первозданные ритмы, где в толще прибора
Ослепительные раздавались цвета,
Пробегая, как пальцы вдоль скважин гобоя.

Я знавал небеса гальванической мглы,
Случку моря и туч, и бурунов кипенье,
И я слушал, как солнцу возносит хвалы
Растревоженных зорь среброкрылое пенье.

На закате, завидевши солнце вблизи,
Я все пятна на нем сосчитал. Позавидуй!
Я сквозь волны, дрожавшие, как жалюзи,
Любовался прославленной Атлантидой.

С наступлением ночи, когда темнота
Становилась торжественнее и священной,
Я вникал в разбивавшиеся о борта
Предсказанья зеленых и желтых свечений.

Я следил, как с утесов, напрягших крестцы,
С окровавленных мысов под облачным тентом
В пароксизмах прибора свисали сосцы,
Истекающие молоком и абсентом.

А вы знаете ли? Это я пролетал
Среди хищных цветов, где, как знамя Флориды,
Тяжесть радуги, образовавшей портал,
Выносили гигантские кариатиды.

Область крайних болот, тростниковый уют, —
В огуречном рассоле и вспышках метана
С незапамятных лет там лежат и гниют
Плавники баснословного Левиафана.

Приближенье спросонья целующих губ,
Ощущенье гипноза в коралловых рощах,
Где, добычу почуя, кидается вглубь
Перепончатых гадов дымящийся росчерк.

Я хочу, чтобы детям открылась душа,
Искушенная в глетчерах, рифах и мелях,
В этих дышащих пеньем, поющих дыша,
Плоскогубых и голубобоких макрелях.

Где Саргассы разворачиваются, храня
Сотни мощных каркасов в глубинах бесовских,
Как любимую женщину, брали меня
Воспаленные травы в когтях и присосках.

И всегда безутешные — кто их поймет? —
Острова под зевающими небесами,
И раздоры парламентские, и помет
Глупышей, болтунов с голубыми глазами.

Так я плавал. И разве не стоил он свеч,
Этот пьяный, безумный мой бег, за которым
Не поспеть — я клянусь! — если ветер чуть свеж,
Ни ганзейцам трехпарусным, ни мониторам.

Пусть хоть небо расскажет о дикой игре,
Как с налету я в нем пробивал амбразуры,
Что для добрых поэтов хранят винегрет
Из фурункулов солнца и сопель лазури.

Как со свитою черных коньков я вперед
Мчал тем временем, как под дубиной июлей
В огневые воронки стремглав небосвод
Рушил ультрамарин в грозном блеске и гуле.

Почему ж я тоскую? Иль берег мне мил?
Парапетов Европы фамильная дрема?
Я, что мог лишь томиться, за тысячу миль
Чуя течку слоновью и тягу Мальштрома.

Да, я видел созвездия, чей небосклон
Для скитальцев распахнут, людей обойденных.
Мощь грядущего, птиц золотых миллион,
Здесь ли спишь ты, в ночах ли вот этих бездонных?

Впрочем, будет! По-прежнему солнца горьки,
Исступленны рассветы и луны свирепы, —
Пусть же бури мой кузов дробят на куски,
Распадаются с треском усталые скрепы.

Если в воды Европы я всё же войду,
Ведь они мне покажутся лужей простою, —
Я — бумажный кораблик, — со мной не в ладу
Мальчик, полный печали, на корточках стоя.

Заступитесь, о волны! Мне, в стольких морях
Побывавшему, — мне, пролетавшему в тучах, —
Плыть пристало ль сквозь флаги любительских яхт
Иль под страшными взорами тюрем плавучих?

1928

Ду Фу

717. В ОДИНОЧЕСТВЕ

В синем небе кружит
Одинокая хищная птица,
А под нею — две чайки
Плывут по реке не спеша.
Хищник может легко
За добычею вниз устремиться,
Но не знает тревоги
Беспечная чаек душа.
Надвигается вечер,
Росой покрывается поле,
А паук на ветвях
Паутину плетет и плетет.
И законы природы
Близки человеческой доле —
Одинокую стою
Среди тысячи дел и забот.

1954

718. ОТДАЮСЬ СВОИМ МЫСЛЯМ

На мокрой ветке
Иволга щебечет,
И чайка плавает
У островка.

Цветы совсем поникли
В этот вечер,

И стала беспокойною
Река.

Седой старик —
Варю вино из проса.

Стучится дождь
У моего окна.

Я на судьбу
Не взглядываю косо:

В уединенье
Слава не нужна.

1954

719. ВЕЧЕРНИЙ ХОЛОДОК

Туман укрыл
Деревья на равнине,

Вздымает ветер
Темных волн поток.

Поблекли краски,
Яркие доныне,

Свежее стал
Вечерний холодок.

Забили барабаны,
И поспешно

Смолк птичий гам
У крепостного рва.

Я вспомнил пир,
Когда по лютне нежной

Атласные
Скользили рукава.

1954

Ли Бо

720. ДУМЫ ТИХОЙ НОЧЬЮ

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.

А может быть, это иней? —
Я сам хорошо не знаю.

Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко.

Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

1956

721. ПРОВОЖУ НОЧЬ С ДРУГОМ

Забыли мы
Про старые печали —

Сто чарок
Жажду утолят едва ли,

Ночь благосклонна
К дружеским беседам,

А при такой луне
И сон неведом,

Пока нам не покажутся,
Усталым,

Земля — постелью,
Небо — одеялом.

1956

722. С ОТШЕЛЬНИКОМ ПЬЮ В ГОРАХ

Мы выпиваем вместе —
Я и ты,

Нас окружают
Горные цветы.

Вторая чарка, с
И восьмая чарка, .

И так мы пьем
До самой темноты.

И, захмелев,
Уже хочу я спать,

А ты — иди.
Потом придешь опять:

Под утро
Лютню принесешь с собою,

А с лютнею —
Приятней выпивать.

1956

723. ЛЕТНИМ ДНЕМ В ГОРАХ

Так жарко мне —
Лень веером взмахнуть.

Но дотяну до ночи
Как-нибудь.

Давно я сбросил
Все свои одежды —

Сосновый ветер
Льется мне на грудь.

1956

724. БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Вижу белую цаплю
На тихой осенней реке;

Словно иней, слетела
И плавает там, вдалеке.

Загрустила душа моя,
Сердце — в глубокой тоске.

Одиноко стою
На песчаном пустом острове.

1956

725. ОДИНОКО СИЖУ В ГОРАХ ЦЗИНТИНШАНЬ

Плывут облака
Отдыхать после знойного дня,

Стремительных птиц
Улетела последняя стая.

Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,

И долго глядим мы,
Друг другу не надоедая.

1956

726. ГОРА ЛЯНФУ У ТАЙШАНИ

В любом краю
Свой климат и погода:

Дожди бывают
Чаще или реже.

Жалею я
Людей того народа,

Что на морском
Ютится побережье.

Там женщины и дети,
Словно звери,

Не знают,
Где им прочно поселиться,

И в необжитой
Каменной пещере

Их навещают
Зайцы и лисицы.

1961

727. БРАТЬЯМ ИН

Я долго
На Лоян гляжу с холма —

Там всё теперь
И тихо и пустынно.

Там все дворцы
И бедные дома

Огнем войны
Превращены в руины.

И во дворах,
У сломанных оград,

Так разрослись
Кустарники и травы,

Как будто
Всё заполнить хотят,

Уверившись,
Что нет на них управы.

Да и поля,
Покрытые травой,

Не вспаханы
На всем своем пространстве.

Нет, братья не узнают
Край родной,

Сюда вернувшись
Из далеких странствий.

Когда-то здесь
Из труб вились дымки

Над суетою улиц,
Сердцу милых. . .

А ныне
Я немею от тоски,

Которую
И высказать не в силах.

1961

Тао Цянь

728. СОСНА

Растет в лесу
Спокойная сосна,
Ей десять лет —
Она еще ребенок,
И свежесть хвои
Нежно-зелена,
И стройный ствол
Еще и слаб и тонок,
Но дух ее
Окреп уже с пеленок:
Не подведет —
Всё выдержит она.

1961

729. БРОСАЮ ПИТЬ

Легко я бросал
Города и уезды,
И бросил бродить,
Промотавшись до нитки.
Теперь под зеленой сосной
Мое место, —
Я если хожу,
То не дальше калитки.
Я бросил
Беспечное непостоянство,
Я бросил пирушки
И радуюсь детям.

Но я никогда
Не бросал свое пьянство —

И мы это с вами
Особо отметим.

Коль к ночи не выпьешь —
Не будет покоя,

Не выпьешь с утра —
И подняться не в силах.

Я бросил бы днем
Свое пьянство святое,

Но кровь леденела бы
В старческих жилах.

Ну, брошу —
И радости больше не будет,

А будет ли, в сущности,
Выгода в этом?

А вот когда вечность
Мне годы присудят,

А птицы поздравят
С последним рассветом —

Тогда, равнодушно
И трезво, поверьте,

Я с плеч своих скину
Житейскую ношу

И с ясной душою
В обители смерти,

Быть может, действительно,
Пьянствовать брошу.

1961

Густаво Адольфо Беккер

730

«Что такое поэзия?» — Столько в глазах твоих
недоумения, страха, мечты.

Что такое поэзия? Ты меня спрашиваешь?

Поэзия — это ты.

(1966)

Николас Гильен

731. ЗАКЛИНАНЬЕ ЗМЕЙ

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!

У змеи глаза из стекла, из стекла;
змея обвивается вокруг ствола;
глаза из стекла, она у ствола,
глаза из стекла.

Змея передвигается без ног;
змея укрывается в траве;
идет, укрываясь в траве,
идет без ног.

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!

Ты ударишь ее топором — и умрет:
бей скорей!
Но не бей ногой — ужалит она,
но не бей ногой — убежит!

Сенсемайя, змея,
сенсемайя.
Сенсемайя, с глазами ее,
сенсемайя.
Сенсемайя, с языком ее,
сенсемайя.
Сенсемайя, с зубами ее,
сенсемайя.

Мертвая змея не может шипеть;
мертвая змея не может глотать;
не может ходить,
не может бежать!
Мертвая змея не может глядеть,
мертвая змея не может пить,
не может дышать,
не может кусать.

Майомбэ — бомбэ — майомбэ!
Сенсемайя, змея. . .
Майомбэ — бомбэ — майомбэ!
Сенсемайя, тиха. . .
Майомбэ — бомбэ — майомбэ!
Сенсемайя, змея. . .
Майомбэ — бомбэ — майомбэ!
Сенсемайя, умерла!

1956

Рубен Дарио

732. РАКОВИНА

Я отыскал ее на берегу морском;
она из золота, покрыта жемчугами;
Европа влажными брала ее руками,
плывя наедине с божественным быком.

Я с силой дунул в щель, и, словно дальний гром,
раскат морской трубы возник над берегами,
и полился рассказ, немеркнувший веками,
пропитанный насквозь морями и песком.

Светилам по душе пришла мечта Язона,
и ветры горькие ветрил вздували лоно
на Арго-корабле, вдыхая ту же соль,

я слышу голос бурь, и ропщущие волны,
и незнакомый звон, и ветер, тайны полный. . .
(Живого сердца стук, живого сердца боль.)

1958

733. ОСЕНЬЮ

Я знаю, говорят: «Ужель она иссякла —
его гармонии безумная причуда?»
А время надо мной свершает труд Геракла,
меняет миг меня, а год являет чудо.

Тростник убогий, я свой нежный звон невнятный,
едва начав расти, рождал за ветром вслед.
Нет больше юности, улыбки невозвратны, —
пусть правит ураган судьбой грядущих лет!

1966

Габриэла Мистраль

734. КАЧАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Море волн миллионы
качает звонко.

Слыша ласку морей,
качаю ребенка.

Ветер-путник пшеницу
качает легонько.

Слыша ласку ветров,
качаю ребенка.

Бог мильоны вселенных
качает тихонько.
Слыша голос его,
качаю ребенка.
1958

Из мексиканских народных песен

735. НИКОЛАС

Сел на лавочку младший конюх
и с калитки не сводит глаз.
Говорит ему старший конюх:
«Не расстраивайся, Николас!»

«Если хочешь, чтоб был я весел,
мою просьбу исполни тотчас».
Говорит ему старший конюх:
«Что же нужно тебе, Николас?»

«Двадцать песо деньгами, шпоры,
одеяло и новый матрас».
Говорит ему старший конюх:
«Где же денег взять, Николас?»

«И с курносенькою вот этой
пусть сейчас обвенчают нас!»
Говорит ему старший конюх:
«Она замужем, Николас!»

1962

Франсуа Вийон

736. БАЛЛАДА ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА

От жажды умираю над ручьем,
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю всё, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не вижу я, кто бродит под окном,
Но звезды в небе ясно различаю.
Я ночью бодр и засыпаю днем.
Я по земле с опаскою ступаю.
Не вехам, а туману доверяю.
Глухой меня услышит и поймет.

И для меня полыни горше мед.
Но как понять, где правда, где причуда?
И сколько истин? Потерял им счет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Не знаю, что длиннее — час иль год,
Ручей иль море переходят вброд?
Из рая я уйду, в аду побуду.
Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

1938

737. БАЛЛАДА ПРИМЕТ

Я знаю, кто по-щегоольски одет,
Я знаю, весел кто и кто не в духе,
Я знаю тьму кромешную и свет,
Я знаю — у монаха крест на брюхе,
Я знаю, как трезвонят завирухи,
Я знаю, врут они, в трубу трубя,
Я знаю, свахи кто, кто повитухи,
Я знаю всё, но только не себя.

Я знаю летопись далеких лет,
Я знаю, сколько крох в сухой краюхе,
Я знаю, что у принца на обед,
Я знаю — богачи в тепле и в сухе,
Я знаю, что они бывают глухи,
Я знаю — нет им дела до тебя,
Я знаю все затрещины, все плюхи,
Я знаю всё, но только не себя.

Я знаю, кто работает, кто нет,
Я знаю, как румянятся старухи,
Я знаю много всяческих примет,
Я знаю, как смеются потаскухи,
Я знаю — проведут тебя простухи,
Я знаю — пропадешь с такой, любя,
Я знаю — пропадают с голодухи,
Я знаю всё, но только не себя.

Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю Смерть, что рыщет, всё губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю всё, но только не себя.

1938

Жоакен Дю Белле

738

Счастлив, кто, уподобясь Одиссею,
Исколесит полсвета, а потом,
В чужих порядках сведущ, зрел умом,
На землю ступит, что зовет своею.

Когда ж узрю Луару, что лелею,
Мою Луару, мой убогий дом
И дым над крышей в небе голубом?
Я не хочу величья Колизея.

Не мил мне мрамор. Как ни дивен Рим,
Он не сравнится с домиком моим.
На что бы ни глядел и ни был где бы,

Передо мной не боги на горе,
Не быстрый Тибр, а милая Лире
И Франции единственное небо.

(1958)

Иоганнес Р. Бехер

739. О СМЫСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ

Есть высший смысл и в самом пораженьи.
И даже в нем победа может быть:
Найти, оплакав мертвых, просветленьи,
Позор в благоговеньи превратить;

Когда народ, поставив под сомненьи
Всё, чем он жил, найдет, чем дальше жить, —
Как тяжесть гирь, всё истины значеньи
Он на весы сумеет положить;

Тогда ошибки наши мы оценим,
Былых соблазнов отменяя путь,
И проигрыш сумеем окупить,
Детей лелеять и сады растить.

Так пораженьи станет нам спасеньем:
Вот пораженья праведная суть!

1955

Джюра Якичи

740. СКВОЗЬ ПОЛНОЧЬ

Сквозь гибких веток переплетеньи,
Светил мерцаньи, планет роеньи,
Утихомирься, сердцебиеньи,
И глубже в гущу, в стеблей сплетеньи.

Ручей, бегущий полночной далью,
Здесь, в этих кущах, любви свиданье,
Здесь, где с растеньем сплелось растенье,
И глубже в гущу, в стеблей сплетенье.

Моя душа тобой согрета,
Меня растопит до рассвета,
Сметет, как снега наважденье, —
И глубже в гущу, в стеблей сплетенье!

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборник «Мастера стихотворного перевода» не претендует на полноту. Составитель руководствовался двумя принципами, которые иногда приходили в противоречие друг с другом: 1) представить читателю шедевры русской переводной поэзии; 2) дать образцы переводного творчества, характерные для разных эпох, стилей и методов в истории русской литературы. В отдельных случаях шедевры опережали свое время и были оценены лишь позднее, другими поколениями; бывало, с другой стороны, и так, что характерные для того или иного времени произведения не отличались высоким художественным совершенством. Все же оба эти принципа следовало выдержать на протяжении всей книги. Желая дать читателю возможность получить отчетливое представление об эволюции переводческого искусства, составитель включил в сборник несколько стихотворений в разных переводах («Рыбак» и «Лесной царь» Гете, лирические миниатюры Гейне, элегии Мильвуа и Шенье, сонеты Мицкевича, некоторые из «Еврейских мелодий» Байрона и т. д.). Подчиняясь требованиям ограниченного объема, пришлось довольствоваться включением в сборник преимущественно небольших стихотворений и лишь в исключительных случаях дать отрывки из поэм («Илиада» Гомера, «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «Неистовый Роланд» Ариосто, «Божественная комедия» Данте, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, «Дон Жуан» и «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона), а также отдельные монологи и эпизоды из нескольких стихотворных драм — Ж. Расина, И.-В. Гете и Э. Ростана. Составитель считал возможным в меньшей степени представить авторов, изданных отдельными книгами в «Библиотеке поэта» (Большая серия) и вообще доступных читателю по многочисленным собраниям сочинений и новейшим публикациям (К. Батюшков, В. Жуковский, А. Пушкин, Ф. Тютчев, В. Курочкин, В. Брюсов, И. Анненский, А. Блок, И. Бунин и др.), и дать несколько шире поэтов-переводчиков, не собранных или не переиздававшихся в последнее время, особенно таких, которые имеют большое значение для развития русского переводческого искусства (В. Туманский, Э. Губер, Ф. Миллер, Н. Берг, И. Ф. и А. А. Тхоржевские, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, М. Лозинский, Б. Лившиц и др.).

В соответствии с правилами «Библиотеки поэта», в сборнике даны произведения лишь тех авторов, которые завершили свой творческий путь.

Материал группируется по поэтам-переводчикам. Внутри каждого такого раздела собраны вместе стихи оригинальных авторов (группируемых по странам), отдельные же стихотворения располагаются

в соответствии с хронологией переводов. Даты указаны под текстом; при отсутствии точной даты создания перевода в угловых скобках указывается дата первой публикации или год, не позднее которого могло быть написано данное произведение. Даты приблизительные сопровождаются вопросительным знаком в скобках.

Эпиграфы, принадлежащие поэтам-переводчикам, перенесены в комментарии. Если же эпиграфы представляют собой, как это часто бывает, первую строку подлинника, они не сохраняются. В неприкосновенности оставлены лишь те эпиграфы, которые имеются в тексте оригинала.

В комментариях даются: 1) указание на первую публикацию данного переводного стихотворения; 2) на иностранном языке — название и первый стих оригинала и далее дата его создания, иногда вместе с наименованием сборника или цикла; 3) в нужных случаях — замечания о расхождении перевода и подлинника (объем, метр, строфика и т. п.); 4) список (не претендующий на полноту) других русских поэтов, также переведивших данное стихотворение (фамилии переводчиков располагаются в хронологическом порядке; курсивом выделено имя того автора, перевод которого читатель найдет на страницах нашего сборника); 5) разъяснение исторических событий, некоторых собственных имен и реалий.

Мифологические имена и названия, имена литературных персонажей, а также малоупотребительные и устаревшие слова, нуждающиеся в пояснении, вынесены в Словарь, прилагаемый к сборнику. Отсутствие специальной ссылки на источник текста («Печ. по . . .») означает, что источником послужила названная в начале примечания первая публикация. Как правило, тексты печатаются по современной орфографии, но с сохранением таких особенностей, которые имеют стилистическое значение, или таких, устранение которых может нарушить правильное произнесение стиха. Первый стих оригинала дается в комментарии для того, чтобы облегчить читателю поиски иноязычного стихотворения и одновременно дать ему возможность даже без дополнительных разысканий установить метрическое соотношение перевода и подлинника.

Составитель считает своим долгом выразить благодарность за советы и помощь И. Б. Комаровой, Ю. Д. Левину, Ю. П. Суздальскому, А. В. Федорову, О. Л. Фишман.

При ссылке на журналы и альманахи приняты следующие сокращения:

- БдЧ — «Библиотека для чтения»
- ВЕ — «Вестник Европы»
- ДВ — «Драматический вестник»
- МВ — «Московский вестник»
- МЖ — «Московский журнал»
- МЗ — «Московский зритель»
- МН — «Московский наблюдатель»
- МТ — «Московский телеграф»
- НА — «Невский альманах»
- НЗ — «Невский зритель»
- ОЗ — «Отечественные записки»

ПЗ — «Полярная звезда»
РВ — «Русский вестник»
РМ — «Русская мысль»
РС — «Русское слово»
СВ — «Северный вестник»
СЛ — «Северная лира»
СО — «Сын отечества»
«Соревнователь» — «Соревнователь
просвещения и благодворения»
СЦ — «Северные цветы»
УЗ — «Утренняя заря»

СТИХОТВОРЕНИЯ

М. В. ЛОМОНОСОВ (1711—1765)

Поэтический перевод был частью просветительской деятельности Ломоносова: он ему был важен как для создания русской просодии, так и для приобщения русской литературы к мировой поэзии. В трактате под названием «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится Риторика, показывающая общие правила обою красноречия, то есть оратории и поэзии...» (1748) приведены отрывки и образцы из произведений Гомера, Анакреона, Вергилия, Горация, Овидия, Ювенала, Марциала, Лафонтена и др. Ломоносову принадлежат также переводы нескольких од, написанных современными ему немецкими авторами — Боком, Штелином, Юнкером — в честь императрицы Елизаветы Петровны, стихотворные переложения восьми псалмов, переводы знаменитых в его время од Фенелона «Об одиночестве» и Ж.-Б. Руссо «На счастье». Он стремился доказать, что «сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке» («Российская грамматика», 1755).

Печ. по изд.: М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1959.

1. М. В. Ломоносов, Риторика, СПб., 1748, с. 292. Приведено как пример анакреонтического стихотворения. А н а к р е о н, Ἄλλο — Μεσονυχτίαις πρὸς ὄρας... (VI в. до н. э.). Также перев.: И. Виноградов, Г. Державин, И. Мартынов, Г. Церетели.

2. «Российский Парнас», ч. 1, СПб., 1771, с. 26. Εἰς κithάρην τοῦ αὐτοῦ — Θέλω λέγειν Ἀτρείδας... Перевод оды, ошибочно приписанной Анакреону, но, как позднее установлено, принадлежащей одному из его подражателей эпохи эллинизма. Как и два нижеследующих, входит в состав «Разговора с Анакреонтом», где Ломоносов чередует переводы од псевдо-Анакреона с собственными стихотворениями, озаглавленными «Ломоносова ответ»; в них он, в противоположность Анакреону, выдвигает требование героической поэзии. Также перев.: Г. Державин (подражание), Н. Львов, И. Мартынов, Е. Кульман, Л. Мей, А. Баженов, Г. Церетели.

3. Там же, с. 28. Ἄλλο εἰς ἔχθρον — Λέγουσιν αἱ γυναικες... Также перев.: И. Виноградов, Г. Державин, Н. Львов, И. Мартынов, Е. Кульман, А. Пушкин, Н. Щербина, Л. Мей, А. Баженов, В. Водовозов, Г. Церетели.

4. Там же, с. 31. Τοῦ αὐτοῦ εἰς χόρην — Ἄγε ζωγράφων ἄριστε... Также перев.: И. Виноградов, Н. Львов, И. Мартынов, Е. Кульман, Л. Мей, А. Баженов, В. Водовозов, Г. Церетели. *Мастер в живописстве первый*. Имеется в виду древнегреческий живописец Апеллес, родом с острова Кос, неподалеку от Родоса.

5. Риторика, с. 128. Сенека, отрывок из трагедии «Медея» (I в.) — ст. 910—961 с пропусками.

6—8. Там же, с. 141, 142, 144. Марциал, Эпиграммы (I в. н. э.): Ad Theodorum — «Non donem tibi cur meos libellos...» (V, 73); De formica succino inclusa — «Dum Phaetonthea formica vagatur in umbra...» (VI, 15); Ad Priscum — «Uxorem quare locupletem ducere nolim...» (VIII, 12).

9. Там же, с. 241. Гораций, «Exegi monumentum aere perennius...» (Оды, III, 30). Также перев.: Г. Державин (подражание), В. Капнист (дважды), А. Пушкин (подражание), А. Востоков, С. Тучков, Н. Фокков, А. Фет, Б. Никольский, П. Перфилов, В. Брюсов (трижды), В. Крачковский, А. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Шатерников, Я. Голосовкер. *Авфид* — река в южной Италии, на родине Горация. *Стихи эольски* — эолийские, т. е. греческие. *Алцейская лира* — лира Алцея (Алкея), древнегреческого лирика VII в. до н. э., писавшего на эолийском диалекте.

10. Там же, с. 291. Лафонтен, La Femme pouée — «Je ne suis pas de ceux qui disent: „Ce n'est rien...» (Fables, III, 16). Вольный перевод басни. Также перев.: А. Измайлов («Утопленница»).

А. П. СУМАРОКОВ (1717—1777)

Много переводил с латинского, французского, немецкого языков (оды Горация и Ж.-Б. Руссо, сонеты Флеминга, Барро и др.); автор ряда переложений псалмов. Выступая против дословности в поэтическом переводе, требовал воссоздания «духа» и «силы», свойственных оригиналу («Епистола о русском языке», 1771).

Печ. по изд.: Полное собрание сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова, ч. 1, 2, 9, М., 1781—1782.

11. «Ежемесячные сочинения», 1755, апрель, с. 354. Флеминг, An die große Stadt Moskau, als er schiede — «Prinzessin deines Reichs, die Holstein Mume nennt...» (3. Buch der Sonetten, 27, 1636). В изд. 1782 г. примечание: «Сей и последующие два сонета сочинены Павлом Флемингом, знатным немецким стихотворцем, который был в Москве, в 1634 и в 1636 годах, при Голштинском посольстве, а в российские стихи переложены г. Сумароковым» (ч. 9, с. 103). *Голштинские страны* — т. е. Гольштейна, области в Сев. Германии (впоследствии часть земли Шлезвиг-Гольштейн).

12. «Ежемесячные сочинения», 1756, февраль, с. 146 (под загл. «Перевод французского сонета, сочинения Баррова»). Барро, Sonnet — «Grand Dieu! tes jugements sont remplis d'équité...». Также перев.: В. Тредиаковский.

13. Полное собрание..., ч. 2, с. 172 (раздел «Оды разные», с подзаголовком: «Сафина II, сочиненная по русскому переводу г. Козицкого»). Сафо, Παιχλὸθρον', ἀδάματ' Ἀφροδίτα... (VII в. до н. э.). Здесь имеется в виду Г. В. Козицкий (1725?—1775), писатель и переводчик, которому принадлежал прозаический перевод оды Сафо и который с 1768 г. руководил «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг». У Сумарокова — первая попытка передать по-русски сапфическую строфу. Также перев.: Г. Державин, А. Востоков, А. Мерзляков, А. Радищев, П. Голенищев-Кутузов, И. Виноградов, В. Анастасевич, Н. Арбенин, А. Богословский, С. Бобровский, А. Иванов, Ф. Корш, А. Иноземцев, А. Тамбовский, В. Водовозов, Г. Церетели, Вяч. Иванов, В. Вересаев, Н. Эмин, К. Герра.

14. «Полезные увеселения», 1760, январь, с. 24 (с подзаголовком: «Перевод Руссовой оды на Фортуну»). Руссо, A la Fortune — «Fortune de qui la main souponne...». Перевод Сумарокова был исполнен в соревновании с Ломоносовым и напечатан вслед за переводом последнего, сделанным в ямбическом метре. По мнению Г. А. Гукковского, «ближайшие поколения читателей, по-видимому, склонились на сторону Ломоносова» («Поэтика», IV, Л., 1928, с. 130). Так, Державин писал, что «последнего (т. е. Сумарокова. — Е. Э.) слог не соответствует высокому содержанию подлинника» (Соч. Державина, т. 7, СПб., 1872, с. 522). В настоящее время эту оценку следует пересмотреть в пользу Сумарокова. Также перев.: В. Тредиаковский. Силла — Сулла, римский полководец и военный диктатор (138—78 до н. э.). Должен вождю непрворну всем успехом Аннибал. Имеется в виду Гай Теренций Варрон (III век до н. э.), римский консул, вследствие нераспорядительности и оплошности которого карфагенский полководец Ганнибал разбил римлян при Каннах (216 до н. э.). Тит — римский император (79—81), стяжавший славу мягкосердечного и разумного правителя. Клит — один из полководцев Александра Македонского, спасший ему жизнь в битве при р. Гранике; позднее присоединился к греко-македонской оппозиции и был убит Александром (328 г. до н. э.). Евфрата победитель — Александр Македонский, армия которого, перейдя р. Евфрат, одержала победу над персами в битве при Арбеле (331 г. до н. э.). Октавий — римский император (27 до н. э. — 14 н. э.), который после смерти Цезаря в 44 до н. э. начал кровопролитную борьбу за единоличную власть. Тщетно гордостью Юноны... В поэме Вергилия «Энеида» Юнона, супруга Юпитера, преследуя своим гневом Энея, ниспосылает бурю, которая отбрасывает флот Энея к Карфагену; здесь в героя влюбляется царица Дидона, основательница Карфагена. Эта неясная у Сумарокова строфа оды в переводе Ломоносова гласит:

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов,
Премудрость! чрез твои законы
Он выше рока и богов;

Тобою Рим, по злой напасти,
В средине карфагенской власти,
Своих героев смерть отмстил;
Ходя в твои небесны следы,
Во время слезных победы
В трофеи гробы превратил.

15. Полное собрание... , ч. 1, с. 287. Р а с и н, отрывок из трагедии «Федра» (1677) — «A reine sous sortions des portes de Trézôpe...» (акт V, сц. 6). Печ. в сокращении (без последних 16 строк). Также перев.: В. Анастасевич, М. Лобанов, Г. Окулов, И. Чеславский, Ф. Тютчев, А. Элькан, Л. Буланин, Л. Полянов, С. Шервинский, В. Брюсов, О. Мандельштам (отрывок). *Арисия* — персонаж «Федры», невеста Ипполита.

И. С. БАРКОВ (1732?—1768)

Иван Семенович Барков состоял в должности переводчика при Академии наук. Ему принадлежит ряд стихотворных переводов из античных авторов: сатиры Горация (1763), басни Федра (1764), «Двустушия» Дионисия Катона.

Печ. по изд.: Сочинения и переводы И. С. Баркова, 1762—1764, СПб., 1872.

16. Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами преложенные, с приобщением подлинника, Академии наук переводчиком Иваном Барковым, СПб., 1764, с. 9. Ф е д р, *Canis natans — «Amittit merito proprium, qui alienum adpetit...»* (Fabulae, 4).

17. Там же, с. 33. *Rana rupta et Bos — «Inops, potentem dum vult imitari, perit...»* (Fabulae, 24).

18. Там же, с. 169—213. К а т о н, *Disticha de moribus ad filium* (III—IV вв.). Оригинал — популярный в средние века сборник пословиц в гекзаметрах, которые Барков, верный русской традиции XVIII в., перевел двустушиями александрийского стиха.

Е. И. КОСТРОВ (1750?—1796)

Ермил Иванович Костров, автор од и песен в духе классицизма, переводил главным образом с французского — поэмы Вольтера («Тактика»), Арно-старшего («Эльвир») и др. Главный труд Кострова — перевод одной трети «Илиады» Гомера (песни 1—6, 1787; песни 7—9, 1811), исполненный александрийским стихом. Ему же принадлежит прозаический перевод — с французского — «Песен Оссиана» (1792). Костровская «Илиада» долго пользовалась успехом у читателей. «Близость перевода, плавный для своего времени стих, самая огромность и новизна предприятия — все это удивляло современников и действительно было достоинством произведения», — писал позднее, в 1850 г., рецензент «Современника» В. Гаевский.

19. Гомерова Илиада, песни 1—6, СПб., 1787, с. 128. Печ. по изд.: Е. Костров, Сочинения, СПб., 1849 (совместно с сочинениями Аблесимова). Из 4-й песни, ст. 555—606. Также перев.: Н. Гнедич, Н. Минский, В. Вересаев.

И. И. ХЕМНИЦЕР (1745—1784)

Иван Иванович Хемницер, виднейший русский баснописец XVIII в., для многих своих басен использовал сюжеты немецкого поэта-моралиста Геллерта. Ряд произведений Хемницера — весьма близкие переводы, прежде всего из Геллерта, но также и из Лафонтена. Как переводчик Хемницер изощренно искусен; будучи, как правило, верным оригиналу, он все же допускает решительные отступления там, где расходится с автором в понимании нравственности.

Печ. по изд.: И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1963.

20. Басни и сказки И. И. Хемницера, ч. 1, СПб., 1779, с. 9. Геллерт, Der Kukuk — «Der Kukuk sprach mit einem Star...» (Fabeln und Erzählungen, 1746—1748, I, 12). Хемницер вместо 14 строк оригинала дал 24; в остальном перевод близок. Также перев.: А. Сумароков.

21. Там же, с. 19. Der Wucherer — «Ein Wucherer kam in kurzer Zeit...» (Fabeln und Erzählungen, II, 18). Хемницер увеличил количество строк (25 вместо 20), но перевод его отличается большой смысловой близостью.

22. Басни и сказки..., ч. 2, СПб., 1782, с. 49. Лафонтен, La Cigale et la Fourmi — «La cigale, ayant chanté...» (Fables, 1668, I, 1). Последние 4 стиха добавлены Хемницером и в посмертных изданиях не печатались (до изд. Грота, 1873). Также перев.: А. Сумароков, Ю. Нелединский-Мелецкий, И. Крылов.

Н. М. КАРАМЗИН (1766—1826)

Основатель русского сентиментализма переводил стихами с языков немецкого (Геснер, Галлер, Козегартен), английского (Поп, Томсон), французского (Делиль). Он считал, что задача переводчика «не только выразить мысли поэтов, но и выразить их с такою же точностью, с такою же чистотою и приятностию, как в подлиннике; иначе поэма потеряет почти всю свою силу» (рецензия на перевод «Генриады» Вольтера, 1791), и этот идеал старался воплощать в собственных произведениях.

Печ. по изд.: Н. М. Карамзин, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1966.

23. Письма русского путешественника, ч. 6, М., 1801, с. 191 (в письме от июля 1790 г.). Поп, Windsor Forest (1704—1713) — от ст. «Above the rest a rural nymph was famed...».

24. МЖ, 1792, ч. 7, с. 109 (под загл. «Могила»). Козегартен, Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit — «Furchtbar ist das Grab!...» (Poesieen, 4. Buch, 1798).

25. Письма русского путешественника, ч. 5, М., 1800, с. 390 (в письме от июня 1790 г.). Делиль, *Les Jardins* (1782) — от ст. «C'est là que tout est grand, que l'art n'est point timide...». Карамзин вводит этот отрывок следующей фразой: «Вместо подробного описания вот вам худой перевод Делилевых прекрасных стихов, в которых он прославляет Марли...» «Сады» Делиля написаны александрийским стихом; Карамзин воспроизвел размер лишь в стихе «Там каждый мрамор — бог, лесочек всякий — храм», к которому и сделал соответствующее примечание. *Марли* (Марли-ле-Руа) — местечко в 10 км от Версаля, где высился королевский дворец, окруженный двенадцатью павильонами; дворец и павильоны погибли в годы революции 1789—1793 гг.

26. ВЕ, 1802, № 1, с. 53. *L'Imagination* (1800—1806) — от ст. «O penchant plus flatteur, plus doux que la folie!...». Вольный перевод.

И. И. ДМИТРИЕВ (1760—1887)

Представитель русского сентиментализма, Иван Иванович Дмитриев переводил близких ему по духу французских поэтов-баснописцев (Лафонтена, Флориана, Ножана, Грекура, Арно, Буазара, Вилье), авторов идиллий, эпиграмм, стихотворных новелл, афоризмов, апологов (Мерсье, Мольво). Дмитриев был силен в басне и легкой поэзии, но также и в переводе сатиры, исполненной гражданского негодования (Ювенал, «О благородстве», 1803; А. Поп, «Послание к доктору Арбутноту», 1798).

Печ. по изд.: И. И. Дмитриев, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1967.

27. МЖ, 1792, ч. 8, с. 232. Грекур, *Le Solitaire et la Fortune* — «Un solitaire, ennemi de la gêne...» (*Fables*, 1744).

28. И. Д(митриев), Сочинения и переводы, ч. 3, М., 1805, с. 16. Флориан, *Le Jeune homme et le Vieillard* — «De grâce apprenez-moi comment l'on fait fortune...» (*Fables*, 1792, I, 17).

29. Там же, ч. 1, с. 107. Арно, *Le Fer et l'Aimant* — «Aux lois de la nature, amis, soumettons-nous...» (*Fables*, 1812, I, 2).

30. Там же, ч. 2, с. 101. Лебрэн, *Dialogue entre un pauvre poète et l'auteur* — «On vient de me voler. — Que je plains ton malheur!» (*Epigrammes*, I, 25).

31. Там же, ч. 1, с. 26 (под загл. «Молчание соловья»). Буазар, *Le Silence du Rossignol* — «Le pauvre rossignol, hélas! j'en désespère...» (*Fables*, 1803, VIII, 3).

32. Там же, ч. 3, с. 58. Беранже, *Glycère. Idylle* — «Jeune fille au riant visage...» (1805).

33. И. Дмитриев, Апологи в четверостишиях, М., 1825, с. 25, 41, 47, 49, 53, 89, 95, 97, 101, 115, 121. Мольво, *Cent fables en quatre vers chacune* (1820).

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, автор стихотворений и песен сентименталистского склада, известен и переводами из французских поэтов. Наиболее значительны две оды Антуана Тома — «О должностях общества» и «На время», а также стихи Деллиля, Лагарпа, басни Флорнаана и Лафонтена, три акта трагедии Вольтера «Заира». Батюшков, одобряя его переводы, писал Н. И. Гнедичу, что Нелединский — «счастливый Шолло и Анакреон нашего времени... Я удивляюсь его дарованию» (письмо от 29 мая 1811 г.).

Печ. по изд.: Полное собрание сочинений Ю. А. Нелединского-Мелецкого. — Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов под ред. С. А. Венгерова, вып. 7, СПб., 1901.

34. «Новые ежемесячные сочинения», 1787, апрель, с. 92 (ранняя ред.); ВЕ, 1803, № 5, с. 43 (под загл. «Отрывок Делиллева дифирамба на бессмертие»). Делиль, *Dithyrambe sur l'immortalité* — «Dans sa demeure inébranlable...». Также перев.: В. Жуковский.

35. ВЕ, 1808, № 10, с. 99. Лафонтен, *La Cigale et la Fourmi* — «La cigale, ayant chanté...» (*Fables*, 1668, I, 1). Также перев.: А. Сумароков, И. Хемницер, И. Крылов.

36. Там же, с. 100. *Le Lièvre et les Grenouilles* — «Un lièvre en son gîte songeait...» (*Fables*, 1668, II, 14). Также перев.: А. Сумароков.

И. А. КРЫЛОВ (1769—1844)

Великий баснописец многие сюжеты заимствовал у Лафонтена; нередко он выступал и в качестве переводчика Лафонтеновых басен. В статье «О басне и баснях Крылова» (1809) В. А. Жуковский говорил, что Крылов «может иметь право на имя автора оригинального по одному только искусству присваивать себе чужие мысли, чужие чувства и чужой гений». Это верно; однако Крылов в большей части своих басен (написанных к тому же позднее 1809 г.) не переводчик, а творец. Но и в переводах он умел создавать национально-русскую поэзию. Недаром Пушкин считал, что Крылов «превзошел всех известных нам баснописцев, исключая, может быть... Лафонтена» (отрывок «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...», 1824), и, называя Крылова «истинно народным поэтом», утверждал, что он и Лафонтен — «представители духа обоих народов» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825).

Печ. по изд.: И. А. Крылов, Басни в 9-ти книгах, серия «Литературные памятники», М., 1963.

37. МЗ, 1806, № 2, с. 8. Лафонтен, *Le Vieillard et les trois Jeunes hommes* — «Un octogénaire plantait...» (*Fables*, 1679, XI, 8). Также перев.: Д. Хвостов.

38. ДВ, 1808, № 2, с. 24. La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Bœuf — «Une grenouille vit un bœuf...» (Fables, 1668, I, 3). Также перев.: А. Сумароков, Ю. Нелединский-Мелецкий.

39. ДВ, 1808, № 81, с. 24. La Mort et le Bûcheron — «Un pauvre bûcheron, tout couvert de ramée...» (Fables, 1668, I, 16). Также перев.: В. Тредиаковский, А. Сумароков, Г. Державин, П. Сумароков, Д. Хвостов.

А. Ф. ВОЕЙКОВ (1779—1839)

Александр Федорович Воейков, автор сатиры «Дом сумасшедших», начал деятельность поэта-переводчика в 1816 г. переводом дидактической поэмы Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды», после чего опубликовал отрывки из другой поэмы того же автора — «Воображение» («Прелесть ужаса» — 1823, «Страх и надежда» — 1822), а также поэмы Вергилия «Георгики» (1817) и «Энеида» (I песнь, 1817). Воейков сыграл значительную роль в создании русского гекзаметра.

40. ВЕ, 1817, № 3, с. 182. По н, The Dying Christian to His Soul — “Vital spark of heavenly flame!..” (ок. 1708).

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ (1778—1830)

Алексей Федорович Мерзляков, поэт и ученый, возглавлявший кафедру «российского красноречия и поэзии» при Московском университете с 1804 г. до конца жизни, пользовался широкой известностью как переводчик античных (Гомер, Сафо, Пиндар, Феокрит, Мосх, Бион, Тиртей, Софокл, Эсхил, Еврипид, Гораций, Овидий, Вергилий, Тибулл, Проперций и др.) и итальянских поэтов (Тассо, Альфьери). В 1825 г. его переводы вышли отдельным сборником. Белинский, считавший их «превосходными» («Разделение поэзии на роды и виды»), ставил Мерзлякова в один ряд с Гнедичем. Мерзляков был неутомимым экспериментатором в области ритмики; он один из создателей русского белого стиха и логаядических ритмов.

Печ. по изд.: Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова, ч. 1—2, М., 1825—1826.

41. Эклоги Публия Вергилия Марона, переведенные А. Мерзляковым, М., 1807, с. ХХХ (первонач. редакция, включена во вступительный очерк «Нечто об эклоге»); оконч. вариант — Подражания и переводы..., ч. 2, с. 164. Бион, Ἄ μεγάλα μοι Κύπρις ἐθ' ὑπνώσκει παρέστα... (III в. до н. э.). Также перев.: М. Грабарь-Пассек, И. Иванов, В. Латышев.

42. Подражания и переводы..., ч. 2, с. 59. Сафо, Φαίνεταί μοι κῆρυξ ἴσως θεοειδὴν... (VII в. до н. э.). Также перев.: Г. Державин, В. Жуковский, И. Виноградов, А. Богословский, П. Карабанов, М. Славинский, Вяч. Иванов, В. Вересаев, Н. Эмин, В. Водовозов, Г. Церетели.

43. УЗ, 1808, кн. 6, с. 250 (под загл. «Наука стихотворная»); с изменениями — «Амфион», 1815, № 10—11, с. 136 и № 12, с. 103;

оконч. вариант — Подражания и переводы... , ч. 2, с. 319. Гораций, *Epistola ad Pisones (Ars poetica)*. Переводчик снабдил текст следующим примечанием: «Гораций написал мне послание к Люцию Калпурнию Пизону, одному из знаменитейших вельмож римских... Он и два сына его славились пламенной любовью к наукам и искусствам изящным, обширными и глубокими сведениями и высокою образованностию. Дом их почитался училищем вкуса» (с. 318). Также перев.: А. Фет, К. Поплавский, А. Николаев, И. Дмитриев, А. Артюшков, Б. Казанский.

44. Подражания и переводы... , ч. 2, с. 114. «*Rectius vives, Licini, neque altum...*» (Оды, II, 10). Также перев.: В. Орлов, В. Филимонов, А. Фет, А. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Шатерников. *Лициний* — Лициний Мурена, родственник Мецената, консул.

А. Х. ВОСТОКОВ (1781—1864)

Александр Христофорович Востоков, поэт и ученый-филолог, исследователь русского языка и тонического стихосложения, много внимания уделял опытам в области поэтического перевода. Наиболее интересны его переводы из Горация, Шиллера, Гете, западнославянских народных песен (в особенности сербских и богемских).

Печ. по изд.: А. Х. Востоков, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1935.

45. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова, ч. 2, СПб., 1806, с. 72 (в примечаниях, в качестве образца «асклепиадейского» размера). Гораций, «*Exegi monumentum aere perennius...*» (Оды, III, 30). Также перев.: см. примеч. 9. *Авфид, золотая мера* — см. примеч. 9.

46. Опыты... , ч. 2, с. 58. Оды, III, 29, перевод строф 8—16, от ст. «*Prudens futuri temporis exitum...*». Также перев.: Н. Бобринцев-Пушкин, А. Фет, А. Семенов-Тянь-Шанский.

47. «Санктпетербургский вестник», 1812, ч. 1, с. 286 (с подписью А. В.). Гете, *Hoffnung* — «*Schaff', das Tagwerk meiner Hände...*» (1776).

48. Изд. 1935, с. 310. Шиллер, *Des Mädchens Klage* — «*Der Eichwald brauset, die Wolken ziehn...*» (1798). В комментарии указывается, что это стихотворение было читано в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» 4 марта 1811 г. Также перев.: В. Жуковский, А. Шишков, А. Струговщиков, бар. Чувик, Б. Ляпин, С. Шевырев, Н. Голованов, П. Вейнберг, А. Кочетков, Н. Чуковский.

49. А. Востоков, Опыт о русском стихосложении, СПб., 1817, с. 165. *Sprüche des Konfuzius* — «*Dreifach ist des Raumes Maß...*», «*Dreifach ist der Schritt der Zeit...*» (1795, 1797). Стихи приведены в качестве образца «русского сказочного размера», пригодного и для перевода. Также перев.: А. Мейснер, Н. Гербель, Н. Голованов, Э. Ухтомский, Е. Эткинд.

50. «Соревнователь», 1821, ч. 16, № 12, с. 354. Песня «Na Sebe» из сб. псевдонародных чешских песен, составленного (сочиненного) Вацлавом Ганкой — «Hankowu Písně» (1819). А. Востоков был одним из первых в России популяризаторов чешской поэзии.

51—54. СЦ на 1825 г. («Смерть любовников» — с. 335, «Свадебный поезд» — с. 336), СЦ на 1827 г. («Яня Мизиница» — с. 269, «Жалобная песня благородной Асан-Агиницы» — с. 277). Песни переведены из сб.: «Мала простонароднѣя Славено-Сърбска песпарица», у Виени, 1814. В примечании к «Свадебному поезду» Востоков писал: «В сербском подлиннике размер хореический пятистопный с пресечением на второй стопе. . . Чтоб сохранить силу подлинника, переводчик не счел за нужное рабски подражать сему размеру, неупотребительному у нас и для русского слуха, может быть, несколько утомительному. Он предпочел русский размер о трех ударениях с хореическим окончанием». В примечании к «Асан-Агинице»: «Мы употребили здесь русский сказочный размер с дактилическим окончанием». Эту последнюю знаменитую песню переводил Гете (Востоков ссылается на него в неопубликованном примечании к своему переводу); позднее, в 1835 г., отрывок из нее перевел Пушкин («Что белеется на горе зеленой?..»), испытавший влияние Востокова в пору работы над «Песнями западных славян». Также перев.: А. Ахматова.

М. В. МИЛОНОВ (1792—1821)

Михаил Васильевич Милонов, поэт-сатирик, был автором нескольких ярких переводов, из которых особый интерес представляют элегия Мильвуа «Падение листьев» и стих. Шиллера «Мать-убийца».

Печ. по изд.: Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова, СПб., 1819.

55. ВЕ, 1813, № 13, с. 3. Шиллер, Die Kindesmörderin — «Horch — die Glocken hallen dumpf zusammen. . .» (1781). У Шиллера — пятистопный ямб; Милонов заменил его чередованием четырех- и трехстопного ямба, а имя Йозеф — условным Эдвин. Также перев.: И. Покровский, А. Мейснер, Н. Голованов, А. Коринфский, Л. Гинзбург.

56. Изд. 1819, с. 19. Мильвуа, La Chute des feuilles — «De la dérouille de nos bois. . .» (Élégies, 1812—1814). Пушкин использовал романтическую фразеологию перевода Милонова в предсмертных стихах Ленского. Также перев.: В. Туманский, Ст. Степанов, Е. Баратынский, К. Батюшков (подражание — «Последняя весна»).

Н. И. ГНЕДИЧ (1784—1833)

Создатель русской «Илиады» (оконч. в 1829 г.), Николай Иванович Гнедич переводил и многие стихотворные произведения с немецкого и французского. Наиболее значительные его работы — трагедия Вольтера «Танкред», «Король Лир» Шекспира (с француз-

ского), «Заговор Фнеско в Генуе» Шиллера. Питая сочувствие к освободительной борьбе греков против турецкого владычества, Гнедич перевел «Военный гимн» Риго (1825) и «Простонародные песни нынешних греков» (1825). Переводческое кредо Гнедича точнее всего выражено в следующей фразе из его предисловия к «Илиаде»: «Делая выражения греческие русскими, должно было стараться, чтобы не сделать русскою мысли Гомеровою, но что еще более — не украшать подлинник» (1829).

Печ. по изд.: Н. И. Гнедич, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956.

57. ПЗ на 1823 г., с. 88. Анакреон, Ἄλλο εἰς τέττιγα φάριον — Μακρρίζομέν σε, τέττιξ... (ода XLIII). Также перев.: П. Андреев, Г. Державин, Н. Львов, Е. Кульман, И. Мартынов, Л. Мей, В. Водозов, Г. Церетели.

58. СО, 1820, ч. 64, № 40, с. 324. Жильбер, Ode imitée de plusieurs psaumes — «J'ai révélé mon cœur au Dieu de l'innocence...» (1780). Последние три строфы заменяют одну строфу оригинала. Также перев.: Ф. Глинка (начальные строфы), Н. Гербель.

59. ПЗ на 1823 г., с. 180. Шенье, La jeune Tarentine — «Pleurez, doux alcyons! ô vous, oiseaux sacrés!» (Idylles, 14). Также перев.: И. Козлов (под загл. «Невеста»), В. Брюсов, Вс. Рождественский.

60. Стихотворения Н. Гнедича, СПб., 1832, с. 184. Байрон, "My soul is dark — oh! quickly string..." (Hebrew Melodies, 1814, 9). Также перев.: А. Киров, М. Лермонтов, П. Волков, П. Козлов, Алеко.

61. СЦ на 1825 г., с. 268; Простонародные песни нынешних греков, с подлинником изданные и переведенные в стихах с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний Н. Гнедичем, СПб., 1825, с. 5. Τοῦ Ὀλύμπου — Ὁ Ὀλύμπου κ' ὁ Κίτσαβος, τὰ δὺὸ βουνὰ μαλλόνουν... Гнедич пользовался сборником Клода Фориеля (1772—1844) «Народные песни современной Греции» (Les Chants populaires de la Grèce moderne recueillis et publiés par С. Faugier, v. 1, 1824; v. 2, 1825), где греческие оригиналы сопровождаются французским прозаическим переводом. Однако Гнедич подверг тексты проверке по другому греческому списку и свои поправки оговорил в примечаниях. Всего у Гнедича 12 песен, из которых здесь даются 4. Очень высоко оценил эти переводы Пушкин, написавший Гнедичу 23 февраля 1825 г.: «Песни греческие прелесть и tour de force [чудо мастерства]».

62. Простонародные песни нынешних греков, с. 13. Τοῦ Μπουκοβάλλα — Ἦ εἶν' ὁ ἠχὸς ἑποῦ γίνεται καὶ παραχῆ μεγάλη...

63. Там же, с. 17. Τοῦ Ἰάννη Σταθῆ — Μαῦρον καράβι ἐπλεε ἴσ τὰ μέρη τῆς Κασσάνδρας...

64. Там же, с. 19. Τελευταῖος ἀποχαιρετισμὸς τοῦ κλέφτη — Ροβόλα κάτω ἴσ τὸν γιὰλὸν κάτω ἴσ τὸ περιγιάλι...

65. Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем, ч. 2, СПб., 1829, с. 129. Из 16-й песни, ст. 765—867. Также перев.: Е. Костров, Н. Минский, В. Вересаев.

В. А. ЖУКОВСКИЙ (1783—1852)

Василий Андреевич Жуковский, «гений перевода» (Пушкин), обогатил русскую литературу шедеврами переводной поэзии. Кроме полного перевода Гомеровою «Одиссею», Жуковский создал множество переводных элегий, басен, баллад, поэм — из Грея, В. Скотта, Саути, Байрона, Т. Мура, Шиллера, Гете, Уланда, Гейбеля, Бюргера, Цедлица, Лафонтена, Арно и др. Жуковский считал, что поэт-переводчик лишь тогда достигнет успеха, когда он, «руководствуемый автором оригинальным, повторит с начала до конца работу его гения» («Радамист и Зенобия», 1810).

Печ. по изд.: В. А. Жуковский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956.

66. ВЕ, 1802, № 24, с. 319 (вторая редакция; первая относится к 1801 г.). Грей, *Elegy Written in a Country Churchyard* — “The curfew tolls the knell of parting day...” (1750). Также перев.: П. Голенищев-Кутузов. *Гампден* — Джон Гемпден (1594—1643), деятель английской буржуазной революции XVII в., соратник ее вождя Оливера Кромвеля (1599—1658). *Мильтон* Джон (1608—1674) — поэт и революционный публицист, соратник Кромвеля, умерший в нищете.

67. «Современник», 1839, т. 16, с. 216. Другой перевод той же элегии, с примечанием Жуковского: «Греева элегия переведена мною в 1802 г. и напечатана в «Вестнике Европы», который в 1802 и 1803 годах был издаваем Н. М. Карамзиным. Это мое первое напечатанное стихотворение... Находясь в мае месяце 1839 года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию... там я перечитал прекрасную Грееву поэму и вздумал снова перевести ее как можно ближе к подлиннику...» Перевод 1802 г. стилистически искажает оригинал, хотя ритмически довольно близок. Новый перевод вернее и в смысловом, и в стилистическом отношении, но регулярные четверостишия пятистопного ямба подлинника заменены гекзаметром; вдобавок Жуковский снял вообще строфическое членение (подробнее об этом см. вступ. статью).

68. «Соревнователь», 1824, № 2, с. 131 (с заменой везде «Иванова дня» на «Дунканов день» — по требованию цензуры). В. Скотт, *The Eve of St. John* — “The Baron of Smaylho’me rose with day...” (1799). *Анкрамморская битва* — т. е. битва при Анкраммуре в 1545 г. между вторгшимся в Шотландию английским полководцем лордом *Эверсом* и шотландскими рыцарями под водительством *Боклю* и *Дугласа*.

69. Баллады и повести В. А. Жуковского, ч. 2, СПб., 1831, с. 57. Саути, *God’s Judgment on a Wicked Bishop* — “The summer and autumn had been so wet...” (1799). Перевод близок к подлиннику, но короче.

70. Стихотворения В. Жуковского, изд. 3, т. 2, СПб., 1824, с. 234. Arnö, La Feuille — «De ta tige détachée...» (Fables, 1815, V, 14). Знаменитое стихотворение, о котором Пушкин писал: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов...» («Французская Академия», 1836). Сходный мотив — в стих. Лермонтова «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...». Также перев.: Д. Давыдов, В. Пушкин, С. Дуров, В. Брюсов.

71. «Для немногих», 1818, № 2, с. 28. Gete, An den Mond — «Füllest wieder Busch und Tal...» (Lieder, 1778). Также перев.: Р. Брандт, Н. Станкевич.

72. Там же, с. 26. «Wer nie sein Brot mit Tränen aß...» (Harfenspieler, III, 1795). Также перев.: В. Кюхельбекер, А. Струговщиков, Ф. Тютчев, А. Григорьев, М. Цветаева.

73. «Для немногих», 1818, № 1, с. 12. Trost in Tränen — «Wie kommt's, daß du so traurig bist...» (Lieder, 1804).

74. Там же, с. 16. Schäfers Klagelied — «Da droben auf jenem Berge...» (Lieder, 1804). Один из первых в русской поэзии и единственный в творчестве Жуковского образец дольника. Также перев.: В. Крылов, К. Аксаков, Ф. Миллер.

75. Там же, с. 30. Der Fischer — «Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll...» (Balladen, 1778). Также перев.: К. Аксаков, Н. Колачевский, Я. Полонский, Я. Старостин, А. Фет, Н. Огарев.

76. «Для немногих», 1818, № 4, с. 20. Erbkönig — «Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?...» (Balladen, 1782). Также перев.: Ф. Миллер, Г. Сан-Валье, А. Фет, А. Григорьев.

77. «Соревнователь», 1820, ч. 10, № 4, с. 79. Уланд, Die drei Lieder — «In der hohen Hall' saß König Sifrid...» (Balladen und Romanzen, 1807). Жуковский снял повторения, придающие балладе Уланда фольклорный характер, а немецкое имя Зифрид изменил на Освальд.

78. НЗ, 1820, № 2, с. 85. Die Rache — «Der Knecht hat erstochen den edlen Herrn...» (Balladen und Romanzen, 1809). Жуковский разбил сплошной текст оригинала на строфы по два стиха. Также перев.: А. Струговщиков.

79. ПЗ на 1823 г., с. 376. Der Sieger — «Anzuschauen das Turpe...» (Balladen und Romanzen, 1809). В оригинале женские окончания чередуются с мужскими; Жуковский использовал одни только женские.

80. Баллады и повести..., ч. 2, с. 43. Бюргер, Lenore — «Lenore fuhr ums Morgenrot...» (1773). Жуковский до этого, близкого

к подлиннику варианта дважды переделывал балладу Бюргера — «Людмила» (1808) и «Свеглана» (1812). Также перев.: П. Катенин, А. Кочетков, В. Левик.

81. ВЕ, 1808, № 1, с. 39 (под загл. «Романс»). Шиллер, *Des Mädchens Klage* — «*Der Eichwald brauset, die Wolken ziehn...*» (1798). Также перев.: см. примеч. 48.

82. «Для немногих», 1818, № 4, с. 2. Berglied — «*Am Abgrund leitet der schwindliche Steg...*» (1804). Стихотворение Шиллера рисует подъем на Сен-Готардский перевал; Гете тотчас узнал его, получив в письме эту поэтическую загадку. Также перев.: А. Мейснер, В. Гаевский, Н. Голованов. *К полудню, к полночи* — к югу, к северу.

83. СЦ на 1829 г., с. 3 (без ст. 129—140). *Das Siegesfest* — «*Priams Feste war gesunken...*» (1803). В балладе — каждый с краткой речью — выступают вожди греческих войск, а заключение проносит пророчица Кассандра, дочь троянского царя Приама. Жуковский изменил содержание баллады, сильно отойдя от подлинника. Также перев.: А. Мансуров, А. Писарев, Ф. Тютчев. *Приамов град священный* — Троя. *Носящий Горгону* — Зевс. *Царь народов, сын Атрея* — Агамемнон. *Марсом пощажженный погибает от друзей* — Одиссей предсказывает судьбу Агамемнону, которого убьет собственная жена.

84. Баллады и повести..., ч. 2, с. 77. *Der Becher* — «*Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp'...*» (1797). Жуковский изменил содержание 12-й строфы, придав ей христианский характер («...смертный пред богом смирьсь»). Также перев.: И. Покровский, Авдотья Глинка, П. Алексеев, Н. Голованов.

85. «Современник», 1836, т. 1, с. 14. Цедлиц, *Die nächtliche Heerschau* — «*Nachts um die zwölfte Stunde...*» (1832). Д. Давыдов писал Жуковскому: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга». Беллинский — в рецензии на «Современник»: «„Ночной смотр“ — ...истинное перло поэзии как по глубине поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высоте выражения» (Полн. собр. соч., т. 2, М., 1953, с. 179). Первоначальный вариант перевода — трехстопный ямб без рифм, с преобладанием женских окончаний. Позднее Жуковский выбрал трехстопный амфибрахий с чередующимися мужскими и женскими окончаниями. Также перев.: Ф. Миллер, М. Лермонтов (фрагмент).

К. Н. БАТЮШКОВ (1787—1855)

Константин Николаевич Батюшков, один из ближайших предшественников и учителей Пушкина, много переводил из поэзии античной (греческая антология, Тибулл), итальянской (Петрарка, Касти), французской (Лафонтен, Парни, Мильвуа). Наряду с Жуковским, он принадлежит к создателям высокого искусства поэтического перевода в России.

Печ. по изд.: К. Н. Батюшков, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

86. ВЕ, 1809, № 23, с. 198. Тибулл, «Quid, prodest coelum votis implesse, Neaera...» (кн. III — «Элегии Лигдама», 3). Также перев.: И. Дмитриев, Л. Остроумов. *Дочь Сатурнова — Юнона, покровительница брака. Любви мать — Венера.*

87. ВЕ, 1810, № 17, с. 54. Петрарка, сонет 269 — «Rotta è l'alta colonna e 'l verde lauro...». В переводе не воспроизведена форма сонета. Также перев.: Д. Минн, Вяч. Иванов, А. Эфрос.

88. Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова, ч. 2, СПб., 1817, с. 196. К а с т и, Il contento — «Il crin cingetemi / Di mirti e rose...». *Лири тийская* — имеется в виду поэзия Анакреона Теосского.

89. СВ, 1805, № 3, с. 338. Парни, «Que le bonheur arrive lentement...» (Elégies, IV, 11).

90. ВЕ, 1810, № 11, с. 213. La Frayeur — «Te souvient-il, ma charmante maîtresse...» (Elégies, I, 5).

91. ВЕ, 1811, № 3, с. 178. Isnel et Asléga, из 3-й песни — от ст. «Les feux mourants décroissent et pâlisent...». Сам Батюшков был дозволен этим переводом и писал Гнедичу, отрицавшему вообще поэзию Парни: «Кажется, перевод мой не хуже подлинника... Эти стихи... меня достойны» (Соч., т. 3, СПб., 1886, с. 114, 117).

92. Опыты..., ч. 2, с. 175. «D'Erigone c'était la fête...» (Les Déguisements de Vénus, IX). Конец стихотворения, со слов «Я за ней...», изменен: в подлиннике 8 стихов, изображающих пляску вакханок. Беллинский писал: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...» (Поли. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 228).

93. Там же, с. 91. Мильвуа, Combat d'Homère et d'Hésiode — «C'était dans la Calcide. A ses festins funèbres...» (Elégies, 1812—1814). Пушкин на полях «Опытов» написал: «Вся элегия превосходна — жаль, что перевод». Элегия Мильвуа восходит к древнегреч. легенде, согласно которой Гомер и Гесиод, встретясь в городе *Халкиде* на острове Эвбея, вступили в поэтическое состязание, из которого победителем вышел Гесиод, певец земледелия и мира. *Там сильный владыка, над прахом отца* и т. д. Согласно той же легенде, Ганиктор справлял тризну по своему отцу царю Амфидаму и призвал на состязание всех сильных и многознающих мужей. *Лоно Фетиды* — море. *Аскрея* — греческий город, родина Гесиода. *Мелес* — река близ Смирны; в гроте подле нее Гомер, по преданию, сочинял свои поэмы. *Темпейская долина* славилась плодородием. *Дочери...* *Мнемосины* — музы. *Диана* — здесь: луна. *Напиток Гебы* — нектар. «*Труды и дни*» — поэма Гесиода. *Стримон* — река. *Слепец всевидящий* — Гомер. *Страшись Эвбеи: берегов*. Гесиод был убит на острове Эвбея. *Убийца грозный* — Ахилл. *Самос* — остров в Эгейском море.

94. «О греческой антологии», СПб., 1820, с. 20. В «Прибавлении» к этой брошюре напечатаны французские переводы греческих антологических стихотворений, выполненные С. С. Уваровым; ими пользовался Батюшков, создавая свои переводы. Мелеагр Гадарский, Δάκρυά σοι καὶ νέρθε διὰ χθονός, Ἥλιοδώρα... (I в. до н. э.). Это стихотворение, а также №№ 95, 96, 98, 100 перев. Л. Блуменау.

95. Там же, с. 21. Асклепиад Самосский, Αὐτοῦ μοι στέφανοι παρὰ δικλίσι ταῖσδε κρεμαστοί... (ок. III в. до н. э.).

96. Там же, с. 23. Гедил, Οἶνος καὶ προπόσεις κατεκόμισαν Ἀγλαονίχην... (III в. до н. э.).

97. Там же, с. 25. Антипатр Сидонский, Ἀλκμαῖος ῥοθίῃ νῆϊ ῥόμος, εὐδὲ θάλασσα... (III в. до н. э.).

98. Там же. Ποῦ τὸ περίβλεπτον κάλλος σέο, Δωρὶ Κόρινθε... Также перев.: В. Печерин.

99. Там же, с. 28. Анонимная эпиграмма — Χαῖρε κόρη. καὶ δὴ σύ. τίς ἢ προσιοῦσα; τί πρὸς σε... .

100. Там же, с. 30. Павел Силенциарий, Κλέψωμεν, Ροδόπη τὰ φιλήματα, τήν τ' ἐρατεινήν... (VI в.).

101. Там же. Ἦδὺ φίλῃς μεῖδῆμα τὸ Λαίδος· ἦδὺ καὶ αὐτῶν... .

102. Там же, с. 32. Πρόκριτός ἐστι, Φίλινα, τεῆ ῥυτίς, ἥ ὁπὸς ἤβης... .

103. Там же, с. 33. Βόστρυχον ἡμιγέροντα τί μέμψαι, ὄμματά θ' ὑγρά... .

104. Там же, с. 34. Φεῦ φεῦ, καὶ τὸ λάλημα τὸ μείλιχον ὁ φθόνος εἶργει... .

105. Там же, с. 35. Ἐσβέθη φλογεροῖο πυρὸς μένος, οὐκ ἔτι κάμνω... . Также перев.: Ю. Шульц.

106. Там же, с. 44 (в «Прибавлении»). Это стихотворение, не указывая его греческого источника, Уваров предварил словами: «Сверх сего нашли мы еще на обверточном листе издаваемой нами рукописи следующую надгробную надпись, с греческого переведенную».

107. СЦ на 1828 г., с. 23. Байрон, Childe Harold's Pilgrimage (1812), из 4-й песни — от ст. "There is a pleasure in the pathless woods...". Белинский назвал этот перевод «прекрасной небольшой элегией» (Полн. собр. соч., т. 7, с. 239). Также перев.: поэму целиком — Д. Минаев, П. Козлов, Г. Шенгели, В. Адамович, В. Левик; отрывки — И. Козлов, Н. Маркевич, В. Щастный, П. Чижов, В. Любич-Романович, И. Гогниев, К. Павлова, М. Лермонтов, А. Бржеский, Н. Берг, К. Картамышев, Н. Греков, П. Попов, М. Михайлов, Л. Мей, А. Григорьев, Д. Михаловский, И. Гольц-Миллер.

Д. В. ДАВЫДОВ (1784—1839)

Денис Васильевич Давыдов перевел несколько стихотворений близких ему по духу французских поэтов XVIII века — Вольтера, Арно, Делиля, Парни.

Печ. по изд.: Денис Давыдов, Сочинения, М., 1962.

108. БдЧ, 1837, т. 22, с. 10. Арно, La Feuille — «De ta tige détachée...» (Fables, 1815, V, 14). Также перев.: В. Жуковский (см. примеч. 70), В. Пушкин, С. Дуров, В. Брюсов.

109. «Труды общества любителей российской словесности», 1816, ч. 5, с. 84. Парни, «D'un long sommeil j'ai goûté la douceur...» (Élégies, IV, 5). Давыдов несколько изменил форму: регулярный десятисложный стих Парни он перевел разносложным ямбом.

110. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова, ч. 1, СПб., 1840, с. 63. Вольтер, Quatrain pour le portrait de Mademoiselle Le Couvreur — «Seule de la nature elle a su le langage...». Адриенна Лехуврер (1692—1730) — французская трагическая актриса.

П. И. КОЗЛОВ (1779—1840)

Поэт-романтик Иван Иванович Козлов, ученик и последователь Жуковского, был прежде всего переводчиком. Владая французским, английским, итальянским, немецким языками, он перевел множество стихотворений и поэм — из Байрона, Т. Мура, Ч. Вольфа, Бернса, Вордсворта, Шенье, Парни, Мильвуа, сонеты Мицкевича и др. Белинский называл его «поэтом чувства» и говорил: «От этого все переводы его отличаются одним колоритом — тем самым, как и его оригинальные произведения» («Собрание стихотворений Ивана Козлова», 1841).

Печ. по изд.: И. И. Козлов, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1960.

111. СО, 1823, № 18, с. 182; окончат. редакция — Собрание стихотворений Ивана Козлова, ч. 2, СПб., 1833, с. 230. Байрон, “Fare thee well! And if for ever...” (1816). Также перев.: Н. Спиглазов, Алеко, Т. Гнедич.

112. СЦ на 1826 г., с. 115 (это — второй перевод той же пьесы, исполненный Козловым; первый был опубликован в 1828 г.). “Sun of the sleepless! melancholy star!...” (Hebrew Melodies, 1814, 17). Также перев.: Д. Глебов, А. Редкин, Н. Маркевич, А. Фет, П. Козлов, Алеко, А. Толстой, Д. Михаловский, П. Якубович, С. Маршак, М. Донской.

113. Стихотворения Ивана Козлова, СПб., 1828, с. 46. From the Portuguese — “In moments to delight devoted...” (1813). Также перев.: П. Вяземский, М. Михайлов.

114. СЦ на 1826 г., с. 120. Вольф, The Burial of Sir John Moore — “Not a drum was heard, not a funeral note...” (ок. 1809; опубл. 1817 и 1825).

115. СЦ на 1828 г., с. 29. Мур, "Those evening bells..." (Irish Melodies, 1807). Посвящено Т. С. Вейдемейер (ум. 1863), другу семьи Козловых.

116. Стихотворения..., с. 134. "At the mid hour of the night..." (Irish Melodies, 1807). Также перев.: Н. Олин.

117. НА на 1828 г., с. 54. Шенье, «Près des bords où Venise est reine de la mer...» (опубл. 1827). В том же выпуске альманаха напечатан другой перевод этого стих. — пушкинский (1827). Козлов изменил форму: вместо александрийского стиха — чередование четырех- и трехстопного амфибрахия с перекрестной рифмой. Также перев.: А. Пушкин, В. Туманский.

118. БдЧ, 1835, т. 12, с. 19. Imité de la XVI idylle de Bion — «Bel astre de Vénus, de son front délicat...» (Élégies, XIII). Также перев.: А. Пальм, А. Фет, А. Сомов.

119. УЗ на 1839 г., с. 51. Euphrosine — «Ahl ce n'est point à moi qu'on s'occupe de plaire...» (Idylles, X). Об этом переводе Белинский писал: «Последняя пьеса, отличающаяся в подлиннике пластической художественностью в выражении, и переведена пластически художественно. Так переводить могут только истинные таланты, которых не много бывает во всякой литературе» (Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 77). Также перев.: И. Дубровин.

120. МТ, 1828, № 3, с. 323. Мицкевич, *Stępy Akerman'skie* — «Wrzynałem na suchego przestwór oceanu...» (Sonety Krymskie, 1826, I). Также перев.: а) П. Вяземский (проза), В. Любич-Романович, Н. Луговской, Н. Берг, Н. Семенов, В. Петров, Ю. Солтык-Романский, Л. Медведев, А. Кугушев, И. Куклин, О. Румер, В. Лаврик (весь цикл «Крымские сонеты»); б) А. Илличевский, Ю. Познанский, А. Майков, Г. Данилевский, А. Фет, А. Коринфский, Б. Попов, А. Колтоновский, И. Буниц, И. Мозалевский, С. Советов (отдельно этот сонет).

121. Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова, СПб., 1829, с. 21. *Łuszcza w dzień* — «Już góra z piersi mgliste otrząsa chylaty...» (Sonety Krymskie, 1826, XI). Также перев.: см. примеч. 120а; А. Майков, В. Бенедиктов (отдельно этот сонет).

122. Там же, с. 35. *Ajudah* — «Lubię poglądać wsparty na Judahu skale...» (Sonety Krymskie, 1826, XVIII). Также перев.: см. примеч. 120а; С. Дуров, Е. Шахова, Б. Попов (отдельно этот сонет).

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ (1790—1819)

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев — поэт карамзинистского направления, создавший несколько переводов из французского одописца XVIII в. Луи Расина.

Печ. по изд.: Сочинения и переводы в стихах Н. Иванчина-Писарева, М., 1819.

123. ВЕ, 1818, № 5, с. 35. Р а с с и н, *La Religion*, из 6-й песни — от ст. «*La grandeur, ô mon Dieu, n'est pas ce qui m'enchanté. . .*».

124. Изд. 1819, с. 29. *La Mort chrétienne* — «*Qu'il périsse, ce corps coupable. . .*».

П. А. КАТЕНИН (1792—1853)

Павел Александрович Катенин как оригинальный поэт искал новые формы; Пушкин сказал о нем, что он первый ввел «в круг возвышенной поэзии предметы простонародные» («Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», СПб., 1833); как поэт-переводчик Катенин был таким же постоянным искателем — новых жанров, строфических форм, ритмики, образных соответствий. Ему принадлежат многочисленные и неизменно новаторские переводы из французской поэтической драматургии (Корнель, Расин, Грессе), поэзии испанской (романсы о Сиде), немецкой (Бюргер), английской (Байрон), итальянской (Данте, Филликайя, Ариосто, Тассо). Свой переводческий принцип Катенин формулировал так: «У великих авторов форма не есть вещь произвольная, которую можно переменить, не вреда духу сочинения; связь их неразрывна, и искажение одного необходимо ведет за собой утрату другого» («Письмо к издателю», 1822).

Печ. по изд.: П. А. Катенин, *Избранные произведения*, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965.

125. СО, 1817, № 9, с. 97. Д а н т е, *Inferno*, из 33-й песни (ст. 1—78). Здесь Катенин еще не освоил форму терцин, к которой он подошел позднее, в переводе 1-й песни «Ада». Также перев.: см. след. примеч.

126. Сочинения и переводы. . . , ч. 2, СПб., 1832, с. 93. *Inferno*, из 1-й песни (ст. 1—30). В том же году Катенин перевел 2-ю и 3-ю песни «Ада». «Божественную комедию» Данте также перев.: полностью — Д. Минаев, Д. Мин, А. П. Федоров, О. Чюмина, М. Лозинский (стихотв.), В. Чуйко (проза). Кроме того, «Ад» перев.: В. Петров, Н. Голованов (стихотв.), Е. В. Кологривова (Фан-Дим), П. Каншин, С. Зарудный (проза).

127. СО, 1822, № 16, с. 82. Ф и л л и к а й я, *All' Italia* — «*Italia, Italia, o tu, cui feo la sorte. . .*» (Sonetto 87). Первая публикация сопровождалась следующим примечанием Катенина: «Желая для образчика перевести итальянский сонет, я из множества выбрал именно этот, потому что в нем нет той приторности и ложного блеска, которые часто в сем роде поэзии встречаются и портят его, а напротив, смелые, благородные чувства истого сына отечества. Сочинитель, флорентинец-сенатор Филликайя, родился в 1642 г., умер в 1707, следовательно описание несчастий Италии относится к давнопрошедшему времени». По мнению исследователя творчества Катенина Г. В. Ермаковой-Битнер, это примечание вызвано цензурными опасениями. Перевод Катенина — одна из первых попыток создать на русском языке сонет итальянского типа. Сонет Филликайя, переведенный Байроном, вошел в его поэму «Паломничество Чайльд Гарольда» (песнь 4, строфы 42—43) и воспроизводился по-русски переводчиками Байроновой поэмы — Д. Минаевым, Г. Шенгели и др.

128. Сочинения и переводы... ч. 2, с. 112. Ариосто, L'Orlando Furioso (1526—1532), из 1-й песни (строфы 42—43), из 23-й песни (строфы 108—109). Катенин стремился доказать возможность воспроизвести по-русски итальянскую октаву. Он настаивал на использовании пятистопного ямба и рифмовке по схеме АbАbССdd. О полемике вокруг октавы см. комментарий Г. В. Ермаковой-Битнер (изд. 1965, с. 677—678), где, однако, допущена ошибка в утверждении, будто бы Пушкин в «Домике в Коломне» и «Осени» «применил катенинский вариант октавы». Пушкин согласился лишь с использованием пятистопного ямба, но применил схему АbАbАbСС и аВаВаВсс. Также перев.: С. Раич, В. Зотов, А. Пушкин, И. Козлов, А. Курошева.

129. СО, 1822, № 14, с. 307. Тассо, La Gerusalemme liberata (1581), из 1-й песни (строфа 1), из 3-й песни (4), из 4-й песни (3), из 12-й песни (69), из 13-й песни (21). О полемике вокруг переводов из Тассо см. в изд. 1965, с. 682—683. Также перев.: С. Раич, К. Батюшков, А. Мерзляков, С. Шевырев, Н. Голованов.

130. ВЕ, 1816, № 9, с. 14; вторая ред. — Сочинения и переводы, ч. 2. Бюргер, Lenore — «Lenore fuhr ums Morgenrot...» (1773). Также перев.: В. Жуковский, А. Кочетков, В. Левик.

131. Сочинения и переводы... ч. 1, с. 90. «Si le roi m'avait donné...» — народная песня, включенная в текст комедий Мольера «Мизантроп» и Шарля Колле «Охота Генриха IV», другую комедию которого («Недоверчивый», 1827) Катенин перевел. Французскую песню он «склонил на русские нравы», заменив Париж — «Питером с Москвою», безымянную возлюбленную — Пашей, а короля — «белым царем».

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР (1797—1846)

Перу декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера, поэта русского гражданского романтизма, принадлежат переводы из древних авторов — Каллимаха, Бакхилида, Гомера, а также из немецких поэтов — Клопштока, Шубарта, Кернера, Шиллера, Гете. Кроме того, в заточении он перевел несколько трагедий Шекспира — «Макбет», «Генрих IV», «Ричард II», «Ричард III», — которые до сих пор остаются в рукописи (1828—1832).

Печ. по изд.: В. К. Кюхельбекер, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), т. 1, 1967.

132. «Соревнователь», 1820, ч. 11, № 7, с. 94. Бакхилид, Ἰσὶν βάρβιτε, μηκέτι πάσσαλον φυλάσσων... (V в. до н. э.).

133. «Календарь Муз» на 1826 г., с. 75. Шиллер, Nadowessiers Totenlied — «Seht, da sitzt er auf der Matte...» (1797). Также перев.: Д. Мин, М. Михайлов, Т. Спендиарова.

134. «Мнемозина», 1825, ч. 4, с. 63. Гете, Amor als Landschaftsmaler — «Saß ich früh auf einer Felsenspitze...» (1787). Также перев.: И. Крешев, Ф. Миллер, В. Левик.

Антон Антонович Дельвиг, автор идиллий и элегий, высоко ценимых современниками и прежде всего Пушкиным, оставил ряд переводов, среди которых выделяются стихи немецких поэтов — М. Клаудиуса, Геснера, Гете.

Печ. по изд.: А. А. Дельвиг, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

135. ВЕ, 1814, № 22, с. 99 (ранняя ред. под загл. «Дафна»). Клаудиус, Phidile — «Ich war erst sechzehn Sommer alt...» (Assmus omnia sua secum portans oder Sämtliche Werke des Wandsbecker Boten, Bd. 1, 1775). Три исправления внесены Пушкиным (строфа 1, ст. 4; строфа 7, ст. 3; строфа 8, ст. 1).

136. К. Я. Грот, Пушкинский лицей (1811—1817), СПб., 1911, с. 152. Гете, Nähe des Geliebten — «Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer...» (1794). Также перев.: И. Борн, Мещевский, А. Глебов, В. Тепляков, П. Ободовский, М. Стахович, М. Михайлов, С. Шервинский, М. Сандомирский, В. Бетаки.

137. «Труды общества любителей российской словесности», 1820, кн. 10, с. 97. Геснер, An den Amor — «Ach! Amor, lieber Amor!...» (Gedichte, 1762).

А. С. ПУШКИН (1799—1837)

Переводы Пушкина составляют незначительную часть его наследия. Однако именно он оказался родоначальником искусства поэтического перевода, ставшего особым литературным жанром и профессией для многих поэтов XIX—XX вв. В первый период творчества Пушкину были наиболее близки французские поэты XVIII в. — вслед за Батюшковым он переводил Парни, а также Вольтера и в особенности А. Шенье. Затем в круг его интересов попадают итальянцы — Ариосто, Альфьери, Пиндемонте, польский его современник Мицкевич; англичане: Байрон, Шекспир, Барри Корнуол, Дж. Вильсон, Саут; античные поэты: Анакреон, Катулл, Гораций, Ювенал и др.; особое место в творчестве Пушкина занимает воссоздание сербских народных баллад, большинство которых переведено из сборника П. Мериме «Гюэла». Пушкин своими переводами доказал, на что способен «русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» («О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», 1836).

Печ. по изд.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10-ти томах, М., 1957—1958.

138. Сочинения Пушкина, т. 9, СПб., 1841, с. 395. Вольтер, A Mme la Princesse Ulrique de Prusse — «Souvent un peu de vérité...» (1743). Также перев.: П. Сумароков, Г. Хованский, Ю. Нелединский-Мелецкий.

139. «Русская старина», 1884, т. 43, с. 37. La Pucelle d'Orléans (1735), начало 1-й песни — «Je ne suis né pour célébrer les saints...».

Последние 8 стихов обращены к поэту XVIII в. Шаплону, автору поэмы «Девственница», в свое время высмеянной Буало. *Французские лилии*. Лилия — эмблема династии Бурбонов.

140. Сочинения Пушкина, т. 9, 1841, с. 152. Парни, *A mes amis* — «*Rions, chantons, ô mes amis...*» (*Elégies*, II).

141. СЦ на 1825 г., с. 293. «*Le sombre Pluton sur la terre...*» (*Les Déguisements de Vénus*, XXVII).

142. Собрание сочинений Пушкина под ред. П. О. Морозова, т. 1, СПб., 1903, с. 339. Шенье, *L'Aveugle* — «*Dieu dont l'arc est d'argent, dieu de Claros, écoute...*» (*Idylles*, II), начальные строки. Также перев.: К. Павлова, В. Брюсов.

143. НА на 1828 г., с. 53; «Славянин», 1828, № 1, с. 71. «*Près des bords où Venise est reine de la mer...*» (опубл. 1827). Также перев.: И. Козлов, В. Туманский.

144. «Современник», 1836, т. 1, с. 191 (без подписи). Перевод датирован 1835 г., но первый вариант относится к 1825 г. «*C'est, mont ennobli par cette nuit ardente...*» (*Fragments d'idylles*, I).

145. Сочинения Пушкина, т. 1, СПб., 1855, с. 250. Альфьери, монолог Изабеллы из трагедии «Филипп» (1783) — «*Desio, timor, dubbia ed iniqua speme...*» (акт I, сц. 1). Также перев.: А. Шишков (проза).

146. Сочинения Пушкина, т. 9, 1841, с. 150. Джанни, *Sonetto sopra Giuda* — «*Allor che Giuda di furor satollo...*». Текст несколько сокращен (в подлиннике 14 стихов). *Предатель ученик* — имеется в виду Иуда Искариот.

147. СЦ на 1829 г., с. 31. Шотландская народная баллада «*The Twa Corbies*» — «*There were twa corbies sat on a tree...*». Пушкин, видимо, пользовался французским переводом сборника баллад В. Скотта. Перевод трех строф из пяти.

148. Сочинения Пушкина, т. 9, 1841, с. 148. Катулл, *Ad poscillatorem* — «*Minister vetuli puer Falerni...*» (27). Также перев.: А. Фет, А. Пиотровский.

149. Там же, с. 335. Гораций, «*O saepe mecum tempus in ultimum...*» (Оды, II, 7). Также перев.: А. Фет, Н. Шатерников, А. Семенов-Тянь-Шанский. Марк Юний Брут, командовавший республиканскими войсками вместе с Кассием, потерпел в 42 г. до н. э. полное поражение в бою при Филиппах; Брут покончил с собой, а Гораций, начальник легиона в войсках Брута, спасся бегством.

150. БдЧ, 1834, т. 5, с. 20 (вместе со стих. Гедила под общим загл. «Подражания древним»). Ксенофан из Колофона, элегия XXI — *Nūn γάρ δῆ ζάπεδον χαθάρων καί χεῖρες ἀπάντων...* (VI—V вв. до н. э.). Перевод исполнен с французского по кн. Афенея «Пир ученых» (*Banquet des savants, par Athénée, traduit par Lefebvre de*

Villebrune, Paris, 1789). Белинский назвал этот перевод «высочайшим идеалом антологической поэзии», одним из «мраморных изваяний, которые дышат музыкой», «в которых дивная гармония пушкинского стиха сочетается с самым роскошным пластичизмом образов...» (Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 257, 256). Также перев.: Л. Поливанов (проза), С. Любомудров, Г. Церетели.

151. Там же. Г е д и л, Τοῦτω Θέσιν ὁ μόνουλος ὑπ' ἡρίων ὁ γλυκὺς σιγῆ. . . Также перев.: С. Любомудров, Л. Блуменау.

152. Сочинения Пушкина, т. 9, 1841, с. 149 (без последних двух стихов). А н а к р е о н, ода LV — Ἐν ἰσχύσις μὲν ἴπποι. . . Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, Л. Мей, А. Баженов, Г. Церетели.

153. Сочинения Пушкина, т. 1, 1855, с. 399 (П. В. Анненков, Материалы для биографии Пушкина). Ода LVI — Πολιοὶ μὲν ἡμῖν ἤδη. . . Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, Л. Мей, А. Баженов, В. Крестовский, Г. Церетели.

154. Сочинения Пушкина, т. 9, 1841, с. 145. Ода LVII — Ἄγε δῆ, φέρ' ἡμῖν, ὦ παῖ. . . Текст несколько сокращен. Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, Л. Мей, А. Баженов, Г. Церетели.

155. БдЧ, 1834, т. 2, с. 98, с подзаголовком «Польская баллада» и указанием в оглавлении: «из М—ва» (по цензурным соображениям). М и ц к е в и ч, Czaty (ballada ukraińska) — «Z ogrodowej al-tany wojewoda zdyszany...» (1827—1828). Также перев.: В. Бенедиктов, А. Фет, А. Данилевский-Александров, В. Марков, С. Блауберг, Л. Медведев, М. Вронченко.

156. Там же, с. 95, с подзаголовком «Литовская баллада» и указанием в оглавлении: «из М—ва». Trzech Budrysów (ballada litewska) — «Stary Budrys trzech synów, tęgich jak sam Litwinów...». Также перев.: Ф. Булгарин, А. Данилевский-Александров.

157. БдЧ, 1835, т. 9, с. 5. М е р и м е, La Vision de Thomas II, roi de Bosnie (La Guzla, 1827). Также перев.: Н. Рыкова (проза). Пушкин снабдил свой перевод несколькими примечаниями. К заголовку «Видение короля»: «Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу». К слову *щиколку*: «*Щиколотка*, по московскому наречию *щиколка*». К слову *богумилы*: «Так называют себя некоторые иллирийские раскольники». К слову *фалангой*: «*Фаланга*, палочные удары по пятам». К слову *беглербеем*: «Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном». К словам «*Дать кафтан Радивой!*»: «*Кафтан*, обыкновенный подарок султанов». К стиху «*Вдруг взвилась из-за города бомба*»: «Анахронизм».

158. Там же, с. 14. *Le Morlaque à Venise* (La Guzla, 1827). Также перев.: С. Дуров, Н. Берг, Н. Рыкова (проза), М. Живов. К заголовку своего перевода Пушкин сделал примечание: «Мицкевич перевел и украсил эту песню» (см. об этом вступ. статью).

159. Там же, с. 16. *Chant de Mort* (La Guzla, 1827). Также перев.: Н. Рыкова (проза). Примечание Пушкина к заголовку: «Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусларе Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта». Далее приводится полный французский текст биографии Иакинфа Маглановича, сочиненной Мериме.

160. Там же, с. 26. Сербская народная легенда из сб. Вука Караджича (1824) — «Бог ником дужан не остаје» («Бог ни у кого не остается в долгу»). Также перев.: М. Косторский. Примечание Пушкина к заголовку: «Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича».

С. Е. РАИЧ (1792—1855)

Семен Егорович Раич (Амфитеатров), второстепенный поэт, оказал влияние на развитие русской поэзии переводами «Георгик» Вергилия (1821), но в особенности поэм Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1828) и Л. Ариосто «Неистовый Роланд» (1832—1837).

161. Освобожденный Иерусалим Т. Тасса, перевод Раича, ч. I, М., 1828, с. 110. Т а с с о, *La Gerusalemme liberata* (1581), из 3-й песни (строфы 109—111). Оригинал в октавах. Также перев.: см. примеч. 129.

162. Неистовый Орланд Л. Ариоста, перевод Раича, т. 3, СПб., 1837, с. 193. А р и о с т о, *L'Orlando furioso* (1516—1532), из 14-й песни (строфы 109—111). Оригинал в октавах. Также перев.: см. примеч. 128.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ (1800—1844)

В наследии Евгения Абрамовича Баратынского значительное место занимают мастерские переводы из французских поэтов XVIII и начала XIX в. — Вольтера, Парни, Шенье, Мильвуа. Составляя неотъемлемую часть лирического творчества Баратынского, эти переводы отличаются редкой близостью к подлинникам.

Печ. по изд.: Е. А. Баратынский, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

163. «Благонамеренный», 1822, № 11, с. 444. М и л ь в у а, *Le Retour* — «*Sur le chaume de ces demeures...*» (*Elégies*, 1812—1814). Также перев.: М. Михайлов.

164. «Новости литературы», 1823, № 12, с. 186 (первоначальная редакция, впоследствии значительно переработанная). *La Chute des*

feuilles — «De la dépouille de nos bois...» (Élégies, 1812—1814).
Также перев.: см. примеч. 56.

165. «Новости литературы», 1823, № 19, с. 95 (под загл. «К Лете»). Le Fleuve d'oubli — «Onde fâcheuse, onde malavisée...» (Élégies, 1812—1814). Также перев.: В. Брюсов.

166. «Мнемозина», ч. 4, 1825, с. 221. Парни, L'êda — «Dans la forêt silencieuse...». Опущены начальные 14 и заключительные 26 стихов. Также перев.: А. Пушкин (подражание).

167. «Уrania» на 1826 г., с. 101. Réflexion amoureuse — «Je vais la voir, la presser dans mes bras...» (Élégies, III).

168. СЦ на 1827 г., с. 330. Шенье, «Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre...» (Fragments d'idylles, VI). Также перев.: Б. Алмазов, В. Саводник, И. Крешев, Вс. Рождественский.

169. СЦ на 1828 г., с. 46. «O nécessité dure! ô pesant esclavage!» (Élégies, XXXV). Сокращенный перевод отрывка из этой элегии — от ст. «Souvent, las d'être esclave et de boire la lie...» до ст. «Quelque prétexte ami de vivre et de souffrir» (отброшены 4 начальных и 4 заключительных стиха, остальной текст сокращен с 16 стихов до 14). Также перев.: В. Римский-Корсаков.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ (1805—1827)

Немногочисленные переводы Дмитрия Владимировича Веневитинова из французской, немецкой и английской поэзии свидетельствуют об одаренности рано умершего поэта в области стихотворного перевода.

Печ. по изд.: Сочинения Д. В. Веневитинова, ч. 1. Стихотворения, М., 1829.

170. Изд. 1829, с. 14. Макферсон, отрывок из поэмы «Кольнадона» (1760). Также перев.: Е. Костров.

171. Там же, с. 8. Грессе, «En promenant vos rêveries...» (La Chartreuse, 1735).

172. МВ, 1827, № 1, с. 11. Гете, Faust. Wald und Höhle — «Erhabner Geist, du gabst mir, gabst mir alles...». «Фауста» и отрывки из «Фауста» также перев. (в алфавитном порядке): К. Аксаков, Т. Аносова, К. Бальмонт, И. Бек, Н. Берг, А. Борисов, В. Брюсов, П. Вейнберг, Н. Врангель, М. Вронченко, Н. Голованов, Н. Греков, А. Грибоедов, Э. Губер, В. Жуковский, Д. Кафтырев, Ф. Комиссаржевский и В. Зенкевич, Ф. Кони, М. Лихонин, А. Луначарский, Н. Маклецова, А. Мамонтов, Д. Мережковский, Д. Минаев, М. Михайлов, А. Овчинников, Н. Огарев, И. Павлов, Б. Пастернак, Пл. Петров, М. Семперверо, А. Соколовский, А. Струговщиков, М. Струговщиков, Д. Струйский, П. Трунин, И. Тургенев, Ф. Тютчев, А. Фет, Хитрова, Н. Холодковский, Д. Цертелев, А. Чебышев-Дмитриев, С. Шевырев, А. Шишков.

Поэт-романтик Степан Петрович Шевырев оставил ряд переводов, среди которых особый интерес представляют его опыты создания русской октавы (Тассо) и терцин (Данте), а также переводы из Шиллера. До сих пор сохраняют значение стиховедческие труды Шевырева, в частности статья о принципах перевода итальянской октавы (1831).

Печ. по изд.: С. П. Шевырев, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1939.

173. МВ, 1827, № 12, с. 314. Шиллер, Die Größe der Welt — «Die der schaffende Geist einst aus dem Chaos schlug...» (1781). Также перев.: П. Ободовский, А. Струговщиков, М. Михайлов, Н. Голованов, В. Зоргенфрей.

174. МВ, 1827, № 3, с. 164. Die vier Weltalter — «Wohl perlet im Glase der purpurne Wein...» (1802). Также перев.: Н. Колачевский, Н. Коншин, Н. Иваницкий, Л. Гинзбург.

175. «Телеграф», 1831, ч. 3, с. 491; ч. 6, с. 461. Тассо, La Gerusalemme liberata (1581), из 7-й песни (строфы 1—17). Шевырев здесь экспериментировал в области как строфики (создание русской октавы), так и стиха (создание ритмического эквивалента итальянского силлабического одиннадцатисложника). Также перев.: см. примеч. 129.

176. «Москвитянин», 1843, № 1, с. 7. Данте, Inferno, из 4-й песни (ст. 1—42). Также перев.: см. примеч. 126.

В. Г. ТЕПЛЯКОВ (1804—1862)

Виктор Григорьевич Тепляков — элегик, творчество которого относится к первой половине 30-х годов. Он переводил стихотворения, близкие ему по творческой манере, — из поэзии французской (Беранже), английской (Байрон), немецкой (Гете), а также некоторые народные песни. В рецензии на цикл «Фракийские элегии», опубликованной в 3-м томе «Современника», Пушкин отметил особый характер дарования Теплякова, причем оценка Пушкина имеет прямое отношение к деятельности Теплякова-переводчика: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, или — чувство, в смиренности своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» («Фракийские элегии», стихотворения Виктора Теплякова», 1836).

Печ. по изд.: Стихотворения Виктора Теплякова, [т. 1], М., 1832; т. 2, СПб., 1836.

177. МТ, 1828, ч. 19, с. 327 (под загл. «К ****»). Гете, Nähe des Geliebten — «Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer...» (1794). Также перев.: см. примеч. 136.

178. Изд. 1832, с. 115. В примеч. издателя: «Песня сия пользуется всеобщей народностью в прекрасных забалканских городках, рас-

сеянных по берегам Бургазского залива. — В. Г. Тепляков переложил оную, с помощью своего переводчика, в русские стихи во время археологического своего путешествия по Турции в 1829 году. В продолжении писем своих из Болгарии и Румилии, коих начало известно уже нашим читателям, он подробно говорит как об этом, так и обо многих других весьма любопытных предметах» (с. 189).

179. Там же, с. 139. В примеч. переводчик рассказывает, как он почевал в Крыму, в татарской деревне на краю Байдарской долины; один из местных жителей, напевая, читал эти стихи по рукописи — «и вот вам в русских стихах татарская песня» (с. 189).

180. Изд. 1836, с. 117. Байрон, "Fill the goblet again! for I never before..." (1809). Тепляков заменил четверостишия Байрона смежными рифмами шестистишиями, рифмованными по схеме аВаВсс. Также перев.: А. Мейснер, В. Зотов, Алеко, В. Левик.

181. Там же, с. 157. Беранже, La Bonne vieille — «Vous vieillirez, ô ma belle maîtresse!» (Livre II, 1816—1821). Также перев.: В. Курочкин, М. Михайлов.

В. И. ТУМАНСКИЙ (1800—1860)

Василий Иванович Туманский — поэт-романтик, талант которого ценили Рылеев, Кюхельбекер и Пушкин. Он оставил несколько примечательных переводов с французского (Вольтер, Парни, Мильвуа), характерных для элегического направления 20-х годов, к которому принадлежал.

Печ. по изд.: В. И. Туманский, Стихотворения и письма, СПб., 1912.

182. «Благонамеренный», 1819, № 15, с. 141. Парни, Isnel et Asléga, из 2-й песни — от ст. «Belle Asléga, belle, mais trop coupable...».

183. «Новости литературы», 1823, № 22, с. 142. Вольтер, A M. de Cideville — «Si vous voulez que j'aime encore...». Также перев.: А. Пушкин (совпадает первый стих).

184. «Соревнователь», 1823, ч. 22, № 6, с. 266. Мильвуа, La Chute des feuilles — «De la dépouille de nos bois...» (Elégies, 1812—1814). Также перев.: см. примеч. 56.

М. Д. ДЕЛАРИЮ (1811—1868)

Михаил Данилович Деларю, воспитанник Царскосельского лицея, был близок к поэтическому кругу Пушкина и Дельвига. Опубликованный им в 1834 г. перевод стихотворения Гюго «Красавице» имел последствием арест автора и его увольнение с государственной службы; стихотворение разошлось по России во множестве списков. Пушкин в дневнике записал: «Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря» (запись от 22 декабря

1834 г.). Деларю много переводил из римских поэтов — Вергилия («Энеида», песни 1 и 4) и Овидия («Превращения Дафны», «Фазтон», «Ио»). В 1839 г. он опубликовал перевод «Слова о полку Игореве», в предисловии к которому писал: «Песнь Игорю можно передать с точностью не тоническим размером наших народных песен и еще менее ямбом, как сделали то некоторые наши писатели, а поэтической мерной прозой, или нашим гекзаметром — мерою столь свойственную строению и духу языка русского». Белинский высоко оценил труд Деларю, найдя его гекзаметры «звучными» и «прекрасными» и отметив, что они «чрезвычайно хорошо подходят к характеру этой „Песни“» («Лит. наследство», т. 56, ч. 2, М., 1950, с. 23).

185. БдЧ, 1834, т. 7, с. 131. Гюго, *A une femme* — «Enfant! si j'étais roi, je donnerais l'empire...» (*Les Feuilles d'automne*, 1829). Также перев.: Э. Линецкая.

186. Михаил Деларю, *Опыты в стихах*, СПб., 1835, с. 95. Шиллер, *An die Muse* — «Was ich ohne dich wäre...» (*Votivtafeln*, 1796). Также перев.: Л. Мей, М. Дмитриев, М. Михайлов.

187. «Гирлянда», 1831, ч. 1, кн. 7, с. 181. *Das Kind in der Wiege* — «Glücklicher Säugling! dir ist...» (1795). Также перев.: А. Совинский, В. Зотов, М. Лермонтов, Ф. Миллер, А. Струговщиков, М. Михайлов, А. Фет.

188. *Опыты...*, с. 127. Овидий, *Metamorphoseon*, из кн. I — от ст. «*Aurea prima sata est aetas, que vindice nullo...*». Также перев.: А. Курбатов, С. Дымцев, В. Вроблески, Н. Олин.

А. П. ПОЛЕЖАЕВ (1804—1838)

Александр Иванович Полежаев был замечательным и весьма плодотворным переводчиком главным образом французской поэзии (Вольтер, Панар, Ламартин, Гюго, Делавинь, Лемуан); интересны также его переводы из Байрона и Макферсона. Белинский, говоря о «необыкновенной способности Полежаева переводить стихами», отмечал романтический характер его дара: «Только ему надо было переводить что-нибудь гармонизировавшее с его духом, и преимущественно лирические произведения, по причине субъективной настроенности его натуры» ((*Стихотворения Полежаева*), 1842).

189. ВЕ, 1825, № 23—24, с. 182. Перевод с французского текста: *Ossian, barde du troisième siècle... en vers français par Baour Lormian*, Paris, 1809, 3ème éd., p. 161.

190. Стихотворения А. Полежаева, М., 1832, с. 125. Ламартин, *Le Soir* — «Le soir ramène le silence...» (*Premières méditations poétiques*, IV, 1820). В оригинале — четверостишие восьмисложного стиха. Полежаев ввел чередование четырех- и трехстопного ямба, допустил ряд пропусков и изменений. Также перев.: Н. Греков, И. Бороздна, Меркли, В. Григорьев.

191. ВЕ, 1826, № 15, с. 204. А Е1*** — «Lorsque seul avec toi, pensive et recueillie...» (Secondes méditations poétiques, X, 1820). В оригинале преобладает александрийский стих (33 стиха из 38), остальные восьмисложные. Полежаев всю элегию перевел четырехстопным ямбом, увеличив число строк до 48.

192. «Новогодник», СПб., 1839, с. 346 (с цензурными пропусками ст. 18—37). Вольтер, Adieu à la vie — «Adieu; je vais dans ce pays...» (1778). У переводчика эпиграф: «C'est que la mort n'est pas ce que la foule en pense!» Н(уго) (V. Hugo, Odes, Livre III, 1 — «А М. Alphonse de L(amartine)», 1825), т. е. «Смерть — не то, что думает о ней толпа» (Гюго). Перевод посвящен Л. А. Якубовичу. Также перев.: А. Молчанов, А. Кочетков.

193. Кальян. Стихотворения А. Полежаева, М., 1833, с. 85. Гюго, Clair de lune — «La lune était sereine et jouait sur les flots...» (Orientales, X, 1828). В оригинале — 5 четверостиший двенадцатисложного стиха с перекрестной рифмой. Полежаев снял строфическое членение и регулярность рифмовки; в его тексте 21 стих. Также перев.: Н. Федоров, Вс. Рождественский.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ (1814—1841)

На протяжении всей своей творческой жизни, с 1829 по 1841 год, Лермонтов переводил стихи, — главным образом немецких поэтов (Шиллера, Гете, Цедлица, Гейне), а также Байрона и Мицкевича. По числу стихотворений на первом месте Шиллер (1829) и Байрон (1830—1836); наиболее яркого успеха Лермонтов добился в переводах из Цедлица, Байрона, Гете и Гейне. Как пишет новейший исследователь, «Лермонтов в своих переводах и переделках чрезвычайно самостоятелен и оригинален, передавая специфику подлинника лишь в той мере, в какой ему по пути с его автором (например, с Байроном). В интерпретируемом авторе его интересует возможность найти новые оттенки для выражения собственных творческих намерений» (А. В. Федоров, Лермонтов и литература его времени, Л., 1967, с. 273).

Печ. по изд.: М. Ю. Лермонтов, Собрание сочинений в 4-х томах, М., 1958—1959.

194. Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей, т. 8, СПб., 1860, с. 321. Шиллер, Die Begegnung — «Noch seh' ich sie, umringt von ihren Frauen...» (1796). Перевод Лермонтова — только две строфы из четырех. Несколько смысловых ошибок: например, в 10-й строке глагол «sinnen» прочитан как «singen». Также перев.: К. Аксаков, Н. Голованов, Е. Эткинд.

195. Там же, с. 322. Ан * — «Teile mir mit, was du weißt; ich werd' es dankbar empfangen...» (Votivtafeln, 1796). Лермонтов превратил элегический дистих в рифмованное четверостишие четырехстопного ямба. Также перев.: Л. Мей, Е. Эткинд.

196. ОЗ, 1859, № 11, с. 253. Байрон, "Farewell if ever fondest
grayer..." (1808). Также перев.: А. Григорьев, Н. Спиглазов, Н. Гре-
ков, Д. Михаловский, Вяч. Иванов.

197. Стихотворения М. Ю. Лермонтова, Берлин, 1862, с. 22. Пес-
ня леди Амондевилл из поэмы "Don Juan" (1818—1824) — "Beware!
beware of the Black Friar..." (песнь 16, между октавами XL и XLI,
строфы 1, 2 и часть 4-й — из шести строф оригинала). Также перев.:
см. примеч. 458.

198. ОЗ, 1839, № 6, с. 80. "My soul is dark — oh! quickly string..."
(Hebrew Melodies, 1814, 9). Также перев.: А. Киров, Н. Гнедич,
П. Волков, П. Козлов, Алеко.

199. Там же, с. 81. Lines Written in an Album at Malta — "As
o'er the cold sepulchral stone..." (1809). Также перев.: Г. Лузанов,
А. Измайлов, И. Козлов, П. Вяземский, А. Бистром, Ф. Тютчев,
П. Шкляревский, В. Межаков, В. Гаевский, А. Бржеский.

200. СВ, 1889, № 8, с. 10. Drei Ritter am Thor — «Es ritten drei
Ritter zum Thor hinaus, Adel!» (Des Knaben Wunderhorn, 1806). Лер-
монтов перевел начало этой народной песни; в остальном же, со-
хранив форму, иронически переосмыслил ее.

201. ОЗ, 1840, № 5, с. 1. Цедлиц, Das Geisterschiff — «Es gau-
schen die Winde, die Nebel ziehn...». Строфа 12 — из другой баллады
Цедлица, «Ночной смотр» (Die nächtliche Heerschau). Также перев.:
Ф. Миллер.

202. ОЗ, 1840, № 7, с. 1. Гете, Wanderers Nachtlied — «Über
allen Gipfeln ist Ruh'...» (1780). Также перев.: Н. Борисович (Хво-
стов), И. Анненский, В. Брюсов.

203. ОЗ, 1843, № 11—12, с. 317. Гейне, «Sie liebten sich beide,
doch keiner...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 33). Также перев.: А. Фет,
Н. Полежаев, А. Данилевский-Александров, В. Коломийцев, В. Гип-
пиус, В. Левик.

204. ОЗ, 1842, № 1—2, с. 124. «Ein Fichtenbaum steht einsam...»
(Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 33). Также перев.: Ф. Тютчев,
А. Фет, В. Яковлев, М. Михайлов, П. Вейнберг, Н. Греков, А. Май-
ков, М. Леонтьев, А. Мейснер, П. Симонов, И. Кондратьев, В. Дол-
гинцев, Н. Полежаев, О. Яковлев, В. Гиппиус.

205. «Вчера и сегодня», кн. 2, СПб., 1846, с. 153. Мицкевич,
Widok gór ze stepów Kozłowa — «Tam? czy Allach postawił ścianą
morze lodu?» (Sonety Krymskie, 1826, V). Лермонтов, оставаясь вер-
ным смысловому содержанию оригинала, не сохранил его сонетной
формы. Также перев.: см. примеч. 120а; Ю. Познанский, И. Кон-
дратьев (отдельно этот сонет).

Владимир Григорьевич Бенедиктов, стяжавший славу безвкусного и вычурного стихотворца, во многих своих переводах поднялся на значительную художественную высоту. Это относится к его переводам с французского (Шенье, Барбье, Гюго, Готье), немецкого (Шиллер) и польского (поэмы и многочисленные лирические стихотворения Мицкевича).

206. В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, под ред. Л. Я. Гинзбург, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1939, с. 296 (по рукописи в ГПБ). Мицкевич, *Ażusza w dzień* — «Już góra z piersi mgliste otrząsa chylaty...» (Sonety Krymskie, 1826, XI). Также перев.: см. примеч. 121.

207. Там же, с. 297. *Ruiny zamku w Bałakławie* — «Te zamki, rołamane w zwaliska bez ładu...» (Sonety Krymskie, 1826, XVII). Также перев.: см. примеч. 120а; Ю. Познанский, Б. Попов, Д. Бохан, С. Свяцкий (отдельно этот сонет).

208. А. Мицкевич, Сочинения в 5-ти томах, под ред. П. Н. Полевого, т. 4, СПб.—М., 1882, с. 254. Отрывок из 4-й книги поэмы «Pan Tadeusz» (1834), от ст. «Natenczas Wojski chwycił na taśmie przuپیęty...». В оригинале — 8 стихов тринадцатисложника. Также перев.: поэму целиком — П. Дубровский (проза), Н. Берг, С. Мар (Аксенова), М. Павлова; отрывки — Л. Мей, Н. Семенов, Н. Ласковский, Д. Минаев (пролог к поэме в переводе Бенедиктова), И. Аксенов. *Wojski* (tribunus) — шляхетский титул.

209. Стихотворения В. Бенедиктова, посмертное издание под ред. Я. П. Полонского, т. 3, СПб.—М., 1884, с. 407 (в разделе «Подражания сонетам Шекспира»). Шекспир, сонет 66 — «Tired with all these, for restful death I sue...» (1609). Также перев.: Н. Гербель, С. Ильин, П. Каншин (проза), П. Кусков, Ф. Червинский, М. Чайковский, А. Соколовский (проза), О. Румер, Б. Пастернак, С. Маршак.

210. Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, под ред. Н. В. Гербея, т. 2, СПб., 1857, с. 3 (под загл. «К Радости»). Шиллер, *An die Freude* — «Freude, schöner Götterfunken...» (1785). В своем переводе Бенедиктов восстановил последнюю строфу и последний хор, исключенные Шиллером из окончательной редакции. Также перев.: Н. Карамзин (подражание), А. Мансуров, Ф. Тютчев, И. Петров, П. Алексеев, К. Аксаков, М. Дмитриев, А. Струговщиков, Н. Голованов, М. Лозинский, И. Миримский.

211. Стихотворения..., т. 3, с. 390. Шенье, «*Oh, venez maintenant, graves compilateurs...*» (Poésies diverses, XII). *Царь фригийский* — Мидаас.

212. Там же, с. 398. «*Le courroux d'un amant n'est point inexorable...*» (Fragments d'élégies, VIII). Также перев.: Вс. Рождественский.

213. Стихотворения... , т. 2, с. 78. Барбье, Dante — «Dante, vieux Gibelin! quand je vois en passant...» (Iambes, 1831). Также перев.: С. Дуров, Ю. Doppельмейер.

214. Русская потасенная литература XIX столетия, изд. Н. Огарева, Лондон, 1861, с. 350. La Curée — «Oh! lorsqu'un lourd soleil chauffait les grandes dalles...» (1830). Также перев.: В. Буренин, Д. Минаев (гл. 3), П. Антокольский.

215. Стихотворения... , т. 3, с. 360. Гюго, Mors — «Je vis cette faucheuse. Elle était dans son champ...» (Les Contemplations. — Aujourd'hui, IV, 16, 1854).

216. Там же, с. 357. Napoléon II (Chants du crépuscule, 1835) — конец гл. 1 и вся гл. 2.

217. Стихотворения... , т. 2, с. 269 (без указания автора оригинала). Готье, Le Poème de la femme. Marbre de Paros — «Un jour, au doux rêveur qui l'aime...» (Emaux et Camées, 1852). Также перев.: Н. Гумилев.

Э. П. ГУБЕР (1814—1847)

Эдуард Иванович Губер, по профессии военный инженер, уже в ранней молодости — в 1831 г. — занялся переводом «Фауста», который окончил в 1835 г. Цензура запретила печатание, и Губер, впав в депрессию, уничтожил рукопись. Слух об этом заинтересовал Пушкина, который сам отправился к Губеру и убедил его снова приняться за труд. С этих пор Губер систематически посещал Пушкина, показывая ему восстановленные отрывки перевода, и Пушкин его редактировал. Перевод вышел в свет в 1838 г. с цензурными искажениями и пропусками. А. В. Дружинин считал, что перевод Губера превосходит в лирических местах, «то есть везде, где требуется субъективная сторона, где тон отрывка высок или чужд житейской мелочи», и слаб там, где «ирония, шутливость, юмор требуют особенной гибкости в языке переводчика» («Сочинения Э. И. Губера», 1860). М. Л. Михайлов видел главный недостаток «в старании переводчика сохранить гладкость и плавность русского стиха... все резкое, оригинальное в подлиннике как-то смягчилось, стало как-то бесцветнее» («Сочинения Э. И. Губера», 1859).

218. Фауст, сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера, СПб., 1838, с. 41. Гете, Faust. Vor dem Tor — «Vom Eise befreit sind Strom und Bäche...». Также перев.: см. примеч. 172.

219. Там же, с. 98. Auerbachs Keller in Leipzig — «Wenn ich nicht irrte, hörten wir...». В сцене «Погреб Ауэрбаха» слова «царь», «министр», «царица», «Уж бить — так всех их заодно!», «Да здравствует свобода!» были вычеркнуты цензурой и восстанавливаются на основании рукописных примечаний к тексту издателя сочинений Губера (1859—1860) — А. Г. Тихменева (библиотека ИРЛИ).

220. Сочинения Э. Губера, т. 1, СПб., 1859, с. 223. Grenzen der Menschheit — «Wenn der uralte, heilige Vater...» (1779). Также пе-

рев.: Д. Аверкнев, К. Бальмонт, И. Дмитриев, М. Дмитриев, М. Михайлов, А. Струговщиков, А. Фет.

221. Там же, с. 211. Шиллер, Die Worte des Glaubens — «Drei Worte nenn' ich euch, inhaltschwer...» (1797). Также перев.: А. Востоков, А. Струговщиков, Н. Голованов, Д. Цертелев, Л. Гинзбург.

М. П. ВРОНЧЕНКО (1801—1855)

Михаил Павлович Вронченко — по профессии военный геодезист, генерал-майор — первый переводчик на русский язык трагедий Шекспира («Гамлет» — 1828, «Макбет» — 1837), «Манфреда» Байрона (1828), «Дядюв» Мицкевича (1828); перевел он также «Фауста» Гете (1844). Он познакомил русского читателя с этими великими поэтами и возбудил к ним интерес. И. С. Тургенев сурово писал о его «Фаусте»: «Это не источник, который свободно и легко бьет из недр земли: это колодезь, из которого со скрипом и визгом насос выкачивает воду... Мы не чувствуем единой, глубокой, общей связи между автором и переводчиком, но находим много связей, как бы ниток, которыми каждое слово русского «Фауста» пришито к соответствующему немецкому слову» («Фауст, трагедия, сочинение Гете», 1845).

222. Фауст, трагедия, сочинение Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко, СПб., 1844, с. 1. Гете, Faust. Zueignung — «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten...». Также перев.: см. примеч. 172.

223. Там же, с. 164. Gretchens Stube — «Meine Ruh' ist hin...».

224. Там же, с. 176. Zwinger — «Ach neige, Du Schmerzenseiche...».

Ф. И. ТЮТЧЕВ (1803—1873)

Тютчев как лирик и как мыслитель был на протяжении всей жизни связан с немецкой литературой, переводил Шиллера, Гете, Гердера, Гейне, Цедлица. Из других литератур он перевел отдельные стихотворения Ламартина и Байрона, а также отрывки из драмы Гюго «Эрнани» и трагедии Расина «Федра». Особо следует сказать, что Тютчев положил начало русскому Гейне (во второй половине 20-х годов). Ю. Тынянов писал об этих переводах: «Чужое искусство явилось для Тютчева поводом к созданию произведений, традиция которых на русской почве восходила к XVIII веку» («Тютчев и Гейне», 1921).

Печ. по изд.: Ф. И. Тютчев, Лирика, т. 1—2, М., 1965.

225. «Труды общества любителей российской словесности», 1822, ч. 2, с. 204. Шиллер, Hektors Abschied — «Will sich Hektor ewig von mir wenden...» (1780). Также перев.: М. Михайлов, В. Зотов, Л. Мей, М. Достоевский, Д. Павлов, Н. Голованов.

226. СЛ на 1827 г., с. 80. An die Freude — «Freude, schöner Götterfunken...» (1785). Также перев.: см. примеч. 210.

227. «Современник», 1854, № 3, с. 50. Lied des Fischerknaben — «Es lächelt der See, er ladet zum Bade...» (Wilhelm Tell, 1804). Также перев.: С. Шевырев, А. Ротчев, Ф. Миллер, Н. Славятинский.

228. «Уралия» на 1826 г., с. 70. Гердер, Morgengesang im Kriege — «Tag bricht an...» (Stimmen der Völker, Buch IV — Nordische Lieder, 4, 1778). В оригинале 20 строк, в переводе 40; некоторые строки значительно удлинены.

229. «Сиротка», 1831, с. 198. Гете, «Wer nie sein Brot mit Tränen aß...» (Harfenspieler, III, 1795). Также перев.: см. примеч. 72.

230. Там же. «Wer sich der Einsamkeit ergibt...» (Harfenspieler, I, 1795). Также перев.: Ф. Берг, А. Григорьев, Б. Пастернак.

231. «Раут» на 1852 г., с. 201. «Kennst du das Land wo die Zitronen blühen?..» (Mignon, II, 1795). Также перев.: В. Жуковский, А. Майков, П. Ободовский, М. Семперверо, Л. Мей, М. Михайлов, А. Струговщиков, Н. Гербель (дважды), П. Шкляревский, Б. Пастернак.

232. «Галатя», 1830, № 40, с. 133. Гейне, Fragen — «Am Meer, am wüsten, nächtlichen Meer...» (Die Nordsee, II, 7, 1825—1826). Также перев.: М. Михайлов, А. Мантейфель, Н. Добролюбов, Н. Греков, А. Сомов, М. Прахов, Д. Цертелев, В. Долгинцев, Г. Шенгели, С. Шервинский, П. Карп.

233. Сочинения Ф. И. Тютчева, СПб., 1886, с. 407. Der Schiffbrüchige — «Hoffnung und Liebe! alles zertrümmert!..» (Die Nordsee, II, 3, 1825—1826). Также перев.: М. Михайлов, Н. Греков, А. Сомов, П. Вейнберг, М. Прахов, А. Мейснер, А. Шкафф, С. Шервинский, Вл. Разумовский, П. Карп.

234. СЛ на 1827 г., с. 441. Байрон, Lines Written in an Album at Malta — «As o'er the cold sepulchral stone...» (1809). Также перев.: см. примеч. 199.

235. Стихотворения Ф. Тютчева, СПб., 1868, с. 171. Микеланджело Буонаротти, «Grato m'è sonno e più l'esser di sasso...» (ответ на стихи Строщи, навеянные скульптурой Микеланджело «Ночь» на гробнице Юлиана Медичи во Флоренции).

И. П. ГРЕКОВ (1810—1860)

Николай Порфирьевич Греков, второстепенный поэт, эпигон романтиков, был плодовитым переводчиком с немецкого, английского, французского и испанского языков. Ему принадлежат переводы 1-й части «Фауста» (1859), «Ромео и Джульетты» Шекспира (1862), лирики Гейне (1863), поэмы Мюссе «Ролла» (1864), а также трагедий Кальдерона «Жизнь есть сон» и «Ересь в Англии», нескольких лирических стихотворений Парни, Шенье, Мюссе и др. М. Л. Михайлов упрекал Грекова как переводчика «Фауста» в том, что «о ф о р м е,

данной мысли Гете, он вовсе не заботится: везде на первом плане у него гладкость, плавность и текучесть собственных стихов» («Фауст, трагедия Гете. Перевод Н. Грекова», 1859).

Печ. по изд.: Новые стихотворения Н. П. Грекова, М., 1866.

236. Изд. 1866, с. 143. Парни, A la nuit — «Toujours le malheureux t'appelle...» (Élégies, II). 12 стихов оригинала сокращены до 8. Также перев.: А. Пушкин («К Морфею»), Н. Маркевич.

237. Там же, с. 100. Шенье, «Partons, la voile est prête, et Bysance m'appelle...» (Fragments d'élégies, XV). В оригинале 14 строк, в переводе 18.

238. Там же, с. 102. «Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre...» (Iambes, IX, 1793). Начальные 15 стихов. Также перев.: В. Злобин, П. Ковалевский, Ф. Орлов.

239. Там же, с. 141. Мюссе, Le Fils de Titien — «Lorsque j'ai lu Pétrarque, étant encore enfant...» (Poésies nouvelles, 1838). Также перев.: З. Бухарова, Н. Минский.

А. П. СТРУГОВЩИКОВ (1808—1878)

Александр Николаевич Струговщиков — автор многочисленных переводов с немецкого, из Шиллера и Гете. Белинский ценил воссозданные им Гетевы «Римские элегии», но осуждал его «ложный взгляд на искусство переводить», который отчетливо выразился в предисловии автора к сборнику 1845 г. «Стихотворения А. Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера», ч. 1: «Убеждение, что для произведений лирической поэзии переводов не существует, примиряло меня с чувством ответственности перед лицом гениев, избранных мною в руководители. Здесь, забывая и отбрасывая иногда подробности, я был напущен одним из главнейших впечатлений подлинника; так иногда воспоминания действуют на душу сильнее самых явлений». Белинский замечал по этому поводу, что «такой способ творчества... хорошего заимствователя ставит ниже хорошего переводчика: последний, как не имеющий претензий на творчество, выказывает самостоятельную способность формы, обогащающую родную литературу сокровищами иностранных, тогда как талант первого есть не более как «пленной музы раздраженье»... , не говоря уже о том, что заимствователь обязан выдерживать соперничество с великими поэтами» («Стихотворения А. Струговщикова...», 1845).

Печ. по изд.: Стихотворения А. Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера, ч. 1, СПб., 1845.

240. Изд. 1845, с. 3. Гете, «Heiß mich nicht reden, heiß mich schweigen...» (Mignon, I, 1795). Также перев.: Н. Холодковский, Б. Пастернак.

241. УЗ на 1839 г., с. 283. Prometheus — «Bedecke deinen Himmel, Zeus...» (1744). Также перев.: Д. Аверкиев, М. Дмитриев, М. Михайлов, А. Шеллер-Михайлов, К. Бальмонт, А. Кочетков.

242. Изд. 1845, с. 117. Der Totentanz — «Der Türmer, der schaut zu Mitten der Nacht...» (1813). Также перев.: И. Петров, Н. Холодковский, В. Бугаевский.

243. Изд. 1845, с. 14. Шиллер, Die Größe der Welt — «Die der schaffende Geist einst aus dem Chaos schlug...» (1781). Также перев.: см. примеч. 173.

К. С. АКСАКОВ (1817—1860)

Константин Сергеевич Аксаков, поэт, публицист и идеолог славянофильства, оставил несколько переводов из Шиллера и Гете, которые относятся к раннему периоду его деятельности — концу 30-х годов. Перевод стих. Шиллера «Идеалы» (1838) строгий критик М. Л. Михайлов приравнивал к шедеврам Жуковского. Менее удачен перевод песни «К радости» (1840), который Н. А. Добролюбову напоминает скорее «духовный гимн слепцов» («Шиллер в переводе русских писателей», 1858), чем шиллеровский гимн.

Печ. по изд.: Поэты кружка Н. В. Станкевича (Н. В. Станкевич, В. И. Красов, К. С. Аксаков, И. П. Ключников), «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

244. МН, 1838, ч. 18, с. 19. Шиллер, Das Geheimnis — «Sie konnte mir kein Wörtchen sagen...» (1796). Также перев.: М. Дмитриев, В. Ещин, Н. Голованов, Л. Гинзбург.

245. МН, 1839, ч. 1, с. 15. Гете, Meeresstille — «Tiefe Stille herrscht im Wasser...» (Lieder, 1795). Также перев.: О. Ванецкий, Н. Колачевский, В. Крылов, Ф. Миллер, М. Михайлов, А. Плещеев, Н. Полилов, Ф. Ромер, Н. Вольпина.

246. Там же, с. 24. Glückliche Fahrt — «Die Nebel zerreißen...» (Lieder, 1795). Также перев.: В. Туманский, Н. Колачевский, В. Крылов, Ф. Миллер, М. Михайлов.

247. Там же, с. 32. Der Fischer — «Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll...» (Balladen, 1778). Также перев.: см. примеч. 75.

Ф. В. МИЛЛЕР (1818—1881)

Федор Богданович Миллер, по профессии преподаватель немецкого и русского языков и словесности, дослужившийся до чина статского советника, был незадачливым беллетристом и — позднее — плодовитым поэтом-переводчиком с немецкого, английского и польского. Известностью пользовались его переводы из Шиллера (баллады, драмы «Вильгельм Телль», «Мессинская невеста»), Гейне, Гамерлинга (поэма «Агасфер в Риме»), Шекспира («Цимбелин», «Мера за меру»), Мицкевича (поэма «Конрад Валленрод»). Современные критики отзывались об этих переводах по-разному. Так, И. С. Тургенев, оценивая «Вильгельма Телля», писал, что стих Миллера «относится к стиху Шиллера, как самые бедные водяные краски к масляным», и что он «передает нам не мысли Шиллера, но общие места, похожие на эти мысли» («Вильгельм Телль, соч. Шиллера», 1843).

М. Л. Михайлову принадлежит иная и более справедливая характеристика: «Уважение к переводимому подлиннику, старание передать его во всей полноте и со всеми частностями, наконец умение обращаться со стихом и со словом вообще делает переводы г. Миллера полезным приобретением». Впрочем, Михайлов же отмечал отсутствие у Миллера «лирической струн» и «некоторую сухость выражения» и считал, что ему удаются по-настоящему только «повествовательные вещи», а не «пьесы, принадлежащие к сфере страстной лирики» («Шиллер в переводе русских писателей», 1859).

Печ. по изд.: Стихотворения Ф. Б. Миллера (1840—1860), изд. 3, М., 1872.

248. «Москвитянин», 1842, № 3, с. 11. Шиллер, *Das Kind in der Wiege* — «Glücklicher Säugling! dir ist...» (1795). Также перев.: см. примеч. 187.

249. Там же. *Freund und Feind* — «Teuer ist mir der Freund...» (Votivtafeln, 1796). Также перев.: А. Струговщиков, М. Михайлов, Е. Эткинд.

250. «Москвитянин», 1842, № 5, с. 20; «Журнал военно-учебных заведений», 1842, т. 38, № 150, с. 159. *Erwartung und Erfüllung* — «In den Ozean schiff't...» (1796). Также перев.: Б. Буранов, А. Струговщиков, М. Михайлов, Е. Эткинд.

251. «Москвитянин», 1842, № 3, с. 11. *Die schönste Erscheinung* — «Sahest du nie die Schönheit...» (1796). Также перев.: А. Востоков, А. Струговщиков, Л. Мей, К. Петерсон, Е. Эткинд.

252. «Москвитянин», 1846, № 11—12, с. 9. Фрейлиграт, *Unter den Palmen* — «Mähnen flattern durch die Büsche; tief im Walde tobt der Kampf...» (Vermischte Gedichte, 1837). Также перев.: Л. Успенский.

253. Изд. 1872, с. 16. Уланд, *Des Sängers Fluch* — «Es stand in alten Zeiten ein Schloß so hoch und hehr...» (1814). Также перев.: П. Веинберг.

254. «Развлечение», 1859, № 27, с. 24. Гейне, *Der Tambourmajor* — «Das ist der alte Tambourmajor...» (Zeitgedichte, 1840—1850, 7). Также перев.: А. Плещеев, А. Шкафф, А. Мейснер, В. Зоргенфрей, А. Мушников, М. Замаховская, Е. Эткинд. *Kärner*, Теодор (1791—1813) — поэт, автор антинаполеоновских песен.

255. РС, 1860, № 7, с. 1. Мицкевич, вступление к поэме «Konrad Wallenrod» (1826—1828) — «Sto lat mijało, jak zakon Krzyżowu...». Также перев.: всю поэму — С. Шевырев (проза), А. Шпигоцкий, П. Дубровский (проза), И. Шершневич, А. Горбунов, В. Бенедиктов, Н. Семенов, С. Соловьев, Н. Асеев; только вступление — А. Глебов, А. Пушкин (начало), А. Мейснер, К. Висковатов, М. Вронченко, Н. Малышев. *Палемон* — итальянский рыцарь, которого литовцы, по древней легенде, избрали князем. Литву называли «землей Палемона».

256. Английские поэты в биографиях и образцах, под ред. Н. В. Гербея, СПб., 1875, с. 229. Саути, *The Inchcape Rock* — "No stir in the air, no stir in the sea..." (1802). Вследствие описки переводчика или опечатки утвердилось неверное наименование; следует — «Инчкапский».

Е. Е. ПАВЛОВА (1807—1808)

Каролина Карловна Павлова (урожд. Яниш) переводила на немецкий и французский языки стихи Жуковского и Пушкина, а также на русский — с немецкого, французского, английского, польского, древнегреческого. К. Павлова обладала редким даром поэтического перевоплощения, отмеченным еще Белинским: «Удивительный талант г-жи Павловой... переводить стихотворения со всех известных ей языков и на все известные языки начинает наконец приобретать всеобщую известность... Но еще лучше (по причине языка) ее переводы на русский язык: подивитесь сами этой сжатости, этой мужественной энергии, благородной простоте этих алмазных стихов, алмазных и по крепости, и по блеску поэтическому» («Русские журналы», 1839). К числу лучших работ К. Павловой относятся ее переводы из Фрейлиграта, А. Шенье, Гюго, Кэмпбелла, Байрона, В. Скотта, а также переводы шотландских народных баллад. К. Павлова стремилась к максимальной близости оригиналу, ритмической и лексической. «Я убеждена, — писала она в предисловии к своим переводам на немецкий (1832), — что в метрическом переводе нельзя изменить стихотворные размеры подлинника без разрушения характера и физиономии стихотворения... Я льшу себе тем, что... я ни в чем не отступила от подлинника и ни одно стихотворение не потеряло своего колорита и своего особого характера».

Печ. по изд.: К. К. Павлова, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

257. ОЗ, 1839, № 11, с. 159. Старинная шотландская баллада "Edward, Edward" — "Why does your brand sae drop wi' bluid?..." Примеч. редакции ОЗ: «Это стихотворение принадлежит к числу самых древних шотландских баллад. Русская переводчица, умеющая с такою энергиею передавать чужеземные народные песнопения, перевела и эту балладу слово в слово и с намерением удержала это многозначительное О!, которым в подлиннике оканчивается каждое четверостишие. От повторения этого О! в целом стихотворении слышится какой-то болезненный стон, который в подлиннике придает особенную силу целой пиесе и который, несмотря на странность его, должен был необходимо сохраниться в переводе». Также перев.: А. Толстой.

258. ОЗ, 1840, № 5, с. 3. В. Скотт, *Rokeby* (1813), из 3-й песни (строфы 16—18) — "O, Brignal banks are wild and fair..." В оригинале повторяющиеся строфы (четверостишия 3, 6, 9, 12) поет хор. Также перев.: И. Козлов, Э. Багрицкий.

259. ОЗ, 1839, № 5, с. 249. Рюккерт, «Die Liebe sprach: in der Geliebten Blicke...».

260. ОЗ, 1839, № 7, с. 141. Гейне, «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 2). Также перев.: М. Михайлов, Л. Мей, П. Вейнберг, А. Майков, Саша Черный, В. Коломийцев, А. Блок, В. Гиппиус, В. Левик, С. Маршак, П. Карп, Т. Сильман.

261. Стихотворения К. Павловой, М., 1863, с. 113. Фрейлиграт, Die Schreiner-gesellen — «Fürwahr, ein traurig, ein schaurig Thun!..» (Balladen und Romanzen, 1831). Также перев.: М. Михайлов.

262. РВ, 1858, август, кн. 2, с. 718. Гюго, Apparition — «Je vis un ange blanc qui passait sur ma tête...» (Les Contemplations. — Aujourd'hui, V, 18, 1855).

С. Ф. ДУРОВ (1816—1869)

и
лс
он

В творчестве Сергея Федоровича Дурова, одного из поэтов-петрашевцев, перевод занимает большое место. Это прежде всего воссоздания близких ему по духу стихотворений французских поэтов — А. Шенье, Барбье, Гюго, а также элегий Арно и Жильбера и стихотворений Байрона. Наибольшее значение имеют дуровские переводы из Барбье; Дуров был самым активным пропагандистом «Ямбов» Барбье в России.

Печ. по изд.: Поэты-петрашевцы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

263. «Молодик» на 1844 г., СПб., с. 30. Барбье, Dante — «Dante, vieux Gibelin! quand je vois en passant...» (Iambes, 1831). Это — первый перевод из Барбье в русской печати. Также перев.: В. Бенедиктов, Ю. Doppельмейер.

264. Там же, с. 34. «Il est triste de voir partout l'œuvre du mal...» (Il Pianto, I, 1833). Также перев.: В. Буренин, К. Бабилов, Вс. Рождественский.

265. «Эпоха», 1864, кн. 1—2, с. 518. «Nous avons tout perdu, tout, jusqu'à ce gros rire...» (Iambes, 1831). Также перев.: А. Агрó.

266. БдЧ, 1844, т. 65, с. 148. Шенье, «Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...» (Fragments d'idylles, XII). Начиная с 9-го стиха — другое стихотворение Шенье: «Néère, ne va point te confier aux flots...» (Fragments d'idylles), которое по вине французского издателя Шенье Латуша оказалось соединенным с первым. Все русские переводчики приняли на веру это соединение и перевели оба фрагмента как одно стихотворение (ср. стих. № 400). Также перев.: И. Козлов, А. Толстой, И. Крешев.

267. БдЧ, 1845, т. 72, с. 117. Гюго, «Comme dans les étangs assourpis sous les bois...» (Les Rayons et les Ombres, X, 1840).

268. «Иллюстрация», 1846, № 39, 19 окт., с. 626. Жильбер, Les Plaintes du Malheureux — от ст. «Père aveugle et barbarel impi-toyable mère!..» до ст. «Dans les bois, à la ville, aux champs et sur les flots». Также перев.: В. Милонов.

269. «Иллюстрация», 1846, № 16, 4 мая, с. 254. Мериме, Le Moglaque à Venise (La Guzla, 1827). Дуров перевел с польского стих. Мицкевича «Moglach w Wenecji», которое является переводом из «Гюзла» Мериме. Также перев.: А. Пушкин, Н. Берг, Н. Рыкова (проза), М. Живов.

270. БдЧ, 1845, т. 69, с. 158. Байрон, Stanzas for Music — “Bright be the place of thy soul...” (1808). Также перев.: Н. Марквич, А. Григорьев, В. Шор.

271. «Иллюстрация», 1846, № 18, 18 мая, с. 289. “Oh! weep for those that wept by Babel’s stream...” (Hebrew Melodies, 1814, 5). Также перев.: П. Козлов, Д. Минаев, Д. Мин, Д. Михаловский, Г. Бен.

А. П. ПАЛЬМ (1822—1885)

Александр Иванович Пальм, поэт-петрашевец, оставил несколько талантливых переводов из А. Шенье.

Печ. по изд.: Поэты-петрашевцы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

272. «Лит. газета», 1843, № 25, 27 июня, с. 487. Шенье, Imité de la XVI idylle de Bion — «Bel astre de Vénus, de son front délicat...» (Élégies, XIII). Также перев.: И. Козлов, А. Фет, А. Со-мов.

273. БдЧ, 1844, т. 63, с. 76. «Viens près d’elle au matin, quand le dieu du repos...» (Fragments d’élégies, IX). Также перев.: В. Бенедиктов.

И. Я. ЛЕБЕДЕВ (†)

Иван Яковлевич Лебедев — поэт-переводчик, которому принадлежит около 30 переводов из лирики Гейне, исполненных во второй половине 50-х годов. Некоторые из них представляют интерес для истории русского Гейне.

Печ. по изд.: Поэты всех времен и народов. Сборник, издаваемый Костомаровым и Бергом, ч. 2, М., 1862.

274. «Развлечение», 1859, № 13, с. 145. Гейне, Childe Harold — «Eine starke, schwarze Barke...» (Romanzen, 1839—1842, 3). Также перев.: А. Майков, Д. Минаев, А. Мейснер, Л. Уманец, П. Висковатый, Е. Дунаевский, М. Лозинский. Стихотворение Гейне написано, видимо, в 1824 г., в год смерти Байрона; он умер в Греции, и прах его был перевезен в Англию.

275. «Развлечение», 1859, № 16, с. 185; окончат. ред.: Поэты всех времен и народов, с. 115. Die Nixen — «Am einsamen Strande plätschert die Flut...» (Romanzen, 1839—1842, 11). Также перев.: А. Мейснер, М. Соимонов, М. Фроман, В. Левик.

Лев Александрович Мей — один из самых крупных и плодовитых поэтов-переводчиков XIX века. Ему принадлежат переводы всех од Анакреона, многих лирических стихотворений и баллад Гете, Шиллера, Гейне, Мильтона, Байрона, Шенье, Беранже, Гюго, а также ряда славянских поэтов — Шевченко, Мицкевича, Кондратовича, Щеголева, Ходзько. Особый интерес представляет работа Мей над народными песнями — моравскими, волынскими и др., а также перевод «Слова о полку Игореве» (1850), текст которого Мей попытался «уложить... в русский сказочный размер». М. Л. Михайлов, оценивая Меев перевод трагедии Шиллера «Дмитрий Самозванец», обращал внимание на «совершенно русский характер речи, который г. Мей умел придать немецкому подлиннику, оставаясь в то же время верным во всех частностях выражения» («Шиллер в переводе русских писателей», 1860). Отмеченная Михайловым особенность составляет силу переводов Мей, но нередко, переходя границы, она же оказывается недостатком.

Печ. по изд.: Л. А. Мей, Полное собрание сочинений в 3-х томах, под ред. П. В. Быкова, 3-е, доп. изд., СПб., 1911.

276. Сочинения Л. А. Мей, т. 3, СПб., 1863, с. 18. Анакреон, Ἄλλο ἐρωτικόν — Φύσις χέρατα ταύροις... Также перев.: И. Виноградов, Г. Державин, Н. Львов, И. Мартынов, И. Богданович, Г. Державин, Е. Кульман, А. Баженов, В. Водовозов, Г. Церетели.

277. Там же, с. 21. Ἄλλο ἐρωτικόν τοῦ αὐτοῦ ᾠδάριον — Ἐπὶ μур-είναις τρεῖναις... Также перев.: И. Виноградов, Н. Львов, И. Мартынов, А. Баженов, В. Водовозов, Г. Церетели.

278. Там же, с. 28. Τοῦ αὐτοῦ εἰς Ἑρωτα κήρινον — Ἑρωτα κήρι-νόν τις... Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, А. Баженов, В. Водовозов, Г. Церетели.

279. Там же, с. 29. Ἄλλο εἰς ἑαυτὸν — Λέγουσιν αἱ γυναῖκες... Также перев.: М. Ломоносов, И. Виноградов, Г. Державин, Н. Львов, И. Мартынов, Е. Кульман, А. Пушкин, Н. Щербина, А. Баженов, В. Водовозов, Г. Церетели.

280. БдЧ, 1855, т. 132, с. 45. Εἰς κόρην τοῦ αὐτοῦ — Μή με φύγης ἄρῳσα... Также перев.: А. Кантемир, Г. Державин, Н. Львов, И. Мартынов, Е. Кульман, Н. Щербина, А. Баженов, Г. Церетели.

281. Сочинения Л. А. Мей, т. 3, с. 71. Ἄλλο εἰς ἑαυτὸν ἢ εἰς ἑταῖρον πρεσβύτην — Φιλῶ γέροντα τερπνόν... Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, Е. Кульман, А. Баженов, В. Крестовский, В. Водовозов.

282. Там же, с. 72. Τοῦ αὐτοῦ βασιλικόν — Δότε μοι λύρην ᾠμήρου... Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, А. Пушкин, А. Баженов, А. Тамбовский, Г. Церетели.

283. СО, 1858, № 17, с. 487. Πῶλε Ἐρηκίη, τί δὴ με λοξὸν ὀμμασιν βλέπουσα... Также перев.: Н. Львов, И. Мартынов, А. Пушкин, А. Баженов, В. Водовозов, Ф. Зелинский, Вяч. Иванов, Г. Церетели.

284. ОЗ, 1855, № 5, с. 103. Шиллер, Hektors Abschied — «Will sich Hektor ewig von mir wenden...» (1780). Также перев.: см. примеч. 225.

285. Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, под ред. Н. В. Гербеля, т. 1, СПб., 1868, с. 17. Гете, «Nur wer die Sehnsucht kennt...» (Mignon, II, 1795). Также перев.: А. Струговщиков, И. Миримский, Б. Пастернак.

286. СО, 1858, № 41, с. 1185. Гейне, «Der Herbstwind rüttelt die Bäume...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 58). Также перев.: А. Плещеев, П. Вейнберг, М. Прахов, А. Шкафф, М. Шелгунов, В. Долгинцев, Ф. Миллер, В. Коломийцев, В. Левик, Р. Минкус.

287. «Светоч», 1860, кн. 9, с. 1. «Morgens steh' ich auf und frage...» (Lieder, 1, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: Ф. Миллер, И. Семенов, А. Мантейфель, Н. Добролюбов, А. Шкафф, П. Быков, К. Бальмонт, В. Коломийцев, В. Разумовский.

288. Там же, с. 5. «Anfangs wollt' ich fast verzagen...» (Lieder, 8, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: А. Яхонтов, И. Семенов, А. Мейснер, М. Прахов, А. Шкафф, П. Быков, П. Вейнберг, Н. Полежаев, А. Энгельке.

289. «Современник», 1855, № 6, с. 218. Шенье, Amymone — «Salut, belle Amymone; et salut, onde amère...» (Idylles, XVI). Число стихов увеличено с 20 до 26.

290. СО, 1859, № 43, с. 119. Беражье, On s'en fiche — «De traverse en traverse...» (Chansons morales et autres, 1815). Также перев.: П. Чижев.

291. «Светоч», 1860, кн. 5, с. 13. Le Vilain — «Et quoi! j'apprends que l'on critique...» (Chansons morales et autres, 1815). Также перев.: М. Михайлов, В. Дмитриев. *Хоругвь леопарда* — имеется в виду герб Британии с изображением льва (или леопарда, как принято называть эту фигуру в геральдике). *Лига* — Католическая лига, созданная в 1576 г. церковниками и частью французского дворянства для борьбы с протестантами.

292. БдЧ, 1858, т. 147, с. 19. Милтон, Paradise Lost (1667), из 1-й песни — от ст. "Nine times the space that measures day and night...". Также перев.: Е. Жадовская, А. Зиновьев, С. Писарев, А. Шуговская, О. Чюмина, Н. Бородин, П. Каншин, Ф. Червинский, Е. Кудашева, Н. Холодковский.

293. «Поэтические эскизы», 1850, с. 20 (первонач. загл. — «У молодой Наны»).

294. СО, 1856, № 13, с. 10.

295. «Поэтические эскизы», 1850, с. 23 (первонач. загл. — «Тянька-голубчик»).

296. СО, 1856, № 12, с. 248 (начало: «Там, в чистом поле, железом копыт. . .»).

297. «Русский мир», 1859, № 4, с. 84 (без загл.).

298. «Народное чтение», 1859, № 3, с. 155. «Ой у мене був коняка. . .» *Буджацкие степи* — в юго-восточной Бессарабии, где жили ногайцы, совершавшие набеги на Молдавию и Украину.

Н. В. БЕРГ (1823—1884)

Николай Васильевич Берг — поэт, близкий к славянофилам, составитель и переводчик нескольких сборников, имевших большое значение для развития русского переводческого искусства: «Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен» (1846), «Сербские песни» (1847), «Песни разных народов» (перевод с 28 языков, 1854). Берг перевел поэму Мицкевича «Пан Тадеуш» (1875) и многие лирические стихотворения Петрарки, Байрона, Мицкевича («Крымские сонеты» и др.). А. Григорьев высоко оценивал Берговы переводы «Песен разных народов», считая, что в них «выступают очень ярко блестящие стороны этого дарования» («Русская изящная литература в 1852 г.»). Свои принципы Берг высказал в предисловии к «Песням»: «Не важен стих, — писал он, — а важен дух, важен результат впечатления. Кому нужно следить за кистью портретиста и поверять, тут ли она положила красную краску, тут ли белую. Нужно, чтобы сказали, когда портрет кончен, — это он! . . . В народном языке всего нужнее свобода слова. Нужно, чтобы все было народно. . . , чтобы ничто чуждое не останавливало, не цепляло. Лучше пропустите слово, стих, целую строфу, чем выражать их в чуждом образ. . . » С русифицирующими тенденциями Берга спорил в своей рецензии Н. Г. Чернышевский, который, впрочем, и вообще отнесся к труду Берга с несправедливой суровостью. Напротив, Н. А. Некрасов писал И. С. Тургеневу, что «книга Берга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии» (письмо от 9 окт. 1854 г.). Позднее Некрасов посвятил очень сочувственную рецензию переводам Берга из Мицкевича; в ней он назвал Берга одним из «самых неутомимых и неисчерпаемых переводчиков в России. . . Переводы его грешат менее всего близостью к подлинникам. Но стихи его хороши. Есть переводчики, у которых свои стихи до того же плохи, что готов подарить им и близость, только бы немножко отлегло от уха. . . » («Переводы из Мицкевича Н. Берга», 1866).

299. Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен, в переводе Н. В. Берга, М., 1846, с. 75. Так наз. «Краледворская рукопись», якобы найденная В. Ганкой в 1817 г., — не сборник народных песен IX—XIII вв., как утверждал издатель, а подделка Ганки. Приводимый текст — один из двух вариантов перевода этой песни, помещенный Бергом в приложении к сборнику и отнесенный, вместе с двумя другими песнями, к «подражаниям Краледворской рукописи»: «Они были написаны до того, как

я задумал перевести рукопись вполне. В этих подражаниях есть некоторые отступления от подлинника и слышен болсск склад русских песен» (там же). Впоследствии Берг предпочел и включил в собрание своих переводов именно этот вариант.

300. Там же, с. 67. *Влетава* — р. Влтава!

301. Переводы и подражания Н. В. Берга, изд. Н. В. Гербея, СПб., 1860, с. 122. М е р и м е, *Le Moglaque à Venise* (*La Guzla*, 1827). Также перев.: А. Пушкин, С. Дуров, Н. Рыкова (проза), М. Живов.

302. Сербские народные песни. Перевел Н. Берг, М., 1847, с. 38. «Везир Зејна по бостану везла...»

303. Там же, с. 40. «Јово брате, жао ми је на те...»

304. Там же, с. 41. «Девојка сједи крај мора...» Также перев.: М. Михайлов.

305. Там же, с. 42. «Конь зеленко росну траву пасе...»

306. Там же, с. 45. «Драга моја, јеси л' се удала?..»

307. Там же, с. 49. «Чарна горо, пуна ти си лада...»

308. Там же, с. 50. «Срдо моја, не срди се на ме!..»

309. Там же, с. 51. «Ој девојко, питома ружице...»

310. Там же, с. 52. «Синођ мене црна књига дође...»

311. Там же, с. 55. «Момче ми промче кроз село...»

312. Песни разных народов, перевод Н. Берга, М., 1854 (с посвященчем М. П. Погодину и обширным предисловием переводчика, с. 1—XXXIV), с. 329. Девојка на градским вратима — «Соко лети високо...».

313. Там же, с. 331. Жснитба врапца Подунавца — «Кад се жени врабац Подунавац...». *Косово поле* — см. примеч. 709.

314. Там же, с. 35. Коломыйки: «Кобы мени не дитина, ябым си гуляла...», «Як идете хлопци в танець, берить буки в руки...», «А вси кури на сидали, когут на порози...», «Ой выйду я на село, серед села стану...», «Туда лозы хилилися, куда им похило...».

315. Там же, с. 51. *Wàrnas* — «*Atleke jùdas Wàrnas...*».

316. Там же, с. 117. *Belehrad* — «*Pod Belehradem stogj wranný kuoň...*».

317. Там же, с. 119. Starý zбоgnjk — «Na wysokých horách...». Примеч. перев.: «Замечательно это число 12 в народной поэзии славян, когда говорится о разбойниках. Почему-то их всегда 12... Пушкин в балладе «Жених»:

Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов...».

318. Там же, с. 145. Krakowiaki: «Bieży konik, bieży, bardzo się zadyszał...», «Śpiewa słowik, śpiewa, w tej leszczynie młodej...», «Opuszczę te kraje...», «Na koniczka siadam...», «Żebyście poznali prawego Polaka...», «Siwy konik, siwy, konopiate grzywy...», «Powiadają ludzie, i coś im to szkodzi...», «A walić się, wali chałupeczka nasa...», «Po głębokiej wodzie płynie kaczor siwy...», «Pojadę ja przez wieś, zdejmę magiereczkę...».

319. Там же, с. 531. Mort et convoi de l'invincible Malbrough — «Malbrough s'en va-t-en guerre...». Примеч. перев.: «Кто не знает песни «Мальбрук в поход поехал!» В конце прошлого столетия она пронеслась по Европе, была переведена на все языки, везде стала народна. Во время войны с Наполеоном и в нашей армии звучало нередко mironton, mironton, mirontaine. Мальбрука перевели по-русски, и стих «Мальбрук в поход поехал» у нас так же народен, как «Malbrough s'en va-t-en guerre» во Франции, и потому я не решился заменить его своим» (с. 552). *Мальбрук* — искаженное имя английского военачальника герцога Марлборо (1650—1722), командовавшего нидерландской армией. Также перев.: Н. Гумилев.

320. «Москвитянин», 1845, № 5—6, с. 86. Мицкевич, Cisza morska — «Już wstążkę pawilonu wiatr zaledwie muśnie...» (Sonety Krymskie, 1826, II). Также перев.: см. 120а; В. Щастный, А. Алеев, В. Бенедиктов, А. Яхонтов (отдельно этот сонет).

321. «Москвитянин», 1846, № 3, с. 3. Stepy Akermańskie — «Wrłynąłem na suchego przestwór oceanu...» (Sonety Krymskie, 1826, I). Также перев.: см. примеч. 120.

322. Там же, с. 4. Żegluga — «Szum większy, gęściej morskie snują się straszydła...» (Sonety Krymskie, 1826, III). Также перев.: см. примеч. 120а; А. Илличевский, И. Дмитриев, Ю. Познанский, В. Бенедиктов, А. Коринфский (отдельно этот сонет).

323. «Подснежник», 1858, № 9, с. 2. Burza — «Zdarto żagle, ster grusnął, ryk wód, szum zawiei...» (Sonety Krymskie, 1826, IV). Также перев.: см. примеч. 120а; В. Бенедиктов, Н. Костров, В. Гоппен, Б. Попов, К. Висковатов (отдельно этот сонет).

324. Переводы и подражания Н. В. Берга, изд. Н. В. Гербеля, СПб., 1860, с. 245. Widok gór ze stępów Kozłowa — «Tam? czy Allah postawił ścianą morze lodu?..» (Sonety Krymskie, 1826, V). Также перев.: см. примеч. 205.

Александр Васильевич Дружинин, критик либерального, позднее эстетского направления, перевел несколько трагедий Шекспира — «Король Лир», «Ричард III», «Кориолан» (1856—1862). Два его перевода из лирики Байрона, предшествовавшие, шекспировским переводам, важны для истории русского Байрона и не утратили художественного значения.

Печ. по изд.: Собрание сочинений А. В. Дружинина, под ред. Н. В. Гербеля, т. 3, СПб., 1865.

325. «Современник», 1854, № 1, с. 11. Байрон, Lines on Hearing that Lady Byron Was Ill — “And thou wert sad — yet I was not with thee!..” (1816). Также перев.: О. Чумина, Алеко.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ (1825—1893)

Алексей Николаевич Плещеев, поэт-петрашевец, впоследствии сблизившийся с некрасовским кругом литераторов, был автором многих переводов с немецкого (Эйхендорф, Рюккерт, Гете, Гейне, Гартман, Гейбель, Ленау, Гамерлинг), английского (Саути, Байрон, Теннисон, Т. Мур), французского (Гюго, Монье), польского (А. Сова), украинского (Шевченко), венгерского (Петефи, Арани). М. Л. Михайлов, оценивая переводы из Гейне, указывал, что Плещеев «передавал в своих стихах лишь одну сторону немецкого поэта», потому что его талант «не представляет некоторых сторон, существенно необходимых для передачи социальных стихотворений Гейне, которые все почти полны чрезвычайного юмора, и в выражении, и в самых образах» («Стихотворения А. Н. Плещеева», 1861). Выше оценил Михайлов переводы из Гартмана, которые, впрочем, были сделаны Плещеевым по его совету; один из них, «Белое покрывало», пользовался широкой популярностью.

Печ. по изд.: А. Н. Плещеев, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964.

326. А. Плещеев, Стихотворения (1845—1846), СПб., 1846, с. 52. Гейне, Doktrin — «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht...» (Zeitgedichte, 1840—1850, 1); под загл. «Барабанщик» — «Красное яичко», СПб., 1848, с. 297 (с цензурным пропуском 2-й строфы). Также перев.: П. Вейнберг, Н. Греков, А. Шкафф, А. Мейснер, Ю. Тынянов, Г. Шенгели, А. Дейч, Л. Пеньковский.

327. Изд. 1846, с. 50. «In mein gar zu dunkles Leben...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 1). Также перев.: М. Катков, А. Майков, Н. Добролюбов, Л. Мей, М. Михайлов, И. Лебедев, А. Шкафф, Д. Цертелев, А. Мейснер, В. Долгинцев, Н. Полежаев, А. Блок, В. Гиппиус.

328. РС, 1859, № 5, с. 30. «Ein Jüngling liebt ein Mädchen...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 39). Также перев.: И. Гекслер, Н. Греков, В. Долгинцев, П. Вейнберг, Н. Полежаев, В. Зоргенфрей, В. Разумовский, Л. Гинзбург.

329. ОЗ, 1872, № 3, с. 293. Gespräch auf der Paderborner Heide — «Hörst du nicht die fernen Töne...» (Romanzen, 18, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: И. Семенов, В. Зоргенфрей (?), В. Левик.

330. «Время», 1861, № 2, с. 140. Г а р т м а н, Schweigen — «Kein Wort und keinen Hauch — wir wollen schweigen...» (Zeitlosen. — Lieder und Minne, 1860). Также перев.: П. Быков.

331. ВЕ, 1871, № 4, с. 661. С а у т и, The Battle of Blenheim — “It was a summer evening...” (1798). Также перев.: С. Вердеревская (проза). *Бленгеймский бой* (или битва при Гохштедте) имел место в 1704 г. во время войны за испанское наследство, которую вели Австрия, Англия и Голландия против Франции и Испании; в этой битве победили англо-австрийские войска, которыми командовали *Евгений Савойский* и герцог *Марлборо (Мальброк)*.

332. ОЗ, 1873, № 1, с. 39. Б а й р о н, Stanzas to Augusta — “When all around grew drear and dark...” (1816). Также перев.: Н. Гнедич-Алеко, В. Левик.

333. «Живописное обозрение», 1881, № 40, с. 262. Шотландская народная баллада “Johnie Faa” — “The gypsies cam to our gude lord’s yett...”.

↓
М. Л. МИХАЙЛОВ (1820—1865)

Революционный демократ и просветитель Михаил Ларионович Михайлов на протяжении своей короткой жизни перевел множество произведений разных поэтов: немецких (Шубарт, Гете, Шиллер, Уланд, Гейне, Рюккерт, Шамиссо, Ленау, Фрейлиграт, Гартман), английских (Марло, Бернс, Байрон, Гуд, Теннисон), французских (Шенье, Беранже, Гюго) и др. Михайлов переводил также народные песни — шотландские, литовские, сербские, новогреческие. Лирика Гейне в переводе Михайлова — высшая точка русской гейнеаны в XIX в. Блок писал: «Михайлов перевел 121 стихотворение Гейне; большая часть из них — настоящие перлы поэзии...» Впрочем, Блок отмечал: «...в Михайлове было слишком много того, что называли у нас „романтизмом“»; к тому же он «не искал соответствия размерам подлинника», «не считался с внешней формой Гейне» («Гейне в России», 1919).

Печ. по изд.: М. Михайлов, Собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1953.

334. «Современник», 1856, № 6, с. 234. Б е р н с, John Barleycorn — “There were three kings into the east...” (ок. 1792). Также перев.: Д. Минаев, А. Федоров, О. Сенковский, В. Костомаров, П. Вейнберг, К. Бальмонт, Т. Щепкина-Куперник, Э. Багрицкий, С. Маршак, С. Орлов.

335. «Современник», 1861, № 3, с. 275. Лонгфелло, The Quadroon Girl — “The Slaver in the broad lagoon...” (Poems on Slavery, 1842, 7). Также перев.: П. Вейнберг, П. Быков, О. Чюмина, А. Шмульян, М. Донской.

336. «Москвитянин», 1851, № 22, с. 217. Гете, Jägers Abendlied — «Im Felde schleich' ich still und wild...» (Lieder, 1776). Также перев.: Б. Пастернак.

337. БдЧ, 1855, т. 129, с. 16. Wanderers Nachtlid — «Der du von dem Himmel bist...» (Lieder, 1780). Также перев.: А. Кульчицкий, А. Фет, М. Лозинский, В. Левик.

338. Сборник литературных статей, посвященный памяти Смирдина, т. 6, СПб., 1859, с. 126 (под загл. «Близость милой»). Nähe des Geliebten — «Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer...» (Lieder, 1795). Также перев.: см. примеч. 136.

339. «Дело», 1869, № 11, с. 151. Vor Gericht — «Von wem ich es habe, das sag' ich euch nicht...» (Balladen, 1778). Также перев.: В. Крылов, И. Тургенев, Н. Гербель.

340. Стихотворения М. Л. Михайлова, изд. Н. В. Гербея, СПб., 1866, с. 130 (начало); полностью — Собрание стихотворений М. Михайлова, СПб., 1890, с. 107. Willkommen und Abschied — «Es schlug mein Herz; geschwind zu Pferde!...» (1775—1776). Также перев.: И. Борн, М. Катков, В. Водовозов, В. Брюсов, Н. Заболоцкий, В. Левик.

341. БдЧ, 1855, т. 131, с. 42 (под загл. «Надовесский похоронный плач»). Шиллер, Nadowessiers Totenlied — «Seht, da sitzt er auf der Matte...» (1797). Также перев.: В. Кюхельбекер, Д. Мин, Т. Спендиарова.

342. «Современник», 1860, № 12, с. 467. Фрейлиграт, Die Schreinergeresellen — «Fürwahr, ein traurig, ein schaurig Thun!...» (Balladen und Romanzen, 1831). Также перев.: К. Павлова.

343. «Иллюстрация», 1846, № 40, с. 241 (первонач. ред.); окончат. ред. — Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова, СПб., 1858, с. 93. Гейне, Die Grenadiere — «Nach Fränkreich zogen zwei Grenadier'...» (Romanzen, 6, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: М. Катков, Л. Мей, И. Семенов, А. Мейснер, Н. Миронов, А. Фет, Н. Полежаев, Е. Дунаевский, В. Гиппиус.

344. «Иллюстрация», 1848, № 42, с. 275 (первонач. ред.); окончат. ред. — Песни Гейне..., с. 96. Die Botschaft — «Mein Knecht! steh auf und saddle schnell...» (Romanzen, 7, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: И. Семенов, П. Вейнберг, В. Зоргенфрей, М. Павлова, С. Маршак.

345. РВ, 1856, май, кн. 2, с. 383. «Ein Fichtenbaum steht einsam...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 33). Также перев.: см. примеч. 204.

346. Там же, с. 381. «Vergiftet sind meine Lieder...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 51). Также перев.: Н. Добролюбов, Л. Мей, А. Григорьев, П. Вейнберг, А. Яхонтов, Н. Греков, И. Лебедев,

А. Майков, М. Прахов, А. Мейснер, В. Долгинцев, Н. Полежаев, А. Данилевский-Александров, В. Зоргенфрей, С. Свяцкий.

347. «Лит. газета», 1847, № 33, с. 518. «Wie des Mondes Abbild zittert...» (Neuer Frühling, 1830—1831, 23). Также перев.: А. Плещеев, А. Васильев, З. Тур, А. Яхонтов, Д. Писарев, А. Мантейфель, К. Бабилов, А. Мейснер, А. Шкафф, И. Гриневская, А. Блок.

348. Песни Гейне..., с. 63. «An deine schneeweisse Schulter...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 73). Также перев.: Н. Добролюбов, А. Мейснер, П. Быков, Н. Полежаев, А. Данилевский-Александров, В. Гиппиус, В. Левик.

349. Там же, с. 64. «Es blasen die blauen Husaren...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 74). Также перев.: Н. Добролюбов, А. Мейснер, А. Фет, П. Быков, Н. Полежаев, Ал. Вознесенский, В. Гиппиус, В. Левик.

350. «Современник», 1858, № 3, с. 125. «Laß die heil'gen Parabeln...» (Zum Lazarus, I, Gedichte, 1853—1854). Также перев.: Н. Греков, Д. Минаев, А. Мейснер, И. Ясинский, Г. Шенгели, Ю. Тынянов.

351. Песни Гейне..., с. 103. Ein Weib — «Sie hatten sich beide so herzlich lieb...» (Romanzen, 1839—1842, 1). Также перев.: А. Майков, А. Мейснер, А. Шкафф.

352. Стихотворения М. Л. Михайлова, Берлин, 1862, с. 173. «Sie haben mich gequälet...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 47). Также перев.: А. Плещеев, Ф. Миллер, А. Григорьев, П. Кусков, П. Вейнберг, Н. Греков, Н. Борисович (Хвостов), А. Мейснер, А. Линдегрэн, В. Долгинцев, В. Черниговец, Н. Минский, Н. Полежаев.

353. Стихотворения, 1862, с. 214 (первонач. ред.); окончат. ред. — Собрание стихотворений, 1890, с. 174. Belsazar — «Die Mitternacht zog näher schon...» (Romanzen, 10, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: И. Семенов, К. Ивзнов, Н. Полежаев, С. Шервинский, В. Левик. *Валтасир* — вавилонский царь; по библейскому сказанию, он был убит персами во время пира, после того как на стене появились огненные письма, предупреждавшие царя о близкой гибели.

354. Собрание стихотворений, 1890, с. 180. «Wie die Wellenschaumgeborene...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 17). Также перев.: А. Фет, П. Вейнберг, Н. Греков, П. Быков, В. Долгинцев, Н. Полежаев, А. Дейч, В. Зоргенфрей.

355. Там же. «Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 18). Также перев.: А. Фет, П. Вейнберг, Ф. Берг, Н. Греков, М. Прахов, П. Быков, В. Долгинцев, Н. Полежаев, И. Анненский, Е. Дунаевский.

356. «Дело», 1874, № 5, с. 135. «Ja, du bist elend, und ich grolle nicht...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 19). Также перев.: М. Кат-

ков, П. Вейнберг, Ю. Жадовская, А. Фет, Н. Греков, А. Григорьев, П. Быков, М. Прахов, А. Шкафф, В. Орлов, В. Долгинцев, Н. Полежаев, В. Левик.

357. «Современник», 1859, № 3, с. 173. Г а р т м а н, Der weiße Schleier — «Im Kerker liegt in eisernen Banden...» (Balladen und Märgen). Также перев.: А. Шеллер-Михайлов, А. Данилевский-Александров, Е. Эткинд.

358. «Дело», 1869, № 12, с. 239. Б е р а н ж е, Ma dernière chanson, peut-être — «Je n'eus jamais d'indifférence...» (1814). Также перев.: Н. Лебедев, А. Коринфский.

359. «Дело», 1870, № 11, с. 112. Le Maître d'école — «Ahl le mauvais garnement!..» (Chansons morales et autres, 1815). Также перев.: Н. Лебедев, Л. Мей, А. Коринфский.

360. Стихотворения, 1866, с. 399. «Aš turėjau žirgužėj...». Также перев.: В. Ахшарумов.

Н. В. ГЕРБЕЛЬ (1827—1883)

Николай Васильевич Гербель — поэт-переводчик, редактор, литературный деятель, которому русские читатели обязаны антологиями «Поэзия славян» (1871), «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875), «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (1877), а также собраниями сочинений иностранных классиков в переводах русских писателей: Шиллера (1857—1861), Байрона (1864—1867), Шекспира (1866—1868), Гете (1878—1880) и др. Сам Гербель переводил стихи Байрона, Крабба, Шиллера, Гете, Шевченко, «Слово о полку Игореве» (1854). Художественный интерес представляют переводы Гербеля из белорусских народных песен.

Печ. по изд.: Н. В. Гербель, Полное собрание стихотворений в 2-х томах, СПб., 1882.

361. ОЗ, 1856, № 12, с. 345. К р а б б, из поэмы “The Village” (1783), кн. 1 — от ст. “As on the neighbouring beach yon swallows stand...”. Также перев.: Ф. Берг.

362. ОЗ, 1859, № 11, с. 244. Б а й р о н, The Destruction of Sennacherib — “The Assyrian came down like the wolf on the fold...” (Hebrew Melodies, 1814, 22). Также перев.: А. Ротчев, И. Гогниев, А. Брама, А. Толстой, П. Синцов, П. Козлов, Д. Михаловский, О. Головин, Д. Мин, Алеко, О. Чюмина, П. Якубович, В. Левик. *Сеннахерим* — Сеннахериб; речь идет о войсках ассирийского царя Сеннахероба (705—681 до н. э.), который осадил Иерусалим, столицу восставшей Иудеи, и, не взяв город, удалился, потребовав выкуп. *Ассур* — Ассирия.

363. «Современник», 1864, № 1, с. 265; исправленный вариант — Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, т. 1, СПб.,

1883, с. 7. Vision of Belshazzar — “The King was on his throne...” (Hebrew Melodies, 1814, 16). Также перев.: И. Бороздна, А. Полежаев, Д. Коптев, П. Козлов, Алеко, А. Данилевский-Александров, О. Чюмина, Г. Печальный, В. Крачковский, В. Бетаки. *Валтасар* — см. примеч. 353. *Сосуды*. Валтасар велел принести на пир священные чаши, украденные вавилонскими войсками в иерусалимском храме. *Отрок пленный*. В Библии речь идет о пророке Данииле, предсказавшем Валтасару гибель. В ту же ночь персидский царь Кир, отведя реку Евфрат, проник в Вавилон; Валтасар был убит, а Халдея присоединена к Персидской империи (538 г. до н. э.).

364. СО, 1857, № 17, с. 391. Шевченко, «Думи мої, думи мої...» (1839). Также перев.: Л. Мей, И. Суриков, А. Сурков.

365. Поэзия славян, под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1871, с. 533. Б у к. Перевод с лужицкого.

366—370. Там же, с. 46.

И. С. ТУРГЕНЕВ (1818—1883)

Тургеневу принадлежит несколько стихотворных переводов, созданных им в ранний период творчества (вторая половина 40-х годов), — из Гете (последняя сцена 1-й части «Фауста», отдельные стихотворения), Байрона («Тьма»), Гейне, Мерики, Мюссе. Он много размышлял об искусстве перевода и написал на эту тему ряд содержательных критических и теоретических статей.

Печ. по изд.: И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах, т. 1, М.—Л., 1960.

371. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым, СПб., 1846, с. 512. Гете, «Hörest du, Liebchen, das muntre Geschrei den Flaminischen Weg her?» (Römische Elegien, 1778—1790, XII). *Фламинская дорога* проложена в III в. до н. э. императором Фламинием между Римом и Армином. *Тайные пиры Элевзиса* — ежегодные религиозные празднества («таинства») в Элевзисе (близ Афин) в честь Деметры (Цереры), Персефоны и Диониса.

372. Два стихотворения Гете и Э. Тюркети, переведенные И. Тургеневым и положенные на музыку Полиною Виардо Гарсия, СПб., 1869. Vor Gericht — «Von wem ich es habe, das sag' ich euch nicht...» (Balladen, 1778). Также перев.: В. Крылов, М. Михайлов, Н. Гербель.

373. «Петербургский сборник», с. 501. Байрон, Darkness — “I had a dream, which was not all a dream...” (1816). Точки (ст. 65 и после ст. 73) заменяют цензурные вычерки: у Байрона здесь «нечестивые» с точки зрения церковной морали выражения. Также перев.: О. Сомов, А. Воейков, А. Ротчев, М. Вронченко, Д. Минаев, П. Вейнберг, П. Каленов, А. Милюков, Д. Михаловский, М. Зенкёвич.

Яков Петрович Полонский переводил мало, но два его перевода представляют интерес: «Рыбак» — для истории русского Гете, а миниатюра Бурдильона — как замечательное лирическое произведение русского поэта.

Печ. по изд.: Я. П. Полонский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1954.

374. «Современник», 1852, № 1, с. 87. Гете, Der Fischer — «Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll...» (Balladen, 1778). Также перев.: см. примеч. 75.

375. Сб. «Складчина», СПб., 1874, с. 64 (под загл. «Из Бурдильёна»). Бурдильон, «The night has a thousand eyes...». Примеч. переводчика: «Стихотворение это было напечатано в английском журнале "Spectator" 1873 г. № 2365. — В том же журнале вновь перепечатано с переводами, присланными из Франции и Германии... я перевел его как умел».

А. А. ФЕТ (1820—1893)

Фет как поэт-переводчик был необыкновенно продуктивен. Он перевел множество стихотворений с немецкого — из Гете, Шиллера, Уланда, Кернера, Рюккерта, Мерики, Гейне; с английского — Т. Мура и Байрона; с французского — Шенье, Ламартина, Беранже; с польского — Мицкевича; персидских поэтов Хафиза и Саади; с подстрочного переложения — песни кавказских горцев. Кроме лирических стихотворений его перу принадлежат переводы ряда крупных вещей: Гете — «Герман и Доротея» (1856), «Фауст» (1882—1883); Шекспира — «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра» (1859). В последнее десятилетие жизни Фет выпустил переводы полных собраний стихотворений Горация (1883) и Катуллы (1886), сатиры Ювенала (1885) и Персия (1889), элегии Тибулла (1886) и Проперция (1888), «Превращения» и «Скорби» Овидия (1887, 1893), «Энеиду» Вергилия (1888), комедию Плавта «Горшок» (1891), эпиграммы Марциала (1891). Переводческий принцип Фета сформулирован им в предисловии к сатирам Ювенала. Он видел главную задачу «в возможной буквальности перевода: как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора» (1884).

Печ. по изд.: А. А. Фет, Полное собрание стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1937.

376. ОЗ, 1846, № 3, с. 44 (под загл. «Украинская баллада»). Мицкевич, Czaty (ballada ukraińska) — «Z ogrodowej altany wojewoda zdyszany...» (1827—1828). Также перев.: см. примеч. 155.

377. Стихотворения А. Фета, М., 1850, с. 107. Катулл, «Vivamus, mea Lesbia, atque amemus...» (5). Также перев.: А. Пиотровский, Я. Голосовкер.

378. Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. А. Фета, М., 1886, с. 24. *Ad pocillatorem* — «*Minister vetuli puer Falerii...*» (27). Также перев.: А. Пушкин, А. Пюотровский.

379. ОЗ, 1856, № 1, с. 162. Гораций, «*Solvitus agris hiems grata vice veris et Favoni...*» (Оды, I, 4). Также перев.: И. Бороздня, П. Порфиоров, А. Семенов-Тян-Шанский, Н. Шатерников. *Луций Секстий* — приятель Горация, консул.

380. ОЗ, 1856, № 3, с. 8. «*O saepe necsum tempus in ultimum...*» (Оды, II, 7). Также перев.: А. Пушкин, А. Семенов-Тян-Шанский, Н. Шатерников. *Помпей Вар* — друг молодости и боевой товарищ Горация. В битве при *Филиппах* (Македония) в 42 г. до н. э. войска республиканца *Брута* потерпели поражение; сам Брут покончил с собой, а Гораций, начальник легиона, спасся бегством. *Массийская влага* — вино из виноградников, росших на склонах горы *Массико* (Кампанья), во времена Горация — одно из лучших. *Эдоней* — племя эдонцев (эдонийцев) жило во Фракии.

381. Стихотворения А. А. Фета, ч. 2, М., 1863, с. 189. Овидий, «*Arma gravi numero violentaque bella parabam...*» (*Amores*, I, 1). Также перев.: В. Алексеев, А. Манн, Г. Фельдштейн. *Дева с колчаном* — богиня Диана.

382. «Москвитянин», 1841, № 12, с. 295. Гейне, «*Ein Fichtenbaum steht einsam...*» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 33). Также перев.: см. примеч. 204.

383. РС, 1858, № 5, с. 36. «*Wie die Wellenschaumgeborene...*» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 17). Также перев.: см. примеч. 354.

384. Там же. «*Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht...*» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 18). Также перев.: см. примеч. 355.

385. А. А. Фет, Полное собрание стихотворений, т. 2, СПб., 1912, с. 360. «*Und bist du erst mein ehlich Weib...*» (*Die Heimkehr*, 1823—1824, 72). Также перев.: Ф. Миллер, А. Мантейфель, И. Лебедев, А. Плещеев, А. Мейснер, А. Шкафф, П. Быков, Н. Полежаев, В. Нейштадт, В. Гиппиус, В. Левик, П. Карп.

386. РС, 1859, № 5, с. 37. «*Mein Liebchen, wir saßen beisammen...*» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 42). Также перев.: И. Крешев, П. Вейнберг, А. Мантейфель, Н. Кельш, Н. Греков, А. Майков, А. Толстой, А. Гиляров, В. Долгинцев, Ю. Веселовский, Н. Полежаев, В. Разумовский, П. Карп.

387. ОЗ, 1856, № 6, с. 380. Су Ши (XII в.). Фет, по предположению Л. Эйлина («Актуальные проблемы теории художественного перевода», т. 2, М., 1967, с. 225), пользовался немецким переводом этого китайского четверостишия, озаглавленного в подлиннике «Тень от цветов».

388. РС, 1860, № 2, с. 33. Перевод сделан по кн.: *Hafis, eine Sammlung persischer Gedichte, nebst poetischen Zugaben aus verschie-*

денен Völkern und Ländern, von G. Fr. Daumer, Hamburg, 1856².
Мнимые переводы Ф. Даумера — собственные его сочинения в духе Хафиза. «Zu der Rose, zu dem Weine komm. . .»

389. Стихотворения А. А. Фета, ч. 2, М., 1863, с. 222. «Wenn alles, alles ewig vorbedacht. . .»

390. Там же, с. 224. «Erschlagen ist Hafis. Wer ihn erschlagen. . .»

391—393. РВ, 1876, январь, с. 174. Переложение прозаического текста (подстрочника), присланного Фету Л. Н. Толстым в письме от 26 октября 1875 г. и заимствованного последним из кн.: «Сборник сведений о кавказских горах», вып. 1, Тифлис, 1868.

А. Н. МАЙКОВ (1821—1897)

Аполлон Николаевич Майков много занимался стихотворным переводом, причем в разные годы обращался к самым различным иностранным авторам — Петрарке, Байрону, Лонгфелло, Шиллеру, Гейне. Наибольшей известностью пользовался его перевод «Слова о полку Игореве» (1885—1889), исполненный пятистопным ямбом с женскими окончаниями и не утративший до сих пор художественной ценности.

Печ. по изд.: А. Н. Майков, Полное собрание сочинений в 3-х томах, СПб., 1893.

394. ОЗ, 1863, № 1, с. 70. Петрарка, сонет 366 — «Li angeli eletti e l'anime beate. . .». Также перев.: А. Эфрос.

395. Английские поэты в биографиях и образцах, под ред. Н. В. Гербея, СПб., 1875, с. 385. Лонгфелло, *The Slave's Dream* — “Beside the ungathered rice he lay. . .” (*Poems on Slavery*, 1842, 2). Также перев.: Д. Михаловский, Д. Минаев, В. Костомаров, М. Михайлов, П. Быков, Д. Садовников, А. Шмульян, М. Касаткин.

396. Там же, с. 271. Байрон, *On the Day of the Destruction of Jerusalem by Titus* — “From the last hill that looks on thy once holy dome. . .” (*Hebrew Melodies*, 1814, 19). Также перев.: П. Козлов. *Тит* — римский император (79—81), который во время Иудейской войны разрушил Иерусалим.

А. Е. ТОЛСТОЙ (1817—1875)

Алексей Константинович Толстой — автор немногих, но весьма замечательных переводов с немецкого (Гете, Гейне, Гервер), французского (Шенье), английского (Байрон, народные баллады). Свои принципы он формулировал так: «Не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное — надо передавать впечатление. Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы в ту же сферу, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод

действовал на те же нервы» (письмо к С. А. Миллер от 30 сент. 1867 г.).

Печ. по изд.: А. К. Толстой, Собрание сочинений в 4-х томах, т. 1, М., 1963.

397. «Русская беседа», 1859, № 6, с. 3. Байрон, The Destruction of Sennacherib — “The Assyrian came down like the wolf on the fold...” (Hebrew Melodies, 1814, 22). Также перев.: см. примеч. 362.

398. Стихотворения гр. А. К. Толстого, СПб., 1867, с. 187. “Sun of the sleepless! melancholy star!...” (Hebrew Melodies, 1814, 17). Также перев.: см. примеч. 112.

399. БДЧ, 1857, т. 141, с. 10. Шенье, Tiré de Moschus — «Nouveau cultivateur, armé d'un aiguillon...» (Fragments d'idylles, XI). Также перев.: В. Бенедиктов. *К Европе страсть* и т. д. По греч. мифу, Зевс, полюбив дочь финикийского царя Европу, похитил ее, превратившись в быка.

400. Там же. «Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...» (Fragments d'idylles, XII). Также перев.: И. Козлов, С. Дуrows, И. Крешев. См. также примеч. 266.

401. РВ, 1859, август, кн. 2, с. 601. Гервег, «Ich möchte hingehn wie das Abendrot...» (Aus der Fremde, II, 1839). Также перев.: Н. Вержейская.

402. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 354 (только последняя строфа). Гейне, An den Nachtwächter (bei späterer Gelegenheit) — «Verschlechtert sind nicht dein Herz und dein Stil...» (Zeitgedichte, 1840—1845, 19). Также перев.: Д. Минаев, Л. Пеньковский, Е. Эткинд.

403. Изд. 1867, с. 190. «Es ragt ins Meer der Runenstein...» (Seraphine, 14, Verschiedene, 1832—1839). Также перев.: П. Вейнберг, А. Мантейфель, Д. Писарев, А. Гиляров, А. Мейспер, А. Шкафф, С. Маршак.

404. ВЕ, 1869, № 5, с. 127, а также в романе Гончарова «Обрыв» (гл. V) — перевод исполнен по просьбе Гончарова. «Nun ist es Zeit, seiß ich mit Verstand...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 44). Также перев.: А. Майков, М. Петровский, А. Григорьев, А. Плещеев, В. Гиппнус.

405. РВ, 1867, сентябрь, с. 259 (под загл. «Магадева и баядера»). Гете, Der Gott und die Bajadere — «Mahadöh, der Herr der Erde...» (Balladen, 1797). Также перев.: Е. Розен, К. Аксаков, Д. Минаев, П. Петров, А. Шишков.

406. ВЕ, 1868, № 3, с. 1. Die Braut von Korinth — «Nach Korinthus von Athen gezogen...» (Balladen, 1797). Также перев.: К. Аксаков, Д. Аверкиев.

407. ВЕ, 1873, № 3, с. 257. Шотландская народная баллада "Edward, Edward" — "Why does your brand sae drop wi' bluid?..". А. Толстой перевел с немецкого перевода Т. Фонтане и затем корректировал по оригиналу. Также перев.: К. Павлова.

А. А. ГРИГОРЬЕВ (1822—1864)

Известный критик и поэт, Аполлон Александрович Григорьев переводил лирические произведения немецких (Гете, Шиллер, Гейне) и французских (Гюго, Беранже, Мюссе) поэтов, а также поэмы Байрона («Чайльд Гарольд» — песнь 1, 1861; «Паризина», 1851—1859), драматические сочинения Софокла («Антигона», 1846), Шекспира («Сон в летнюю ночь», 1847; «Венецианский купец», 1860; «Ромео и Джульетта», 1864), Мольера («Школа мужей», 1846) и др. Григорьев шел часто по пути русификации, стремясь усвоить иноземного автора для русского слуха; так вносил он, например, «склад русских народных песен» в монологи Софокловой Антигоны или русскую сказочную образность и фразеологию в балладу Гете «Лесной царь». Блок ценил переводы А. Григорьева из Гейне, ставя их выше многих других в XIX в., и, характеризуя творчество Григорьева-переводчика в целом, писал: «Большинство переводов Григорьева созвучно с его душою, несмотря на то, что он часто работал по заказу: еще один признак истинного художника» («Судьба Аполлона Григорьева», 1915).

Печ. по изд.: Аполлон Григорьев, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

408. РС, 1859, № 5, с. 29. Гейне, «Sie haben mich gequälet...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 47). Также перев.: см. примеч. 352.

409. Там же. «Vergiftet sind meine Lieder...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 51). Также перев.: см. примеч. 346.

410. Там же, с. 30. «Nun ist es Zeit, daß ich mit Verstand...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 44). Также перев.: см. примеч. 404.

411. Стихотворения Аполлона Григорьева, СПб., 1846, с. 13. «Verzaget nicht, sie wird sich heben...» (Vollständiges Gesangbuch für Freimaurer, Berlin, 1813). Из этого немецкого сборника масонских песен взяты 15 стихотворений, включенных А. Григорьевым в цикл «Гимны».

412. «Пантеон», 1850, № 7, с. 49. Гете, Erlkönig — «Wer reitet so spät durch Nacht und Wind...» (Balladen, 1782). А. Григорьев дал интерпретацию баллады в своих статьях (ОЗ, 1850, № 2, с. 63 и «Русская беседа», 1856, № 3, с. 5). Также перев.: В. Жуковский, Ф. Миллер, Г. Сан-Валье, А. Фет.

413. «Время», 1862, № 7, с. 188 (в журнале опубликована вся 1-я песнь). Байрон, Childe Harold's Pilgrimage (1812), из 1-й песни, стансы после строфы 12 — "Adieu, adieu! my native shore...". Также перев.: см. примеч. 107.

Дмитрий Лаврентьевич Михаловский — профессиональный поэт-переводчик, автор переводов из Шекспира («Генрих V», «Юлий Цезарь», «Ромео и Джульетта», «Ричард II», «Антоний и Клеопатра»), Байрона («Мазепа»), Лонгфелло («Песнь о Гайавате»); перевел также много стихотворений из английских, немецких и французских поэтов. Михаловский, по отзыву П. Вейнберга, «старается сохранить внутренний смысл подлинника, его общий, а также местный и временный колорит, характеристические частности, поэтичность; при этом он не упускает из виду условий русского языка сравнительно с языком подлинника, вследствие этого не ломает его насильственно для соблюдения точности чисто внешнего свойства, но вместе с тем не позволяет себе злоупотреблять этим обстоятельством» («Трагедии Шекспира... в переводах Д. Л. Михаловского», 1890). Характеристика эта верна лишь отчасти: Михаловский — типичная фигура периода упадка русского стиха и переводческого искусства.

Печ. по изд.: Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского в 2-х томах, СПб., 1896.

414. «Век», 1861, № 3, с. 101. Лонгфелло, *The Slave's Dream* — “Beside the ungathered rice he lay...” (Poems on Slavery, 1842, 2). Также перев.: Д. Минаев, А. Майков, В. Костомаров, М. Михайлов, П. Быков, Д. Садовников, А. Шмульян, М. Касаткин. *Нигр* — р. Нигер.

415. Иностранные поэты в переводе Д. Л. Михаловского (в пользу Литературного фонда), СПб., 1876, с. 210. Брет Гарт, *The Legends of the Rhine* — “Beetling walls with ivy grown...” (1871). Также перев.: А. Марков.

416. Изд. 1896, т. 2, с. 171. Бодлер, *Recueillement* — «Sois sage, ô ma Douleur, et tiens-toi plus tranquille...» (*Nouvelles Fleurs du Mal*, XIII, 1861). Также перев.: П. Якубович, Эллис, И. Анненский, М. Донской.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ (1836—1861)

Николай Александрович Добролюбов, критик и поэт, перевел несколько лирических миниатюр Гейне, опубликованных лишь после смерти переводчика, но сыгравших свою роль в истории русского Гейне. Статьи Добролюбова имели большое значение для развития искусства поэтического перевода. Из своих современников он особенно ценил как поэтов-переводчиков Михайлова, Курочкина и, отчасти, Мея.

Печ. по изд.: Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в 6-ти томах, т. 6, М., 1939.

417. «Современник», 1862, № 1, с. 341. Гейне, «Das weiB Gott, wo sich die Tolle...» (*Die Heimkehr*, 1823—1824, 70). Также перев.: Н. Полежаев, В. Гиппиус, Л. Пеньковский, П. Карп.

418. Там же. «Es blasen die blauen Husaren...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 74). Также перев.: см. примеч. 349.

419. Там же, с. 345. «Mag da draußen Schnee sich türmen...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 51). Также перев.: см. примеч. 287.

420. Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. 1, СПб., 1911, стлб. 278. «Morgens steh' ich auf und frage...» (Lieder, 1, Junge Leiden, 1817—1821). Также перев.: Ф. Миллер, И. Семенов, Л. Мей, А. Мантейфель, А. Шкафф, П. Быков, К. Бальмонт, В. Коломийцев, В. Разумовский.

421. Там же, стлб. 313—314. «Die Mitternacht war kalt und stumm...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 61). Также перев.: Ф. Миллер, А. Плещеев, М. Михайлов, В. Костомаров, М. Прахов, А. Мейснер, В. Долгинцев, П. Быков, П. Вейнберг, Н. Полужаев, В. Зоргенфрей, В. Разумовский, Р. Минкус.

И. П. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР (1812—1871)

Поэт-революционер Иван Иванович Гольц-Миллер переводил мало, но публикуемый нами перевод принадлежит к лучшим русским воссозданиям лирики Байрона.

422. ВЕ, 1871, № 6, с. 528. Печ. по изд.: Полное собрание сочинений Байрона в переводах русских поэтов, под ред. Н. В. Гербеля (4-е изд.), т. 1, СПб., 1894. Байрон, Euthanasia — “When Time, or soon or late, shall bring...” (Occasional Pieces, 1812). Также перев.: Д. Цертелев, В. Марков, Алеко, Т. Гнедич.

Б. Н. АЛМАЗОВ (1827—1876)

Борис Николаевич Алмазов — поэт-сатирик и пародист, близкий к славянофильским кругам, автор первого русского перевода «Песни о Роланде» (1869) и переводов лирических стихотворений из поэтов немецких (Гете, Шиллер) и французских (Мюссе, Шенье), а также нескольких средневековых испанских романсов. Достоинство Алмазова — хорошее владение стихотворной техникой.

Печ. по изд.: Сочинения Бориса Алмазова, т. 1, М., 1892.

423. РВ, 1862, № 6, с. 670. Шиллер, Odysseus — «Alle Gewässer durchkreuzt, die Heimat zu finden, Odysseus...» (1795). 6 строк эглического дистиха оригинала превращены в 10 строк. Также перев.: К. Батюшков, М. Михайлов, М. Дмитриев, Н. Маркевич, Н. Голованов, Е. Эткинд.

424. Там же. Kolumbus — «Steure, mutiger Segler! Es mag der Witz dich verhöhnen...» (1795). Также перев.: Г. Перетц, А. Струговщиков, М. Михайлов, Ф. Тютчев (подражание), М. Дмитриев, Н. Голованов.

425. «Заря», 1870, № 9, с. 143. Г е т е, Hegire — «Nord und West und Süd zersplittern...» (West-Östlicher Diwan, Buch des Sängers, I, 1814). Также перев.: Ф. Тютчев, В. Левик.

426. Стихотворения Бориса Алмазова, М., 1874, с. 3. М ю с с е, из поэмы «La Nuit d'octobre» (1837) — от ст. «Est-ce donc sans motif qu'agit la Providence?..». Также перев.: А. Мысовская, А. Облеухов, А. Венкстерн, Э. Линецкая.

427. Там же, с. 31. Ш е н ь е, «J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle...» (Fragments d'idylles, II). 12 строк оригинала в переводе увеличены до 20. Также перев.: А. Майков, Н. Греков, А. Федоров, А. Пальм.

В. С. КУРОЧКИН (1831—1875)

Василий Степанович Курочкин прославился прежде всего как создатель русского Беранже («Песни Беранже», 1858; 6-е изд. 1874), из которого перевел 89 песен. Добролюбов считал, что они «принадлежат к числу лучших поэтических переводов, существующих в русской литературе», хотя и упрекал Курочкина за произвол и излишние русизмы («Песни Беранже», 1858). Перу Курочкина также принадлежат переводы из французских поэтов-романтиков — Гюго, Барбье, Виньи — и из Шиллера.

Печ. по изд.: Поэты «Искры», т. I. В. С. Курочкин, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1955.

428. БдЧ, 1856, т. 136, с. 100. Б е р а н ж е, Le Petit homme gris — «Il était un petit homme...» (1811—1812). Также перев.: М. Михайлов.

429. РВ, 1856, август, кн. 2, с. 784 (под загл. «Добрый знакомый»). Le Sénateur — «Mon épouse fait ma gloire...» (1813). Также перев.: В. Котельников, Д. Ленский, Н. Лебедев, Ф. Кони, Иван-да-Марья (И. Ф. и А. А. Тхоржевские), М. Михайлов, А. Коринфский, А. Дейч, В. Брюсов, Л. Пеньковский.

430. Песни Беранже, переводы Василия Курочкина, СПб., 1858, с. 23. Ma Grand' mère — «Ma grand' mère, un soir à sa fête...» (Chansons morales et autres, 1815). Также перев.: М. Михайлов, А. Коринфский, А. Кочетков.

431. БдЧ, 1858, т. 151, с. 3. L'Homme rangé — «Maint vieux parent me répète...» (1800—1801).

432. «Искра», 1861, № 38, с. 539 (под загл. «Сплетник»). Monsieur Judas — «Monsieur Judas est un drôle...» (1815). Также перев.: А. Дейч.

433. Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, под ред. Н. В. Гербеля, т. 1, СПб., 1857, с. 50. Ш и л л е р, Der Antritt des neuen Jahrhunderts — «Edler Freund! Wo öffnet sich

dem Frieden...» (1800). Также перев.: А. Глинка, В. Алферов, Н. Голованов. *Бог Нил, старый Рейн и океан суровый*. Имеются в виду войны революционной Франции против коалиции, возглавляемой Англией. *Два народа* — Франция и Англия. *Бренн* — король галлов, победивший Рим; римляне должны были уплатить ему большой выкуп; когда они пожаловались, что галлы пользуются слишком тяжелыми гирями, Бренн воскликнул: «Горе побежденным!» — и бросил на чашу весов свой меч.

П. И. ВЕЙНБЕРГ (1831—1906)

Петр Исаевич Вейнберг — поэт-сатирик и профессиональный переводчик, по количеству и объему переведенных им стихов оставивший позади всех своих современников. Вейнберг перевел поэтические произведения многих европейских литератур — немецкой, английской, французской, итальянской, норвежской, датской, польской и др. Центральное место в его творчестве занимают переводы из Шекспира (9 пьес), Гейне, Гюго, Барбье. Вейнберг выпустил под своей редакцией несколько собраний сочинений Гейне и Гете, издания «Европейские классики в русском переводе» (1874—1876), «Европейский театр» (1875) и др. Блок с уважением говорил о Вейнберге как о переводчике, «давшем нам „Отелло“ и „Шейлока“», но как с переводчиком Гейне с ним, по мнению Блока, «почти не стоит считаться» («Гейне в России», 1919). Впрочем, некоторые удачи были у Вейнберга и в переводах из Гейне.

434. Сочинения Гейне в переводах Петра Вейнберга, СПб., 1860, с. 135. Гейне, «Aus meinen Tränen sprächen...» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 2). Также перев.: А. Фет, М. Михайлов, Н. Добролюбов, Л. Мей, А. Мантейфель, В. Костомаров, Н. Греков, П. Быков, В. Лихачев, В. Долгинцев, В. Миляев, К. Бальмонт, В. Зоргенфрей.

435. Там же, с. 137. «Es stehen unbeweglich...» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 8). Также перев.: Ф. Миллер, М. Михайлов, З. Тур, Ю. Жадовская, Н. Греков, Д. Бель, П. Быков, Н. Борисович, В. Долгинцев, Ю. Веселовский, А. Соловьев, Н. Полежаев, А. Данилевский-Александров, В. Коломийцев, В. Зоргенфрей, В. Левик.

436. Там же, с. 146. «Mein süßes Lieb, wenn du im Grab...» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 32). Также перев.: Н. Добролюбов, Н. Греков, В. Долгинцев, П. Быков, В. Зоргенфрей, Л. Руст.

437. Там же, с. 147. «Philister in Sonntagsröcklein...» (*Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822, 37). Также перев.: В. Костомаров, Н. Греков, В. Долгинцев, П. Быков, Е. Дунаевский, А. Дейч, Т. Сильман.

438. ВЕ, 1874, № 2, с. 564. Лонгфелло, *The Brook and the Wave* — «The brooklet came from the mountain...» (*Birds of Passage, Flight the Third*, 1858). Также перев.: Д. Садовников, С. Мусин-Пушкин, Р. Моран.

439. Немецкие поэты в биографиях и образцах, под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1877, с. 604. Гейбель, *Sonett des Dante* — «Sobald die Nacht mit dunklem Flügelpaar...» (*Neue Gedichte*, 1856). Также перев.: М. Дмитриев, Е. Эткинд.

440. Там же, с. 40. Herr Olof. Fliegendes Blatt — «Herr Olof reitet spät und wild...» (*Des Knaben Wunderhorn*, 1806, 1). В оригинале — 21 двустопише.

Д. Д. МИНАЕВ (1835—1889)

Дмитрий Дмитриевич Минаев, поэт-публицист и сатирик демократического направления, был плодовитым переводчиком. Ему принадлежат переводы ряда больших поэм — Гейне («Германия», 1865), Байрона («Дон Жуан», «Чайльд Гарольд», «Беппо» и др., 1873—1877), Данте («Божественная комедия», 1874—1879), Мицкевича («Деды», 1881—1883), стихотворной драматургии Гюго, Марло, Шелли, Мольера, Байрона, а также многих стихотворений немецких, французских, английских, итальянских, польских поэтов. Минаев восставал против буквальности переводов, полагая, что «переводчик-художник обязан передать только дух чужого поэта, вовсе не придерживаясь подстрочной точности буквоедов», потому что «внешняя близость к подлиннику только делает всякий перевод безличным» («Старая и новая поэзия», 1869).

441. «Современник», 1861, № 11, с. 346 (под загл. «Ямб первый»). Барбье, Prologue — «On dira qu'à plaisir je m'allume la joue...» (*Iambes*, 1837). Также перев.: П. Вейнберг, К. Бабилов, Н. Курочкин, И. Иванов, П. Антокольский.

442. «Искра», 1866, № 34, с. 443 (без 5-й строфы). Печ. по изд.: Д. Минаев, В сумерках. Сатиры и песни, СПб., 1868 (строфа 6-я сочинена Минаевым). Надо, *Les Hommes utiles* — «Mon cher Edmond, qu'allez-vous faire?..» (*Chansons*, 1849). Также перев.: К. Ушаков, Д. Мин. *Рай в Алжире*. Французы вели жестокую войну за колонизацию Алжира начиная с 1830 г.

443. В сумерках, с. 28. Мюссе, *Les Vœux stériles* — «Je suis jeune; j'arrive. À moitié de ma route...» (*Premières poésies*, 1830). Орывок из поэмы, начинающейся стихом: «Puisque c'est ton métier, misérable poète...». Оригинал — александрийский стих, перевод — пяти- и четырехстопный ямб с вольной рифмовкой.

444. Там же, с. 321. Гейне, *Deutschland. Ein Wintermärchen* (1844), гл. 12 — «Im nächtlichen Walde humpelt dahin...». Также перев.: В. Водовозов, В. Костомаров, Заезжий, П. Вейнберг, С. Рубанович, Ю. Тынянов, Л. Пеньковский, В. Левик. *Кольб* — редактор аугсбургской «Всеобщей газеты», который из цензурных соображений уродовал парижские корреспонденции Гейне.

445. Немецкие поэты в биографиях и образцах, под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1877, с. 125. Бюргер, *Mannstrotz* — «So lang' ein edler Biedermann...» (1787).

446. РС, 1864, № 11, с. 335. Печ. по изд.: Английские поэты в биографиях и образцах, под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1873. Лонгфелло, *The Bridge* — “I stood on the bridge at midnight...” (*The Belfry of Bruges and Other Poems*, 1846). Также перев.: Д. Мин, А. Меженинов, В. Шор.

447—448. В сумерках, с. 174. *Иго иноверца*. Греция была с 1453 по 1823 г. под властью турок.

449. «Пчела», 1877, № 11, с. 167.

В. П. БУРЕНИН (1841—1926)

Виктор Петрович Буренин, принадлежавший в 60-е годы к лагерю «Искры», оставил несколько переводов, главным образом из французской (Барбье, Гюго) и итальянской (Петрарка) поэзии.

450. ОЗ, 1870, № 11, с. 232. Печ. по изд.: Сочинения В. П. Буренина, т. 2, СПб., 1912. Гюго, «*Quand l'eunuque régnait à côté de César...*» (*Les Châtiments*, VII, 10, 1853). В оригинале — 16 строк александрийского стиха, в переводе — 29 строк четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой. Также перев.: Г. Шенгели, Э. Линнецкая. *Тиверий* (Тиберий) и *Нерон* — римские императоры, тираны. *Цезарь дней иных* — Наполеон III.

451. «Невский сборник» В. Курочкина, СПб., 1867, I, с. 246. Барбье, Varsovie — «*Mère! il était une ville fameuse...*» (*Iambes*, 1831). Перевод первого отрывка. Также перев.: П. Ковалевский. *Победитель* — имеется в виду русский император Николай I.

К. И. БАБИКОВ (1841—1873)

Константин Иванович Бабилов, беллетрист, автор повестей и рассказов, в 60-е годы опубликовал в «Отечественных записках» переводы «Ямбов» Барбье, из которых лучший — стихотворение «Лев».

452. ОЗ, 1865, № 10, с. 511. Барбье, Le Lion — «*J'ai vu pendant trois jours, j'ai vu plein de colère...*» (*Iambes*, 1831). Также перев.: П. Вейнберг, В. Буренин, В. Брюсов, П. Антокольский. *Три дня* — имеются в виду революционные события 27—29 июля 1830 г. в Париже.

Ф. Н. БЕРГ (1840—1900)

Федор Николаевич Берг интересен прежде всего своими переводами стихотворений Андерсена, а также Барбье и Гартмана. Кроме того, он перевел много лирических миниатюр Гейне, вызвавших серьезные нарекания в тогдашней критике (например, со стороны Д. Писарева).

453. Сборник стихотворений иностранных поэтов. Переводы В. Костомарова и Ф. Берга, М., 1860, с. 154. Андерсен, «Pjat, pjat...» (Mit livs eventyr, 1846). Также перев.: А. и П. Ганзен.

454. Поэты всех времен и народов. Сборник, издаваемый Костомаровым и Бергом, М., 1862, с. 173. Den jydskede Hede i Regnveir.

Д. Е. МИН (1818—1885)

Дмитрий Егорович Мин, по профессии врач, был неутомимым поэтом-переводчиком. Ему принадлежит полный и лучший в XIX в. перевод «Божественной комедии» Данте (терцинами), многих стихотворений и поэм Шиллера, Крабба, Морриса, Вордсворта, Байрона, сонетов Петрарки и др. Переводы Мина высоко ценили Н. Добролюбов и М. Михайлов. Последний, восхищаясь Миновым переводом «Песни о колоколе» Шиллера, писал: «По силе стиха, по мастерству, с каким владеет он языком, по глубокому такту, позволяющему ему уловлять и передавать главный характер подлинника, нашего переводчика Данта, Крабба и «Песни о колоколе» мы не обинуясь назовем первым после Жуковского переводчиком» («Шиллер в переводе русских писателей», 1859).

455. Ад Данта Алигиери. Перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий Мин, СПб., 1855, с. 39. Перевод всей «Божественной комедии» — СПб., 1909 (ч. 1—3). Данте, Inferno, из 5-й песни (ст. 28—142). Также перев.: см. примеч. 126. *Каина* — первый пояс девятого круга Ада, где казнятся убившие или предавшие своих родных. *Галеотто* — по средневековой легенде, этот рыцарь способствовал сближению рыцаря Ланчелота с королевой Джиневрой, угорвав королеву поцеловать застенчивого героя. Мин понял текст Данте ошибочно.

456. «Пантеон литературы», 1888, январь, с. 3. Петрарка, сонет 61 — «Benedetto sia 'l giorno e 'l mese e l'anno...». Также перев.: И. Капнист, Н. Берг, Вяч. Иванов, А. Эфрос, В. Левик.

457. «Развлечение», 1859, № 14, с. 157. Печ. по изд.: Английские поэты в биографиях и образцах, под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1875. Байрон, «Oh! weep for those that wept by Babel's stream...» (Hebrew Melodies, 1814, 5). Также перев.: С. Дуров, П. Козлов, Д. Минаев, Д. Михаловский, Г. Бен.

458. Английские поэты в биографиях и образцах, с. 318. Дон Жуан (1818—1824), из 2-й песни (строфы 177—185). Также перев.: поэму целиком — В. Любич-Романович, Д. Минаев, А. Соколовский, П. Козлов, Г. Шенгели, Т. Гнедич; отрывки — А. Ротчев, Н. Маркевич, И. Козлов, М. Лермонтов, Н. Жандр, О. Чюмина, В. Левик.

459. Там же, с. 198. Вордсворт, «Nuns fret not at their convent's narrow room...» (опубл. 1807).

А. Н. АПУХТИН (1840—1898)

Алексей Николаевич Апухтин — популярный в 80-х — начале 90-х годов лирический поэт — был автором нескольких стихотворных переводов, составляющих органическую часть его собственного творчества. К ним относятся переводы из поэтов немецких (Ленау, Гейне) и французских (Шенье, Мюссе, Сюлли-Прюдом).

Печ. по изд.: А. Н. Апухтин, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1961.

460. «Современник», 1859, № 11, с. 223. Ленау, «Grüben ging die Sonne scheiden...» (Lotte, Schilllieder, 1, 1832). Также перев.: В. Лихачев, И. Кондратьев, В. Маслов, А. Чижев, Е. Чернобаев, К. Бальмонт, В. Левик.

461. А. Н. Апухтин, Стихотворения, М., 1961, с. 72. Гейне, «Die heil'gen drei Kön'ge aus Morgenland...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 37). Также перев.: Д. Минаев, Н. Полежаев, А. Блок, В. Гиппиус. *Вифлеем* — город в Палестине, где, согласно библейской легенде, родился Иисус Христос; по евангельскому мифу, когда младенцу Христу шли поклониться волхвы и цари, их вела звезда.

462. Там же. «Allnächtlich im Traume seh' ich dich...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 56). Также перев.: П. Вейнберг, Н. Греков, М. Прахов, В. Долгинцев, П. Быков, Н. Полежаев, Вс. Рождественский.

463. Стихотворения А. Н. Апухтина, СПб., 1886, с. 206. Мюссе, *А Рэра* — «Réra, quand la nuit est venue...» (1831). Также перев.: П. Вейнберг, А. Мысовская, А. Арго.

464. «Album de Madame Olga Kozlow», М., 1883, с. 153; «Новь», 1884, № 4, с. 543. Сюлли-Прюдом, *Le Vase brisé* — «Le vase où meurt cette verbeine...» (La Vie intérieure, 1865). Также перев.: И. Анненский, Е. Зет, П. Якубович, С. Андреевский, О. Михайлов.

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ (1837—1904)

Константин Константинович Случевский, поэт, примыкавший к движению «чистого искусства», создал ряд ценных переводов с английского (Байрон), французского (Гюго, Барбье), немецкого (Опиц, Гагедорн, Тик). Интересны и два сонета Шекспира (31-й и 32-й). Переводы Случевского относятся главным образом к концу 50-х годов, когда он еще верил в значение гражданской поэзии.

Печ. по изд.: К. К. Случевский, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1962.

465. «Общезанимательный вестник», 1857, № 3, с. 120. Гюго, «On vit, on parle, on a le ciel et les nuages...» (Les Contemplations. — Aujourd'hui, IV, 11, 1846). Также перев.: Э. Линецкая.

466. Немецкие поэты в биографиях и образах, под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1877, с. 371. Тик, *Nacht* — «Im Windsgeräusch, in stiller Nacht...».

Павел Алексеевич Козлов, автор незначительных стихотворений элегического типа, был плодовитым поэтом-переводчиком из английской, французской, польской и др. литератур. Наиболее крупные его работы — «Юлий Цезарь» (1880) и «Перикл» (1889) Шекспира, «Дон Жуан» (1889) и «Беппо» (1890) Байрона, поэмы Мюссе «Ива», «Намуна» и все четыре «Ночи», поэмы Словацкого «Исповедь» и «Ян Белецкий». П. Козлов — фигура, типичная для периода поэтического безвременья 80-х годов. Недаром «идеолог» этой поры П. И. Вейнберг видел в вялом, водянистом Козлове чуть ли не образцового переводчика: «Обладая приятным и симпатичным дарованием стихотворца... очень хорошо владея стихом, г. Козлов при этом имеет все качества, необходимые для безукоризненного переводчика». Далее Вейнберг перечисляет эти качества: «поэтически-критическое чутье», хорошее владение русским языком, «литературная добросовестность», «знание в совершенстве языка подлинника» и, наконец, важное, с точки зрения Вейнберга, достоинство — отсутствие яркой творческой оригинальности: поэту-переводчику «не нужно истинно поэтическое дарование» («Дон Жуан. Поэма лорда Байрона. Перевод П. А. Козлова», 1889).

467. П. А. Козлов, Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1897. Мюссе, песня Фортуни из комедии «Подсвечник» (1835) — «Si vous croyez que je vais dire...» (акт II, сц. 3). Также перев.: И. Тургенев, В. Курочкин, Д. Усов, С. Андреевский.

468. «Русская мысль», 1888, № 1, с. 24. Печ. по изд.: Байрон, Полное собрание сочинений, «Б-ка великих писателей» под ред. С. А. Венгерова, т. 3, СПб., 1905. Байрон, Don Juan (1818—1824), из 9-й песни (строфы 23—28). Также перев.: см. примеч. 458.

И. Ф. ТХОРЖЕВСКИЙ (1843—1910)
и А. А. ТХОРЖЕВСКАЯ (1855—1988)

Иван Феликсович Тхоржевский и Александра Александровна Тхоржевская (урожд. Пальм — дочь петрашевца), печатавшиеся под общим псевдонимом Иван-да-Марья, сыграли большую роль в истории русского Беранже: в 1893 г. они выпустили в Тифлисе «Полное собрание песен Беранже в переводе русских писателей», правда изуродованное цензурой, но все же довольно полное (оно было переиздано с дополнениями в 1914 г. Вольфом). Для этого издания Тхоржевские стремились перевести все то, что не было известно русским читателям. Исследователь пишет, что «их точные в смысловом отношении переводы обычно удачны по форме, зачастую превосходят; лишь в редких случаях воля к точности отяжеляла песню» (Ю. Данилин, Беранже и его песни, М., 1958, с. 231). Тхоржевским принадлежат также первые русские переводы из грузинской поэзии, опубликованные ими в кн. «Грузинские поэты в образцах» (1889).

469. Полное собрание песен Беранже в переводе русских писателей (403 песни), под ред. И. Ф. Тхоржевского, 32 выпуска, Тифлис,

1893, с. 167 (выпуск 15). Беранже, *La Muse en fuite ou ma première visite au Palais de Justice* — «Quittez la lyre, ô ma Muse!..» (1821). 8 декабря 1821 г. В этот день Беранже был судим за второй сборник его песен и приговорен к тюрьме и штрафу. В дни Фронды. Фронда — социально-политическое движение 1648—1653 гг. во Франции против абсолютизма (правительства Мазарини). Великий критик Буало был автором шуточной антицерковной поэмы «Налой» (1674—1688), где в возвышенных стихах рассказывалось о потасовке между псаломщиком и казначеем церкви. Жан-Жак — Руссо; его роман «Эмиль, или О воспитании» (1762) был сожжен рукой палача.

470. Там же, с. 232 (выпуск 20). *Les Nègres et les marionnettes* — «Sur son navire un capitaine...». Также перев.: В. Курочкин, А. Коринфский, М. Михайлов.

471. Там же, с. 243 (выпуск 21). *Les Dix mille francs* — «Dix mille francs, dix mille francs d'amendel...» (1829). Также перев.: А. Коринфский, Вс. Рождественский.

472. Там же, с. 284 (выпуск 24). *Le Baptême de Voltaire* — «La foule encombre l'église...». Также перев.: В. Уманов-Каплуновский, А. Коринфский.

473. Иван-да-Марья, Грузинские поэты в образцах, перевод с грузинского, 2-е изд., Тифлис, 1897, с. 18. Также перев.: М. Лозинский, Б. Пастернак, В. Державин, М. Дудин, Г. Цагарели.

Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ (1858—1921)

Николай Александрович Холодковский, профессор зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии, создал лучший в XIX в. перевод трагедии Гете «Фауст» (1878, Пушкинская премия Академии наук в 1917 г.) и перевел произведения многих авторов — Эразма Дарвина (поэма «Храм природы»), Гете, Шиллера, Байрона, Мильтона («Потерянный рай») и др. Высоко оценивая перевод «Фауста», Блок, однако, отметил у Холодковского характерную для него утрату двойственности, «которая свойственна всем великим произведениям искусства» (заметка 1920 г.).

474. Байрон, Полное собрание сочинений, «Б-ка великих писателей» под ред. С. А. Венгерова, т. 3, СПб., 1905, с. 502. Байрон, *To a Youthful Friend* — «Few years have pass'd since thou and I...» (1808). Также перев.: Н. Гербель.

475. Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, под ред. Н. В. Гербеля, т. 2, СПб., 1878, с. 391. Печ. по изд.: Гете, *Faust*, под ред. М. Л. Лозинского, ч. 2, Пг. — М., 1922. Гете, *Faust, der Tragödie zweiter Teil. Großer Vorhof des Palasts* — «Herbei, herbei Herein, herein!..». Также перев.: см. примеч. 172.

Революционер-народник и поэт, Петр Филиппович Якубович перевел — в основном на каторге — часть сборника Бодлера «Цветы зла» (100 стихотворений из 151); книга этих переводов была опубликована в 1909 г. и до сих пор не утратила значения. А. В. Луначарский писал о переводах Якубовича: «Почти безукоризненный и иногда прямо изумительный перевод этих очаровательных по глубине красок, резкости образов и интенсивности чувств стихотворений является огромной заслугой г-на П. Я. перед русской литературой» (1906). Эта оценка, впрочем, несколько преувеличена. Якубовичу же принадлежат переводы лирических произведений Байрона, Сюлли-Прюдом, Боденштедта, М. Конопницкой и др.

476. «Слово», 1880, № 2—3, с. 119 (под загл. «Дума»). Печ. по изд.: Бодлэр, Цветы зла, перевод П. Якубовича-Мельшина, Пб., 1909. Бодлэр, Recueillement — «Sois sage, ô ma Douleur, et tiens-toi plus tranquille...» (Nouvelles Fleurs du Mal, XIII, 1861). Также перев.: Д. Михаловский, Эллис, И. Анненский, М. Донской.

477. Бодлэр, Цветы зла, с. 92. «Tu mettrais l'univers entier dans ta ruelle...» (Spleen et Idéal, XXV, 1857). Также перев.: Эллис, П. Антокольский.

478. «Дело», 1880, № 4, с. 85. Сюлли-Прюдом, Cri perdu — «Quelqu'un m'est apparu très loin dans le passé...» (Les Epreuves, 1866). Хеопс — египетский фараон нач. III тысячелетия. Ему воздвигнута грандиозная пирамида-усыпальница.

479. Там же, с. 34. Печ. по изд.: П. Ф. Якубович, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1960. Tombeau — «L'homme qu'on a cru mort, de son sommeil profond...» (Les Epreuves, 1866).

480. «Русское богатство», 1882, № 3, с. 122. Печ. по изд.: Матвей Рамшев (Якубович-Мельшин), Стихотворения, СПб., 1887. Боденштедт, «Es hat der Schach mit eig'ner Hand...» (Lieder des Mirza-Schaffy, 1851). Эта пьеса переведена Боденштедтом с фарсидского языка, на котором сочинил ее азербайджанский поэт Мирза-Шафи Вазех (1804?—1852). Также перев.: Н. Гребнев.

Н. МИНСКИЙ (1855—1907)

Николай Максимович Вилепкин (Н. Минский), поэт, один из родоначальников символизма — автор ряда интересных переводов из Иегуды бен Галеви, Байрона, Верлена. Главный труд Минского — перевод «Илиады» (1896), в котором сделана попытка приблизить поэму Гомера к современному читателю.

481. Илиада Гомера, перевод Н. М. Минского, М., 1896. Печ. по изд.: Илиада Гомера, перевод Н. М. Минского, издание второе, вновь проверенное и переработанное, изд. «Шиповник», СПб., 1909, с. 49. Из 4-й песни, ст. 1—29. Также перев.: см. примеч. 19.

482. Там же, с. 12. Байрон, "When we two parted..." (1808). Также перев.: С. Дуров, Н. Греков, Вяч. Иванов, С. Маршак.

483. Там же, с. 10. Sonnet on Chillon — "Eternal Spirit of the chainless Mind!..." (1816). Также перев.: Ф. Миллер, В. Фишер, М. Рудаков, Г. Шенгели. *Боннивар* — швейцарский политический деятель, в 1530 г. заключенный в подземелье Шильонского замка за участие в восстании горожан Женевы против герцога Савойского Карла III; он послужил прототипом для «Шильонского узника» Байрона (сонет является вступлением к поэме).

484. «Новый путь», 1904, № 1, с. 150. Верлен, Chanson d'automne — «Les sanglots longs...» (Poèmes saturniens, 1866). Также перев.: А. Кублицкая-Пиотух, А. Панов, В. Брюсов, Д. Ратгауз, Ф. Сологуб, Н. Нович (В. Бахтин), И. И. Тхоржевский, А. Чеботаревская, Эллис, А. Журин, Вл. Ивановский, К. Иваницкий-Василентко, С. Кирсанов, Л. Шенталь, А. Гелескул.

И. Ф. АННЕНСКИЙ (1856—1909)

Иннокентий Федорович Анненский своей многообразной деятельностью поэта-переводчика способствовал возрождению этого искусства. Главное дело его жизни — полный перевод трагедий Еврипида (1890—1909, опубл. 1916—1921). Он переводил оды Горация, поэтов Германии (Гете, В. Мюллер, Гейне), Франции (Бодлер, Леконт де Лиль, Верлен, Сюлли-Прюдом, Рембо, Малларме, Ренье) и др. Блок в своей рецензии на сборник «Тихие песни» писал о способности переводчика «вселяться в душу разнообразных переживаний» (1906).

Печ. по изд.: Иннокентий Анненский, Стихотворения и трагедии, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

485. Изд. 1959, с. 223. Мюллер, Der Leiermann — «Drüben hinterm Dorfe...» (Winterreise, 1823).

486. Ник. Т—о (И. Ф. Анненский), Тихие песни, СПб., 1904, с. 85. Гейне, «Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 20). Также перев.: Н. Огарев, П. Быков, П. Вейнберг, А. Блок, В. Гиппиус, В. Левик.

487. Там же, с. 71. Бодлер, Les Hiboux — «Sous les ifs noirs qui les abritent...» (Spleen et Idéal, LXVII, 1851). Также перев.: Н. Курочкин, П. Якубович, Эллис, А. Панов, А. Альвинг.

488. Там же, с. 99. Spleen — «Quand le ciel bas et lourd pèse comme un couvercle...» (Spleen et Idéal, LXXVIII, 1857). Также перев.: П. Якубович, Эллис, А. Панов, А. Альвинг, В. Левик, И. Чежегова.

489. Там же, с. 97. Les Aveugles — «Contemple-les, mon âme; Ils sont vraiment affreux!...» (Tableaux parisiens, XCII, 1860). Также перев.: П. Якубович, Эллис, А. Панов.

490. Изд. 1959, с. 249. La Cloche fêlée — «Il est amer et doux, pendant les nuits d'hiver...» (Spleen et Idéal, LXXIV, 1851). Также перев.: П. Якубович, Эллис, А. Панов, А. Альвинг, В. Левик.

491. Посмертные стихи Иннокентия Анненского, под ред. В. Кривича, Пб., 1923, с. 114. Леко́нт де Лиль, Les Montreurs — «Tel qu'un morne animal, meurtri, plein de poussière...» (Poèmes barbares, 1862). Также перев.: Ф. Сологуб, М. Лозинский, И. Поступальский.

492. Тихие песни, с. 96. Dernier souvenir — «J'ai vécu, je suis mort. Les yeux couverts, je coule...» (Poèmes barbares, 1862). Также перев.: И. Поступальский.

493. Там же, с. 68. A un Poète mort — «Toi dont les yeux erraient, altérés de lumière...» (Poèmes tragiques, 1884). Посвящено памяти Т. Готье (1811—1872). Также перев.: И. Бунин, И. Поступальский.

494. Посмертные стихи, с. 111. Верлен, «Je devine à travers un murmure...» (Romances sans paroles, II, 1872). Также перев.: В. Брюсов, Ф. Сологуб.

495. Тихие песни, с. 98. «Il pleure dans mon cœur...» (Romances sans paroles, III, 1872). Также перев.: В. Брюсов, Ф. Сологуб, И. Эренбург, Д. Ратгауз, С. Френкель, Б. Пастернак.

496. Посмертные стихи, с. 125. «O triste, triste était mon âme...» (Romances sans paroles, VII, 1872). Также перев.: В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Гелескул.

497. Тихие песни, с. 109. Langueur — «Je suis l'Empire à la fin de la décadence...» (Jadis et Naguère, 1884). Также перев.: В. Брюсов, Б. Пастернак, А. Арго, Э. Линецкая. Апостат — римский император Юлиан Отступник, отрекшийся от христианства (IV в.).

498. Там же, с. 73. Сюлли-Прюдом, Le Doute — «La blanche Vérité dort au fond d'un grand puits...» (Les Épreuves, 1866). Также перев.: Д. М.

499. Посмертные стихи, с. 120. Рембо, Les Chercheuses de roux — «Quand le front de l'enfant, plein de rouges tourmentes...» (Premiers vers, 1870). Также перев.: В. Брюсов, И. Эренбург, Б. Лившиц.

500. Тихие песни, с. 106. Роллина, Un Bohème — «Toujours la longue faim me suit comme un recors...» (Les Spectres, Les Névroses, 1892).

501—502. Там же, с. 104. Корбьер, Paris nocturne — «C'est la mer, — calme plat. — Et la grande marée...»; Paris diurne — «Vois aux sieux le grand rond de cuivre rouge luire...». Оригинал опубл. в 1890 г. *Проклятые поэты* — название группы поэтов-декадентов, считавших своим родоначальником Бодлера.

Федор Кузьмич Тетерников (Ф. Сологуб), поэт-символист, перевел сборник стихов Верлена (1908 и 1923) и «Кобзаря» Шевченко (опубл. в 1934 г.). О переводах из Шевченко, имевших в свое время, когда они печатались в журналах, успех, К. И. Чуковский писал, что им, несмотря на их эквиритмичность, свойственна лишь «внешняя видимость точности: все как будто переведено слово в слово, не переведено лишь одно — красота, и из-за этой, казалось бы, малости весь перевод Сологуба... есть сплошное искажение поэзии Шевченко» («Искусство перевода», 1936). Верлен удался Сологубу в гораздо большей степени — некоторые стороны его творчества были созвучны русскому поэту. В предисловии Сологуб писал: «Я переводил Верлена потому, что люблю его. А люблю я в нем то, что представляется мне в нем наиболее чистым проявлением мистической иронии». Представляют также интерес переводы из армянских поэтов, исполненные Сологубом для Брюсовской антологии армянской поэзии (1916).

503. «Петербургская жизнь», 1897, № 264. Печ. по изд.: П. Верлен, Стихи, выбранные и переведенные Ф. Сологубом, Пг.—М., 1923. Верлен, Spleen — «Les roses étaient toutes rouges...» (Romances sans paroles, Aquarelles, 1873). Также перев.: В. Брюсов, Эллис, С. Френкель, В. Левик.

504. Там же. Печ. по изд.: Поль Верлен, Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом, СПб., 1908. «Un grand sommeil noir...» (Sagesse, 1875). Также перев.: В. Брюсов, В. Мазуркевич, С. Астров, С. Френкель, Д. Ратгауз, И. И. Тхоржевский, В. Злобин, Э. Линецкая.

505. Изд. 1908, с. 75. Печ. по изд. 1923. «Je ne t'aime pas en toilette...» (Chansons pour elle, XIV, 1891).

506. Изд. 1923, с. 79. Kaléidoscope — «Dans une rue, au cœur d'une ville de rêve...» (Jadis et Naguère, 1884). Также перев.: В. Брюсов, А. Ревич.

507. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, под ред. В. Брюсова, М., 1916, с. 229. Под Меорой. Меоре-Гудава — местечко на черноморском побережье южнее Сухуми.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ (1866—1941)

Дмитрий Сергеевич Мережковский, один из зачинателей русского символизма, выступал и как поэт-переводчик. Основное в его наследии — переводы трагедий древнегреческих поэтов: Эсхила («Скованный Прометей», 1891), Софокла («Антигона», 1892; «Эдип-царь», 1894; «Эдип в Колоне», 1896), Еврипида («Ипполит», 1893; «Медея», 1895). Кроме того, Мережковскому принадлежат переводы ряда стихотворений Э. По и Бодлера.

508. Шарль Бодлер, Цветы зла. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов, СПб., 1912, с. 8. Бодлер, L'Albatros —

«Souvent, pour s'amuser, les hommes d'équipage...» (Spleen et Idéal, II, 1842—1859). Также перев.: П. Якубович, А. Альвинг, Эллис, О. Чюмина, А. Панов, В. Левик.

К. Д. БАЛЬМОНТ (1867—1942)

Поэт-символист Константин Дмитриевич Бальмонт был одним из плодовитейших в России переводчиков иностранной поэзии. Ему принадлежат переводы сочинений Э. По, Шелли, Кальдерона, Уитмена, поэм Калидасы и Шота Руставели, болгарских и испанских народных песен, драм Лопе де Веги, лирических стихотворений поэтов английских, французских, итальянских, испанских, польских, армянских. Бальмонт преобразовывал переводимых им поэтов на свой лад, произвольно сообщая им бальмонтовскую напевность, внешнюю музыкальность, многословность. Брюсов поэтому считал, что Бальмонт «из плохих переводчиков — худший» (письмо к П. П. Перцову от 17 мая 1904 г.). Однако, переводя поэтов, близких ему по творческой манере, Бальмонт достигал больших успехов — таковы, например, его переводы из Э. По.

509. «Артист», 1894, № 41, с. 158. По, The Raven — “Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary...” (1845). Также перев.: Н. Кондратьев, Д. Мережковский, В. Брюсов, М. Зенкевич.

510. Э. По, Баллады и фантазии, перевод К. Бальмонта, М., 1895, с. 11. Appabel Lee — “It was many and many a year ago...” (1849). Также перев.: В. Федоров, В. Брюсов, С. Андреевский, А. Оленич-Гнененко.

511. «Жизнь», 1899, т. 9, с. 170. Ulalume — “The skies they were ashen and sober...” (1847). Также перев.: В. Федоров, В. Брюсов, Н. Чуковский.

512. «Вестник иностранной литературы», 1899, № 1, с. 220. To *** — “I heed not that my earthly lot...” (1829—1845). Также перев.: В. Брюсов.

513. Там же. Eldorado — “Gaily bedight — A gallant knight...” (1850). Также перев.: Н. Нович (В. Бахтин), В. Федоров, В. Брюсов.

514. «Вестник иностранной литературы», 1899, № 4, с. 55. Бодлер, Le Gouffre — “Pascal avait son gouffre, avec lui se mouvant...” (Nouvelles Fleurs du Mal, VIII, 1862). Также перев.: П. Якубович, Эллис, А. Панов, В. Шор. Паскаль, Блез (1623—1662) — французский мыслитель. По свидетельству аббата Буало, у Паскаля бывали галлюцинации — он видел рядом с собой разверстую пропасть.

В. Я. БРЮСОВ (1873—1924)

Валерий Яковлевич Брюсов систематически занимался переводом поэзии, теорией и критикой перевода. Отдельными книгами выходили переводы Брюсова из французских лириков XIX в. (1909), Верлена (1894 и 1911), Верхарна (1906 и 1923), Э. По (1924); после его смерти

появились издания «Энеиды» Вергилия и «Фауста» Гете (ч. 1). Брюсов был организатором и редактором коллективных сборников — таковы осуществленные под его руководством «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916), «Сборник латышской литературы» (1916), «Французские лирики XVIII века» (1914) и т. д. Брюсов разработал учение о «методе перевода», но в собственной практике пользовался различными, зачастую несовместимыми методами: то творчески-вольным, близким к пушкинскому (Верхарн, Готье, Верлен), то мертвенно-буквалистским, стремящимся к передаче даже синтаксического строя иностранного языка («Энеида», «Фауст»).

515. Э. Верхарн, Стихи о современности, М., 1906, с. 83. №№ 515—517 печ. по изд.: Эмиль Верхарн, Поэмы, перевод В. Брюсова, Пг.—М., 1923. В е р х а р н, Le Vent — «Sur la bruyère longue infiniment...» (Les Villages illusoires, 1894). Также перев.: Д. Усов, Н. Васильев, Б. Серебряков, Г. Шенгели.

516. Там же, с. 81. Sais-je où? — «C'est quelque part en des pays du Nord — le sais-je?..» (Les Bords de la route, 1882—1894). Также перев.: Г. Шенгели.

517. Изд. 1923, с. 92. Un Soir — «Celui qui me lira dans les siècles, un soir...» (Les Forces tumultueuses, 1903). Также перев.: Г. Шенгели, Вс. Рождественский.

518. «Южное обозрение», 1899, № 818; «Понедельники газеты „Слово“», 1906, № 14. №№ 518—525 печ. по изд.: В. Брюсов, Полное собрание сочинений и переводов, т. 21 (Французские лирики XIX века), СПб., 1913. В е р л е н, «Le ciel est, par-dessus le toit...» (Sagesse, 1875). Также перев.: С. Астров, С. Френкель, Ф. Сологуб, О. Чюмина, И. И. Тхоржевский, Ю. Корнеев.

519. «Клуб», 1907, 18 декабря. Chanson pour Elle — «Ils me disent que tu es blonde...» (Chair, 1894).

520. Поль Верлен, Собрание стихов в переводе В. Брюсова, СПб., 1911, с. 82 (вариант 3-й строфы). «Un grand sommeil noir...» (Sagesse, 1875). Также перев.: В. Мазуркевич, С. Астров, С. Френкель, Д. Ратгауз, Ф. Сологуб, И. И. Тхоржевский, В. Злобин, Э. Линецкая.

521. Французские лирики XIX века, СПб., 1909, с. 61. Б о д л е р, La Beauté — «Je suis belle, ô mortels! comme une rêve de pierre...» (Spleen et Idéal, XVII, 1857). Также перев.: П. Якубович, Эллис, Вяч. Иванов, А. Панов, Б. Лившиц, В. Левик.

522. Полное собрание сочинений и переводов, т. 21, с. 12. М и л ь в у а, Le Fleuve d'oubli — «Onde facheuse, onde malavisée...» (Elégies, 1812—1814). Также перев.: Е. Баратынский.

523. Там же, с. 67. Леконт де Лиль, Le Sommeil du condor — «Par-delà l'escalier des roides Cordillères...» (Poèmes barbares, 1862—1871). Также перев.: И. Поступальский.

524. Там же, с. 86. Малларме, Le Cygne — «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...» (Poésies, 1887). Также перев.: М. Волошин.

525. Там же, с. 193. Ренье, Sur la Grève — «Couche-toi sur la grève et prends en tes deux mains...» (Les Médailles d'argile. Médailles marines, 1900). Также перев.: М. Волошин, И. И. Тхоржевский.

526. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, под ред. В. Брюсова, М., 1916, с. 457.

527. Там же, с. 378.

528. Там же, с. 245.

529. Там же, с. 265.

Вяч. ИВАНОВ (1866—1949)

Вячеслав Иванович Иванов, поэт и теоретик русского символизма, создал много стихотворных переводов с древнегреческого, итальянского, французского, армянского языков. Наиболее значительные его работы — переводы лирики Алкея и Сафо, сонетов Петрарки, ряда стихотворений Бодлера.

530. Шарль Бодлер, Цветы зла. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов, СПб., 1912, с. 16. Бодлер, La Vie antérieure — «J'ai longtemps habité sous de vastes portiques...» (Spleen et Idéal, XII, 1855). Также перев.: П. Якубович, Эллис, А. Панов, А. Альвинг.

531. Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же, М., 1914, с. 41. Алкей, Ἄσυνέτημι τῶν ἀνέμων στάσις... (VII в. до н. э.).

532. Там же, с. 42. Μαρμαίρει δὲ μέγας δόμος χάλκῳ...

533. Там же, с. 53. Ἴσπλοκ' ἄγνα μελλιχόμειδε Σάπφοι...

534. Там же, с. 65. Οὐ χρὴ κάκοισι θῦμον ἐπιτρέπην...

535. Там же, с. 83. Сафо, Ποικιλόθρον', ἀθάνατ' Ἀφροδίτα... (VII в. до н. э.). Также перев.: см. примеч. 13.

536. Там же, с. 85. Φαίνεται μοι κήνος ἴσος θεοῖσιν... Также перев.: см. примеч. 42.

537. Там же, с. 103. Λιθ' ἔγω, χρυσοστέφαν' Ἀφροδίτα...

538. Там же, с. 121. Ἐγὼ δὲ φίλημ' ἀβροσύναν...

539. Петрарка, Автобиография. Исповедь. Сонеты, перевод М. Гершензона и Вяч. Иванова, М., 1915, с. 236. Номера сонетов даются по итальянскому изд. 1908 г. Петрарка, сонет 57 — «Mie venture al venir son tarde e pigre...».

540. Там же, с. 237. Сонет 61 — «Benedetto sia 'l giorno e 'l mese e l'anno...». Также перев.: И. Капнист, Н. Берг, Д. Мин, В. Брюсов, А. Эфрос, В. Левик.

541. Там же, с. 243. Сонет 132 — «S' Amor non è, che dunque è quel ch'io sento?...». Также перев.: А. Эфрос.

542. Там же, с. 251. Сонет 199 — «O bella man, che mi restringi 'l core...». Также перев.: А. Эфрос.

543. Там же, с. 257. Сонет 269 — «Rotta è l'alta colonna e 'l verde lauro...». Также перев.: К. Батюшков, Д. Мин, А. Эфрос.

544. Там же, с. 263. Сонет 312 — «Nè per sereno ciel ir vaghe stelle...». Также перев.: А. Эфрос.

545. Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, под ред. В. Брюсова, М., 1916, с. 374. Также перев.: П. Сухотин, М. Петровых.

546. Там же, с. 324.

547. Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии, под ред. В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе, М., 1918, с. 36. Оригинал датируется 1905 г.

В. В. ВЕРЕСАЕВ (1867—1945)

Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович) — прозаик, критик, литературовед — был переводчиком древнегреческой поэзии; он опубликовал переводы Гомеровых гимнов, лирики Сафо, Архилоха и др., поэм Гесиода «Работы и дни» и «Происхождение богов» («Теогония»), а также обеих поэм Гомера — они вышли в свет посмертно: «Илиада» — в 1949 г., «Одиссея» — в 1953 г. Вересаев считал не только возможным, но и необходимым использование трудов своих предшественников. В предисловии к «Илиаде» читаем: «Главная, все оправдывающая и все покрывающая цель — максимально точный и максимально художественный перевод подлинника. Если мы допускаем коллективное сотрудничество, так сказать, в пространстве, то почему не допускаем такого же коллективного сотрудничества и во времени, между всю цепью следующих один за другим переводчиков? Все хорошее, все удавшееся новый переводчик должен полностью горстью брать из прежних переводов, конечно с одним условием: не перенося их механически в свой перевод, а органически перерабатывая в свой собственный стиль, точнее, в стиль подлинника, как его воспринимает данный переводчик» (Гомер, Илиада, перевод В. В. Вересаева, М.—Л., 1949, с. 6).

548. Древнеэллинические поэты. Выпуск I. Архилох, Стихотворения и фрагменты. Перевел с греческого размерами подлинника В. Вересаев, М., 1915, с. 73. Αρχιλόχ, Θυμέ, θυμ' ἀρχιλόχοισι κήδεϊ, κυχώμενε... (VII в. до н. э.). Также перев.: В. Нилендер, Г. Церетели.

549. Там же, с. 86. Χιημάτων ἄελπτον οὐδέν ἐστιν οὐδ' ἀπόμστον... Также перев.: Г. Церетели.

550. Древнеэллинические поэты. Выпуск 2. Сафо, Стихотворения и фрагменты. Перевел с греческого размерами подлинника В. Вересаев, М., 1915, с. 21. Сафо, Ποικιλόθρον', ἀθάνατ' Ἀφροδίτα... (VII в. до н. э.). Также перев.: см. примеч. 13. *Псанфа* — Сафо.

551. Там же, с. 23. Φαίνεται μοι κήπος ἴσος θεοῖσιν... Также перев.: см. примеч. 42.

И. А. БУНИН (1870—1958)

Прозаик и поэт, Иван Алексеевич Бунин был автором мастерских стихотворных переводов с английского и французского, из которых наиболее значительны «Песнь о Гайавате» Лонгфелло (1896), философские драмы и мистерия Байрона «Каин» (1905), «Манфред» (1904), «Небо и земля» (1909), ряд стихотворений Теннисона, Леконт де Лиля, Ф. Коппе, «Крымские сонеты» Мицкевича. В «Предисловии переводчика» (1898) к поэме Лонгфелло Бунин пишет о том, что «всюду старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов». Он порой шел на утяжеление, решаясь «сознательно жертвовать легкостью стиха, чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких». Такого же принципа Бунин придерживался и переводя других авторов.

552. «Орловский вестник», 1896, 2 мая — 24 сент. Впоследствии текст неоднократно перерабатывался переводчиком. Печ. по изд. 1918 г. М и С. Сабашниковых (серия «Памятники мировой литературы»). Лонгфелло, The Song of Hiawatha (1855), начало гл. 7 (Hiawatha's Sailing) — "Give me of your bark, O Birch-Tree!..". Также перев.: Д. Михаловский.

553. «Журнал для всех», 1901, № 12, стлб. 1423. Мицкевич, Stepy Akermanskiе — «Wpłynąłem na suchego przestwór oceanu...» (Sonety Krymskie, 1826, I). Также перев.: см. примеч. 120.

554. «Курьер», 1902, 10 марта. Czatyrdah — «Drząc muślinin sążuje stopy twej opoki...» (Sonety Krymskie, 1826, XIII). Также перев.: см. примеч. 120а; В. Щастный, А. Совинский, Д. Минаев (подражание), В. Бенедиктов, Б. Попов, П. Петров (отдельно этот сонет).

555. «Мир божий», 1902, № 12, с. 48. Ałuszta w pocy — «Rzeźwią się wiatry, dzienna wolnieje posucha...» (Sonety Krymskie, 1826, XII). Также перев.: см. примеч. 120а; А. Майков (отдельно этот сонет).

556. Сб. «Знание», кн. 14, 1906, с. 195. Теннисон, *Godiva* — “I waited for the train at Coventry...” (Poems, 1842). Также перев.: М. Михайлов, Д. Минаев, С. Геммельман, А. Федоров, С. Вердеревская. *Годива* — жена графа Честера (XI в.); чтобы добиться от мужа сокращения налогов, разорвавших город Ковентри, она, по легенде, согласилась нагая проехать верхом через весь город.

557. Печ. по недатированной рукописи (архив Института русской литературы АН СССР). Леконт де Лиль, *Le Talion* — «Ai-je dormi? quel songe terrible m'a hanté?..» (Poèmes tragiques, 1884).

558. «Армянская муза», М., 1907, с. 135. Этот перевод Бунина — первый русский перевод из А. Исаакяна.

А. И. КУПРИН (1870—1938)

Александр Иванович Куприн начал литературную деятельность со стихов (80-е годы); лишь однажды он выступил со стихотворным переводом. Этот отличный перевод имеет значение для истории русского Беранже.

559. «Новая жизнь», 1917, № 2—3. Беранже, *Prédiction de Nostradamus pour l'an deux mil* — «Nostradamus, qui vit naître Henri Quatre...» (Chansons nouvelles et dernières, 1833). Также перев.: Иван-да-Марья (И. Ф. и А. А. Тхоржевские), П. Антокольский. *Нострадам* — Мишель Нострадамус (1503—1566), французский врач и астролог, автор книги «Века», где он предсказывал будущее человечества. *Генрих IV* родился в 1553 г.

А. Я. КОЦ (1872—1943)

Аркадий (Аарон) Яковлевич Коц, прославившийся как создатель русского текста «Интернационала», переводил с французского поэтов Парижской коммуны (К. Гюга, Э. Вермерша) и прежде всего особенно близкого ему по духу Э. Потье. Историю перевода «Интернационала» Коц рассказал в статье «Наш гимн» (1937).

Печ. по изд.: А. Коц, Стихотворения, М., 1957.

560. «Жизнь», Лондон, 1902, № 5, август, с. 201 (строфы 1, 2 и 6); остальной текст — «Звезда», 1937, № 11, с. 321 (в тексте статьи «Наш гимн»). Потье, *L'Internationale* — «Debout! les damnés de la terre...» (1871). Также перев.: Н. Минский (1-я строфа и припев), А. Тиртейский, А. Зарницын, И. Смирнов, С. Гусяров, С. Френкель (без 1-й строфы), С. Заяицкий и Л. Остроумов, А. Гатов, В. Дмитриев. Кроме того, последние три строфы перев.: Н. Теркин, А. Гущевич, А. А. Богданов.

561. Э. Потье, Избранные стихотворения, М., 1938, с. 140. Jules Vallès — «Paris vient de lui dire: Adieu!..» (1885). Также перев.: В. Дмитриев. *Валлес*, Жюль (1832—1885) — писатель, публицист и общественный деятель; был избран членом Парижской коммуны 1871 г., издавал газету «*Cri du peuple*» («Клич народа»). После раз-

грома Коммуны эмигрировал в Англию. *Варлен*, Луи-Эжен — активный деятель Коммуны, расстрелян версальцами в мае 1871 г. *Дюваль*, Эмиль-Виктор — рабочий, во время Коммуны был одним из командующих ее вооруженными силами, расстрелян версальцами в апреле 1871 г.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ (1875—1933)

Анатолий Васильевич Луначарский, политический деятель, художественный и литературный критик, литературовед и драматург, оставил несколько образцов поэтического перевода, из которых особенно интересны стихи венгерского поэта Ш. Петефи и лирика швейцарского поэта К. Ф. Мейера. В предисловии к переводам из Мейера Луначарский писал: «Изучая того или иного поэта, я имею обыкновение переводить для себя некоторые стихотворения, особенно мне понравившиеся. Таково же происхождение этого небольшого сборника. Прочитанный в довольно тесном кругу литераторов, он вызвал к себе ласковое отношение писателей и переводчиков...»

562. К. Ф. Мейер, Лирика, перевод А. В. Луначарского, Пб., 1920, с. 29. Мейер, Nach einem Niederländer — «Der Meister malt ein kleines zartes Bild...» (Reise, 1883).

563. Там же, с. 41. Самоэнс — «Самоэнс, der Musen Liebling...» (Genie, 1860, 1883). *Камозэнс*, Луис (1525—1580) — португальский поэт, автор поэмы «Лусиады» (1572).

564. Революционная поэзия Запада XIX века, М., 1930, с. 94. Петефи, A kutyák dala — «Süvölt a zivatar...» (1847).

565. Там же, с. 95. A farkasok dala — «Süvölt a zivatar...» (1847).

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК (1874—1952)

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник оставила большое наследие и как переводчик, преимущественно в области стихотворной драматургии. Ее перу принадлежат переводы пьес Э. Ростана, Метерлинка, Мольера, Шекспира (12 пьес), Лопе де Веги (4 пьесы), Тирсо де Молины, Кальдерона, Гюго и др. «Дело переводчика, — писала Щепкина-Куперник в 1940 году, — я считаю одним из важнейших и нужнейших в строительстве нашей культуры» («Искусство и жизнь», № 3).

566. Полное собрание сочинений Эдмонда Ростана в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, т. 1, СПб., 1914, с. 233. Ростан, отрывок из героической комедии «Сирано де Бержерак» (1897) — «Je jette avec grâce mon feutre...» (акт I, сц. 4). Также перев.: В. Соловьев, Ю. Айхенвальд.

567. Там же, т. 2, с. 144. Отрывок из драмы «Орленок» (1900) — «Regner! C'est dans ton vent dont le parfum de gloire...» (акт V, сц. 2). *Герцог Рейхштадтский* — сын Наполеона I (1811—1832). *Ваграм* — местечко под Веной, где Наполеон I одержал победу (1809). *Ровиго* — местечко в Италии, тоже известное одной из побед Наполеона I.

568. Там же, т. 2, с. 349. Où l'on retrouve Pif-Luisant — «Il bouquinait un vieux Hugo de chez Hetzel...» (Les Musardises, 1887—1893).

569. Там же, с. 405. Exercices — «Secouons la léthargie...» (Les Musardises, 1887—1893).

А. А. БЛОК (1880—1921)

Блок активно занимался переводом в течение почти двадцати лет — начиная с 1905 г., когда он перевел несколько стихотворений Байрона для собрания его сочинений. Теснее всего Блок был связан с немецкой поэзией: он перевел трагедию Ф. Грильпарцера «Прама-терь» (1908), лирические стихи Гейне (1909, 1920—1921). Переводил он также и с французского — мистическую драму Рютбефа «Действо о Теофиле» (1908), стихи Леконта, а с подстрочников — стихи для сборников финляндской, латышской, армянской литератур. Критические статьи Блока о переводной поэзии содержат концепцию переводческого искусства, наиболее отчетливо сформулированную в статье «Гейне в России», написанной в период работы Блока в издательстве «Всемирная литература» (1919). Блок выступал также в качестве редактора поэтических и прозаических переводов из Гейне — этот его творческий опыт весьма поучителен.

Печ. по изд.: Александр Блок, Собрание сочинений в 8-ми томах, М.—Л., 1960—1963.

570. Байрон, Полное собрание сочинений, «Б-ка великих писателей» под ред. С. А. Венгерова, т. 3, СПб., 1905, с. 459. Байрон, Imitated from Catullus. To Ellen — “Oh! might I kiss those eyes of fire...” (1806).

571. Там же, с. 488. A Fragment — “Hills of Annesley, black and barren...” (1805). *Аннслей* — поместье родителей Анны (Мэри) Чаворт, которую любил Байрон.

572. Там же, с. 569. Journal in Cephalonia — “The dead have been awakened — shall I sleep?...” (19 июня 1823 г.; опублик. в 1901 г.). *Кефалония* — остров в Ионическом море, где Байрон останавливался по дороге в Грецию в 1823 г.

573. Там же. Love and Death — “I watched thee when the foe was at our side...” (опублик. в 1887 г.).

574. «Студенческая жизнь», 1910, № 7. Гейне, «In mein gar zu dunkles Leben...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 1). Также перев.: см. примеч. 327.

575. «Gaudeamus», 1911, № 2, с. 9. «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 2). Также перев.: см. примеч. 260.

576. А. Блок, Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908—1910), М., 1911, с. 54. «Die Nacht ist feucht und stürmisch...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 5). Также перев.: П. Быков, В. Гиппиус, В. Левик.

577. Там же, с. 57. «Der Sturm spielt auf zum Tanze...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 11). Также перев.: Ф. Миллер, М. Михайлов, А. Мейснер, В. Гиппиус, В. Левик.

578. Там же, с. 58. «Der Abend kommt gezogen...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 12). Также перев.: Ф. Миллер, А. Фет, В. Гиппиус.

579. Сб. товарищества «Прогресс», М., 1911, с. 29. «Am fernen Horizonte...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 16). Также перев.: Н. Огарев, М. Михайлов, А. Мейснер, В. Долгинцев, Г. Виллиам, Н. Полежаев, К. Бальмонт, В. Гиппиус, Р. Минкус, В. Левик.

580. Там же, с. 30. «Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 20). Также перев.: см. примеч. 486.

581. Ночные часы, с. 64. «Die Jahre kommen und gehen...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 25). Также перев.: А. Фет, И. Лебедев, М. Шелгунов, Стрельская, М. Михайлов, Н. Полежаев, А. Данилевский-Александров, В. Брюсов, В. Гиппиус, В. Левик, Вл. Разумовский.

582. Г. Гейне, Стихотворения, М.—Л., 1931, с. 5. «Das ist der alte Märchenwald!...» (Buch der Lieder, Vorrede zur dritten Auflage, 1839). Также перев.: М. Михайлов, Н. Греков, Д. Минаев.

583. РМ, 1914, № 5, с. 5. Полициано, «Conditus hic ego sub picture fama Philippus...». *Фра Филиппо Липпи* (ок. 1406—1469) — итальянский живописец эпохи раннего Возрождения. *Лаврентий* (Лоренцо) *Медичи Великолепный* (1448—1492) — флорентийский правитель, покровитель художников и ученых.

584. «Летопись», 1916, № 1, с. 170. Оригинал датируется 1899 г. Также перев.: Т. Спендиарова.

585. «Биржевые ведомости», 1916, 20 марта (утренний выпуск). Оригинал датируется 1900 г. Также перев.: А. Глоба.

586. «Летопись», 1916, № 1, с. 171; Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, под ред. В. Брюсова, М., 1916, с. 373. Оригинал датируется 1903 г. Также перев.: В. Брюсов.

587. Поэзия Армении..., с. 369. Оригинал датируется 1905 г.

588. Там же, с. 372.

589. Сборник финляндской литературы, под ред. В. Брюсова и М. Горького, Пг., 1917, с. 103. Т о п е л и у с, Vintergatan — «Och på är lampan släckt, och nu är natten tyst och klar...» (1852).

590. Там же, с. 104. En sommardag i Kangasala — «Jag gungar i högsta grenen...» (Sylvias visor, 3, 1853).

М. А. ВОЛОШИН (1878—1932)

Максимилиан Александрович Волошин, поэт, критик и художник, переводил с французского стихи Эредиа, Ренье и Верхарна. Особое значение имеет его Верхарн. Сборнику Волошина «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы» (1919) предпослано «Предварение о переводах», где говорится: «В стихотворном переводе приходится жертвовать не столь важным для главного: если стихотворение построено на игре созвучиями, переводчик неизбежно отступает от точного смысла и, главным образом, от синтаксиса, стараясь найти равносильный звуковой эффект. Если же главное лежит в содержании, в образе, в синтаксическом развертывании фразы, то переводчик должен честно пожертвовать рифмой» (с. 29—30). Этим объясняется то, что переводы Волошина нередко выполнены безрифменным стихом.

591. М. Волошин, Стихотворения (1900—1910), М., 1910, с. 28. Э р е д и а, Fuite de centaures — «Ils furent, ivres de meurtre et de rébellion...» (Trophées, 1893). Также перев.: Г. Шенгели, Д. Глушков (Д. Олерон).

592. «Русь», 1905, № 188 (под загл. «Вечер»). В е р х а р н, Soir d'automne — «Des nuages, couleur de marbre...» (Les Vignes de ma muraille, 1897).

593. Изд. 1910, с. 34. La Peur — «Par les plaines de ma crainte, tournée au nord...» (Les Apparus dans mes chemins, 1891).

594. Там же, с. 29. Au Nord — «Deux vieux marins des mers du Nord...» (Les Vignes de ma muraille, 1897). Также перев.: Б. Бер, В. Брюсов, Г. Шенгели.

595. Там же, с. 31. Novembre (Les Bords de la route, 1882—1894).

596. М. Волошин, Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы, М., 1919, с. 44. Une Statue (Moine) — «On le croyait fondateur de la ville...» (Les Villes tentaculaires, 1896).

М. Л. ЛОЗИНСКИЙ (1886—1965)

Михаил Леонидович Лозинский — профессиональный поэт-переводчик, автор многочисленных переводов с французского, испанского, итальянского, английского, немецкого, персидского языков. Наиболее значительные его работы — «Божественная комедия» Данте («Ад» — 1938, «Чистилище» — 1940, «Рай» — 1942), «Сид» Корнелия

(1935), «Тартюф» Мольера (1929), «Собака на сене», «Валенсиянская вдова» (1938), «Фуэнте Овехуна» (1946) Лопе де Веги, «Испанский священник» Флетчера (1935), «Сомнительная правда» Аларкона (1941), а также лирические стихотворения и баллады Шиллера, Гете, Гейне, Сервантеса, Гильена, Леконт де Лиля, Эредиа, Деборд-Вальмор и др. В докладе 1935 г. «Искусство стихотворного перевода» Лозинский разграничил два вида перевода — перестраивающий («переводчик, так сказать, переливает чужое вино в свои, привычные ему мехи») и воссоздающий, «воспроизводящий со всей возможной точностью и содержание и форму подлинника... Только перевод второго типа и может называться переводом. Его эстетическое и познавательное значение несравнимо с тем, какое может иметь перевод перестраивающий». И далее: «Тем больше заслуга поэта-переводчика и тем большим он себя покажет художником, чем объективнее он в своей работе, чем полнее он перевоплощается в того поэта, стихи которого воссоздает». В «Слове о М. Л. Лозинском» (1965) А. А. Ахматова дала высокую оценку его творчеству, сказав: «В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для двадцатого века тем же, чем был Жуковский для века девятнадцатого» (опубл. в кн. «День поэзии», Л., 1966, с. 51).

597. «Современный Запад», 1923, № 2, с. 29. Киплинг, If — «If you can keep your head when all about you...» (1910). Также перев.: С. Маршак, М. Дудин, В. Иванов-Паймен.

598. С. Цвейг, Марселина Деборд-Вальмор, Л., 1930, с. 96. Деборд-Вальмор, Un Billet de femme — «Puisque c'est toi qui veux pouer encore...» (Élégies, 1825).

599. «Лит. современник», 1939, № 10—11, с. 200. В предисловии к этой публикации Лозинский писал, что переводы из Леконт де Лиля выполнены им «на протяжении ряда лет — с 1919 г. до последнего времени». Леконт де Лиль, La Mort de Valmiki — «Valmiki, le poète immortel, est très vieux...» (Poèmes antiques, 1852). Также перев.: И. Поступальский. Вальмики — мифический древнеиндийский поэт, который считается автором поэмы «Рамаяна» (середина I тысячелетия до н. э.). Гимават — древнее название Гималайского хребта. Раджи — князья. Парши — низшая каста. Брама — один из высших богов в индуизме. Рама — герой «Рамаяны» (воплощение бога Вишну). Белесый муравей... По преданию, Вальмики был съеден термитами.

600. Там же. Les Montreurs — «Tel qu'un morne animal, meurtri, plein de poussière...» (Poèmes barbares, 1862). Также перев.: И. Анненский, Ф. Сологуб, И. Поступальский.

601. Там же, с. 204. Solvet seclum — «Tu te tairas, ô voix sinistre des vivants!...» (Poèmes barbares, 1862). Solvet seclum (лат.) — разрушается век (слова из католической молитвы).

602. Там же, с. 202. Villanelle — «Le Temps, L'Etendue et le Nombre...» (Poèmes tragiques, 1884). Также перев.: И. Бунин. *Вилланелла* — лирическое стихотворение особой формы (обычно шесть трехстишных строф и один заключительный стих, итого 19 стихов на две рифмы).

603. Там же. L'Astre rouge — «Sur les Continents morts, les houles léthargiques...» (Poèmes tragiques, 1884). *Рабби Абен-Эзра* — легендарный еврейский мудрец.

604. Г. Гейне, Стихотворения, М.—Л., 1931, с. 264. Гейне, Childe Harold — «Eine starke, schwarze Barke...» (Romanzen, 1839—1842, 3). Также перев.: А. Майков, И. Лебедев, Д. Минаев, А. Мейснер, Л. Уманец, П. Висковатый, Е. Дунаевский.

605. Там же, с. 383. König David — «Lächelnd scheidet der Despot...» (Historien, Romanzen, 1846—1852). Также перев.: Д. Минаев. Сюжет стихотворения пародирует Библию.

606. «Лит. современник», 1937, № 7, с. 167. Оригинал датируется 1833—1836 гг. Также перев.: Б. Пастернак, Г. Цагарели, М., Дудин.

607. Там же, с. 168. Также перев.: см. примеч. 473.

608. Ф. Шиллер, Избранные стихотворения и драмы, Л., 1937, с. 31. An die Freude — «Freude, schöner Götterfunken...» (1785). Также перев.: см. примеч. 210.

609. Там же, с. 42. Der Ring des Polykrates — «Er stand auf seines Daches Zinnen...» (1797). Также перев.: М. Дмитриев, В. Жуковский. *Поликрат* — в VI в. до н. э. тиран (правитель) на о. Самос.

610. Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 27. Оригинал датируется 1758 г. *Трон павлиний* — драгоценнейший трон индийского Могола, который был разукрашен также павлиньими перьями. *Искандер* — Александр Македонский. *Лал* — рубин.

611. Там же, с. 28. Оригинал датируется 1758 г. *Раш* — конь Ростома, главного героя поэмы Фирдоуси «Шах-намэ».

612. Там же, с. 29. Оригинал датируется 1758 г. *Векил* — опекун.

613. Данте Алигьери, Божественная комедия. Ад, перевод М. Лозинского, Л., 1939, с. 126. Данте, Inferno, из 22-й песни (ст. 13—60). Также перев.: см. примеч. 126.

А. П. ОНОШКОВИЧ-ЯЦЫНА (1897—1935)

Ада Ивановна Оношкович-Яцына переводила стихи и поэтическую драматургию с французского, немецкого и главным образом английского языков. Работая в начале 20-х годов в студии поэтического перевода под руководством М. Л. Лозинского, она усвоила творческие принципы своего учителя. Наиболее значительны стихотвор-

ные переводы Оношкович-Яцына из Кольриджа, Байрона (сама она выше всего оценивала перевод поэмы «Корсар»), Мольера («Сганарель»), Расина, Гюго (главная работа — перевод драмы «Рюи Блаз»; рукопись этого неопубликованного перевода утрачена), Гейне. Ряд ее воссозданий стихов Киплинга — до сих пор в числе лучших переводов из этого английского поэта.

614. Р. Киплинг, Избранные стихотворения, перевод Ады Оношкович-Яцына, Пг., 1922, с. 13. №№ 614—615 печ. по изд.: Р. Киплинг, Избранные стихи, Л., 1936. К и п л и н г, Tomlinson — “Now Tomlinson gave up the ghost at his house in Berkeley Square...” (1891). Также перев.: А. Сендык.

615. Там же, с. 75. Boots — “We’re foot — slog — slog — slog — sloggin’ over Africa...” (1896). Также перев.: М. Гутнер.

616. Грузинские романтики, Л., 1940, с. 6. *Мухамбази* (по-арабски — пятистишие) — особый вид персидского стиха, распространенный в старой Грузии в качестве формы застольной песни. Также перев.: С. Амраджиби.

В. К. ЛИВШИЦ (1887—1989)

Бенедикт Константинович Лившиц, поэт и прозаик, близко связанный с русскими футуристами, в течение трех десятилетий, начиная с 1908 г., переводил лирические стихи французских поэтов, составившие сборник «От романтиков до сюрреалистов» (1934). Лившиц мастерски владел разными поэтическими стилями, воссоздавая столь непохожих друг на друга поэтов, как Ламартин, Виньи, Мюссе, Верлен, Рембо — и Малларме, Валери, Аполлинер, Кокто, Элюар, Арагон. По праву он пользуется репутацией одного из лучших переводчиков новейшей французской поэзии. В последние годы жизни Лившиц переводил грузинских поэтов.

617. Б. Лившиц, Флейта Марсия. Первая книга стихов, Киев, 1911, с. 63. №№ 617—625 печ. по изд.: Бенедикт Лившиц, От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии, Л., 1934. Р е м б о, Roman — «On n’est pas sérieux quand on a dix-sept ans...» (1870). Также перев.: Т. Левит.

618. От романтиков до сюрреалистов, с. 85. Sensation — «Par les soirs bleus d’été j’irai dans les sentiers...» (1870). Также перев.: И. Анненский, П. Петровский, В. Левик.

619. Флейта Марсия, с. 70. К о р б ь е р, Paysage mauvais — «Sables de vieux os — le flot râle...».

620. От романтиков до сюрреалистов, с. 18. Г ю г о, Ecrit sur un exemplaire de la «Divina Commedia» — «Un soir, dans le chemin je vis passer un homme...» (Les Contemplations. — Autrefois, III, 1, 1843). Также перев.: В. Фофанов, В. Костомаров, Э. Линецкая.

621. Там же, с. 61. Б о д л е р, L’Idéal — «Ce ne seront jamais ces beautés de vignettes...» (Spleen et Idéal, XVIII, 1851). Также

перев.: П. Якубович, Эллис, В. Левик. *Гаварни*, Польша (1804—1866) — французский художник-график, иллюстратор Бальзака и Эжена Сю. *Ночь* — см. примеч. 235.

622. Там же, с. 64. Верлен, «Le bruit des cabarets, la fange des trottoirs...» (*La Bonne chanson*, XIV, 1870). Также перев.: В. Брюсов, Б. Пастернак, В. Левик.

623. Там же, с. 103. Валери, *Le Vin perdu* — «J'ai, quelque jour, dans l'Océan...» (*Charmes*, 1922).

624. Там же, с. 110. Вильдрак, *Chant d'un fantassin* — «Je voudrais être un vieillard...» (*Chants du désespéré*, 1914—1920).

625. Там же, с. 131. Жироду, из романа «*Elrénor*» — «Je vois de Bellac / L'abbatiale triste...».

626. «Звезда», 1936, № 5, с. 8. Оригинал датируется 1932 г. *Чоха* — грузинская одежда вроде черкески. *Мцвади* — шашлык.

627. Там же, с. 10. Оригинал датируется 1932 г.

Ю. Н. ТЫНЯНОВ (1904—1943)

Историк и теоретик литературы, выдающийся романист Юрий Николаевич Тынянов был также поэтом; его перу принадлежат переводы сатирических сочинений Гейне. Тынянов перевел поэму «Германия. Зимняя сказка» (1933) и многочисленные стихотворения, составившие сборники «Сатиры» (1927) и «Стихотворения» (1934). Во вступительной статье к «Сатирам» Тынянов писал: «Он (Гейне. — Е. Э.) преобразовывает все метрические результаты предшественников тем, что подчиняет метрический ход интонационному (синтаксическому)... Заковывать мелочью Гейне в каноны метрических систем — то же, что переводить четырехстопным ямбом Маяковского, потому что главной для этого стиха является его интонационная сторона» (с. 16). Тынянов переводил Гейне, пользуясь современными достижениями русского стиха.

Печ. по изд.: Г. Гейне, *Стихотворения*, переводы Юрия Тынянова, Л., 1934.

628. «Ленинград», 1925, № 19 (58), с. 9. Гейне, *Lied der Marketerin* (aus dem Dreißigjährigen Krieg) — «Und die Husaren lieb ich sehr...» (*Romanzen und Fabeln*, 1853—1855, 7). Также перев.: Д. Минаев, Л. Пеньковский.

629. «Ленинград», 1925, № 22, с. 6. «Doch die Kastraten klagen...» (*Die Heimkehr*, 1823—1824, 79). Также перев.: А. Майков, Н. Добролюбов, Н. Полежаев, П. Вейнберг, В. Гиппиус, В. Левик, С. Маршак.

630. Г. Гейне, *Сатиры*, переводы Ю. Тынянова, Л., 1927, с. 85. «Ich glaub' nicht an den Himmel...» (дополнение к *Lyrisches Intermezzo*, 1821—1822). Также перев.: Д. Минаев, В. Зоргенфрей.

631. Там же, с. 69. «Mir träumt': ich bin der liebe Gott...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 66). Также перев.: М. Прахов, Д. Минаев, Н. Полежаев, А. Дейч, В. Гиппиус, М. Павлова.

632. Там же, с. 77. «Das Fräulein stand am Meere...» (Seraphine, 10, Verschiedene, 1832—1839). Также перев.: Д. Писарев, А. Мейснер, А. Шкафф, Ф. Миллер, П. Вейнберг, А. Мушников.

633. Там же, с. 19. Das Sklavenschiff — «Der Superkargo Mynheer van Koek...» (Romanzen und Fabeln, 1853—1855, 9). Также перев.: Ф. Миллер, В. Водовозов, Г. Шенгели, В. Заяицкий, В. Левик.

634. Там же, с. 47. Jammertal — «Der Nachtwind durch die Luken pfeift...» (Romanzen und Fabeln, 1853—1855, 11). Также перев.: А. Плещеев, П. Вейнберг, Ф. Миллер, М. Михайлов, Г. Шенгели, Л. Пеньковский.

635. Там же, с. 101. An einen politischen Dichter — «Du singst, wie einst Tyrtaus sang...» (Zeitgedichte, 1840—1850, 12). Также перев.: П. Вейнберг, Н. Сергеев, Мартов (В. П. Михайлов), А. Плещеев, Л. Пеньковский, Л. Гинзбург. *Тиртей* — древнегреческий поэт (Спарта, VII—VI вв. до н. э.), воспевавший воинскую доблесть своих соотечественников.

636. Изд. 1934, с. 147. «Nicht gedacht soll seiner werden!...» (Vermischte Gedichte, 1853—1856, 66). Также перев.: А. Мейснер, Д. Минаев, В. Левик. Речь идет здесь о дяде поэта, Соломоне Гейне.

А. И. ПИОТРОВСКИЙ (1898—1988)

Адриан Иванович Пиотровский — критик, театровед, драматург — создал многочисленные переводы из античной драматургии и лирики. Его главные работы — переводы комедий Аристофана (1934), трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» (1935) и трилогии «Орестея», трагедий Софокла «Царь Эдип», Еврипида «Ипполит» и др. (1937), стихотворений Катулла (1927). Всюду Пиотровский стремился соблюсти размер подлинника, но еще более важным почитал «сохранить близость... в передаче словаря, стилистики, синтаксических особенностей... оригинала» (вступ. статья к кн. «Древнегреческая драма», Л., 1937, с. 40).

Печ. по изд.: Катулл. Книга лирики, перевод и предисловие Адриана Пиотровского, Л., 1929.

637. Изд. 1929, с. 39. Катулл, «Vivamus, mea Lesbia, atque amemus...» (5). Также перев.: А. Фет, Я. Голосовкер.

638. Там же, с. 44. «Acmen Septimius suos amores...» (45). Также перев.: А. Фет.

639. Там же, с. 47. «Salve, nec minimo puella naso...» (43). Также перев.: А. Фет.

640. Там же, с. 48. «Quaenam te mala mens, miselle Ravide...» (40). Также перев.: А. Фет.

641. Там же, с. 59. «Nulli se dicit mulier mea nubere malle...» (70). Также перев.: А. Фет, В. Водовозов.

642. Там же, с. 76. «Hesterno, Licini, die otiosi...» (50). Также перев.: А. Фет.

643. Там же, с. 88. «Flavi, delicias tuas Catullo...» (6). Также перев.: А. Фет.

Г. А. ШЕНГЕЛИ (1894—1956)

Георгий Аркадьевич Шенгели — поэт и переводчик, автор исследований по теории стиха, из которых первое — «Два памятника» (1916), последнее, изданное посмертно — «Техника стиха» (1960). Шенгели принадлежат 15 книг оригинальных стихов и множество стихотворных переводов — из Эредиа, Байрона (в том числе «Дон Жуан», 1947), Гюго, Верхарна, поэтов советских республик. Стремясь к преувеличенной словесной точности перевода, Шенгели нередко утяжелял стих, лишал его благозвучия и поэтичности. Но лучшие его работы сохраняют художественное значение (например, «Возмездие» Гюго).

Печ. по изд.: В. Гюго, Возмездие, перевод Г. Шенгели, М., 1953.

644. В. Гюго, Избранные стихи, перевод и примечания Г. Шенгели, М., 1935, с. 85 (первонач. ред.). Гюго, Nox — «C'est la date choisie au fond de ta pensée...» (Les Châtiments, 1852). Первая глава поэмы, являющейся вступлением к сборнику «Возмездие». Также перев.: П. Вейнберг, П. Антокольский. *Nox*. Имеется в виду ночь с 1 на 2 декабря 1851 г., когда Луи-Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот. *Мазас* — тюрьма в Париже. *Боден, Дюссуб* — депутаты парламента, республиканцы, убитые наполеоновской солдатней в ночь переворота.

645. Там же, с. 125 (первонач. ред.). Expiation — «Il neigeait. On était vaincu par sa conquête...» (Les Châtiments, V, 13, 1852). Первая глава поэмы. Также перев.: А. Федотов, Б. Лившиц, П. Антокольский. *Ганнибалов рок*. Ганнибал (247—183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец, одержавший несколько блестящих побед над римлянами; однако в 202 г. сам потерпел от них поражение, был вынужден покинуть родину и умер в Сирии, приняв яд из опасения быть выданным Риму. *Аттилы судный день*. Аттила (ум. в 453 г.) — вождь племени гуннов; вел опустошительные войны на территории Римской империи; в 451 г. был разбит объединенным войском римлян, франков и др. *Ней*, Мишель (1769—1815) — маршал Наполеона I; во время отступления из России командовал арьергардом.

646. Там же, с. 145 (первонач. ред.). Chanson — «Sa grandeur éblouit l'histoire...» (Les Châtiments, VII, 6, 1853). Также перев.: Иван-да-Марья (И. Ф. и А. А. Тхоржевские). *Его величие*. Речь идет о Наполеоне I. *Пигмей* — Наполеон III. *Мост Арколе* — в Италии, где Наполеон I, тогда еще генерал Бонапарт, одержал одну из первых своих побед над австрийцами.

Марина Ивановна Цветаева — автор немногочисленных, но весьма замечательных переводов из поэзии французской (Бодлер), испанской (Лорка), чешской, грузинской (Важа Пшавела). Цветаева перевела несколько стихотворений Пушкина на французский язык («Бесы», «К морю», «К няне», «Для берегов сгизны дальной...»). В статье «Два Лесных Царя» (1933), где анализируется перевод гетевской баллады, созданной Жуковским, Цветаева приходит к заключению, определяющему и вообще ее отношение к поэтическому переводу: «Вещи равновелики. Лучше перевести Лесного Царя, чем это сделал Жуковский, нельзя. И не должно пытаться. За столетие давности это уже не перевод, а подлинник. Это просто другой Лесной Царь... Вещи равновелики. И совершенно разны. Два Лесных Царя... Две вариации на одну тему, два видения одной вещи, два свидетельства одного видения. Каждый вещь увидел из собственных глаз» (опубл. в кн. «Мастерство перевода», М., 1964, с. 288). Таким образом, с точки зрения Цветаевой поэтический перевод не повторяет новыми средствами оригинал, не создает его дублет, а является новым, самостоятельным произведением, связанным с подлинником и все же ведущим независимую от него жизнь.

Печ. по изд.: Просто сердце. Стихи зарубежных поэтов в переводе Марины Цветаевой (серия «Мастера поэтического перевода»), М., 1967.

647. Шарль Бодлер, Лирика, М., 1965, с. 163. Бодлер, *Le Voyage* — «Pour l'enfant, amoureux de cartes et d'estampes...» (*La Mort*, СХХVI, 1859). Также перев.: П. Якубович, Эллис, А. Панов; отрывки — В. Лихачев, Альвинг, В. Комаровский, А. Ранцев. *Лотова плода* — т. е. забвения.

648. Баллады и песни английского народа, М., 1942, с. 25. Английская народная баллада "Robin Hood Rescuing the Widow's Three Sons" — "There are twelve months in all the year...". Также перев.: И. Ивановский. В переводе воспроизведен размер и строфика баллады. Строки «Весел люд, весел гусь, весел пес», «Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз», «Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп!» передают традиционный «украшающий» балладный рефрен — "With a link a down and a day", "With a link a down and a down".

649. Федерико Гарсия Лорка, Избранное, М., 1944, с. 34. Лорка, *Paisaje* — «El campo / de olivos / se abre y se cierra...» (*Poema del cante jondo* — *Poema de la siguiriya gitana*, 1921).

650. Там же. *La guitarra* — «Empleza el llanto / de la guitarra...» (*Poema del cante jondo* — *Poema de la siguiriya gitana*, 1921). Также перев.: Вл. Бурич.

651. Федерико Гарсия Лорка, Лирика, М., 1965, с. 34. *Y despues* — «Los laberintos / que crea el tiempo...» (*Poema del cante jondo* — *Poema de la siguiriya gitana*, 1921). Также перев.: Вл. Бурич.

Осипу Эмильевичу Мандельштаму принадлежат переводы из литературы французской (старофранцузский эпос, Расин, Барбье), итальянской (сонеты Петрарки), немецкой (Лилиенкрон, Бартель), грузинской (Важа Пшавела). Сам Мандельштам переводить не любил — по воспоминаниям А. А. Ахматовой, он считал, что «в переводах утекает творческая энергия», но придавал переводной литературе огромное культурное значение. В статье «Потоки халтуры» (газ. «Известия», 7 апреля 1929 г.) читаем: «Перевод — один из трудных и ответственных видов литературной работы. По существу, это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала. Переключение этого материала на русский строй требует громадного напряжения, внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вслушиваться в ритм, схватить рисунок фразы, передать ее — все это при строжайшем самообуздании. Иначе — отсебятина. В самом акте перевода — изнурительная нервная разрядка. Эта работа утомляет и сушит мозг больше, чем другие виды творческой работы. Хороший переводчик, если его не беречь, быстро изнашивается». В другой статье — «О переводах» — Мандельштам писал, что «переводчик — могучий истолкователь автора» («На литературном посту», 1929, № 13).

652. О. Мандельштам, Камень, 3-е изд., М.—Пг., 1923, с. 90. Расин, отрывок из трагедии «Федра» (1677) — «Le dessein en est pris: je pars, cher Théramène...» (акт I, сц. 1). Также перев.: А. Сумароков (отрывок), В. Анастасевич, М. Лобанов, Г. Окулов, И. Чеславский, Ф. Тютчев, А. Элькан, Л. Буланин, Л. Поливанов, С. Шервинский, В. Брюсов. Этот отрывок — диалог между Ипполитом, сыном царя Тезея, и его воспитателем Тераменом.

653. «Звезда», 1924, № 3, с. 94. Барбье, L'Émeute — «Comme un vent orageux, des bruits rauques et sourds...» (Iambes, 1831). Начало стихотворения. Также перев.: П. Антокольский.

654. Печатается по беловому автографу. Петрарка, сонет 301 — «Valle, ch'è de' laimènti miei se' piena...». Также перев.: Вяч. Иванов, Ю. Верховский, А. Эфрос.

655. Там же. Сонет 311 — «Quel rosignuol, che sì soave piagne...». Также перев.: Вяч. Иванов, А. Эфрос.

Б. Л. ПАСТЕРНАК (1890—1960)

Борис Леонидович Пастернак на протяжении нескольких десятилетий переводил стихи и поэтическую драматургию близких ему авторов мировой литературы — с немецкого, английского, французского, испанского, грузинского, армянского и других языков. Огромное значение имеют его переводы из Шекспира, начатые «Гамлетом» («Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра», «Король Лир», «Генрих IV» — они собраны в двухтомнике изд. «Искусство», 1950), его воссоздание обеих частей «Фауста» Гете, стихотворений Байрона, Китса, Шелли, Верлена, Ганса Сакса,

Гете, Гервега, Рильке, Бехера, Петефи, Незвала, Альберти, Р. Тагора, а также многочисленных классических и современных поэтов Грузии (Бараташвили, Табидзе, Яшвили и др.). Автор предисловия к сборнику переводов Пастернака Н. М. Любимов цитирует основной принцип Пастернака-переводчика, сформулированный им как «намеренная свобода, без которой не бывает приближения к большим вещам», и заключает: «Переоценить значение переводов Пастернака для русской переводческой культуры, для русской культуры в целом — невозможно» («Звездное небо. Стихи зарубежных поэтов в переводе Бориса Пастернака», М., 1966, с. 24).

656. «Новый мир», 1938, № 8, с. 16, под загл. «Монте де эль Пардо». Печ. по изд.: Звездное небо. Стихи зарубежных поэтов в переводе Бориса Пастернака (серия «Мастера поэтического перевода»), М., 1966. Альберти, El Pardo (*Capital de la gloria*, 1936—1938).

657. «Красная новь», 1938, № 8, с. 133. №№ 657—665 печ. по изд.: Борис Пастернак, Избранные переводы, М., 1940. Верлен, *Effet de nuit* — «*La nuit. La pluie. Un ciel blafard qui déchiquette...*» (*Poèmes saturniens*, 1866). Также перев.: А. Бианки, В. Брюсов, А. Гелескул, В. Левик.

658. Там же, с. 134. *Art poétique* — «*De la musique avant toute chose...*» (*Jadis et Naguère*, 1884). Также перев.: В. Брюсов, И. И. Тхоржевский, А. Арго, В. Левик.

659. Избранные переводы, М., 1940, с. 132. *Langueur* — «*Je suis l'Empire à la fin de la décadence...*» (*Jadis et Naguère*, 1884). Также перев.: И. Анненский, В. Брюсов, А. Арго, Э. Линецкая. *Батилл* — римский актер-мим.

660. Там же, с. 133. «*Il pleure dans mon cœur...*» (*Romances sans paroles*, 1872). Также перев.: И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб, И. Эренбург, Д. Ратгауз, С. Френкель.

661. «Красная новь», 1938, № 8, с. 132. Байрон, *Stanzas to Augusta* — “*Though the day of my destiny's over...*” (1816). Также перев.: Н. Гнедич, А. Дружинин, В. Попов, К. Павлова, А. Плещеев, Алско.

662. «Лит. газета», 1938, 31 декабря. Китс, *On the Grasshopper and Cricket* — “*The poetry of earth is never dead...*” (1816). Также перев.: С. Маршак.

663. «Огонек», 1939, № 11, с. 2. То Autumn — “*Season of mists and mellow fruitfulness...*” (1820). Также перев.: А. Шмутьян, С. Маршак.

664. Избранные переводы, М., 1940, с. 114. Шекспир, сонет 66 — “*Tired with all these, for restful death I cry...*” (1609). Также перев.: В. Бенедиктов, Н. Гербель, С. Ильин, П. Каншин (проза), П. Кусков, Ф. Червинский, М. Чайковский, А. Соколовский (проза), О. Румер, С. Маршак.

665. «Лит. газета», 1932, 26 июня. Петефи, «Van a nagy alföldön csárda sok...» (1845). Также перев.: М. Михайлов.

666. И. В. Гете, Избранные произведения, М., 1950, с. 57. №№ 666—671 печ. по изд.: И. В. Гете, Лирика, М., 1966. Гете, «Kennst du das Land wo die Zitronen blühen?..» (Mignon, II, 1795). Также перев.: см. примеч. 231.

667. Там же. «Heiß mich nicht reden, heiß mich schweigen...» (Mignon, I, 1795). Также перев.: А. Струговщиков, Н. Холодковский.

668. И. В. Гете, Лирика, М., 1966, с. 78. «Nur wer die Sehnsucht kennt...» (Mignon, II, 1795). Также перев.: А. Струговщиков, Л. Мей, И. Миримский.

669. И. В. Гете, Избранные произведения, М., 1950, с. 57. «So laßt mich scheinen, bis ich werde...» (Mignon, III, 1796). Также перев.: М. Л. (Михайлов?), Н. Холодковский.

670. Там же, с. 58. «Wer sich der Einsamkeit ergibt...» (Harfenspieler, I, 1795). Также перев.: Ф. Тютчев, Ф. Берг, А. Григорьев.

671. Там же. «An die Türen will ich schleichen...» (Harfenspieler, II, 1795). Также перев.: А. Струговщиков.

672. Райнер Мария Рильке, Лирика, М., 1965, с. 13 (цитируется в предисловии В. Адмони). №№ 672—673 печ. по изд.: Звездное небо. Стихи зарубежных поэтов в переводе Бориса Пастернака, М., 1966. Рильке, Der Lesende — «Ich las schon lang. Seit dieser Nachmittag...» (Das Buch der Bilder, 2. Teil, 1902). Б. Пастернак перевел это и следующее стихотворение специально для «Автобиографии» (1958), где, между прочим, писал: «У нас Рильке совершенно не знают. Многочисленные попытки передать его по-русски неудачны. Переводчики не виноваты. Они привыкли воспроизводить смысл, а не тон сказанного, а тут все дело в тоне... У Блока проза остается источником, откуда вышло стихотворение. Он ее не вводит в строй своих средств выражения... Для Рильке живописующие и психологические приемы современных романистов... неотделимы от языка и стиля его поэзии» («Новый мир», 1967, № 1, с. 215). Также перев.: А. Бикст.

673. Там же, с. 15 (цитируется в предисловии В. Адмони). Der Schauende — «Ich sehe den Bäumen die Stürme an...» (Das Buch der Bilder, 2. Teil, 1902). Также перев.: А. Бикст.

674. «Красная новь», 1942, № 7, с. 105. Словацкий, Kulik — «Oto zapusty, dalej kulikiem...» (1831). Также перев.: А. Коваленский, Н. Асеев. Стихотворение отражает революционные события 1830 г. Кулиг (или кулик) — польское масленичное празднество, когда группы ряженных, музыкантов и плясунов отправлялись по шляхетским имениям и хуторам, увлекая за собой все новых участников карнавала; в этом стихотворении кулиг является аллегорией восстания. Карл Десятый был свергнут с французского престола июльской рево-

лющей 1830 г. *Бей тунисский* — в оригинале алжирский дей, правитель Алжира, который в 1830 г. потерял трон после захвата Алжира Францией.

675. Поэзия Грузин, М.—Л., 1949, с. 217.

676. «Октябрь», 1945, № 10, с. 98. Также перев.: С. Шервинский, Н. Тихонов, Вл. Орлов.

С. Я. МАРШАК (1887—1964)

В творчестве Самуила Яковлевича Маршака, лирического поэта и автора многочисленных стихотворений и поэм для детей, стихотворный перевод, которым он занимался более чем пятьдесят лет — с 1914 г. до самой смерти, — играет огромную роль. Это прежде всего стихи шотландского народного поэта Бернса, английского философского лирика Блейка, сонеты Шекспира, английские и шотландские народные баллады, стихи Байрона, Шелли, Китса, Вордсворта, Теннисона, Браунинга, Стивенсона, Йейтса, Элнота, Лиры, Кэрролла, Киплинга, Милна, а из других литератур — стихи Петефи, Гейне, Туманяна, Д. Гулна, И. Фефера, Родари. Оценивая своеобразие переводов Маршака из Бернса, А. Твардовский писал: «Он сделал Бернса русским, оставив его шотландцем. Нигде не найдешь ни одной строки, ни одного оборота, которые бы звучали, как «перевод», как некая специальная конструкция речи, — все по-русски, и, однако, это поэзия своего особого строя и национального колорита, и ее отличишь от любой иной» («О переводах С. Я. Маршака», в кн.: С. Маршак, Сочинения в 4-х томах, т. 3, М., 1959, с. 789). Сам Маршак видел в переводе искусство, «которое призвано воспроизводить на другом языке сокровенные мысли, образы, тончайшие оттенки чувств, уже нашедшие свое предельно точное выражение в языке подлинника» (т. 4, с. 336).

Печ. по изд.: С. Маршак, Сочинения в 4-х томах, т. 3. Избранные переводы, М., 1959.

677. «Северные записки», 1915, № 10, с. 76; переработанный вариант — С. Маршак, Избранные переводы. Английские баллады и песни, М., 1946, с. 113; окончат. ред. — «Иностранная литература», 1957, № 10, с. 194. Блейк, “Tiger! tiger! burning bright...” (Songs of Experience, 1794). Также перев.: К. Бальмонт.

678. «Знамя», 1943, № 11—12, с. 146. “To see a world in a grain of sand...” (Auguries of Innocence, 1801—1803).

679. Р. Киплинг, Сказки, М.—Пг., 1923, с. 54 (первоначальный вариант, впоследствии переработанный). Киплинг, “I’ve never sailed the Amazon...” (Just So Stories, 1902).

680. Там же, с. 33. “A Camel’s hump is an ugly lump...” (Just So Stories, 1902). Первоначальный вариант, впоследствии значительно переработанный. Ср. первые шесть строк:

Что может быть хуже,
Чем горб верблюжий?
Он так неуклюж, некрасив.
Но горб еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у того, кто ленив.

681. Избранные переводы... М., 1946, с. 157. "Ride with an idle whip, ride with an unused heel..." (эпиграф к рассказу "The Conversion of Aureliam McGoggin", Plain Tales from the Hills, 1887).

682. «Лит. газета», 1938, № 45. Б е р н с, "Is there, for honest poverty..." (1794). Также перев.: В. Костомаров, Т. Щепкина-Куперник.

683. Там же. Auld Lang Syne — "Should auld acquaintance be forgot..." (1788). Также перев.: В. Федотов.

684. «Молодая гвардия», 1939, № 8, с. 52. "Wha is that at my bower door?" (1784). Также перев.: А. Федоров, В. Костомаров, М. Шелгунов, Т. Щепкина-Куперник.

685. «Красная новь», 1941, № 4, с. 111. "Thou hast left me ever, Jamie, thou hast left me ever..." (1793).

686. «Новый мир», 1946, № 6, с. 85. "O whistle, and I'll come to you, my lad..." (1793). Также перев.: Т. Щепкина-Куперник.

687. Там же, с. 87. Grace before Meat — "Some hae meat and canna eat..." (1795).

688. «Знамя», 1947, № 10, с. 144. Ш е к с п и р, сонет 23 — "As an imperfect actor on the stage..." (1609). Также перев.: Н. Гербель, Н. Холодковский.¹

689. «Знамя», 1947, № 6, с. 39. Сонет 90 — "Then hate me when thou wilt; if ever, now..." Также перев.: Н. Гербель, Т. Щепкина-Куперник.

690. «Знамя», 1948, № 1, с. 11. Сонет 8 — "Music to hear, why hear'st thou music sadly?..." Также перев.: Н. Гербель, В. Лихачев.

691. С. Маршак, Избранные стихи, М., 1949, с. 282. Сонет 76 — "Why is my verse so barren of new pride..." Также перев.: Н. Гербель, П. Быков.

692. С. Маршак, Стихи (1948—1951), М., 1951, с. 102. Г е й н е, «Das ist ein Flöten und Geigen...» (Lyrisches Intermezzo, 1821—1822, 20). Также перев.: М. Михайлов, П. Вейнберг, Н. Греков, П. Быков, В. Долгинцев, А. Оношкович-Яцына, М. Павлова.

¹ Список переводчиков сонетов Шекспира см. в кн.: Шекспир, Библиография (1748—1962), М., «Книга», 1963, с. 617.

693. «Новый мир», 1951, № 10, с. 135. «Wie schändlich du gehandelt...» (Seraphine, 12, Verschiedene, 1832—1839). Также перев.: Н. Кельш, Д. Писарев, А. Мейснер, П. Быков, П. Вейнберг, А. Оношкович-Яцына, М. Фроман, М. Сандомирский.

694. Там же, с. 134. «Mensch, verspötte nicht den Teufel...» (Die Heimkehr, 1823—1824, 36). Также перев.: П. Вейнберг, А. Фет, Ф. Миллер, Б. Попов, Н. Полежаев, К. Бальмонт, В. Гиппиус, В. Левик.

695. Там же, с. 136. «Der Stoff, das Material des Gedichts...» (Schöpfungslieder, 6, Verschiedene, 1832—1839). Также перев.: А. Мейснер, П. Вейнберг, В. Коломийцев, Е. Эткинд.

Н. А. ЗАБОЛОЦКИЙ (1903—1958)

Николай Алексеевич Заболоцкий создал большие поэтические ценности и в области стихотворного перевода. Это — поэма Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (две редакции — 1938 и 1958), «Слово о полку Игореве» (1938—1946), почти все важнейшие поэмы и стихотворения грузинских классиков (Гурамишвили, Чавчавадзе, Орбелиани, Важа Пшавела и др.), стихотворения немецких поэтов — Рюккерта, Гете и Шиллера, итальянских — У. Саба и Рипеллино, венгра А. Гидаша, ряда восточных поэтов — Лютфи, Агахи, Фазли, Даниша и др. В «Заметках переводчика» («Молодая гвардия», 1956, № 3) Заболоцкий писал: «Успех перевода зависит от того, насколько удачно переводчик сочетал меру точности с мерой естественности. Удачно сочетать эти условия может только тот, кто правильно отличает большое от малого и сознательно жертвует малым для достижения большого». В тех же заметках Заболоцкого читаем: «Хороший поэт может быть плохим переводчиком. Пример тому — Тютчев. Хороший поэт может не иметь склонности к переводам. Пример тому — Блок. Но плохой поэт не может быть хорошим переводчиком».

Печ. по изд.: Н. А. Заболоцкий, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965.

696. «Дружба народов», 1947, кн. 16, с. 128.

697. Важа Пшавела, Стихи и поэмы, Л., 1957, с. 36.

698. Там же, с. 45.

699. И. В. Гете, Избранные произведения, М., 1950, с. 31. Гете, Willkommen und Abschied — «Es schlug mein Herz; geschwind zu Pferde!...» (1775—1776). Также перев.: И. Борн, М. Катков, М. Михайлов, В. Водовозов, В. Брюсов, В. Левик.

700. Н. Заболоцкий, Стихотворения, М., 1957, с. 124. Шиллер, Ritter Toggenburg — «Ritter, treue Schwesterliebe...» (1797). Также перев.: В. Жуковский, Н. Голованов.

Анна Андреевна Ахматова переводила лирические стихотворения многих поэтов, родственных ей по творческой манере: польских (Словацкий, Павликовская-Ясножевская, Тувим, Броневский), чешских (Волькер, Нейман, Незвал), болгарских (Багряна, Геров, Славейков), сербских (Радичевич, Йованович-Змай, Десанка Максимович, Енко), румынских (Эминеску, Тома, Аргези), норвежских (Ибсен, Хагеруп, Григ), индийских (Тагор, Пант), французских (Гюго), итальянских (Леопарди) и др. В «Слове о Лозинском» (1965) Ахматова назвала искусство перевода «трудным и благородным» («День поэзии», Л., 1966, с. 51).

701. Польская поэзия XIX—XX вв., т. 2, М., 1963, с. 277. №№ 701—709 печ. по изд.: Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой (серия «Мастера поэтического перевода»), М., 1965. Павликовская-Ясножевская, Nike — «Ty jesteś jak paryska Nike z Samotraki...» (Pocałunki, 1926). Самофракийская Ника — статуя богини победы, найденная на о. Самофракия без рук и головы.

702. Там же, с. 310. Броневский, Wiersz ostatni — «Tyś mnie kochała, ale nie tak...» (Drzewo rozpaczające, 1945).

703. Юлиан Тувим, Стихи, М., 1965, с. 204. Тувим, Ciemna noc — «Człowieku dźwigający, usiądź ze mną...» (Rzecz czarnoleska, 1929).

704. Там же, с. 37. Szczęście — «Nieciekaw jestem świata...» (Czyhanie na Boga, 1916).

705. Элисавета Багряна, Сердце человеческое, М., 1959, с. 47. Багряна, Вечната — «Сега е тя безкръвна и почти безплътна...» (Вечната и святата, 1925).

706. Голоса поэтов..., с. 85. Геров, Един ден — «Денят е пълен с теб и твоята същност...» (Чуден свят, 1965).

707. «Иностранная литература», 1964, № 8, с. 73. Аргези, Frunze pierdute — «Cincizeci de ani, de cînd încerci, mereu...» (Frunze).

708. Эпос сербского народа, серия «Литературные памятники», М., 1963, с. 180. Также перев.: А. Востоков (см. примеч. 54), А. Пушкин (начало).

709. Голоса поэтов..., с. 91. Сербская эпическая песня, связанная с событиями XIV в. *Косово поле* — котловина в Южной Сербии, где 15 июня 1389 г. турки разгромили объединенные войска сербов и боснийцев. После этой битвы Сербия стала вассалом Турции.

710—713. Корейская классическая поэзия, перевод Анны Ахматовой, М., 1958, с. 71, 72, 77, 80. Оригиналы — в форме сичжо

(трехстишие, стихотворная форма, которая использовалась в корейской поэзии XV—XVIII вв.). № 710 также перев.: А. Жовтис и П. Пак Ир.

714. Там же, с. 260. Оригинал — в форме ч а н г (букв. «длинное стихотворение»; эта свободная форма использовалась в XVII—XVIII вв.). Также перев.: А. Жовтис и П. Пак Ир.

715. Джакомо Леопарди, Лирика, М., 1967, с. 97. Л е о п а р д и, *Palinodia* — «Ergai, candido Gino; assai gran tempo...» (1835). В стихотворении Леопарди 280 строк; мы печатаем его начало и заключение, пропуская строки 39—228. *Маркиз Джино Каппони* (1792—1876) — флорентинец, историк и политический деятель, друг Леопарди.

Д. Г. БРОДСКИЙ (1895—1966)

Давид Григорьевич Бродский переводил с французского (Барбье, Гюго, Рембо), немецкого (Гете, Шиллер), еврейского (П. Маркиш), литовского (Донелайтис) и других языков. Наиболее значительная работа Д. Бродского — перевод поэмы литовского классика XVIII в. К. Донелайтиса «Времена года», сделанный им дважды: первый раз по подстрочнику (1946), второй раз, после изучения литовского языка, — по оригиналу (1955).

716. «Лит. газета», 1929, № 11. Р е м б о, *Bateau ivre* — «Comme je descendais des Fleuves impassibles...» (1871). Также перев.: Вл. Эльснер, Б. Лившиц, Л. Успенский, П. Антокольский. *Мальштром* — водоворот в Норвежском море близ Лофотенских островов.

А. И. ГИТОВИЧ (1909—1966)

Лирический поэт Александр Ильич Гитович оставил глубокий след как автор мастерских переводов из древнекитайских классиков — таких, как Цюй Юань, Цао Чжи, Тао Цянь, Юань Чжэнь, Су Дун-по, Лу Ю, Фань Чэнь-да, Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу. Эти переводы собраны в нескольких книгах, выпущенных Гитовичем в 50—60-х гг.

717. Ду Фу, Стихи, М., 1955, с. 55. Д у Ф у, Ду-ли — «Кун вай и чжиняо...» (758).

718. Там же, с. 92. И-и — «Чжуань чжи хуаняо цзинь...» (760).

719. Там же, с. 155. Му хань — «У нинь пин-цзяо шу...» (764).

720. Антология китайской поэзии, т. 2, М., 1957, с. 94. Л и Б о, Цзин-е сы — «Чуан цянь кань юэ-гуан...». Также перев.: В. Алексеев, Ю. Щуцкий.

721. Там же, с. 86. Южэнь хой-су — «Ди-дан цянь-гу чоу...».

722. Ли Бо, Избранная лирика, М., 1957, с. 37. Шань-чжун юй южэнь дуй-чжо — «Лян жэнь дуй-чжо, шань-хуа кай...».

723. Там же, с. 33. Ся-жи шань-чжун — «Лань яо бай-юй шань. . .».

724. Там же, с. 26. Бай лусы — «Бай лу ся цю-шуй. . .».

725. Антология китайской поэзии, т. 2, с. 77. Ду цзо Цзинтин-шань — «Чжун няю гаофэй цзинь. . .» (753). Также перев.: Ю. Шуцкий.

726. Лирика китайских классиков, Л., 1962, с. 86. Цао Чжи, Тайшань Лянфу син — «Бафан гэ и-ци. . .» (между 214 и 221 гг.). Также перев.: Л. Черкасский.

727. Там же, с. 87. Сун Ин-ши ши-эр-шоу — «Бу-дэн Бэй ман-бань. . .» (210). Также перев.: Л. Черкасский.

728. Там же, с. 93. Тао Цянь, Цза-ши, сы-шоу — «Няоняо сун мишь-яй. . .» (между 404 и 414 гг.).

729. Там же, с. 109. Чжи цю — «Цзюй чжи цы чэн-и. . .» (413).

О. Г. САВИЧ (1897—1967)

Овадий Герцович Савич, публицист и прозаик, известен многочисленными переводами с испанского. Савич переводил произведения Хорхе Манрике, Лопе де Веги, Кальдерона, Беккера, Антонио Мачадо, Хименеса, Лорки, Альберти, Эрнандеса (Испания), а также латиноамериканцев — Хосе Марти, Рубена Дарио, Луиса Карлоса Лопеса, Гильена. В наследии Савича особое место занимает творчество двух чилийских поэтов — Габриэлы Мистраль и ее младшего современника и ученика Пабло Неруды. В предисловии к избранным переводам Савича В. Огнев справедливо писал: «В работе О. Савича нет ничего кричащего. Его переводческое кредо — точность. Он исходит из той простой истины, что читатель хочет знать переводимого поэта, и он, переводчик, «умирает в поэте», которого счел нужным представить читающей публике. . . Эта концепция перевода опирается прежде всего на большую общую культуру. . . Уважение к новому, пафос расширения горизонтов — вот что еще стоит за критерием точности» («Переводчик с испанского, или Разговор о счастье», в кн.: О. Савич, Поэты Испании и Латинской Америки. Избранные переводы, М., 1966, с. 5).

730. О. Савич, Поэты Испании и Латинской Америки. Избранные переводы, М., 1966, с. 56. Беккер, «—¿Qué es poesia? — dices mientras clavas. . .» (Rimas, 1860).

731. Николас Гильен, Стихи, М., 1957, с. 47. Гильен, Sensemayá — «¡Mayombe — bombe — mayombé!» (Canto para matar una culebra. West Indies Ltd., 1934).

732. Рубен Дарио, Стихи, М., 1958, с. 75. Дарио, Caracol. A Antonio Machado — «En la playa he encontrado un caracol. . .» (Cantos de vida y esperanza, 1905).

733. Рубен Дарио, Лирика, М., 1967, с. 106. De otoño — «Yo sé que hay quienes dicen: ¿Por qué?..» (Cantos de vida y esperanza, 1905).

734. Габриэла Мистраль, Стихи, М., 1959, с. 93. Мистраль, Meciendo — «El mar sus millares de olas...» (Canciones de Cuna).

735. Народная мексиканская поэзия, М., 1962, с. 143. Nicolás.

И. Г. ЭРЕНБУРГ (1891—1967)

Илья Григорьевич Эренбург — автор поэтических переводов с французского и испанского, исполненных на протяжении полувека, в 10—60-х годах. Наиболее интересны переводы Эренбурга из Неруды и Гильена, а также из французских народных песен, Вийона, Дю Белле, Верлена. Эренбург переводил лишь то, что было ему лирически созвучно; так, о поэте XVI века Дю Белле он писал: «Я переводил стихи близкого мне человека, современника, которого я случайно не встретил в одном из придорожных трактиров Франции» («Поэзия Иоахима Дю Белле», в кн. «Французские тетради», М., 1958, с. 109).

Печ. по изд.: И. Эренбург, Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6, М., 1965.

736. Поэты французского Возрождения, Л., 1938, с. 37. Вийон, Ballade du concours de Blois — «Je meurs de seuf auprès de la fontaine...» (1458). Также перев.: С. Пинус.

737. Там же, с. 42. Ballade des menus propos — «Je connais bien mouches en lait...».

738. И. Эренбург, Французские тетради, М., 1958, с. 114. Дю Белле, «Heureux qui, comme Ulysse, a fait un beau voyage...» (Les Regrets, XXXI, 1557). Также перев.: Ю. Верховский.

В. А. ЛУГОВСКОЙ (1901—1957)

Владимир Александрович Луговской много занимался переводами. В его переводах опубликованы стихи азербайджанских (Вагиф), узбекских (Г. Гулям), литовских (С. Нерис), молдавских (Е. Буков) поэтов, а также поэтов иностранных — югославских (И. Йованович-Змай, Д. Максимович), польских (Мицкевич, Тувим, Я. Ивашкевич), чешских (Я. Неруда, С. Чех), турецких (Н. Хикмет), французских (трагедия Вольтера «Магомет»), немецких (Вайнерт, Бехер), английских (Байрон), словенских (Ф. Прешерн) и др.

739. Немецкая демократическая поэзия, М., 1955, с. 539. Бехер, Vom Sinn der Niederlage — «Das ist der heilige Sinn der Niederlage...» (Sonett-Werk, 387). Оригинал датирован 1945 г.

740. Поэты Югославии XIX—XX вв., М., 1963, с. 77. Оригинал датирован 1862 г.

СЛОВАРЬ

- Автомедон(т)* (греч. миф.) — имя возницы Ахилла в «Илиаде» Гомера.
- Азраил* (мусульм.) — ангел смерти.
- Аквилон* — сильный северный ветер.
- Акростих* — стихотворение, начальные буквы строк которого составляют слово или имя.
- Алкид* (греч. миф.) — первоначальное имя Геракла. Смерть его связана со следующим мифом: кентавр Несс пытался похитить Деяниру, жену Геракла, но последний ранил его отравленной стрелой; умирающий кентавр подарил Деянире ком своей запекшейся крови, уверив ее, что эта кровь обладает приворотной силой. Возревновав Геракла, Деянира, чтобы вернуть его любовь, послала ему плащ, пропитанный кровью Несса, и Геракл, надев его, погиб в муках.
- Алкион* (*Алкионей*) (греч. миф.) — гигант, пытавшийся погубить Геракла, сбросив на героя скалу. Ударом палицы Геракл отбросил скалу и убил ею Алкиона.
- Алкионы* (*алкиониды, альционы*) (греч. миф.) — дочери Алкиона; после смерти отца бросились в море и были превращены в морских птиц.
- Амимона* (греч. миф.) — одна из Данаид (дочерей Даная). Преследуемая сатиром, она воззвала к Посейдону; бог метнул в сатира трезубец, попавший в скалу, из которой забило три ключа. Посейдон увел Амимону, и впоследствии она родила ему сына.
- Амфитрита* (греч. миф.) — владычица морей, супруга Посейдона.
- Аониды* (греч. миф.) — музы.
- Апеллес* — греческий живописец IV в. до н. э.
- Арго* (греч. миф.) — название корабля аргонавтов, героев, совершивших поход в Колхиду за золотым руном (шерстью) волшебного овна.
- Аргус* (греч. миф.) — многоглазый великан, бдительный страж.
- Арей* (греч. миф.) — бог войны.
- Арматолики* — места пребывания арматолов (клефтов).
- Арматолы* — см. *Клефты*.
- Армида* — волшебница из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим».

- Астарта* (финик. миф.) — богиня Луны, покровительница оплодотворяющей силы природы, богиня брака и любви, которую на греко-римской почве иногда отождествляют с Афродитой.
- Астрея* (греч. миф.) — дочь Зевса, богиня справедливости, управлявшей миром в «золотом веке». *Век Астреи* — счастливая пора.
- Атилла* (*Аттила*) — предводитель гуннов (ум. 453), опустошитель Европы.
- Атрей* (греч. миф.) — микенский царь, отец Агамемнона и Менелая (Атридов).
- Ахерон* (греч. миф.) — река в подземном царстве Аиде.
- Багряница* — царская одежда багряного цвета, порфира.
- Бигамист* — двоеженец.
- Брама* (инд. миф.) — один из трех индийских богов.
- Бурак* — снаряд, применявшийся для фейерверков.
- Баал* — главное божество в финикийской религии.
- Вай* — опохало.
- Вайделот* — у древних литовцев жрец, при торжественных случаях воспевавший деяния и подвиги предков.
- Веспер* (греч. миф.) — божество вечерней звезды; одно из прозвищ планеты Венеры.
- Везльзевул* (*Вельзевул*) (библ.) — одно из имен Сатаны, злой дух.
- Влах* — см. *Морлахи*.
- Вретище* — мешок из дерюги или толстой холстины.
- Вулкан* (римск. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла, супруг Венеры.
- Выжлица* — охотничье название гончей собаки.
- Гавриил* (библ.) — архангел, известивший деву Марию о предстоящем непорочном зачатии; он же охраняет вход в рай.
- Галатея* (греч. миф.) — одна из неренд (см.), олицетворение спокойного и блестящего моря.
- Галилея* — одна из областей Древней Иудеи.
- Гарпии* (греч. миф.) — крылатые чудовища, птицы с девичьими лицами.
- Геба* (греч. миф.) — дочь Зевса, богиня молодости. Она подносила богам на Олимпе их напиток — нектар.
- Гебен* — черное дерево.
- Гектор* — троянский герой, сын Приама, царя Трои, супруг Андромахи.
- Гекуба* (греч. миф.) — мать Гектора, супруга Приама, царя Трои. Когда погибла Троя, Гекубе пришлось увидеть умерщвление своей дочери Поликсены и найти на берегу труп своего сына Полидора. Гекуба вырвала убище глаза, но от потрясений сошла с ума.
- Геликон* (греч. миф.) — гора в Греции, где обитали Аполлон и музы.
- Гиады* (греч. миф.) — семь нимф, которых Зевс взял на небо, превратив в звезды; нимфы дождя.
- Гибеллины* — политическая партия в Италии XII—XV вв., боровшаяся против папской партии гвельфов.

- Гимен (Гименей)* (греч. миф.) — бог брака.
- Готфред (Готфрид)* Бульонский — центральный персонаж поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим»; он возглавляет войско крестоносцев, которое осадило Иерусалим по велению бога, сообщенному Готфриду архангелом.
- Горгона* (греч. миф.) — чудовище, голова которого всех смотревших на нее превращала в камень.
- Гримуары* — «черные книги» колдунов и магов; в переносном смысле — непонятные тексты или рукописи.
- Гурии* — по Корану, вечно юные красавицы, обительницы рая.
- Давнус (Давн)* — легендарный царь Апулии, родины Горация.
- Дельфы* — общегреческий религиозный центр, известный своим оракулом (Дельфийский оракул) и храмом Аполлона.
- Дидона* (греч. миф.) — сестра тирского царя Пигмалиона, который убил ее мужа, чтобы воспользоваться его богатством. По римскому сказанию, она полюбила Энея и, когда тот покинул ее, покончила с собой.
- Дий* (греч. миф.) — одно из имен Зевса.
- Диоген* (413—323 до н. э.) — греческий философ-циник. Он днем бродил по улицам Афин с фонарем и отвечал любопытным: «Ищу человека».
- Диомед* — греческий герой, участник Троянской войны, храбростью и силой уступавший только Ахиллу.
- Дмящийся* (парус) — гордый, надменный.
- Долман (долиман)* — расшитый шелковый кафтан.
- Европа* (греч. миф.) — дочь финикийского царя, которую похитил Зевс, приняв облик быка.
- Евротейский ток* (греч. миф.) — река Еврот, где купалась Леда, когда ей явился Зевс-лебедь.
- Егова (Иегова)* (библ.) — в иудейской религии бог.
- Жнивник* — сжатое поле.
- Иверни* — молнии, искры.
- Икар* (греч. миф.) — сын художника Дедала, вместе с отцом поднявшийся к небу на крыльях, скрепленных воском. Икар взлетел слишком высоко, воск растаял на солнце, и Икар упал в море.
- Иоав* (библ.) — племянник царя Давида, убивший своих соперников. Сам он был убит по приказу царя Соломона в храме, у подножья алтаря.
- Иппокрена* (греч. миф.) — ключ на вершине горы Геликон (см.). В переносном смысле — источник вдохновения.
- Исав* (библ.) — старший из сыновей-близнецов патриарха Исаака; происками младшего брата Иакова он был лишен прав старшинства и пришел в неистовое бешенство. Его имя символизирует безжалостного мстителя.
- Каватина* (муз.) — краткая, несложная по форме ария с одной темой нежного характера.
- Кадии (кадий)* — судья.

- Кадм** (греч. миф.) — герой, основатель г. Фивы; он победил Дракона, сына Арея (см.), вырвал у него зубы и засеял ими землю; из этих зубов выросли воины.
- Калхас** — прорицатель, участник Троянской войны.
- Карломан** — император Карл Великий (742—814).
- Кассандра** (греч. миф.) — троянская царица, обладавшая даром пророчества, которому никто не верил.
- Кватронка** (*квартиронка*) — дочь белого и мулатки.
- Квирит** — полноправный гражданин в Древнем Риме.
- Кебрион** — возница Гектора, убитый Патроком.
- Кентавры** (греч. миф.) — лесные демоны, полулюди-полулошади; Геракл нанес им сокрушительное поражение.
- Кимадос** (греч. миф.) — одна из nereид (см.).
- Клеомен** — греческий скульптор, создатель Венеры Медицейской (III в. до н. э.).
- Клефты** (*арматолы*) — борцы за освобождение Греции от турецкого ига; основной костяк греческих освободительных сил в восстании 1821—1829 гг.
- Клоринда** — героиня поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим». Ее имя олицетворяет неустрашимую женщину.
- Кознодейка** — творящая козни.
- Коломыйки** (укр.) — народно-песенные четверостишия, типа частушек.
- Коцит** (греч. миф.) — река в подземном царстве.
- Кронид** (греч. миф.) — Зевс.
- Крыжаки** (польск.) — крестоносцы.
- Лары** (римск. миф.) — боги домашнего очага; в переносном смысле — родной дом.
- Лаэрт** — царь Итаки, отец Одиссея.
- Леда** (греч. миф.) — греческая царица, возлюбленная Зевса, превратившегося в лебедя.
- Лель** — бог любви у древних славян.
- Лемуры** (римск. миф.) — души умерших, которые, не находя себе покоя, по ночам являются на землю и преследуют людей.
- Лик** — сонм, хор.
- Лилит** — по некоторым учениям, первая, до Евы, жена Адама, мать исполинов и злых духов.
- Лицидас** (*Ликий*) — мальчик, славившийся красотой в Риме в эпоху Горация.
- Лизй** (греч. миф.) — одно из прозвищ бога виноградарства Диониса.
- Магадев** (инд. миф.) — прозвище одного из трех главных индийских богов.
- Макадам** — старое название асфальта, по имени его изобретателя, шотландского инженера Дж. Л. Мак-Адама (1756—1836).
- Макон** — красное вино (из виноградников в окрестностях французского города Макон на р. Роне).
- Мафусаил** (библ.) — иудейский патриарх, дед Ноя; олицетворяет долголетие.
- Менестрель** — в средние века странствующий певец и поэт.
- Менетид** — Патрокл, троянский герой, сын Приама.

- Мерани* — крылатый вороной конь, излюбленный образ грузинских народных сказок и песен.
- Мерлин* — волшебник, персонаж средневековых рыцарских романов Артуровского цикла.
- Мидас* (греч. миф.) — фригийский царь; Аполлон наградил его ослиными ушами, которые М. приходилось прятать под фригийской шапкой.
- Мизиница* (сербск.) — самая меньшая, младшая.
- Минерва* (римск. миф.) — лат. имя Афины-Паллады, богини мудрости и войны, покровительницы ремесел и искусств.
- Минос* (греч. миф.) — справедливый царь, законодатель Крита, ставший после смерти одним из трех судей загробного мира.
- Мнемозина* (греч. миф.) — богиня памяти и мать девяти муз. Иносказательно — память.
- Морлахи* (*морлаки*) — морские влахи; группа сербского народа, обитающая преимущественно в Италии около г. Зара.
- Муся* — мозанка.
- Надовессы* — индейское племя в Северной Америке.
- Наяды* (греч. миф.) — нимфы рек и источников.
- Неоптолем* (*Пирр*) — греческий герой, сын Ахилла.
- Нереиды* (греч. миф.) — нимфы моря.
- Нерей* (греч. миф.) — морское божество, олицетворение спокойного моря, отец nereид.
- Нестор* — мудрый старец, участник Троянской войны, опытный советчик.
- Нин* (греч. миф.) — изобретатель военного искусства и покоритель Азии. После его смерти власть унаследовала его жена Семирамида (см.).
- Ниоба* (*Ниобя*) (греч. миф.) — царица Фив, детей которой поразили своими стрелами Аполлон и Артемида. От горя Ниоба превратилась в скалу.

- Оилеев сын* — греч. герой Эант (или Аякс), участник Троянской войны.
- Ольмий* — речка в Беотии, стекавшая с Геликона.
- Омир* — Гомер.
- Опида* — одна из nereид (см.).
- Орк* (римск. миф.) — подземное царство.
- Оры* (греч. миф.) — богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе.
- Осса* — см. *Пелион*.

- Пактол* — золотоносная речка в Малой Азии.
- Палинодия* — стихотворение, в котором поэт опровергает свои прежние суждения.
- Пан* (греч. миф.) — бог лесов и рощ, покровитель пастухов и охотников.
- Панагия* — нагрудный знак православных епископов.
- Пандора* (греч. миф.) — супруга Эпиметя, которой Зевс подарил со-

- суд, содержащий все людские пороки, беды, болезни. *Ящик (или сундук) Пандоры* — вместилище всех бед.
- Парид (Парис)* — троянский царевич, из-за которого вспыхнула Троянская война. Иногда синоним слова «красавец».
- Патрокл* — греческий герой, друг Ахилла, убитый Гектором.
- Пафия* (греч. миф.) — одно из имен Афродиты.
- Пафос* — город на о. Крит, где господствовал культ Афродиты; в переносном смысле — любовь.
- Пейто* (греч. миф.) — богиня любовных уговоров, спутница Афродиты.
- Пелид* — сын Пелея, Ахилл.
- Пелион* — гора в Фессалии; воюя с Зевсом, титаны, желая взобраться на Олимп, взгромоздили Пелион на Оссу, другую фессалийскую гору, но гром заставил гору опуститься вниз.
- Пенаты* (римск. миф.) — боги домашнего очага.
- Пергам* — крепость Трон.
- Пиериды* (греч. миф.) — музы.
- Плутон* (римск. миф.) — бог подземного царства, обиталища мертвых.
- Поножи* — часть вооружения, пластины, защищавшие ногу от ступни до колена.
- Посидон (Посейдон)* (греч. миф.) — бог морей.
- Потир* — чаша, где во время православного богослужения находятся хлеб и вино для причастия.
- Притин* — предел.
- Психея* (греч. миф.) — олицетворение души, изображается обычно в виде бабочки или девушки с крыльями бабочки.
- Рамена* — плечи.
- Ринальдо* — рыцарь, герой фантастической поэмы Т. Тассо «Ринальдо» (1562), а также один из героев поэмы того же автора «Освобожденный Иерусалим»: рыцарь Ринальдо, оказавшись в волшебных садах Армиды, забывает обо всем в объятиях волшебницы, потом покидает ее и все же не может заставить себя забыть прекрасную язычницу.
- Ронь* — то, что обронено. Имеются в виду колосья, оброненные при уборке.
- Руны* — древнейшие письмены, сохранившиеся на камнях (главным образом у скандинавов).
- Руны тирские* — овечья шерсть, выделанная в г. Тире (центр Древней Финикии).
- Сатурн* (римск. миф.) — бог земли и посевов, отец Юпитера и Юноны. *Сатурнов век* — «золотой век», эпоха равенства, изобилия и мира.
- Сельный* — полевой, дикий.
- Семела* (греч. миф.) — возлюбленная Зевса, мать бога Диониса.
- Семирамида* — легендарная царица Ассирии и Вавилона, строительница знаменитых в древности висячих садов. См. *Нин*.
- Сильваны* (римск. миф.) — божества лесов и полей, покровители стад и пастухов.
- Сион* — гора в Палестине, близ Иерусалима, где находилась столица Древней Иудеи. Впоследствии это название переносится на Иерусалим или даже всю Палестину.

Сирены (греч. миф.) — девы, которые заманивали и губили мореплавателей своим чарующим пением.

Сихей (греч. миф.) — финикиец, муж Дидоны, убитый ее братом Пигмалионом.

Скамандр — река близ Трои.

Сретаться — встречаться, сталкиваться.

Стерно — руль.

Стигийские воды — воды Стикса (см.); в переносном смысле — смерть.

Стигийские тени (греч. миф.) — души мертвых, которые бродят по берегам Стикса.

Стикс (греч. миф.) — река, обтекающая подземное царство.

Стиль — здесь: орудие письма.

Суперкарго — помощник капитана по торговой части.

Сцилла (греч. миф.) — чудовище, обитавшее в пещере у пролива между Италией и Сицилией, напротив другого чудовища — Харибды. Одиссей с трудом миновал этот пролив, потеряв шестерых спутников.

Танкред — герой поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Тенар (греч. миф.) — мыс в Греции, где находилась пещера, служившая входом в подземное царство.

Терсит — греческий воин, который в «Илиаде» изображен злым болтуном и уродом.

Тимпан — античный музыкальный инструмент, котел, обтянутый кожей.

Тионеец (*тиониец*) — Вакх.

Тирс — жезл, обвитый плющом и виноградной лозой. Его носили Вакх, вакханки и остальные его спутники.

Триодь — церковная книга, состоящая из трехпесенных канонов.

Тристан — герой средневекового романа о Тристане и Изольде.

Фавны (греч. миф.) — лесные божества.

Фалерн — область в Кампанье, где изготовлялось красное вино, прославленное римскими поэтами.

Фемида — богиня правосудия; *весы* — один из ее атрибутов.

Фетида (греч. миф.) — старшая из nereид, мать Ахилла.

Флегетон (греч. миф.) — огненная река, окружающая подземное царство.

Фортуна (римск. миф.) — богиня счастья, случая, судьбы, удачи.

Франк — древний германец.

Франческа — героиня 5-й песни «Ада» Данте. Дочь синьора Равенны, она была выдана замуж за нелюбимого ею Джанчотто Малатеста, который, узнав о любовном союзе между его женой и младшим братом Паоло, убил их обоих (около 1286 г.).

Харибда — см. *Сцилла*.

Харон (греч. миф.) — перевозчик, который на ладье (*Харонова ладья*) переправлял через реки подземного царства души умерших.

Хеол (библ.) — легендарная местность, в которой души усопших ожидают Страшного Суда.

Хлороз — бледная немочь.

Церера (Керера) (греч. миф.) — богиня посевов и плодородия (см. *Язион*).

Циклады — гористые острова в Эгейском море.

Цирцея (греч. миф.) — прекрасная волшебница в «Одиссее»; своими чарами она заманивала путешественников и обращала их в свиней.

Цитера — остров с культом Афродиты.

Шуйца — левая рука.

Эмениды (греч. миф.) — богини-мстительницы.

Эвр — теплый восточный ветер.

Эгида (греч. миф.) — щит Зевса (Аполлона, Афины-Паллады), олицетворяющий страшную грозовую тучу. *Держащий Эгиду* — Зевс.

Эдем (библ.) — по древнееврейским представлениям, земной рай.

Электра (греч. миф.) — дочь Агамемнона и Клитемнестры, помогла своему брату Оресту отомстить за смерть отца, убитого Клитемнестрой и Эгистом; на ней женился друг Ореста — Пилад.

Элида — северо-западная область Пелопоннеса.

Элизей (Элизий, Элизиум, Элисий, Елисейские поля или жилища) (греч. миф.) — царство мертвых, страна блаженных, где праведники получают заслуженную награду.

Элоим (библ.) — по-древнееврейски бог.

Эльдорадо — фантастическая страна, в которой, согласно легенде, таятся несметные россыпи золота.

Эльфы (древнегерм. миф.) — духи природы, населяющие воздух, землю, горы, леса, жилища людей.

Эмпирей (греч. миф.) — небо, иносказательно — воздух.

Эндимион (греч. миф.) — юноша, за красоту взятый Зевсом на небо. Там он воспыал любовью к Гере, супруге Зевса, за что был погружен в вечный сон. По другому мифу, богиня луны Селена (или Диана) усыпила юношу, чтобы целовать его, спящего.

Эней — троянский герой, сын Афродиты. Герой поэмы Вергилия «Энеида».

Эол (греч. миф.) — повелитель ветров, иносказательно — ветер.

Эолова арфа — струнный музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра.

Эпидавр — город в Древней Греции, на берегу Эгейского моря. Славился прорицателем, оракулом бога врачевания Эскулапа, почему сюда стекались больные со всей Греции.

Эрев (Эреб) (греч. миф.) — бог, олицетворяющий одно из начал мира, вечный мрак, супруг Ночи.

Эригона (греч. миф.) — дочь Икария, которого Вакх научил виноделию; в память Эригоны, кончившей самоубийством, устраивались празднества.

Эрмий (греч. миф.) — Меркурий, бог торговли и красноречия, создавший лиру.

Эрминия — героиня поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», прекрасная сарацинка, влюбленная в христианского рыцаря Танкреда.

Эспланада — площадь перед большим зданием или широкая улица с аллеей посредине.

Эта — гора в Фессалии, на северо-востоке Греции.

Юнона (римск. миф.) — супруга Юпитера (Зевса). В греч. миф. — Гера.

Язион — сын Зевса и Электры, царь о. Крит. Его полюбила Церера и родила от него Плутоса, бога богатства.

Язон (Ясон) (греч. миф.) — герой, возглавивший поход аргонавтов на корабле «Арго» (см.).

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ¹

- Алкей. VII в. до н. э. *Греция*. 531, 532, 533, 534.
Альберти, Рафаэль. Род. 1902. *Испания*. Rafael Alberti. 656.
Альфьери, Витторио. 1749—1803. *Италия*. Vittorio Alfieri. 145.
Анакреон. Ок. 570—478 до н. э. *Греция*. 3, **279** (Λέγουσιν αἱ γυναῖ-
κες...), 1, 4, 57, 152, 153, 154, 276, 277, 278, 280, 281, 282, 283.
Андерсен, Ханс Кристиан. 1805—1875. *Дания*. Hans Christian Ander-
sen. 453, 454.
Антипатр Сидонский. III в. до н. э. *Греция*. 97, 98.
Аргези, Тудор. 1880—1966. *Румыния*. Tudor Arghezi. 707.
Ариосто, Лодовико. 1474—1533. *Италия*. Lodovico Ariosto. 128, 162.
Арно, Антуан-Венсан. 1766—1834. *Франция*. Antoine-Vincent Arnault.
70, **108** (La Feuille), 29.
Архилох. VII в. до н. э. *Греция*. 548, 549.
Асклепиад Самосский. III в. до н. э. *Греция*. 95.
Багряна, Элисавета. Род. 1893. *Болгария*. Елисавета Багряна (наст.
имя: Белчева). 705.
Байрон, Джордж Гордон. 1788—1824. *Англия*. George Gordon Noël
Byron. **60**, **198** ("My soul is dark — oh! quickly string..."), **112**,
398 ("Sun of the sleepless! melancholy star!..."), **199**, **234** (Lines
Written in an Album at Malta), **362**, **397** (The Destruction of Sen-
nacherib), 107, 111, 113, 180, 196, 197, 270, 271, 325, 332, 363, 373,
396, 413, 422, 457, 458, 468, 474, 482, 483, 570, 571, 572, 573, 661.
Бакхилид (или Вакхилид). V в. до н. э. *Греция*. 132.
Бараташвили, Николоз. 1817—1845. *Грузия*. 473, **607** (Мерани), 606,
675, 676.

¹ Цифры в указателе обозначают порядковые номера стихотворений. Цифры, выделенные жирным шрифтом, относятся к стихотворению, даваемому в двух или нескольких переводах (после этих цифр в скобках следует название или первый стих оригинала).

- Барбье, Огюст. 1805—1882. *Франция*. Auguste Barbier. 213, 263 (Dante), 214, 264, 265, 441, 451, 452, 653.
- Барро, Жак. 1602—1673. *Франция*. Jacques Vallée des Barreaux. 12.
- Беккер, Густаво Адольфо. 1836—1870. *Испания*. Gustavo Adolfo Bécquer (наст. имя: Gustavo Adolfo Domínguez Bastida). 730.
- Беранже, Пьер-Жан. 1780—1857. *Франция*. Pierre-Jean de Béranger. 32, 181, 290, 291, 358, 359, 428, 429, 430, 431, 432, 469, 470, 471, 472, 559.
- Бернс, Роберт. 1759—1796. *Шотландия*. Robert Burns. 334, 682, 683, 684, 685, 686, 687.
- Бехер, Иоганнес Р. 1891—1958. *Германия*. Johannes Robert Becher. 739.
- Бион. III в. до н. э. *Греция*. 41.
- Блейк, Вильям. 1757—1827. *Англия*. William Blake. 677, 678.
- Боденштедт, Фридрих. 1819—1892. *Германия*. Friedrich Bodenstedt. 480.
- Бодлер, Шарль. 1821—1867. *Франция*. Charles Baudelaire. 416, 476 (Recueillement), 477, 487, 488, 489, 490, 508, 521, 530, 621, 647.
- Брет Гарт. См. Гарт.
- Броневский, Владислав. 1898—1962. *Польша*. Władysław Broniewski. 702.
- Буазар, Франсуа-Мари. 1744—1833. *Франция*. Jean-Jacques-François-Marie Boisard. 31.
- Бурдильон, Франсис Вильям. 1852—1921. *Англия*. Francis William Bourdillon. 375.
- Бюргер, Готфрид Август. 1747—1794. *Германия*. Gottfried August Bürger. 80, 130 (Lenore), 445.
- Бялик, Хаим-Нахман. 1873—1936. *Россия* (еврейский поэт). 547.
- Важа Пшавела (наст. имя: Лука Разикашвили). 1861—1915. *Грузия*. 697, 698.
- Валери, Поль. 1871—1945. *Франция*. Paul Valéry. 623.
- Верлен, Поль. 1844—1896. *Франция*. Paul-Marie Verlaine. 495, 660 («Il pleure dans mon cœur...»), 497, 659 (Langueur), 504, 520 («Un grand sommeil noir...»), 484, 494, 496, 503, 505, 506, 518, 519, 622, 657, 658.
- Верхарн, Эмиль. 1855—1916. *Бельгия*. Emile Verhaeren. 515, 516, 517, 592, 593, 594, 595, 596.
- Вийон, Франсуа. Ок. 1431 — после 1463. *Франция*. François Villon. 736, 737.
- Вильдрак, Шарль. Род. 1882. *Франция*. Charles Vildrac. 624.
- Вольтер. 1712—1778. *Франция*. Voltaire (наст. имя: François-Marie Arouet). 110, 138, 139, 183, 192.
- Вольф, Чарльз. 1791—1823. *Ирландия*. Charles Wolfe. 114.
- Вордсворт, Вильям. 1770—1850. *Англия*. William Wordsworth. 459.
- Гарсна Лорка, Федерико. 1899—1936. *Испания*. Federico García Lorca. 649, 650, 651.
- Гарт, Фрэнсис Брет. 1839—1902. *США*. Francis Bret Harte. 415.
- Гартман, Мориц. 1821—1872. *Австрия*. Moritz Hartmann. 330, 357.

- Гедл. III в. до н. э. *Греция*. 96, 151.
- Гейбель, Эмануэль. 1815—1884. *Германия*. Emanuel Geibel. 439.
- Гейне, Генрих. 1797—1856. *Германия*. Heinrich Heine. 204, 345, 382 («Ein Fichtenbaum steht einsam...»), 260, 575 («Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...»), 274, 604 (Childe Harold), 287, 420 («Morgens steh' ich auf und frage...»), 327, 574 («In mein gar zu dunkles Leben...»), 346, 409 («Vergiftet sind meine Lieder...»), 349, 418 («Es blasen die blauen Husaren...»), 352, 408 («Sie haben mich gequälet...»), 354, 383 («Wie die Wellenschäumegeborne...»), 355, 384 («Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht...»), 404, 410 («Nun ist es Zeit, daß ich mit Verstand...»), 486, 580 («Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen...»), 203, 232, 233, 254, 275, 286, 288, 326, 329, 343, 344, 347, 348, 350, 351, 353, 356, 385, 386, 402, 403, 417, 419, 421, 434, 435, 436, 437, 444, 461, 462, 576, 577, 578, 579, 581, 582, 605, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 692, 693, 694, 695.
- Геллерт, Христиан Фюрхтеготт. 1715—1769. *Германия*. Christian Fürchtgott Gellert. 20, 21.
- Гервег, Георг. 1817—1875. *Германия*. Georg Herwegh. 401.
- Гердер, Иоганн Готфрид. 1744—1803. *Германия*. Johann Gottfried Herder. 228.
- Геров, Александр. Род. 1919. *Болгария*. Александър Геров. 706.
- Геснер, Соломон. 1730—1788. *Германия*. Salomon Geßner. 137.
- Гете, Иоганн Вольфганг. 1749—1832. *Германия*. Johann Wolfgang Goethe. 72, 229 («Wer nie sein Brot mit Tränen aß...»), 75, 247, 374 (Der Fischer), 76, 412 (Erlkönig), 136, 177, 338 (Nähe des Geliebten), 230, 670 («Wer sich der Einsamkeit ergibt...»), 231, 666 («Kennst du das Land wo die Zitronen blühen?...»), 240, 667 («Heiß mich nicht reden, heiß mich schweigen...»), 285, 668 («Nur wer die Sehnsucht kennt...»), 339, 372 (Vor Gericht), 340, 699 (Willkommen und Abschied), 47, 71, 73, 74, 134, 172, 202, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 241, 242, 245, 246, 336, 337, 371, 405, 406, 425, 475, 669, 671.
- Гиљен, Николас. Род. 1902. *Куба*. Nicolás Guillén. 731.
- Гомер. Легендарный поэт. Около VIII в. до н. э. *Греция*. 19, 65, 481.
- Гораций Флакк, Квинт. 65—8 до н. э. *Рим*. Quintus Horatius Flaccus. 9, 45 («Exegi monumentum aere perennius...»), 149, 380 («O saepe tecum tempus in ultimum...»), 43, 44, 46, 379.
- Готье, Теофиль. 1811—1872. *Франция*. Théophile Gautier. 217.
- Грей, Томас. 1716—1771. *Англия*. Thomas Gray. 66, 67 (Elegy Written in a Country Churchyard).
- Грекур, Жозеф. 1683—1743. *Франция*. Jean-Baptiste-Joseph Grécourt. 27.
- Грессе, Жан-Батист. 1709—1777. *Франция*. Jean-Baptiste-Louis Gresset. 171.
- Гюго, Виктор. 1802—1885. *Франция*. Victor Hugo. 185, 193, 215, 216, 262, 267, 450, 465, 620, 644, 645, 646.
- Данте Алигьери. 1265—1321. *Италия*. Dante Alighieri. 125, 126, 176, 455, 613.
- Дарио, Рубен. 1867—1916. *Никарагуа*. Rubén Darío (наст. имя: Felix Rubén García Sarmiento). 732, 733.

- Деборд-Вальмор, Марселина. 1785—1859. *Франция*. Marceline Desbordes-Valmore. 598.
- Делиль, Жак. 1738—1813. *Франция*. Jacques Delille. 25, 26, 34.
- Джанни, Франческо. 1760—1822. *Италия*. Francesco Gianni. 146.
- Дживани (Левонян). 1846—1909. *Армения* (ашуг). 529.
- Ду Фу. 712—770. *Китай*. 717, 718, 719.
- Дю Белле, Жоакен. 1525—1560. *Франция*. Joachim Du Bellay. 738.
- Жильбер, Никола. 1751—1780. *Франция*. Nicolas-Joseph-Laurent Gilbert. 58, 268.
- Жироу, Жан. 1882—1944. *Франция*. Jean Giraudoux. 625.
- Исаакян, Аветик. 1875—1957. *Армения*. 527, 545, 558, 584, 585, 586, 587, 588.
- Каладзе, Карло. Род. 1904. *Грузия*. 627.
- Кастри, Джамбатиста. 1721—1803. *Италия*. Giambatista Casti. 88.
- Катон, Дионисий. III—IV вв. до н. э. *Рим*. Dionysius Cato. 18.
- Катулл, Гай Валерий. Ок. 84—54 до н. э. *Рим*. Gaius Valerius Catullus. 148, 378 («Minister vetuli puer Falerni...»), 377, 637 («Vivamus, mea Lesbia, atque amemus...»), 638, 639, 640, 641, 642, 643.
- Ким Мин Сун. XVIII в. *Корея*. 714.
- Киплинг, Редьярд. 1865—1936. *Англия*. Rudyard Kipling. 597, 614, 615, 679, 680, 681.
- Китс, Джон. 1795—1821. *Англия*. John Keats. 662, 663.
- Клауднус, Матнас. 1740—1815. *Германия*. Matthias Claudius. 135.
- Козегартен, Людвиг. 1758—1818. *Германия*. Ludwig Kosegarten. 24.
- Корбьер, Тристан. 1845—1875. *Франция*. Tristan Corbière. 501, 502, 619.
- Крабб, Джордж. 1754—1832. *Англия*. George Crabbe. 361.
- Ксенофан из Колофона. VI—V вв. до н. э. *Греция*. 150.
- Кучак, Наапет. XVI в. *Армения*. 507.
- Ламартин, Альфонс. 1790—1869. *Франция*. Alphonse de Lamartine. 190, 191.
- Лафонтен, Жан. 1621—1695. *Франция*. Jean de la Fontaine. 22, 35 (La Cigale et la Fourmi), 10, 36, 37, 38, 39.
- Лебрен, Экушар. 1729—1807. *Франция*. Ponce-Denis Ecouchard Lebrun. 30.
- Леконт де Лиль, Шарль. 1818—1894. *Франция*. Charles Leconte de Lisle. 491, 600 (Les Montreurs), 492, 493, 523, 557, 599, 601, 602, 603.
- Ленау, Николаус. 1802—1850. *Австрия*. Nikolaus Lenau. 460.
- Леонидзе, Георгий. 1899—1966. *Грузия*. 626.
- Леопарди, Джакомо. 1798—1837. *Италия*. Giacomo Leopardi. 715.
- Ли Бо. 701—762. *Китай*. 720, 721, 722, 723, 724, 725.
- Лонгфелло, Генри. 1807—1882. *США*. Henry Wadsworth Longfellow. 395, 414 (The Slave's Dream), 335, 438, 446, 552.
- Лорка. См. Гарсиа Лорка.
- Макферсон, Джеймс. 1736—1796. *Англия*. James Macpherson. 170, 189.
- Малларме, Стефан. 1842—1898. *Франция*. Stéphane Mallarmé. 524.

- Марциал, Марк Валерий. Ок. 40 — ок. 102. *Рим*. Marcus Valerius Martialis. 6, 7, 8.
- Мейер, Конрад Фердинанд. 1825—1898. *Швейцария*. Conrad Ferdinand Meyer. 562, 563.
- Мелеагр Гадарский. I в. до н. э. *Греция*. 94.
- Мериме, Проспер. 1803—1870. *Франция*. Prosper Mérimée. 158, 269, 301 (*Le Morlaque à Venise*), 157, 159.
- Микеланджело Буонаротти. 1475—1564. *Италия*. Michelangelo Buonarroti. 235.
- Мильвуа, Шарль-Юбер. 1782—1816. *Франция*. Charles-Hubert Millevoye. 56, 164, 184 (*La Chute des feuilles*), 165, 522 (*Le Fleuve d'oubli*), 93, 163.
- Мильтон, Джон. 1608—1674. *Англия*. John Milton. 292.
- Мирза-Шафи Вазех. 1792 (или 1804)—1852. *Азербайджан*. Мирзә Шәфи Вазех. 480.
- Мистраль, Габриэла. 1889—1957. *Чили*. Gabriela Mistral (наст. имя: Lucila Godoy у Alcaayaga). 734.
- Мицкевич, Адам. 1798—1855. *Польша*. Adam Mickiewicz. 120, 321, 553 (*Stępy Akermańskie*), 121, 206 (*Ażusztá w dzień*), 155, 376 (*Czaty*), 205, 324 (*Widok gór ze stępów Kozłowa*), 122, 156, 207, 255, 320, 322, 323, 554, 555.
- Мольво, Шарль-Луи. 1776—1844. *Франция*. Charles-Louis Mollevaut. 33.
- Мур, Томас. 1779—1852. *Ирландия*. Thomas Moore. 115, 116.
- Мюллер, Вильгельм. 1794—1827. *Германия*. Wilhelm Müller. 485.
- Мюссе, Альфред. 1804—1880. *Франция*. Alfred de Musset. 239, 426, 443, 463, 467.
- Надо, Гюстав. 1820—1893. *Франция*. Gustave Nadaud. 442.
- Овидий Назон, Публий. 43 до н. э. — 17 н. э. *Рим*. Publius Ovidius Naso. 188, 381.
- Оссиан. См. Макферсон.
- Павел Силенциарий. VI в. *Греция*. 100, 101, 102, 103, 104, 105.
- Павлицовская-Ясножневская, Мария. 1899—1945. *Польша*. Maria Pawlikowska-Jasnorzewska. 701.
- Парни, Эварист. 1753—1814. *Франция*. Evaryste Désiré de Forges Parny. 89, 90, 91, 92, 109, 140, 141, 166, 167, 182, 236.
- Петефи, Шандор. 1823—1849. *Венгрия*. Sándor Petöfi. 564, 565, 665.
- Петрарка, Франческо. 1304—1374. *Италия*. Francesco Petrarca. 87, 543 («*Rotta è l'alta colonna e 'l verde lauro...*»), 456, 540 («*Benedetto sia 'l giorno e 'l mese e l'anno...*»), 394, 539, 541, 542, 544, 654, 655.
- По, Эдгар. 1809—1849. *США*. Edgar Allan Poe. 509, 510, 511, 512, 513.
- Полициано, Анджеоло. 1454—1494. *Италия*. Angiolo Poliziano. 583.
- Поп, Александр. 1688—1744. *Англия*. Alexander Pope. 23, 40.
- Потье, Эжен. 1816—1887. *Франция*. Eugène Pottier. 560, 561.
- Расин, Жан. 1639—1699. *Франция*. Jean Racine. 15, 652.
- Расин, Луи. 1692—1763. *Франция*. Louis Racine. 123, 124.

- Рембо, Артюр. 1854—1891. *Франция*. Arthur Rimbaud. 499, 617, 618, 716.
- Ренье, Анри де. 1864—1936. *Франция*. Henri de Régnier. 525.
- Рильке, Райнер Мария. 1875—1926. *Австрия*. Rainer Maria Rilke. 672, 673.
- Роллина, Морис. 1846—1903. *Франция*. Maurice Rollinat. 500.
- Ростан, Эдмон. 1868—1918. *Франция*. Edmond Rostand. 566, 567, 568, 569.
- Руссо, Жан-Батист. 1771—1841. *Франция*. Jean-Baptiste Rousseau. 14.
- Рюккерт, Фридрих. 1788—1866. *Германия*. Friedrich Rückert. 259.
- Саути, Роберт. 1774—1843. *Англия*. Robert Southey. 69, 256, 331.
- Сафо (или Псапфо). VII в. до н. э. *Греция*. 13, 535, 550 (Ποικιλόθρον', ἀδάματ' Ἀφροδίτα. . .), 42, 536, 551 (Φαίνεται μοι κῆρος ἴσος θεοῖσιν. . .) 537, 538.
- Саят-Нова (наст. имя: Арутин Саядан). 1712—1795. *Армения*. 610, 611, 612.
- Сенека, Луций Анней. Ок. 3 до н. э. — 65 н. э. *Рим*. Lucius Annaeus Seneca. 5.
- Скотт, Вальтер. 1771—1832. *Англия*. Walter Scott. 68, 258.
- Словацкий, Юлиуш. 1809—1849. *Польша*. Juliusz Słowacki. 674.
- Сон Кан (Чон Чхоль). 1536—1593. *Корея*. 710, 711, 712, 713.
- Степаннос. XVII в. *Армения* (ашуг). 528.
- Су Ши. 1036—1101. *Китай*. 387.
- Сюлли-Прюдом, Арман. 1839—1907. *Франция*. René-François-Armand Sully Prudhomme. 464, 478, 479, 498.
- Тао Цянь. 365—427. *Китай*. 728, 729.
- Тассо, Торквато. 1544—1595. *Италия*. Torquato Tasso. 129, 161, 175.
- Теннисон, Альфред. 1809—1892. *Англия*. Alfred Tennyson. 556.
- Тибулл, Альбий. 50—19 до н. э. *Рим*. Albius Tibullus. 86.
- Тик, Людвиг. 1773—1853. *Германия*. Ludwig Tieck. 466.
- Топелиус, Закрис. 1818—1898. *Финляндия*. Zakris Topelius. 589, 590.
- Тувим, Юлиан. 1894—1953. *Польша*. Julian Tuwim. 703, 704.
- Туманян, Ованес. 1869—1923. *Армения*. 546.
- Уланд, Людвиг. 1787—1862. *Германия*. Ludwig Uhland. 77, 78, 79, 253.
- Федр. I в. до н. э. *Рим*. Phaedrus. 16, 17.
- Филикайя, Винченцо. 1642—1707. *Италия*. Vincenzo da Filicaja. 127.
- Флеминг, Пауль. 1609—1640. *Германия*. Paul Fleming. 11.
- Флориан, Жан-Пьер. 1755—1794. *Франция*. Jean-Pierre Claris de Florian. 28.
- Фрейлиграт, Фердинанд. 1810—1866. *Германия*. Ferdinand Freiligrath. 261, 342 (Die SchreinerGesellen), 252.
- Хафиз (наст. имя: Шамседдин Мухаммед). 1300—1389. *Персия*. 388, 389, 390.
- Цао Чжи. 192—232. *Китай*. 726, 727.
- Цедлиц, Иозеф Христиан. 1790—1862. *Австрия*. Joseph Christian von Zedlitz. 85, 201.

Чавчавадзе, Александр. 1786—1846. *Грузия*. 616.

Чавчавадзе, Илья. 1837—1907. *Грузия*. 696.

Чобонян, Аршак. 1872—1956. *Армения*. 526.

Шевченко, Тарас Григорьевич. 1814—1861. *Украина*. 364.

Шекспир, Вильям. 1564—1616. *Англия*. William Shakespeare. 209, 664 (“Tired with all these, for restful death I cry...”), 688, 689, 690, 691.

Шенье, Андре. 1762—1794. *Франция*. André Chénier. 117, 143 («Près des bords où Venise est reine de la mer...»), 118, 272 («Bel astre de Vénus, de son front délicat...»), 266, 400 («Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...»), 59, 119, 142, 144, 168, 169, 211, 212, 237, 238, 273, 289, 399, 427.

Шиллер, Фридрих. 1759—1805. *Германия*. Friedrich Schiller. 48, 81 (Des Mädchens Klage), 133, 341 (Nadowessiers Totenlied), 173, 243 (Die Größe der Welt), 187, 248 (Das Kind in der Wiege), 210, 226, 608 (An die Freude), 225, 284 (Hektors Abschied), 49, 55, 82, 83, 84, 174, 186, 194, 195, 221, 227, 244, 249, 250, 251, 423, 424, 433, 609, 700.

Эредиа, Жозе-Мария. 1842—1895. *Франция*. José-Maria de Hérédia. 591.

Якшич, Джюра. 1832—1878. *Югославия* (сербский поэт). 740.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ

414. Лонгфелло. Сон невольника	7
415. Брет Гарт. Рейнские легенды	8
416. Бодлер. Сумерки	10

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

417. Гейне. «Бог весть, где она сокрылась...»	11
418. «От нас выступают гусары...»	11
419. «Пусть на землю снег валится...»	12
420. «Поутру встаю я с мыслью...»	12
421. «Ночь глухая была холодна и страшна...»	12

И. П. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

422. Байрон. Euthanasia («Когда, свершив свое земное назначение...»)	13
--	----

Б. Н. АЛМАЗОВ

423. Шиллер. Одиссей	15
424. Колумб	15
425. Гете. Восток	16
426. Мюссе. Страданье	16
427. Шенье. Ребенок	17

В. С. КУРОЧКИН

428. Беранже. Как яблочко румян	18
429. Знатный приятель	20
430. Бабушка	22

431. Положительный человек	24
432. Господин Искарнотов	25
433. Шиллер. Начало нового века	27

П. И. ВЕЙНБЕРГ

434—437. Гейне. Лирическое интермеццо «Из слез моих выходит много...»	29
«Неподвижные от века...»	29
«Когда ты в суровой могиле...»	30
«Филлистеры, в праздничных платьях...»	30
438. Лонгфелло. Ключ и волна	31
439. Гейбель. Данте	31
440. Из немецких народных баллад. Рыцарь Олоф	32

Д. Д. МИНАЕВ

441. Барбье. Пролог	34
442. Надо. Полезные люди	35
443. Мюссе. Бесплезные вопли	36
444. Гейне. Германия. Зимняя сказка. Глава XII	37
445. Бюргер. Труженнику	39
446. Лонгфелло. Мост	39
447. Из новогреческих народных песен. «Отчего ты, сердце, пошь...»	41
448. «Белокурая голубка!..»	42
449. Из сербских народных песен. Совет Вилы	43

В. П. БУРЕНИН

450. Гюго. «Когда Тиверий и Нерон...»	45
451. Барбье. Победитель. Из поэмы «Варшава»	46

К. П. БАБШКОВ

452. Барбье. Лев	48
----------------------------	----

Ф. И. БЕРГ

453. Андерсен. Говорят, говорят...	50
454. Сумерки	51

Д. Е. МИН

455. Данте. Ад. Из песни V	52
456. Петрарка. «Благословляю день, и месяц, и годину...»	56
457. Байрон. «Ах, плачьте, как плакали мы...»	56
458. Дон Жуан. Из песни II	57
459. Вордсворт. Сонет («Отшельникам не тесно жить по кельям...»)	59

А. Н. АПУХТИН

460. Ленау. «Вечер бурный и дождливый...»	61
461. Гейне. «Три мудрых царя из полуденных стран...»	61
462. «Я каждую ночь тебя вижу во сне...»	62
463. Мюссе. Пепите	62
464. Сюлли-Прюдом. Разбитая ваза	63

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

465. Гюго. «Со дня на день живешь, шумишь под небесами...»	65
466. Тик. Ночь	66

П. А. КАЗЛОВ

467. Мюссе. Песня Фортунно	67
468. Байрон. Дон Жуан. <i>Из песни IX</i>	68

П. Ф. и А. А. ТХОРЖЕВСКИЕ

469. Беранже. Бегство музы	70
470. Невольники и куклы	72
471. Десять тысяч франков	73
472. Крестины Вольтера	75
473. Бараташвили. Конь (Пегас)	77

Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ

474. Байрон. К молодому другу	79
475. Гете. Фауст. <i>Из части II</i>	81

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

476. Бодлер. Уединение	85
477. «Ты целый мир вместить могла бы в свой альков...»	85
478. Сюлли-Прюдом. Затерявшийся крик	86
479. Могила	87
480. Боденштедт. Из «Песен Мирзы-Шафи»	87

Н. МНИСКИЙ

481. Гомер. Илиада. <i>Из песни IV</i>	89
482. Байрон. «В час, когда расставались...»	90
483. Сонет к Шильону	91
484. Верлен. Осенняя песня	91

Н. Ф. АННЕНСКИЙ

485. Мюллер. Шарманщик	93
486. Гейне. Двойник	94
487. Бодлер. Совы	94

488.	Сплин («Бывают дни — с землею точно спаян...»)	95
489.	Слепые	95
490.	Старый колокол	96
491.	Леконт де Лиль. «Пускай избитый зверь, влачася на почке...»	97
492.	Последнее воспоминание	97
493.	Над умершим поэтом	98
494.	Верлен. «Начертания ветхой триоды...»	98
495.	Песня без слов («Сердце исходит слезами...»)	99
496.	«Я долго был безумен и печален...»	99
497.	Томление. Сонет	100
498.	Сюлли-Прюдом. Сомнение	101
499.	Рембо. Феи расчесанных голов	101
500.	Роллина. Богема. Сонет	102
501—502.	Корбьер. Два Парижа	
	Ночью	103
	Днем	103

Ф. СОЛОГУВ

503.	Верлен. Сплин («Алеют слишком эти розы...»)	105
504.	«Я в черные дни...»	105
505.	«Я не люблю тебя одетой...»	106
506.	Калейдоскоп	106
507.	Кучак. Песни любви	107

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

508.	Бодлер. Альбатрос	109
------	-------------------	-----

К. Д. БАЛЬМОНТ

509.	По. Ворон	110
510.	Аннабель-Ли	113
511.	Улялюм	115
512.	«Я не скорблю, что мой земной удел...»	117
513.	Эльдорадо	118
514.	Бодлер. Пропасть	118

В. Я. БРЮСОВ

515.	Верхарн. Ветер	120
516.	Не знаю, где	121
517.	В вечерний час	122
518.	Верлен. «Небосвод над этой крышей...»	123
519.	Песня к ней	124
520.	«Огромный, черный сон...»	124
521.	Бодлер. Красота	125
522.	Мильвуа. Река забвения	126
523.	Леконт де Лиль. Дремота кондора	126
524.	Малларме. Лебедь	127
525.	Ренье. На отмели	128
526.	Чобонян. Марина	128

527. Исаакян. «Твоих бровей два сумрачных луча...»	128
528. Степаннос. Песня любви	129
529. Дживани. «Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут — уйдут...»	130

ВЯЧ. ПВАНОВ

530. Бодлер. Предсуществование	132
531. Алкей. Буря	132
532. Заговорщикам	133
533. К Сафо	134
534. «Черплем из кубков мы...»	134
535. Сафо. Гимн Афродите	134
536. Любовь	135
537. Моления Афродите	136
538. «Я негу люблю...»	136
539—542. Петрарка. Сонеты на жизнь Лауры «Мгновенья счастья на подъем ленивы...»	136
«Благословен день, месяц, лето, час...»	137
«Коль не любовь сей жар, какой недуг...»	137
«Прекрасная рука! Разжалась ты...»	138
543—544. Сонеты на смерть Лауры «Повержен Лавр зеленый, Столл мой стройный...»	138
«Ни ясных звезд блуждающие станы...»	139
545. Исаакян. «С посохом в руке дрожащей, удручен, согбен, уныл...»	140
546. Туманян. Пахарь	140
547. Бялик. Истинно, и это — кара божья	141

В. В. ВЕРЕСАЕВ

548. Архилох. «Сердце, сердце! Грозным строим...»	144
549. «Можно ждать чего угодно...»	144
550. Сафо. Гимн Афродите	145
551. «Богу равным кажется мне по счастью...»	146

Н. А. БУНИН

552. Лонгфелло. Песнь о Гайавате. «Пирог Гайаваты»	147
553—555. Мицкевич. Крымские сонеты Аккерманские степи	150
Чатырдаг	151
Алушта ночью	151
556. Теннисон. Годива	152
557. Леконт де Лиль. Возмездие	155
558. Исаакян. «Моя душа объята тьмой полночной...»	157

А. И. КУПРИН

559. Беранже. Предсказание Нострадама на 2000 год	158
---	-----

А. Я. КОЦ

560. Потье. Интернационал	160
561. Жюль Валлес	162

А. В. ЛУНАТАРСКИЙ

562. Мейер. Перед нидерландским полотном	165
563. Камюэнс	166
564. Петефи. Собачья песня	167
565. Волчья песня	167

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

566. Ростан. (Баллада о поединке) <i>Из героической комедии «Сирано де Бержерак»</i>	169
567. Монолог герцога Рейхштадтского. <i>Из драмы «Орленок»</i>	170
568. Опять «Сизый Нос»	171
569. Упражнения	172

А. А. БЛОК

570. Байрон. Подражание Катуллу	174
571. Отрывок («Бесплодные места, где был я сердцем молод. . .»)	174
572. Из дневника в Кефалонии	175
573. Любовь и смерть	175
574—582. Гейне. Опять на родине	
«В этой жизни слишком темной. . .»	176
«Не знаю, что значит такое. . .»	176
«Сырая ночь и буря. . .»	177
«Играет буря танец. . .»	178
«Вечер пришел безмолвный. . .»	178
«На дальнем горизонте. . .»	179
«Тихая ночь, на улицах дрема. . .»	180
«Племена уходят в могилу. . .»	180
«Я в старом сказочном лесу! . . .»	181
583. Полициано. Эпитафия фра Филиппо Липпи	182
584. Исаакян. «Схороните, когда я умру. . .»	183
585. «Во долине, в долине Сално боевой. . .»	183
586. «Словно молнии луч, словно гром из туч. . .»	184
587. «Быстролетный и черный орел. . .»	185
588. «Да, я знаю всегда — есть чужая страна. . .»	185
589. Топелиус. Млечный Путь	185
590. Летний день в Кангасала	187

М. А. ВОЛОШИН

591. Эредиа. Бегство кентавров	189
592. Верхарн. Осенний вечер	189
593. Ужас	190
594. На Север	191
595. Ноябрь	192
596. Статуя (Монах)	194

М. Л. ЛОЗИНСКИЙ

597. Киплинг. Заповедь	196
598. Деборд-Вальмор. Письмо женщины	197
599. Леконт де Лиль. Смерть Вальмики	198
600. Показчики	200
601. Solvet seclum	201
602. Вилланелла	202
603. Багровое светило	202
604. Гейне. Чайльд Гарольд	203
605. Царь Давид	203
606. Бараташвили. Сумерки на Мтацминде	204
607. Мерани	206
608. Шиллер. К радости	207
609. Перстень Поликрата	211
610. Саят-Нова. «Ты ярче сбриу золотой...»	213
611. «Я был в Абаше, я весь мир...»	214
612. «Я болен от любви к тебе...»	215
613. Данте. Ад. Из песни XXII	216

А. И. ОНОШКОВИЧ-ЯЦЫНА

614. Киплинг. Томлинсон	218
615. Пыль (Пехотные колонны)	222
616. Чавчавадзе. Мухамбази	223

Б. К. ЛИВШИЦ

617. Рембо. Роман	225
618. Ощущение	226
619. Корбьер. Скверный пейзаж	226
620. Гюго. Надпись на экземпляре «Божественной комедии»	227
621. Бодлер. Идеал	228
622. Верлен. «В трактирах пьяный гул, на тротуарах грязь...»	228
623. Валери. Погибшее вино	229
624. Вильдрак. Песнь пехотинца	229
625. Жироду. «Я вижу Бельфора...»	230
626. Леонидзе. Иорская ночь	231
627. Каладзе. В горах, покинутых морем	232

Ю. П. ТЫНЯНОВ

628. Гейне. Песнь маркитантки (Из Тридцатилетней войны)	233
629. «А ведь кастраты плачут...»	234
630. «Не верую я в Небо...»	234
631. «Мне снился сон, что у господь...»	235
632. «Девница, стоя у моря...»	236
633. Невольничий корабль	237
634. Юдоль плача	241
635. К политическому поэту	242
636. «Да не будет он помянут!...»	243

А. П. ПИОТРОВСКИЙ

637. Катулл. К Лесбии	244
638. Счастливая примета	244
639. Деревенская красавица	245
640. Сопернику	245
641. Женские клятвы	246
642. Игра	246
643. Забавы Флавия	246

Г. А. ШЕНГЕЛИ

644—646. Гюго. Возмездие	
Нох	248
Искупление	249
Песенка («Его величие блистало...»)	251

М. И. ЦВЕТАЕВА

647. Бодлер. Плаванье	253
648. Из английских народных баллад. Робин Гуд спасает трех стрелков	258
649. Гарсиа Лорка. Пейзаж	262
650. Гитара	262
651. А потом...	263

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ

652. Расин. Начало «Федры»	264
653. Барбье. Мятеж	265
654—655. Петрарка. С о н е т ы	
«Река, разбухшая от слез соленых...»	265
«Как соловей сиротствующий славит...»	266

В. Л. НАСТЕРНАК

656. Альберти. Эль-Пардо	267
657. Верлен. Ночное зрелище	267
658. Искусство поэзии	268
659. Томленье	269
660. Хандра	270
661. Байрон. Стансы к Августе («Когда время мое миновало...»)	270
662. Китс. Кузнечик и сверчок	272
663. Ода к осени	272
664. Шекспир. Сонет 66	273
665. Петефи. Кабаки не редкость	274
666—669. Гете. М н ь о н а	
«Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...»	274
«Сдержись, я тайны не нарушу...»	275
«Кто знал тоску, поймет...»	275
«Я покрасуюсь в платье белом...»	276

670—671. Арфист	
«Кто одинок, того звезда...»	276
«Подойду к дверям с котомкой...»	277
672. Рильке. За книгой	277
673. Созерцание	278
674. Словацкий. Кулиг	279
675. Бараташвили. «Что странного, что я пишу стихи?..»	283
676. Голубой цвет	283

С. Я. МАРШАК

677. Блейк. Тигр	285
678. «В одном мгновенье видеть вечность...»	286
679. Киплинг. «На далекой Амазонке...»	286
680. «Горб верблюжий...»	287
681. О всаднике и коне	288
682. Бернс. Честная бедность	289
683. Застольная	290
684. Финдлей	291
685. «Ты меня оставил, Джеми...»	292
686. «Ты свистни — тебя не заставлю я ждать...»	293
687. Заздравный тост	293
688—691. Шекспир. Сонеты	
«Как тот актер, который, оробев...»	294
«Уж если ты разлюбишь — так теперь...»	294
«Ты — музыка, но звукам музыкальным...»	295
«Увы, мой стих не блещет новизной...»	295
692. Гейне. «Рокочат трубы оркестра...»	296
693. «Как ты поступила со мною...»	296
694. «Не подтрунивай над чертом...»	297
695. «Материю песни, ее вещество...»	297

Н. А. ЗАВОЛОЦКИЙ

696. Чавчавадзе. Базалетское озеро	298
697. Важа Пшавела. Горы спят	299
698. Песня	301
699. Гете. Свидание и разлука	302
700. Шиллер. Рыцарь Тогенбург	303

А. А. АХМАТОВА

701. Павликовская-Ясножевская. Ника	306
702. Броневский. Последнее стихотворение	306
703. Тувим. Темная ночь	307
704. Счастье	307
705. Багряна. Вечная	308
706. Геров. День	309
707. Аргези. Потерянные листья	309
708. Из сербского эпоса. Хасанагиница	310
709. Молодая Милошевка и мать Юговичей	312
710. Сон Кан (Чон Чхоль). «На яркой пестроте цветов...»	314

711. «Ты у дороги для чего...»	315
712. «Эй, дед, что ты несешь на голове?..»	315
713. «Когда болеет дерево, никто...»	315
714. Ким Мин Сун. «Недугов, что меня терзают тяжко...»	316
715. Леопарди. Палинодия	316

Д. Г. БРОДСКИЙ

716. Рембо. Пьяный корабль	319
---	-----

А. П. ГИТОВИЧ

717. Ду Фу. В одиночестве	323
718. Отдаюсь своим мыслям	323
719. Вечерний холодок	324
720. Ли Бо. Думы тихой ночью	325
721. Провожу ночь с другом	325
722. С отшельником пью в горах	326
723. Летним днем в горах	326
724. Белая цапля	327
725. Одинокó снжу в горах Цзинтиншань	327
726. Цао Чжи. Гора Лянфу у Тайшани	328
727. Братьям Ин	328
728. Тао Цянь. Сосна	330
729. Бросаю пить	330

О. Г. САВВЧ

730. Беккер. «Что такое поэзия?» — Столько в глазах твоих...»	332
731. Гильен. Заклинание змей	332
732. Дарио. Раковина	333
733. Осенью	334
734. Мистраль. Качая колыбель	334
735. Из мексиканских народных песен. Николас	335

И. Г. ЭРЕНБУРГ

736. Вийон. Баллада поэтического состязания в Блуа	336
737. Баллада примет	337
738. Дю Белле. «Счастлив, кто, уподобясь Одиссею...»	338

В. А. ЛУГОВСКОЙ

739. Бехер. О смысле поражения	339
740. Якшич. Сквозь полночь	339

Примечания	341
Словарь	442
Указатель авторов	457

МАСТЕРА РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА

Книга вторая

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1968, 468 стр. Тем. план вып. 1968 г., № 376

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комя*. Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 20/III 1968 г. Подписано в печать 19/XI 1968 г. Бумага 84 × 108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 14⁵/₈ (24,57). Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1625. Цена 95 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.